

Веснік

Брэсцкага ўніверсітэта

Галоўны рэдактар:
М.Э. Часноўскі

Намеснік галоўнага рэдактара:
У.В. Здановіч

Міжнародны савет:
Антон Мірановіч (Польшча)
Макр Пілкінгтан (Францыя)
Станіслаў Рудальф (Польшча)
Б.В. Саліхаў (Расія)

Рэдакцыйная калегія:
А.А. Гарбацкі
(адказны рэдактар)
В.Ф. Байнёў
А.М. Вабішчэвіч
Т.А. Гарупа
Т.І. Доўнар
Г.А. Зорын
У.Л. Ключня
У.У. Лосеў
А.В. Пятроўская
А.В. Чарнавалаў

Пасведчанне аб рэгістрацыі
ў Міністэрстве інфармацыі
Рэспублікі Беларусь
№ 1336 ад 28 красавіка 2010 г.

Адрас рэдакцыі:
224665, г. Брэст,
бульвар Касманаўтаў, 21
тэл.: 23-34-29
e-mail: vesnik@brsu.brest.by

Часопіс «Веснік Брэсцкага
ўніверсітэта» выдаецца
з снежня 1997 года

Серыя 2

**ГІСТОРЫЯ
ЭКАНОМІКА
ПРАВА**

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выходзіць два разы ў год

**Заснавальнік – Установа адукацыі
«Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна»**

№ 2 / 2013

У адпаведнасці з Загадам Старшыні Вышэйшай атэстацыйнай
камісіі Рэспублікі Беларусь № 21 ад 01.02.2012 г. часопіс
«Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 2. Гісторыя. Эканоміка. Права»
ўключаны ў Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь
для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў
па гістарычных, эканамічных і юрыдычных навуках

Vesnik

of Brest University

Editor-in-chief:
M.E. Chasnovski

Deputy Editor-in-chief:
V.V. Zdanovich

International Board:
Anton Miranovich (Poland)
Mark Pilkington (France)
Stanislav Rudolf (Poland)
B.V. Salikhov (Russia)

Editorial Board:
A.A. Garbatski
(managing editor)
V.F. Bajnyov
A.M. Vabishchevich
T.A. Garupa
T.I. Dovnar
G.A. Zorin
V.L. Klunia
V.V. Losev
A.V. Pyatrovskaya
A.V. Charnavalav

Registration Certificate
by Ministry of Information
of the Republic of Belarus
№ 1336 from April 28, 2010

Editorial Office:
224665, Brest,
Boulevard Cosmonauts, 21
tel.: 23-34-29
e-mail: vesnik@brsu.brest.by

Published since December 1997

Series 2

HISTORY

ECONOMICS

LAW

SCIENTIFIC-THEORETICAL JOURNAL

Issued two times a year

Founder – Educational institution
«Brest state university named after A.S. Pushkin»

№ 2 / 2013

According to the order of Chairman of Supreme Certification Commission of the Republic of Belarus № 21 from February 01, 2012, the journal «Vesnik of Brest University. Series 2. History. Economics. Law» was included to the List of scientific editions of the Republic of Belarus for publication of the results of scientific research in historical, economic and law sciences

ЗМЕСТ

ГІСТОРЫЯ

Стрелец М.В., Обуховская О.А. Еврейская типография в контексте реалий нового времени на примере типографии в Зульцбахе (Оберпфальц) (часть II).....	5
Бураков В.Н. Строительство жилья в БССР в 1920-е гг.	12
Кривуть В.И. Участие силовых структур II РП в реализации концепции «государственного воспитания»	18
Павлов В.П. Уроженцы Брестской области в движении сопротивления Польши	25
Уваров И.Ю. Отношение шляхты Великого Княжества Литовского к новой государственной политике верховной власти в 60-х гг. XVI столетия.....	36
Юрис С.А., Нарижная Е.П. Динамика развития городского самоуправления на белорусских землях в период ВКЛ и Речи Посполитой.....	43
Гавриловец Л.В. Позиция польского руководства по вопросам переселения немцев из Польши и приема этнических поляков из БССР в 1955–1959 гг.....	53
Карпович О.В. Восстание 1863 г. в Пружанском уезде	63
Лаўрэнка Л.В. Рамеснае навучанне і яго арганізацыя на заходнебеларускіх землях у 20–30-я гг. XX ст.	73
Малиновская Э.Л. Формирование интеллигенции в условиях пролетаризации вузов в 20-е гг. XX в. ...	85

ЭКАНОМІКА

Багдасарян А.М. Проблемы развития рынка ценных бумаг в странах Восточной Европы и Центральной Азии	92
Зайцева Н.И., Шония И.И. Эффективные технологии в области кадровых решений	101
Захарченко Л.А., Медведева Г.Б. Перспективы использования государственно-частного партнерства в развитии туризма Брестской области.....	109
Козинец М.Т., Власюк Ю.А. Перспективы вовлечения субъектов Республики Беларусь в национальные и трансграничные слияния и поглощения	116
Касперович Ю.А. Сравнительная оценка инновационного потенциала областей Беларуси	123

ПРАВА

Тараборин Р.С. Систематизация гражданского законодательства Российской империи XVIII–XIX вв. в трудах С.В. Пахмана и Г.Ф. Шершеневича	133
Ангельскі У.М. Развіццё інстытута натарыята ў законе БССР «Аб дзяржаўным натарыяце» ад 30 красавіка 1974 года.....	138
Зданович Е.В. Проблемы правового определения понятия «обеспечение экологической безопасности территорий, подвергшихся загрязнению в результате техногенного воздействия»	144
Станчик Е.С. Разграничение экологических преступлений и смежных административных правонарушений.....	152
Шаркова Е.А. К вопросу о факторах криминализации личности несовершеннолетнего преступника ...	159
Соловей Е.В. Использование обмана и провокации при допросе: взгляды теоретиков и практические рекомендации.....	167
Василенко Н.Д. Методологические основы исследования специальных хозяйственно-правовых режимов технопарков и технополисов в контексте изменения современной парадигмы инновационного развития в Украине	173
Шалаева Т.З. Информационные ресурсы: содержательный контент – основа видовой классификации..	182

НАВУКОВАЕ ЖЫЦЦЁ: РЭЦЭНЗІІ, АНАТАЦЫІ, ВОДГУКІ

Вабішчэвіч А. Даследаванне па гісторыі Тураўска-Пінскай епархіі	191
Звесткі аб аўтарах	195

INDEX

HISTORY

Strelets M.W., Obuchovskaya O.A. Jewish Printing Office in the Context of Realities of Modern Times on the Example of Printing Office in Zultsbahe (Oberpfalts) (part II).....	5
Burakou V. House Construction in the BSSR in the 1920-s.....	12
Krivuts V. Participation of Uniformed Services II RP in Implementing the Concept of «State Education»	18
Pavlov V.P. The Natives of the Brest Region in the Resistance Movement of Poland	25
Uvarov I.U. The Relationship of the Gentry of the Grand Duchy of Lithuania to the New State Policy of the Supreme Authority in the 60s of XVI Century	36
Uris S.A., Narizhnaya A.P. Dynamics of Urban Self-government on the Belarusian Lands in the Period of GPL and Rzechpospolita	43
Gavrilovez L. Position of the Polish Management Concerning Resettlement of Germans from Poland and Reception of Ethnic Poles from the Belarus Soviet Socialist Republic in 1955–1959	53
Karpovich O.V. Revolt of 1863 in Pruzhansky District	63
Lavreenko L.V. The Education of Craftmen and its Organization in Western Belarus in the 1920–1930-s.....	73
Malinowska E.L. Formation of the Intelligentsia in Proletarianization Belorussian University in the 20-s of the Twentieth Century	85

ECONOMICS

Baghdasaryan A.M. Problems of Development of the Securities Market in the Countries of Eastern Europe and Central Asia.....	92
Zaitsava N.I., Shonia I.I. Effective Technologies in the Field of Personal Decisions	101
Zakharchenko L.A., Medvedeva G.B. Prospects for the Use of Public-private Partnership in the Development of Fourism in the Brest Region.....	109
Kazinets M., Ulasiuk Y. Prospective of Involvement of the Subject of the Republic of Belarus into National and Trans-border Mergers and Acquisitions	116
Kasperovich Y.A. Comparative an Assessment of Innovation Potential Regions of Belarus	123

LAW

Taraborin R.S. Systematization of Civil Legislation of the Russian Empire in XVIII-XIX c. in the Works of S.V. Pakhman and G.Ph. Shershenevitch	133
Anhelski U.M. Development of Institute of Notary in Law of BSSR «About State Notary» dated from April 30, 1974.....	138
Zdanovich E.V. Problems of Legal Definition «Software Environmental Security Areas Exposed Pollution Caused by Exposure».....	144
Stanchyk E.S. Differentiation of Environmental Crimes and Related Administrative Offences.....	152
Sharkova E.A. Towards the Factors of Criminalization of the Personality of Juvenile Offender	159
Solovei E.V. The Use of Artifice and Provocation during the Interrogation: Theorists' Views and Practical Recommendation	167
Vasilenko N. Methodological Fundamentals for the Research of Special Economic Legal Regimes to Technoparks and Technopolises in the Context of Changes in the Modern Paradigm for Innovation Development in Ukraine	173
Shalaeva T.Z. Electronic information resources: Content Component – the Basis of Specific Classification ..	182

SCIENTIFIC LIFE: REVIEWS, ANNOTATIONS, COMMENTS

Vabishchevich A. Research on the History of Turov and Pinsk Eparchy	191
Information about the authors	195

УДК 327.0 (034)

М.В. Стрелец, О.А. Обуховская

ЕВРЕЙСКАЯ ТИПОГРАФИЯ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЙ НОВОГО ВРЕМЕНИ НА ПРИМЕРЕ ТИПОГРАФИИ В ЗУЛЬЦБАХЕ (ОБЕРПФАЛЬЦ) (часть II)

К вопросу о качественных параметрах продукции печатников из Зульцбаха

Три упомянутые наиболее крупные центры еврейского книгопечатания: Амстердам, Венеция и Прага – сделали себе имя благодаря не только высокому качеству содержания их печатных изданий и нового точно разработанного комментария к изданиям Библии и Талмуда, но и высочайшему типографическому качеству, которому пытались подражать другие скромные типографии и которое сегодня считается самым высоким достижением. Согласование содержания и формы может быть достигнуто только у того издательства, которое располагает достаточными средствами. В еврейском книгопечатании мало было тех, кто сумел это обеспечить в течение продолжительного времени. Большинство еврейских печатников работали на низком уровне, как это было в случае с Зульцбахом. Четыре примера из расцвета печати Зульцбаха наглядно объясняют эту ситуацию.

1. «Zwi Hirsch ben Aharon Schmu'el Kaidanower: Sefer ha-Jaschar» (древнеевр. степень (предел) и линия откровенности), Зульцбах : Зэкель Арнштайн, 1799 г., 108 стр.

После четырех изданий во Франкфурте-на-Майне, последующих двадцати восьми изданий (среди которых три напечатанных у других печатников из Зульцбаха) в 1799 г. в Зульцбахе выходит в свет двадцать девятое издание книга Зэкеля (Исаака) бен Аарона Арнштайна [11]. Тема этого сочинения – мучительное положение евреев после падения шаббатского мессианизма и самые ранние преследования евреев в Восточной и Западной Европе, прежде всего ужасные погромы в Польше и на Украине (1648–1649 гг.). Красочно описываются мучения грешных душ в аду. Книга, как и другие книги этого жанра, разделена по еврейским неделям. Последняя глава посвящается освобождению и расцвету народа Израиля в конце дня. Использование в заглавии имени является типичным для древнееврейских названий книг и скрывает множество намеков (рисунок 1) [12].

С одной стороны, это намек на число глав книги – 102, которое соответствует древнееврейским буквам kof bet, с другой – это означает меру. Если поменять последнюю букву bet на waw, не меняя звучания состоявшего из двух букв слова, получается новое значение: «линия, которая усиливает значение восхваленной сдержанности». Это слово «мера» похоже на следующее древнееврейское слово haJaschar (прямодушный, честный, добросовестный), т.к. также и здесь четыре сложенные буквы дают значение 102. Древнееврейское имя автора Zwi (нем. олень). Три буквы имени zadeh bet jood снова дают 102. Слово haJaschar можно заново собрать анаграфически как олень. Рассматривая так, получается удачное название (заголовок), многозначность которого дает знатоку древнееврейского языка и письменности приятную возможность наслаждаться размышлениями. Эти толкования имели также большое значение для последователей Цви более поздних поколений и считались отличительными признаками для посвященных. Хотя эта книга тем самым была заклеимлена позором, ее печатали дальше и она нашла распространение в широких читательских кругах.

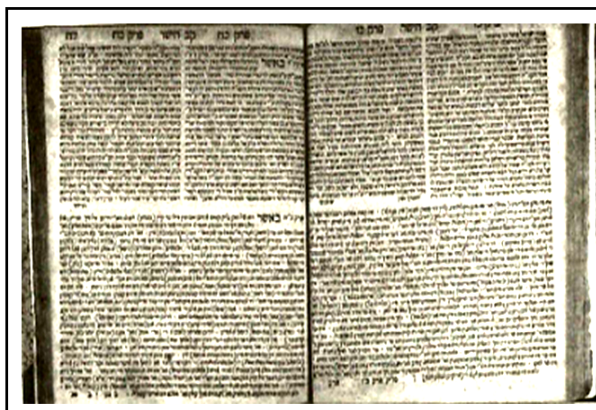
Под заглавной строкой появляется рифмованный хвалебный текст о книге с короткими биографическими и библиографическими данными об авторе, его других произведениях и должностях, а также более ранние издания книги. Виньетки составлены из маленьких печатей; даже во время расцвета книгопечатания она обладала скромным арсеналом типографического материала, как например, украшающими линиями.

Рисунок 1 – Титульный лист «des Sefer Kaw ha Jaschar»
(Зульцбах : Зэкель Арнштайн, 1799 г.)

Параллельно со значением и содержанием каждый читатель замечает типографское оформление книги. Часто книгу печатали на двух языках: на древнееврейском научном языке и на идиш (современном еврейском языке). Тем самым можно было привлечь широкий круг читателей: тех, кто хорошо владел древнееврейским научным языком (как правило, это были мужчины, которые посвятили свою жизнь учебе), а также тех членов семьи (женщин, маленьких детей или просто людей), которые не посещали школу Талмуда и читали на идиш. В нашем случае оба языка являются иерархическими: древнееврейский вверху, распределен на две колонки и набран на сефардском языке квадратным шрифтом, и идиш, размещенный внизу, в особой форме вайбертайч, разновидности шрифта Раши (рисунок 2) [13]. Это специальные полукурсивные буквы идиш, при помощи которых до конца XIX в. набирали и печатали тексты на идиш.

Страницы набраны отлично. Наборщик умел точно распределить на каждой странице текст на древнееврейском языке и перевод на идиш (библейские цитаты на языке оригинала взяты в кавычки). Поля книги особенно узкие. Текст нужно читать очень внимательно, так как абзацев нет и текст фактически занимает всю площадь страницы. Только крошечные точки определяют границы между предложениями. Титульный лист (в некоторых книгах тогда единственная возможность высказаться топографически и не только в форме букв) в данном случае очень короткий и крайне скромный.

Основной текст на древнееврейском ученом языке со вставками на арамейском языке. Между ними вставлен перевод на идиш. Несмотря на то, что использованы два различных отрывка текста, очень узкие поля и коричневая бумага, страница кажется однородной, и она хорошо читаема.

Рисунок 2 – Лист из книги «Sefer Kaw ha Jaschar»

По сравнению с другими изданиями этой книги быстро выяснилось, что речь идет об очень компактном издании, выпущенном с малыми затратами.

2. «Sefer' ha Magid mi Newi' im Rischonim» (древнеевр. книга проповедника о первых пророках), Зульцбах : Мэшуллам Залман бен Аарон Фрэнкель, 1737 г., 242 стр.

Книги Иешивы и королей переложены на древнееврейский язык с вокальными знаками, а также комментарием Раши. На внутренних полях появляется упоминание библейской версии в Талмуде: этот алфавитный указатель называется генеалогия Аарона. В нижней половине страницы находится перевод на еврейский язык. Можно увидеть использование сефардских квадратных букв, букв Раши и вайбертайча, или идишистских литер. Нижняя страница проходит по всей ширине формата набора с пробелами между каждым четверостишьем (рисунок 3). На первой правой странице напечатаны 4 хаскамот, разрешения на печатание, так называемые апробации раввинов из Зульцбаха, Айзенштадта, Ансбаха, Шнайтаха. Согласие на такое расположение должно было в течение 12 лет в качестве льготы обеспечить то, чтобы ни один конкурент не взял на себя смелость заново напечатать книгу [14].

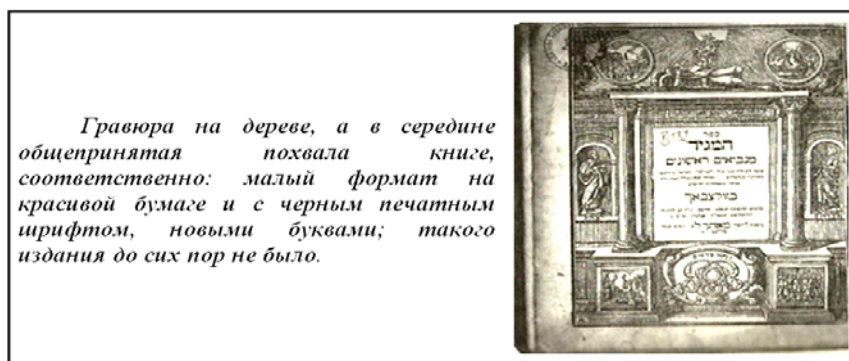

Рисунок 3 – Титульный лист книги «Sefer ha-Magid mi Newi'im Rischonim» (Зульцбах : Мэшуллам Залман бен Аарон Фрэнкель, 1737 г.)

На титульной странице этой малоформатной книги можно увидеть одну из самых известнейших гравюр на дереве древней венской династии печатников Фрэнкель (рисунок 4) [15]. Наборщик книги Мэшуллам Залман Фрэнкель, сын основателя Аарона бен Ури Липмана Фрэнкеля. Имя Залмана Мадписа (древнеевр. печатник) находится в картуше в середине нижней части. Можно увидеть обвитые буквы З и А – инициалы сына Абрахама Залмана. Гравюра на дереве изображает центральные сцены из жизни патриархов, такие как сон Якова, дар Торы на горе Синай, а также образы Авраама и Исаака, справа и слева от главных колонн. Гравюра на дереве уже изношена, но все же ее продолжали использовать, пока на ней что-либо можно было различить, например, ее последнее использование при печати изданий 1793–1794 гг.

Рисунок 4 – Лист книги «Sefer ha-Magid mi Newi'im Rischonim»

При типографическом перемещении можно увидеть высокую степень мастерства наборщиков. Особенно наглядно это мастерство проявляется на стороне апробации, на которой размещены тесно друг к другу на одной стороне четыре различных одобрения (согласия). Несмотря на различную ширину полос и мелкий шрифт, страница хорошо читается. На страницах текста, на которых встречается множество отрывков, стилей и размеров почерка, можно хорошо ориентироваться и находить взаимосвязи между частями текста. Поля страниц здесь шире, чем в первом примере.

Менее читаемыми являются очень потертые буквы и довольно желтая бумага, которая привела к быстрому зачитыванию изданий. Но все же они были напечатаны большими тиражами, чтобы сохранить низкие цены. Большинство экземпляров этих массовых изданий дошло и до наших дней.

3. [Ja'akov ben Jizchak mijanow:] Chamischah chumschei torah [...] ze'eina u're'eina benot Zion [...] (древнеевр. [Сын Исаак Яков из Янов:] 5 книг Моисея [...] выходит и видит, дочери Сиона [...]), Зульцбах : Партнеры Аарона и его сына Зэкеля, 1796 г., 266 стр. С гравюрами на дереве.

Здесь речь идет об одной наиболее распространенной из книг на еврейском языке конца XVI столетия. Раввин Яков бен Ицхак ми Янов был странствующим проповедником, который излагал библейские события на еврейском языке. Его объединенные проповеди снабжены еврейскими постбиблейскими текстами, такими как легенды, агиографии и интерпретации раввина Бехайя бен Ашера. Ни философские, ни каббалистические мысли не имеют места в этой книге. Сначала этот сборник рассказов вышел без иллюстраций, затем в 1692 г. в Зульцбахе его оформили гравюрами на дереве и он напечатан в формате 1/2 листа. Также в этом издании появляются гравюры на дереве из христианских источников.

Наш пример представляет собой довольно зачитанный экземпляр, который сохранился во времени (рисунок 5). Это свидетельствует о том, как часто и охотно читали эти тексты. Владелец «из Рюдесхайма вблизи от Хайдельберга» написал на древнееврейском 3 февраля 1807 г. в ашкеназийской стенографии свои извинения за то, что он поместил свое имя на странице, так как книга была, по-видимому, ему очень дорога и он не хотел ее терять [16].

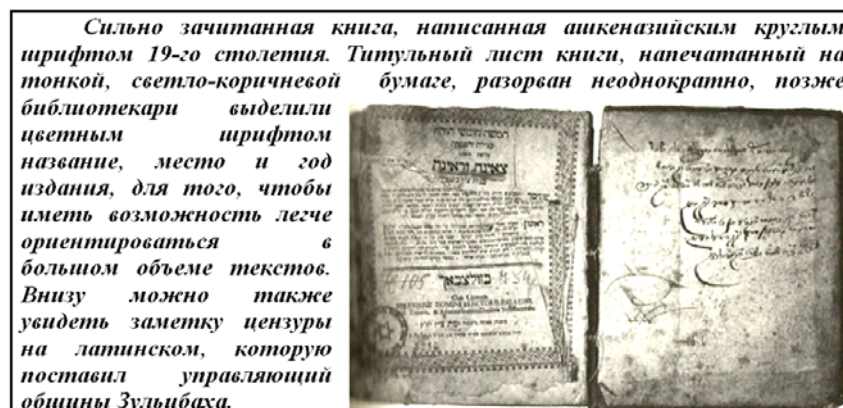
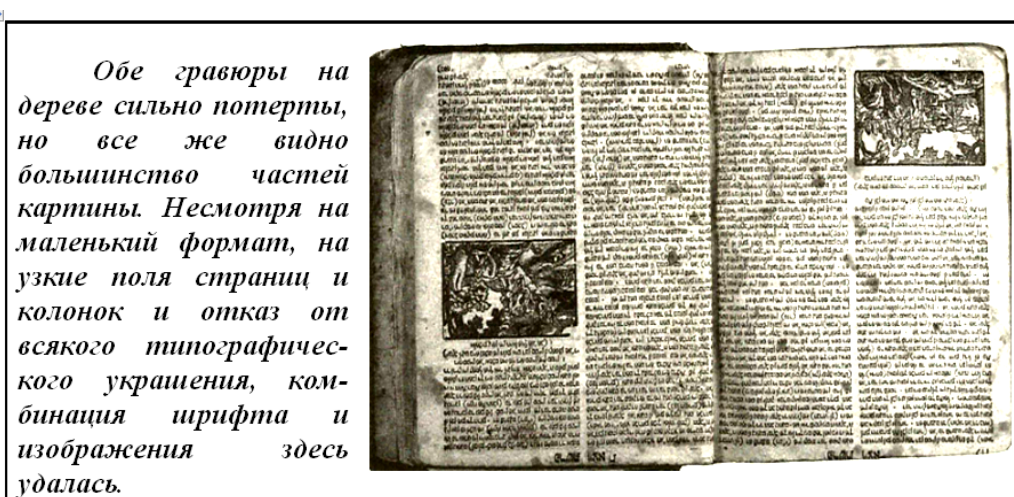

Рисунок 5 – Титульный лист книги «Chamischah chumischei torah» с записью владельца на внутренней стороне обложки

Текст снова представляет собой компактную картинку без абзацев или типографических изменений шрифта: шрифт текста и легенды в картинках находятся в непосредственной близости друг к другу без пробелов (рисунок 6). Поля страниц очень узкие. И использованные буквы на идиш, напротив, являются заново отлитыми, и поэтому мы видим напечатанный шрифт, который дает читателю легкий и ясный образ [17].

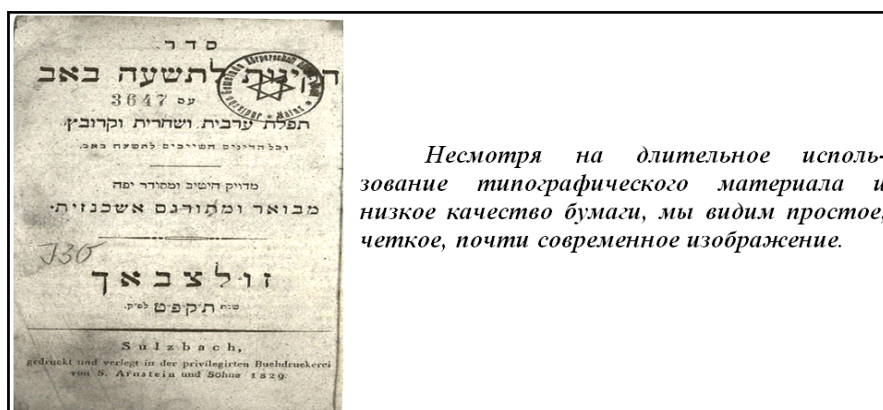
Обе гравюры на дереве сильно потерты, но все же видно большинство частей картины. Несмотря на маленький формат, на узкие поля страниц и колонок и отказ от всякого типографического украшения, комбинация шрифта и изображения здесь удалась.

Рисунок 6 – Лист из книги «Chamischahchumischei torah»

4. «Seder ha Kinot le Tisch' ah be' Aw» (древнеевр. очередность жалобных молитв на постный день девятого ава), Зульцбах : С. Арнштайн и сыновья, 1829 г., 180 стр.

Молитвенник на постный день девятого ава, с дополнительными вечерней и утренней молитвами и литургическим, поэтическим произведением по этому случаю, снабжен кратким комментарием с переводом на древнееврейский и идиш.

С возникновением книгопечатания появлялись определенные молитвенники по каждому религиозному поводу. Так, например, к этому постному дню, который должен был напоминать о разрушении обоих Иерусалимских храмов, вышел специальный молитвенник, по которому каждая община молилась по своей собственной литургии. Простота книжечки контрастирует с другими более ранними изданиями этой типографии. Она является своего рода профессиональным изданием: формат набора уже не имеет полей и выглядит почти современным.

Несмотря на длительное использование типографического материала и низкое качество бумаги, мы видим простое, четкое, почти современное изображение.

Рисунок 7 – Титульный лист книги «Seder ha-Kinot le Tisch'ah be'Aw.» (Зульцбах :С. Арнштайн и сыновья, 1829 г.)

Следующее, что бросается в глаза, – это информация на немецком языке на титульном листе, что соответствует духу времени (рисунок 7) [18]. Менее чем через два десятилетия данная типография вынуждена была прекратить свою работу. Оформление страниц, несмотря на узкие поля, оптимально: большой, четкий текст молитвы для того, чтобы постящийся человек хорошо мог ориентироваться; между текстом короткие объяснения довольно сложного языка литургии молитвы постного дня (рисунок 8) [19]. Под чертой следует перевод на еврейский язык. Хотя на странице используют пять раз-

личных типов шрифта, общая картина текста спокойная и привлекательная. Как и почти во всех случаях, слабыми местами печатного текста являются узкие поля и низкого качества бумага.

Так как качество печати и материала еврейских титульных листов из Зульцбаха зачастую было посредственным, эти издания, несмотря на большие тиражи, редко можно найти сегодня в библиотеках. Именно книги, предназначенные для повседневного использования (молитвенники, календари или составленная на еврейском языке религиозная литература) меньше всего доступны.

Рисунок 8 – Лист из книги «Seder ha-Kinot le Tisch'ah be'Aw.»

В других центрах еврейского книгопечатания, таких как Амстердам и Венеция, дополнительно к признакам, касающимся содержания, добавляются формальные признаки, так что без затруднения можно сказать, была ли напечатана та или иная книга в Венеции. В заключение можно сказать, что печатники Зульцбаха не задумывались над внешним оформлением. Не был создан собственный зульцбахский стиль. Книги печатались очень профессионально и с определенной целью, но при этом различные типографические компоненты им не всегда соответствовали. Чем ближе мы приближаемся к концу эры печатников из Зульцбаха, тем скромнее печатные издания, что, пожалуй, можно объяснить влиянием редельхаймерских печатных изданий, постоянно приобретающих любовь благодаря своей скромности и точности.

Другой штрих – это быстрое исчезновение ашкеназийских типографий Зульцбаха. Если этими типичными буквами чаще всего пользовалась Прага, то, как только печатники приезжали из Праги в Зульцбах, они меняли их на господствующий в Амстердаме стиль – на сефардские буквы, используя охотнее амстердамские квадратные буквы, которые за короткое время нашли применение по всей Европе. Единственным исключением из ашкеназийского стиля стали буквы на идише, которые везде использовались для печатных изданий на идише вплоть до конца XIX столетия.

Тем самым Зульцбах стал первым значимым местом книгопечатания, в котором пытались освободиться от крупных типографий. Зульцбах воодушевил другие (и даже более мелкие типографии, расположенные на востоке европейского континента) внедрить новое оформление. В отличие от известных типографий из Амстердама, Праги, Венеции в Зульцбахе появился новый вид типографий, который оставался свободным от местного колорита издания и к тому же он был общедоступным, что обеспечило ему долгую и богатую издательскую жизнь.

Заклучение

Таким образом, типография в Зульцбахе солидно профилировала в реалиях нового времени, убедительно обозначала свою причастность к культурным процессам, отнесшимся к германскому еврейству. Свобода от местного колорита и общедоступность изданий дали возможность этой типографии существовать на протяжении без малого двух веков. Опыт её функционирования не может не заинтересовать историков, культурологов, лингвистов, литературоведов, религиоведов. Научная ценность статьи заключается в следующем:

1. Авторам удалось проиллюстрировать на примере типографии в Зульцбахе общее и особенное в развитии еврейских типографий в новое время.
2. Собраны воедино упоминания о еврейской типографии в Зульцбахе в специальной и мемуарной литературе. В статье чётко прослежены соответствующие упоминания в работах Вайнберга, Фраймана, Приса, Бялика.
3. В работе выявлены ключевые детерминанты функционирования типографии, наиболее значимые вехи её истории.
4. Глубоко исследован вопрос о качественных параметрах продукции печатников из Зульцбаха.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Magnus Weinberg: Die hebräischen Druckereien in Sulzbach, Frankfurt a. M. 1904, S. 19.
2. Titelseite des Sefer Kaw ha Jaschar : Säkel Arnstein, 1799.
3. Doppelseite aus dem Buch Sefer Kaw ha Jaschar : Säkel Arnstein, 1799.
4. Titelseite des Buches Sefer Kaw ha Jaschar : Säkel Arnstein, 1799.
5. Eine Doppelseite des Buches Sefer Kaw ha Jaschar. Sulzbach : Meschulam Salman ben Aharon Fränkel, 1737.
6. Titelseite des Buches Chamischah chumischei. Sulzbach : Meschulam Salman ben Aharon Fränkel, 1737.
7. Eine Doppelseite aus dem Buch Chamischahchumischei torah. Sulzbach : Meschulam Salman ben Aharon Fränkel, 1737.
8. Titelseite des Buches Seder ha-Kinot le Tisch'ah be'Aw. Sulzbach : Meschulam Salman ben Aharon Fränkel, 1829.
9. Eine Doppelseite aus dem Buch Seder ha-Kinot le Tisch'ah be'Aw. Sulzbach : Meschulam Salman ben Aharon Fränkel, 1829.

Strelets M.W., Obuchovskaya O.A. Jewish Printing Office in the Context of Realities of Modern Times on the Example of Printing Office in Zultsbahe (Oberpfalts) (part 2)

In the Belorussian historical science there has been no specialist works devoted to the Hebrew printers, though the latter are known to add highly specific features to Jewish history. It is the intention of the authors of this article to partially fill this gap by turning to the history of a Hebrew printing press in Medieval Sulzbach. In spite of being small in size and lacking high-quality standards, it gained fame and popularity by having printed numerous works of secular and religious literature, contributing thus to the development of typography in Germany. Thanks to its ease of accessibility to the general public and freedom of prints from any local colouring, the printery was in operation for about two centuries. The very fact of its existence is likely to attract the attention of those who are keen on the Jewish history, religion, culture, and/or Hebrew language, while providing them without fail with valuable pieces of information relevant to their respective fields of research or interest. The authors sincerely hope that the information provided in the article will also contribute to the already collected data bank on the Hebrew typography in question.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 18.02.2013

УДК 94 (476)

В.Н. Бураков**СТРОИТЕЛЬСТВО ЖИЛЬЯ В БССР В 1920-е гг.**

В статье проведен анализ жилищного строительства в БССР в 1920-е гг. Дана характеристика жилищного фонда Советской Беларуси к началу 1920-х гг. Определены особенности возведения домов разными категориями застройщиков: местными Советами, кооперативными товариществами и частными лицами. Выделены новые явления в законодательстве по застройке селитебной части города: архитектурные требования к возведению домов, разработка типовых проектов жилых зданий. Представлена динамика и результаты развития жилищного фонда в период нэпа.

Введение

Развитие индустриального сектора в 1920-е гг. обусловило увеличение городского населения. В 1927 г. в городах республики проживало более 830 тыс. человек (в 1923 г. – 727 тыс.). Наиболее крупными городами республики были Минск, Гомель и Витебск, в которых проживало от 90 до 119 тыс. человек. Остальные города (за исключением Могилева и Бобруйска) населяли менее 20 тыс. человек. В начале 1930 г. в городах БССР проживало 924 тыс. человек [1, с. 78]. Высокие темпы роста городского населения стали причиной обострения жилищного кризиса к концу 20-х гг. XX в. Необходимость решения этой проблемы требовала от правительства принятия неотложных мер. Прежде всего, это расширение жилищного фонда, т.е. новое строительство.

В первые годы существования Советской Беларуси из-за дефицита финансов строительство практически не велось. Перед правительством стояла задача восстановления разрушенного городского хозяйства. Обобщающих данных о строительстве до 1921 г. практически нет. В индивидуальном секторе велось самовольное возведение домов. Тем не менее с первых лет советской власти формируется система нормативно-правового и архитектурного регулирования жилищного строительства. Постепенно область управления строительством сконцентрировалась в народных комиссариатах труда и внутренних дел.

В 20-е гг. XX в. проходил процесс активного поиска оптимальных форм планирования селитебных участков города, форм застройки, типов жилых домов и норм строительства, которые отвечали бы индустриальному статусу города. Так, еще в июле 1924 г. Управлением коммунального хозяйства НКВД был подготовлен проект строительного устава для городов и местечек, закреплявшего основные требования, рекомендации и правила при возведении жилых, общественных и производственных зданий. С 1927 г. ежегодно издавались «Единые нормы», которые определяли основные стандарты строительства. Для населенных пунктов рекомендовалась прямоугольная (шахматная) или лучевая (паутинная) застройка. Оптимальным считалось расположение жилых кварталов с подветренной стороны по отношению к господствующим ветрам, а также отделение жилой части от фабрично-заводских районов зелеными насаждениями.

Во второй половине 1920-х гг. происходило оформление системы городской застройки и структуры города, созданы программы градостроительства. В 1928/29 гг. были разработаны схемы планировки Минска, Витебска, Гомеля, Бобруйска и Орши. В начале 1930-х гг. определены планы генеральной застройки других городов БССР.

Что касается этажности жилых зданий, то до второй половины 1920-х гг. наиболее приемлемым признавался малоэтажный тип застройки. Строения высотой в один-два этажа считались характерными для «спальных районов», а трех-четырёхэтажные строения с размещением в первых этажах торговых и сервисных объектов – для адми-

нистративной части города. Возведение домов в 5 и более этажей считалось затратным, удорожающим застройку. При строительстве домов рекомендовалось возведение в каждом жилом строении помещений для кухни, уборных, хозяйственных (кладовых).

Период 1923–1925 гг. явился началом нового этапа строительства жилых домов всеми видами застройщиков. В эти годы происходило включение в процесс восстановления государственного сектора жилищно-арендной кооперации, совершенствовалось законодательство об ответственности граждан за сохранность жилищ, формировались источники финансирования строительства жилья. Строительство велось по трем основным направлениям: государственное (местными Советами), частное (возведение индивидуальных домов) и кооперативное.

Основная деятельность местных Советов в жилищном строительстве была направлена на ремонт и восстановление имеющегося фонда. Удельный вес нового строительства до 1925 г. оставался незначительным. Это было связано главным образом с дефицитом средств и необходимостью предотвращения дальнейшего разрушения уже имеющегося фонда. В 1923 г. 95% муниципализированных домов требовали проведения ремонтных работ [2, с. 36]. С 1925 г. в процесс ремонта и восстановления государственного фонда активно включились жилищно-арендные кооперативные товарищества. Это позволило восстановить коммунальные дома к концу 1920-х гг. В конце 1924 г. в проведении ремонта нуждалось 70% домов [3, с. 51], по данным на 1 октября 1925 г. – 46%, а на 1 января 1927 г. – 10–15%.

Отремонтированные и восстановленные дома заселялись рабочими и служащими. С целью размещения большего количества граждан проводилась перепланировка помещений, устанавливались перегородки, что приводило к частичному обобществлению быта, возникновению так называемых «бытовых коммун». Это особенно проявилось в конце 1920-х гг. В данный период дома коммунального типа были организованы в Гомеле, Могилеве, Минске.

Жилищная кооперация внесла значимый вклад в дело строительства и восстановления домов. Она развивала свою деятельность по возведению домов и поселков по типу английского города-сада. Уже в 1925 г. кооперативными товариществами было построено 68 домов общей жилой площадью 6 558 м², в 1926 г. – 130 домов площадью 12 406 м², в 1927 г. – 179 домов площадью 18 225 м², в 1928 г. – 98 домов общей жилой площадью 11 580 м² [4, с. 126, таблица 56]. С 1925 г. до 1929 г. в рамках рабочего жилищно-строительного кооперативного товарищества (РЖСКТ) было построено 1 924 квартир [5, с. 3].

Архитектура жилищного строительства РЖСКТ была однообразной и упрощенной. Дома строились преимущественно рядом с предприятиями. Возводились строения сельского типа на несколько квартир. Например, в 1925 г. строили преимущественно дома на 2 квартиры, их удельный вес составил 75%, удельный вес 3-квартирных домов равнялся 4%, 4-квартирных – 14% и 6-квартирных – 7%. Возводимые дома были в основном без удобств. Для жилищно-строительной кооперации было характерным возведение деревянных домов. Переход к каменному строительству начался с 1927–1928 гг.

В качестве примера кооперативного строительства может служить возведение рабочего поселка РЖСКТ «Коминтерн» города Минска в 1927 г., который был расположен в районе «Ляховки». Дома поселка были однообразными, одинакового размера и формы. Каждый дом был рассчитан на 2 квартиры и занимал площадь в 2 821 м². В данную площадь входил огород 1 365 м² и двор площадью в 1 138 м². Общая жилая площадь квартиры составляла 44 м²: 22 м² – гостиная, по 11 м² – спальная и столовая. Полезная площадь была представлена коридором в 8,6 м², и кухней площадью 8,2 м². Каждая квартира имела погреб и отдельный вход. Стоимость такого дома из двух квартир составляла 9 тыс. рублей [6, с. 51–53].

Началом нового этапа жилищного строительства местными Советами и кооперативами являлся 1927 г. На VIII Всебелорусском съезде Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, состоявшемся в апреле, были определены основные направления возведения зданий: разработка типовых проектов жилых домов, удешевление, стандартизация и механизация работ. В этом же году правительством БССР было принято постановление о переходе на каменное строительство. В 1927/28 гг. его удельный вес должен был составить 11%, в 1928/29 гг. – 16%. Переход к возведению каменных домов был осуществлен уже в 1927 г. в Гомеле, Витебске, Бобруйске и Минске. Например, в столице началось возведение домов в 2-3 этажа с квартирами из двух-трех жилых комнат, коридора, кухни, туалета и ванной.

Приоритетной задачей жилищной политики в 1927 г. стало строительство крупных домов. Принцип возведения двухквартирных жилых зданий был признан нерациональным. В 1927 г. количество строящихся домов, состоящих из 4 квартир, составило 14,3%, а 71,4% строений имели до 42 квартир [7, с. 43]. Возведение многоквартирных домов также решало задачу удешевления строительства. В частности, стоимость одного квадратного метра жилой площади в 3-комнатной квартире была на 10%, а в 4-комнатной квартире – на 15% дешевле квадратного метра 2-комнатной квартиры.

Следующим направлением модернизации жилищного строительства была стандартизация зданий. Она включала 2 основных пункта: 1) разработка наиболее дешевых типов жилищ, отвечающих санитарно-гигиеническим и архитектурно-техническим требованиям и 2) разработка стандартов узловых частей жилого строения (окон, дверей, печей). Стояла задача создать типовые проекты домов, которые отвечали бы требованиям экономичности, качества, удобства и имели бы большую жилую площадь.

До второй половины 1920-х гг. в жилищной архитектуре БССР отсутствовали типовые проекты домов. Активная роль в их разработке принадлежала жилищно-строительной кооперации. В середине 1920-х гг. Белжилсоюз проводил разработку проектов домов в 2–3 квартиры общей площадью каждой в 55 кв.м., с сенями, бетонированным погребом и кладовыми, голландскими или русскими печами, а также стандартными дверями и окнами.

В 1927 г. под руководством инженера В. Дрозда были разработаны первые пять проектов жилых домов [8, с. 22]. Строения, предложенные в качестве типовых, являлись деревянными, одноэтажными зданиями, рассчитанными на 1–4 квартиры. Каждая квартира состояла из нескольких жилых комнат, кухни, сеней, имела отдельный вход. Средняя площадь квартир составляла 45 м², внутренняя высота помещений – 3,2 метра. Типовые дома на 1–2 квартиры получили широкое распространение как в кооперативно-м так и в индивидуальном строительстве. Группой специалистов Белжилсоюза под руководством Г. Кулькина были разработаны проекты каменных двухэтажных домов на 8 и 12 квартир и трехэтажных строений на 12, 18 и 24 квартиры. В каждом жилом помещении были предусмотрены элементы благоустройства: санузел во всех квартирах, душ и ванная на две квартиры. Проектирование проводилось и местными силами. Так, в Гомеле большое влияние на жилищную архитектуру оказал инженер С. Шабуневский [9, с. 10, 14].

Расходы на строительство обобщественного сектора постоянно росли. Если цена квадратного метра жилой площади в 1924 г. составила 90 рублей, то в 1925 г. – 100 рублей, а в 1926 г. – 120 рублей и в 1927 г. – 130 рублей. Поэтому большое значение в жилищном строительстве 1920-х гг. придавалось мерам по удешевлению стоимости возведения домов. На X съезде КП(б)Б в январе 1927 г. было обращено внимание на необходимость снижения затрат при строительстве и перехода к режиму экономии. Правительством была поставлена задача уже в 1930 г. снизить цену жилой площади до 100 рублей за квадратный метр.

Белжилсоюзом и Управлением коммунального хозяйства были определены те элементы строительных технологий, которые можно было удешевить. Например, капитальные стены некоторых домов возводились с излишним запасом прочности. Предлагалось заменить дорогие конструктивные узлы на более дешевые, ограничить покрытие крыш железом, уменьшить толщину стен и глубину фундамента. Изменяется ранее принятая внутренняя высота помещений 3–3,5 метра. В конце 1920-х годов за норму высоты помещения принимается 2,8 метра. Это способствовало удешевлению строительства, так как уменьшение высоты помещения на 10 сантиметров давало снижение стоимости на 1–1,2%, на 50 см – на 5–6%.

Также снижению стоимости способствовал отказ от «излишеств» в строительстве: устройства подвалов, оштукатуривания фасадов. Возведение домов с надворными удобствами и печным отоплением было наиболее приемлемым выходом в условиях дефицита средств. Только в 1928 г. стоимость строительного производства была снижена на 10,5% [8, с. 33]. Наряду с указанными тенденциями в строительстве разрабатывались меры по уменьшению доли полезной нежилой площади, на которую в среднем приходилось около 25% общей площади квартиры.

В конце 1920-х гг. рабочие поселки возводились в основном по типовым проектам и имели системную застройку. Одним из первых поселков, созданных по этим правилам, был поселок «Красный Октябрь» в Гомеле. В 1928–1929 гг. возводятся рабочие поселки при стеклозаводе «Ильич» в Быхове, «Деревообделочник» в Мозыре, «Красный оршанец» в Орше и в других населенных пунктах. Для них были характерными стандартизация, применение новых технологий и результатов опытного строительства [9, с. 18]. В некоторых рабочих поселках для быстрого получения жилплощади строились одноэтажные здания коридорного типа – бараки.

С расширением государственного строительства в 1928–1929 гг. началась разработка проектов домов коммунального типа, в которых предусматривалось обустройство общих кухонь, санитарно-гигиенических узлов, прачечных. Данные дома обладали возможностью распределения жилой площади для большего количества нуждающихся граждан. В начале первого пятилетнего плана развития народного хозяйства «дома-коммуны» были построены в Гомеле, Витебске, Бобруйске, Минске. Заселение граждан на малой площади не отвечало нормальным стандартам бытовых условий; оно было вынужденным и необходимым в период жилищного кризиса, обострение которого произошло уже во второй половине 1920-х гг. Это было одной из мер, принятых правительством по обеспечению городского населения жильем.

Одним из таких зданий был дом, построенный в 1927–1929 гг. в Витебске по проекту архитектора А. Вышелесского. Он был рассчитан на 300 человек, имел общие кухни, санузлы и душевые. Одиноким лицам предоставлялись комнаты на 4 человека площадью в 24 м², для малосемейных лиц – комнаты на 2–3 человека площадью 12 и 15 м² [8, с. 34].

Попытки осуществить строительство квартир «нового быта» предпринимались еще в первой половине 1920-х гг. Однако, не получив поддержки со стороны индивидуальных и кооперативных застройщиков, они потерпели неудачу. С укреплением государственного сектора со второй половины 1920-х гг. наблюдался процесс популяризации идеи создания домов-коммун и недопущения строительства в обобщественном секторе «кулацких домов». Идея обобществления быта преподносилась властью как новый этап развития советского общества. Обосновывалась идея о том, что квартиры, предназначенные для проживания одной семьи, индивидуально замыкают человека, противоречат принципам коллективизации, вовлечению масс в общественную жизнь.

Большая часть селитебной территории частновладельческого сектора крупных городов (Минск, Витебск, Гомель, Могилев) имела местечковый, скученный и «сти-

хийный» характер застройки. Она осуществлялась не симметрично, на свободном месте при сохранении старых домов. Поэтому улицы не были прямолинейными. Примерами застройки частного сектора в 1920–1930-е гг. могут служить районы «Комаровка» и «Ляховка» в Минске и «Залитейный» в Гомеле [8, с. 26].

Преобладало строительство домов, рассчитанных на одну семью. Практически все возводимые строения были деревянными, одноэтажными, состояли из 1–3 жилых комнат, кухни, холодных сеней и подсобных помещений. Дом возводился по индивидуальному проекту или вообще без проекта, без элементов благоустройства и удобств. В целом велось строительство небольших по размеру домов.

С 1923 г. по 1929 г. всеми видами застройщиков было построено 881,3 тыс. м² жилой площади, из которых 18,2% составил государственный сектор, 7% – кооперативный и 74,8% – частный фонд. Уже в 1923 г. местными Советами были построены 24 дома жилой площадью 5 757 м². Государственный сектор активно включился в строительство с середины 1920-х гг. после восстановления коммунального фонда. В 1928–1929 гг. происходит снижение числа введенных в действие жилых строений. Это объясняется переходом к крупному, каменному строительству. Более 60% жилой площади, введенной в эксплуатацию государством, приходилось на окружные города, из которых, в свою очередь, 30% – на г. Минск. За 1923–1929 гг. было введено 558 жилых строений площадью более 160 тыс. м². Удельный вес государственного сектора в жилищном строительстве увеличился с 8% в 1923 г. до 27,6% в 1929 г. и сохранял устойчивую тенденцию к росту.

Жилищная кооперация, как и государственный сектор, к строительству жилья активно приступила с 1925 г. По 1929 г. кооперативами было возведено 528 домов площадью 6 1574 м². Наиболее интенсивной деятельностью жилищно-строительной кооперации была в Минске и Гомеле. Тем не менее в обобществленном секторе основным застройщиком было государство. Жилищно-строительная кооперация обладала меньшей мощностью и, несмотря на практически равное количество возведенных домов, введенная в эксплуатацию государственная площадь превышала кооперативную в 2,6 раза. Удельный вес возведенного жилья строительными товариществами за 1920-е гг. составил в среднем 7% от всей введенной площади, достигнув в 1927 г. оптимально возможного уровня 11,2%.

Доминирующим типом жилищного строительства в 1920-е гг. оставался частновладельческий сектор, удельный вес которого составлял 75%. С 1923 г. по 1929 г. в нем было построено 659 тыс. м² жилой площади. Однако его доля постоянно падала: с 92% в 1923 г. до 65,5% в 1929 г. Эта тенденция сохранялась и в последующие годы. К концу 1929 г. жилищный фонд городов БССР составил более 5 734 тыс. м² [4, с. 126, таблица 56; 10, с. 139]. Государственный сектор при этом составлял 1 309,2 тыс. м² (23%), кооперативный – 69 тыс. м² (1,2%), частный – 4 356,3 тыс. м² жилой площади (75,8%).

Характеристика жилищного фонда БССР отличалась от фондов РСФСР, УССР и СССР. Доля кооперативной жилой площади соответствовала показателям союзных республик. Однако государственный сектор БССР был в 2 раза менее развит. Также БССР имела сравнительно высокий процент деревянного строительства. Его удельный вес составил 93,5%, в то же время его показатель по СССР был равен 60,6%, в РСФСР – 72%, в УССР – 50,6% [10, с. 139].

Заключение

Несмотря на принятые меры, политика правительства в сфере жилья не смогла решить жилищную проблему. В 20-е гг. XX в. бытовые условия населения страны оставались тяжелыми, а к концу десятилетия жилищный кризис, особенно в крупных городах, еще более обострился. Начиная с 1923 г. средний размер жилой площади, прихо-

дившейся на человека, ежегодно снижался: в 1923 г. он составил 7,06 м², в 1926 г. он был равен 6,2 м² [11, с. 45]. В последующие годы средний размер жилплощади на душу населения в городах Беларуси продолжал снижаться. В 1927 г. он составил 5,69 м² в окружных и 6,11 м² в районных городах и местечках; в 1928 г. – 5,71 и 6,14 м² соответственно. В 1929 г. в окружных городах и рабочих поселках средний размер жилплощади на душу населения составил 5,62 м² [12, с. 11].

Таким образом, в 1920-е гг. были разработаны архитектурно-правовые основы жилищного строительства. Они представляли собой систему правил и норм планировки городов, включая их селитебную часть, а также требований к возведению жилых домов. С 1923 г. происходит становление государственного строительства и снижение удельного веса индивидуального сектора. В это время был осуществлен переход к возведению каменных, многоэтажных, многоквартирных домов, разработаны первые типовые проекты жилых зданий, проводились мероприятия, направленные на удешевление строительства, его стандартизацию и модернизацию. В конце 1920-х годов стала распространяться практика строительства домов с обобществлением быта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Польскі, С.А. Нарысы геаграфіі гарадоў Беларускай ССР (1917 – 1941 гг.) / С.А. Польскі. – Мінск : БДУ, 1973. – 136 с.
2. Агляд дзейнасці СНК і Эканамічнае нарады БССР. – Мінск : Выд-ва Кіраўніцтва спраў СНК, 1927. – 98 с.
3. Материалы I Всебелорусской конференции работников коммунального хозяйства // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 691. – Оп. 1. – Д. 27.
4. БССР. 1922 – 1932 гг. – Минск : Издание УНХУ БССР, 1933. – 146 с.
5. Палепшым кааператыўнае будаўніцтва // Савецкая Беларусь. – 1929. – 6 ліп. – С. 3.
6. Чумак, А. На стройке рабочего городка // А. Чумак // Коопэрацыйнае жыццё. – 1927. – № 7 (49). – С. 51–53.
7. Бон, Ш. Кооперативное жилищное строительство в БССР / Ш. Бон // Шлях коопэрацыі. – 1928. – № 5 (65). – С. 42–43.
8. Воинов, А.А. Жилищное строительство в Белорусской ССР / А.А. Воинов. – Минск : Вышэйшая школа, 1980. – 222 с.
9. Страмцова, Т.С. Проектирование и строительство жилых и общественных зданий в Белоруссии / Т.Н. Страмцова. – Минск : Наука и техника, 1968. – 140 с.
10. Выгодский, Л. Жилищный вопрос в отражении всесоюзной переписи / Л. Выгодский // Экономическое обозрение. – 1928. – № 9. – С. 134–147.
11. Доклад Госплана БССР Госплану СССР о состоянии и перспективах развития коммунального хозяйства БССР // НАРБ. – Фонд 31. – Оп. 1. – Д. 916.
12. Освещение положения жилищной кооперации БССР в печати // НАРБ. – Фонд 333. – Оп. 1. – Д. 370.

Burakou V. House Construction in the BSSR in the 1920-s

The article analyses the housing construction in the BSSR in the 1920-s. The description of housing facilities in Soviet Belarus by the beginning of the 1920-s is given. The article determines the characteristic features in housing construction by different categories of builders: local Councils, cooperative associations and individuals. The new phenomena in the legislation on architectural requirements to housing construction, development of standard projects of residential buildings are investigated. The author also shows the dynamics and results of the housing construction development in the 1920-s.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 22.10.2012

УДК 94 (476 – 15) + 94 (438)

В.И. Кривуть

УЧАСТИЕ СИЛОВЫХ СТРУКТУР II РП В РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИИ «ГОСУДАРСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ»

Статья посвящена изучению участия силовых структур межвоенного польского государства в реализации официальной молодежной политики на территории Западной Беларуси в рамках «санационной» концепции «государственного воспитания». Раскрывается сущность и задачи этой концепции. Подробно освещаются основные направления воспитательной деятельности в молодежной среде силовых структур II Речи Посполитой: Войска Польского, Корпуса охраны пограничья и государственной полиции, – а также координирующая роль армейских структур в проведении молодежной политики на территории западно-белорусского региона в межвоенный период.

Введение

Поскольку молодежь составляла значительную часть населения межвоенного польского государства, официальные власти вынуждены были проводить достаточно активную молодежную политику. Это относилось и к территории Западной Беларуси, входившей в то время в состав Польши. К реализации этой политики активно привлекалась не только система образования и общественные, в первую очередь, молодежные организации, но и силовые структуры. К сожалению, деятельность именно силовых структур в молодежной среде не нашла достаточного отражения в отечественной историографии. Частично эта проблематика была затронута лишь в монографии Ю. Грибовского [1]. Данная работа должна компенсировать этот недостаток, что позволит дать более объективную картину общественно-политической жизни западно-белорусского региона в межвоенный период.

Концепция «государственного воспитания»

Как уже было отмечено выше, польские власти в своей деятельности уделяли значительное внимание молодежной политике. Особую активность в этом отношении проявляла т.н. санация, представители которой пришли к власти после государственного переворота в мае 1926 г. Один из лидеров правящего режима полковник В. Славек считал необходимым выработку жертвенности во имя государства, воспитание в обществе убежденности в том, что государство является всеобщим благом, которое преодолевает все партикулярные отличия [2, с. 86].

Осуществить эту задачу планировалось в рамках концепции «государственного воспитания», которая основывалась на трех основных принципах: 1) создание позитивного образца гражданина-государственника; 2) признание того, что государство имеет право навязывать гражданам свою воспитательную концепцию; 3) только государственная власть имеет право на воспитательную деятельность [3, с. 211–212].

В целом концепция «государственного воспитания» была достаточно стройной и детально разработанной системой. Ее положительными чертами была связь с жизнью и практическая направленность. Она ставила перед собой цель воспитать у молодежи сильную волю, динамизм, дисциплинированность, способность к жертвенности и героизму. Но все эти положительные черты «государственного воспитания» были подчинены прагматическим целям правящих кругов 2-й Речи Посполитой. «Санация» фактически навязывала обществу свои воспитательные идеалы. Отрицательной стороной этой концепции было и то, что она являлась средством полонизации национальных меньшинств, ведь фактически ставилась цель воспитать не просто хорошего гражданина, а гражданина-поляка.

Главную роль в реализации «государственного воспитания» должны были играть система образования и проправительственные молодежные союзы. Однако «санационные» власти стремились использовать в своих воспитательных целях возможности и других государственных институтов.

«Государственное воспитание» в Войске Польском

Польская армия, или Войско Польское, считалось во II Речи Посполитой важным воспитательным институтом. Именно поэтому, помимо своих непосредственных оборонительных функций, оно должно было вести многочисленные пропагандистские акции, осуществлять патронат над военизированными молодежными организациями, сотрудничать со школой. Много внимания «воспитательной акции» уделялось и внутри самого Войска Польского.

Еще в 1924 г. член военной комиссии Сейма М. Вишлинский заявил, что «армия является воспитательным фактором. Вместе со школой она учит гражданскому чувству, учит уважать власть». Одновременно руководство вооруженных сил верило в то, что военная служба будет содействовать ассимиляции славянских меньшинств через «поощряющий пример польской культуры», а также благодаря тому, что на время службы солдат вырывается из-под антиассимиляционного влияния родного окружения [4, с. 168]. Именно в связи с этим уже с 1922 г. в польской армии практиковался экстерриториальный принцип формирования воинских частей. Считалось, что призывники из Западной Беларуси, познакомясь с неизвестными им экономическими достижениями западных и центральных воеводств, станут более склонными к полонизации [1, с. 72].

Как свидетельствуют армейские документы, в некоторых случаях принцип экстерриториальности приносил результаты. Например, в рапортах из VIII военного округа (запад Польши) в отношении солдат-белорусов сообщалось: «Влияние службы на изменение настроений очень положительное, как с культурно-цивилизационной точки зрения, так и с точки зрения отношения к государству. Культурные окрестности края, более высокое цивилизационное окружение, лад и порядок в подразделениях являются фактором, который позитивно влияет на вышеназванных; хорошее и справедливое отношение командиров, достаток, культурно-просветительская работа влияют на положительное отношение к государству». Кстати, в отношении призывников украинской, немецкой или еврейской национальностей таких положительных результатов не отмечалось [4, с. 169].

Польские военные власти вообще подчеркивали большую склонность призывников-белорусов к полонизации по причине их низкого национального сознания. Например, в 1927 г. командование польской армии отмечало низкую национальную, гражданскую и государственную сознательность белорусов и одновременно их религиозность, трудолюбие, покорность и заинтересованность обучением [1, с. 68]. То же самое касается и мнения командования отдельных воинских частей. Характерным является отчет командования 22-го пехотного полка (конец 1928 г.), который стоял в Седльце (центральная Польша). В нем отмечалось, что «по своим физическим качествам белорусы представляют собой хороший солдатский материал, не хуже чем поляки, а в отдельных случаях и лучший. Правда, они воспринимают срочную службу в армии как некое наказание и мучение, с которыми, однако, в конце концов, следует согласиться. На случай войны с СССР 75% белорусов или откажутся воевать, или повернут оружие против польских войск. Вместе с тем такие настроения среди них господствуют обычно только на первом этапе службы. Через несколько месяцев военного обучения и занятий они делаются послушными и исполнительными» [1, с. 69].

Помимо соблюдения принципа экстерриториальности, который в Войске Польском реализовывать полностью не удавалось, армейское командование большое внимание уделяло культурно-просветительской и непосредственно воспитательной работе в солдатской среде. Еще в 1921 г. было введено обязательное обучение рекрутов грамоте, в ходе которого новобранцы подвергались и соответствующей воспитательной обработке. До середины 1920-х гг. главной была борьба с неграмотностью [4, с. 175]. И только с 1926 г. было решено, что воспитательный фактор должен доминировать в культурно-просветительской деятельности армейских структур. Считалось, что солдат после окончания службы должен быть подготовлен к активному участию в жизни государства, особенно к контактам с местными властями. Он должен был осознавать цели, которые желает достичь государство [5, с. 221].

Центральным органом, который занимался организацией и руководством воспитательной, культурно-просветительской и пропагандистской деятельностью в Войске Польском, был Военный научно-просветительский институт. К его задачам относилось: проведение культурно-просветительской работы в армии; пропаганда идеи защиты государства среди призывников, резервистов и широких масс населения; противодействие подрывной пропаганде; издательская деятельность; проведение «библиотечной акции» [5, с. 226].

С 1926 г. все больший упор делался на гражданское и патриотическое воспитание. В мае 1931 г. Военное министерство издало «Инструкцию по культурно-просветительской и воспитательной работе в войсках». Она объявляла воспитательную работу существенной частью подготовки войск. Основной ее целью было «формирование и закалка солдатского духа». Эту цель следовало достичь путем «прививки» солдатам моральных принципов, приучение к жертвенной службе во имя государства независимо от национальности и вероисповедания, создания иммунитета к вражеской пропаганде, развитие психики в направлении повышения боеготовности, знакомства с основами общих знаний и культурное воздействие. Главными формами культурно-просветительской деятельности признавались проведение солдатских начальных школ, воспитательные беседы, создание библиотек, общее и профессиональное обучение, культурная деятельность. К последней относились торжества по поводу государственных праздников, деятельность Домов польского солдата, солдатских клубов, использование кино и радио, экскурсии [5, с. 237]. Ответственными за воспитательную работу были командиры всех уровней. Контроль осуществляли референты по вопросам просвещения при Военном министерстве и штабах военных округов, а также «просветительские» офицеры в гарнизонах и подразделениях.

Что касается конкретных направлений, то целью солдатских школ было «дать солдатам, которые в школьном возрасте целиком или частично были лишены обучения, основы общих знаний, необходимых для умелого и сознательного исполнения гражданских и солдатских обязанностей». Школьная программа делилась на три ступени. Программа первой ступени предусматривала 150 часов занятий (75 часов польского языка, 30 часов математики, 20 часов на знания про польское государство, 10 часов на знания про «войну и национальную армию», 15 часов – солдатские и гражданские права и обязанности). На второй и третьей ступенях обучение занимало по 120 часов (45 часов на польский язык, остальные предметы – без изменений). За исключением польского языка, все остальные предметы относились к воспитательным беседам [5, с. 238–239].

Воспитательные беседы вообще играли большую роль в системе воспитательно-просветительской работы в Войске Польском. При этом историческая проблематика бесед использовалась в целях обоснования текущей политики государства. Особое внимание обращалось на создание иммунитета к враждебной пропаганде. Инструкция 1931 г.

обязывала всех командиров при проведении воспитательно-просветительской деятельности «делать упор на борьбу с коммунистическими лозунгами» [5, с. 239].

Воспитательных целей участия армии в праздновании государственных торжеств планировалось достигать не через пассивное участие военнослужащих в этих праздниках, а чрез предшествующую теоретическую подготовку, чтобы солдаты осознавали «сущность и значение праздника». При этом указывалось на необходимость тесного сотрудничества с местными гражданскими властями и общественными организациями [5, с. 243]. К организациям, с которыми сотрудничество налаживалось в первую очередь, относились ведущие проправительственные молодежные объединения: Стрелецкий союз, Союз польского харцерства и Союз сельской молодежи – Союз молодой деревни.

Инструкция 1931 г. признавала, что «книга является основным фактором воздействия в просветительской и воспитательной сферах вообще, а в армии особенно». К началу 1930-х гг. была создана широкая сеть солдатских библиотек. В 1930 г. Войско Польское имело 1 056 библиотек, в фондах которых насчитывалось 428 299 томов. Однако уровень чтения среди военнослужащих срочной службы был довольно низок. Так, в том же 1930 г. в среднем на одного солдата приходилось только три прочитанные книги [5, с. 244–245].

Солдатские светлицы, клубы, создавались при каждом подразделении выше роты, обычно на уровне батальона. В центрах военных округов создавались Дома польского солдата. Целью этих учреждений была «организация культурного отдыха солдат во внеслужебное время и поддержка просвещения в армии через: организацию лекций, бесед, радиопередач, проведение военных праздников, театральных постановок, кинопросмотров и концертов, создание библиотек и читальных залов, организацию спортивных игр и т.д.». Обычно в Доме польского солдата находились кинотеатр, театральный зал, светлица, библиотека, спортивная база, фотомастерская, парикмахерская. На территории Западной Беларуси существовало два таких Дома при штабах 3-го и 9-го военных округов – в Гродно и Бресте [5, с. 246–247].

Армейские структуры, ответственные за воспитательную работу, поощряли развитие любительских театров. Одним из самых известных был солдатский театр 3-го военного округа в Гродно. Только с сентября 1928 г. по май 1929 г. этот театр организовал 71 представление, которые посетили 18 800 зрителей. Но с 1932 г. театр переживал кризис. Причиной стало то, что военные власти посчитали необходимым ставить в первую очередь пьесы, которые бы воспитывали солдат. В результате эти представления гражданские зрители стали посещать меньше [5, с. 232].

Анализируя воспитательную работу в Войске Польском, нельзя обойти такой важный момент, как культ личности Ю. Пилсудского. В армии он приобрел еще большие размеры, чем, например, в школе или проправительственных молодежных организациях. Маршал Пилсудский должен был быть примером гражданина и солдата, на который бы ориентировались военнослужащие польской армии. Этот культ пережил самого маршала. Например, в некоторых воинских частях было приказано прибавлять к вечерней молитве следующую фразу: «Маршал Пилсудский умер телом, но живет духом в наших сердцах и будет жить вечно; мы помним и делаем все, чтобы по его наказу укрепить величие и славу Польши» [6, с. 186].

Необходимо также сказать и о роли военных капелланов в проведении воспитательной работы с военнослужащими. Поскольку православные составляли вторую по численности конфессиональную группу среди военнослужащих польской армии, то в Войске Польском действовали и православные капелланы польской автокефальной православной церкви. Именно они осуществляли опеку над солдатами православного вероисповедания, большую часть которых составляли именно белорусы. Следует отме-

тять, что командование не ограничивало деятельности некаатолического духовенства, религиозные права некаатоликов не ущемлялись. Тем не менее православные капелланы должны были убедить солдат-белорусов в том, что православие не препятствует быть поляком. В результате количество православных военнослужащих, декларировавших польскую национальность, увеличивалось. В декабре 1938 г. в специальной директиве Военного министерства открыто говорилось, что целью Польской автокефальной православной церкви является быстрейшая полонизация белорусов. Полонизации содействовало и то, что военные власти сознательно не допускали к постам капелланов неполяков [1, с. 89–94]. Таким образом, деятельность военных капелланов осуществлялась в русле политики «санационных» кругов, направленной на ассимиляцию национальных меньшинств и воспитание их лояльными гражданами польского государства.

Воспитательная работа Корпуса охраны пограничья и полиции

Войско Польское было не единственной силовой структурой II РП, участвовавшей в осуществлении правительственных воспитательных концепций. На территории Западной Беларуси активную работу в этой сфере вел Корпус охраны пограничья (КОП). Он комплектовался за счет призывников-поляков из центральных и западных воеводств, но это не значило, что КОП был оторван от процесса воспитания молодого поколения северо-восточных земель польского государства. Перед КОП властями ставилась задача завоевать симпатии местного населения. Сделать это планировалось в том числе и через проведение широкой воспитательно-просветительской акции. Как и в армии, обязанность по проведению этой работы была возложена на офицеров всех уровней. Непосредственно же за нее отвечали «просветительские» офицеры, подготовленные на специальных курсах [7, с. 192–193].

Много внимания КОП уделял работе с молодежью приграничных территорий. Корпус оказывал непосредственную материальную помощь молодежным организациям в создании и проведении разных курсов. Очень часто инструкторами на них были офицеры и подофицеры КОП [8, с. 19]. Пограничники оказывали большую помощь в организации летних харцерских лагерей. Так, в 1933 г. бригада КОП «Гродно» организовала на своей территории 14 харцерских лагерей, бригада «Вильно» – 16 лагерей, бригада «Новогрудок» – 9 лагерей и бригада «Полесье» создала 5 лагерей [9, с. 8–9].

КОП участвовал в строительстве школ, народных домов, клубов, библиотек. Например, в 1937 г. на территории Виленского воеводства польские пограничники в Браславском повете принимали участие в строительстве школы в д. Чурилово, организовали представление, доход от которого пошел на строительство школы в гмине Слободка. Также КОП выделил средства на строительство Стрелецких домов в Друе и Плусах. Пограничниками были организованы в повете три спортивные и две стрелковые площадки. В Вилейском повете ими была проведена передвижная выставка и ежегодный конкурс стрелецких светлиц. Там же совместно с общественными организациями было проведено пять курсов для молодежи. В Виленско-Троцком повете каждое воскресенье КОП проводил «народные утреники» – концерты, которым предшествовала политинформация. В этом повете, как и в других, оказывалась помощь школам и общественным организациям [8, с. 20–21].

КОП имел отношение и к воспитательной работе с виленским студенчеством. При поддержке полковника Я. Гладыки, командира полка КОП «Вилейка», в 1937 г. был организован летний лагерь для членов проправительственного Союза студентов северо-восточных земель РП [10, с. 4].

Помимо КОП в общественно-воспитательных акциях участвовала и государственная полиция. Но ее деятельность не приобрела такого размаха, как в случае с пограничной службой. Тем не менее после 1926 г. полиция также участвовала в «поисках

симпатий местного населения». Именно в этих целях было создано Объединение полицейская семья. Кроме всего перед ним ставилась задача «проведения прогосударственных гражданских позиций» [7, с. 193].

Однако полиция имела важное, хотя и косвенное влияние на реализацию воспитательных концепций. Именно полицейские структуры боролись против «антигосударственных» и «подрывных» элементов, которые препятствовали осуществлению «государственного воспитания». В первую очередь это касалось нелегальных организаций: компартии и комсомола Западной Беларуси.

Координационные комитеты

Во второй половине 1930-х гг. «санация» стала делать все больший упор на соответствующее воспитание молодого поколения. Помимо гражданского воспитания актуальной была объявлена «пропаганда лозунгов национальной обороны как подготовка молодежи к выполнению задач по обороне страны». В связи с этим армейское руководство стремилось объединить усилия как государственных структур, так и проправительственных объединений. Результатом этих стремлений стало создание под эгидой военного научно-просветительского института Центрального координационного комитета. В его состав вошли представители Военного министерства, Стрелецкого союза и Союза польского харцерства. Позже к ним присоединились Союз осадников, Союз молодой деревни и другие проправительственные организации.

После создания Центрального координационного комитета в Варшаве подобные учреждения начали создаваться при штабах военных округов. В Бресте координационный комитет был организован в январе 1937 г., в Гродно – в ноябре того же года. Главной целью комитетов было «повышение успешности общественных усилий в сфере боеготовности государства». Составной частью этих усилий было и гражданское воспитание молодежи. Комитетам была передана разработка программ гражданского воспитания и культурно-просветительской работы. Также для работы с молодежью при Центральном координационном комитете была создана Молодежная комиссия [11, с. 6–16]. Благодаря этим мероприятиям власти II РП окончательно централизовали осуществление своих воспитательных концепций. В этом процессе армейские структуры стали играть ведущую роль.

Заключение

Таким образом, можно сказать, что силовые структуры II РП принимали активное участие в проведении воспитательной работы в молодежной среде согласно «санационной» концепции «государственного воспитания». Важная роль в этом процессе отводилась Войску Польскому, которое достаточно успешно осуществляло полонизацию солдат-белорусов, используя широкий арсенал средств и методов. Кроме армии в этом направлении работали Корпус охраны пограничья и полиция. К концу 1930-х гг. именно военные стали играть ведущую координирующую роль в осуществлении правительственной молодежной политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грыбоўскі, Ю. Беларусы ў польскіх рэгулярных вайсковых фарміраваннях 1918–1945 гадоў / Ю. Грыбоўскі. – СПб : Неўскі прасцяг, 2006. – 832 с.
2. Rećko, J. Wychowanie dzieci i młodzieży w polityce rządów obozu Józefa Piłsudskiego / J. Rećko // Marszałek Józef Piłsudski. Wodz – polityk – wychowawca : Praca zbiorowa pod red. dr. W. Ząbka. – Warszawa, 2000. – S. 85–93.

3. Kulesza, W. Koncepcje ideowo-polityczne obozu rządzącego w Polsce w latach 1926–1935 / W. Kulesza. – Wrocław, 1985. – 311 s.
4. Rezmer, W. Nauczanie przymusowe w Wojsku Polskim w okresie międzywojennym i jego rola w kształtowaniu propaństwowych postaw poborowych / W. Rezmer // Wychowanie a polityka. Tradycje i współczesność : pod. red. W. Wojdyły. – Toruń, 1997. – S. 165–177.
5. Wyszczelski, L. Wojsko Piłsudskiego. Wojsko Polskie w latach 1926 – 1935 / L. Wyszczelski – Warszawa, 2005. – 338 s.
6. Tomaszewski, R. Polityczne aspekty wychowania w Wojsku Polskim w latach 1918–1990 / R. Tomaszewski // Wychowanie a polityka. Tradycje i współczesność : pod. red. W. Wojdyły. – Toruń, 1997. – S. 179–192.
7. Śleszyński, W. Bezpieczeństwo wewnętrzne w polityce państwa polskiego na ziemiach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej / W. Śleszyński. – Warszawa, 2007. – 400 s.
8. Dobaczewska, W. Wileńszczyzna i Nowogródzczyzna w latach 1920–1937. Sprawy polityczne i społeczne / W. Dobaczewska. – Wilno, 1938. – 38 s.
9. Rozkaz 1 Komendanta Białostockiej Chorągwi Harcerzy z dnia 3 marca 1933 r. // Związek Harcerstwa Polskiego. Oddział Białostocki. – 1933. – № 1. – S. 8–9.
10. Łatyszojc, W. Pierwszy etap za nami... / W. Łatyszojc // Młodzi idą. Biuletyn sprawozdawczo-literacki Związku Studentów Ziem Północno-Wschodnich Rzeczypospolitej Polskiej. – Wilno, 1937. – S. 3–4.
11. Kaszuba, E. System propagandy państwowej II Rzeczypospolitej (1926–1939) / E. Kaszuba // Dzieje Najnowsze. – 2003. – № 3. – S. 3–26.

Krivuts V. Participation of Uniformed Services II RP in Implementing the Concept of «State Education»

This article is devoted to the study of participation of uniformed interwar Polish state in the implementation of the official youth policy in Western Belarus in the framework of concept of «public education». The main areas of educational activity among youth uniformed II RP – Polish Army, Corps of Frontier and the state police, as well as coordinating role in the conduct of military structures of youth policy in the Western region of Belarus in the interwar period are outlined in detail.

Руканіс паступіў у рэдакцыю 24.09.2012

УДК 94 [(476)+(44)] «1941/1945»

В.П. Павлов

УРОЖЕНЦЫ БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ В ДВИЖЕНИИ СОПРОТИВЛЕНИЯ ПОЛЬШИ

В статье исследуется участие уроженцев Брестской области, сражавшихся в годы Великой Отечественной войны в составе партизанских отрядов на территории Польши. В большинстве своем это были советские военнопленные, сумевшие бежать из нацистских лагерей и ставшие партизанами, а также разведчики, бойцы отрядов и групп, направленных советским командованием на территорию Польши.

Введение

Одной из малоисследованных проблем истории Второй мировой войны является участие наших земляков в европейском движении Сопротивления. Первой попыткой раскрыть эту большую тему был раздел Р.Р. Крючка в четвертом томе «Гісторыі Беларускай ССР» [1, с. 532–543], но среди 39 названных автором участников европейского Сопротивления нет ни одной фамилии уроженцев Брестской области. Более полным является раздел автора статьи в книге «Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945» [2, с. 237–397], другие его публикации [3]. Детальному и глубокому исследованию мешают сложности в поиске соответствующих материалов: в архивах и музеях республики нет сведений об участии белорусов в Сопротивлении, развернувшимся в странах, оккупированных гитлеровской Германией в годы Второй мировой войны. К сожалению, установить полную историю участия наших земляков в антифашистской борьбе на территории Польши не представляется возможным из-за недостатка источников, поэтому некоторые эпизоды выглядят фрагментарно.

Важной формой помощи советских людей польскому национально-освободительному движению было их непосредственное участие в партизанской борьбе на территории Польши. В 12 странах Европы совместно с другими патриотами сражалось против общего врага более 40 тыс. советских граждан, из них около половины – в Польше. Объясняется это следующими обстоятельствами. Во-первых, польский и белорусский народы в прошлом более всего страдали от традиционного «драх нах Остен» и поэтому чувствовали особую ответственность за судьбы своих стран перед лицом новой агрессии. Во-вторых, пролетарские партии вопреки усилиям правящих кругов Польши в довоенный период воспитывали свои народы в духе дружбы и пролетарского интернационализма. В-третьих, через территорию Польши проходили важнейшие коммуникации врага в сторону Восточного фронта, здесь же дислоцировались основные стратегические и оперативные резервы вермахта. В-четвертых, Польша была территориально близка к основным районам партизанского движения Белоруссии и Украины. И, наконец, в-пятых, тесному боевому содружеству советских и польских партизан содействовала языковая близость наших народов.

В совместных боях с патриотами Польши

В годы войны на территории этой европейской страны оказались граждане БССР двух категорий: 1) военнопленные и гражданские особы, которые бежали из гитлеровских концлагерей, расположенных на территории Польши, либо из эшелонов, которые шли через Польшу; 2) бойцы партизанских отрядов и групп, направленных советским командованием по ходатайству или с согласия польских демократических сил. С конца лета 1941 г. по март 1945 г., когда большая часть Польши была освобождена от германских войск, они активно участвовали в освободительной борьбе польского на-

рода. Этот период, который длился более 40 месяцев, можно разделить на два этапа, и рубежом является весна 1944 г.

На первом этапе с помощью польских патриотов удалось осуществить десятки массовых и индивидуальных побегов из гитлеровских лагерей. Всего же на территории Польши бежало, по данным польских историков, более 65 тыс. советских граждан. В условиях жестокого режима оккупации многие из них снова попадали в руки врага. Но значительная часть бежавших советских граждан сумела связаться с польским подпольем и приняла активное участие в антифашистской борьбе.

Необходимо отметить, что некоторая часть военнопленных (особенно уроженцев Брестской и Гродненской областей), учитывая близость родной земли, стремились дойти до Белоруссии и здесь включиться в борьбу с врагом. Так сложилась судьба уроженца Ганцевичей старшего лейтенанта Андрея Ильича Исаченко. Попав в плен, он сумел бежать к польским партизанам, сражался вместе с ними, потом перебрался через Буг и боролся с врагом в должности командира взвода в составе партизанского отряда имени К.Е. Ворошилова бригады имени В.И. Ленина Брестского соединения [4, с. 246].

Активное участие в польском партизанском движении принимали многие уроженцы западных областей Белоруссии. В силу разных обстоятельств они вступали в партизанские отряды соседней с ними Польши, боролись с общим врагом за освобождение родной земли. Этому способствовало и то обстоятельство, что совсем недавно эти районы входили в состав Польши, сохранялись тесные родственные и другие связи.

Как свидетельствуют документы, первые советские партизаны из числа военнопленных появились в Польше уже в конце лета 1941 г. Так, генерал-губернатор Польши Г. Франк писал в своем дневнике, что советские солдаты и офицеры, сумевшие бежать из лагерей, совершают нападения на немцев и создают среди населения «неспокойную» обстановку [5, с. 132]. Некоторые из беглецов-военнопленных вступали в организации, созданные эмигрантским правительством В. Сикорского.

Ячейки Польской Рабочей партии (ППР основана в январе 1942 г.) создали комитеты помощи советским военнопленным, помогали им укрываться от преследований и направляли в партизанские отряды и группы. Один из организаторов ППР и ее первый Генеральный секретарь М. Новотко сообщал 24 июня 1942 г. Генеральному секретарю исполкома Коминтерна Г. Димитрову: «Тысячи красноармейцев и командиров, которые убежали из германских лагерей военнопленных, скрывают наши рабочие и крестьяне. Везде имеем с ними связь. Чем можем, помогаем. Мы решили включить их в наши партизанские отряды». В конце августа 1942 г. Г. Димитров рекомендовал М. Новотко помочь 60 тыс. советских военнопленных, которые работали в угольных шахтах Силезии, использовать их в борьбе против оккупантов. «Осторожно установите наличие коммунистов среди них и свяжитесь с ними, – рекомендовал Г. Димитров. – Если в будущем умело организовать работу по побегу их, то такие люди могут быть хорошими кадрами для ваших партизанских отрядов» [6, с. 113, 115].

Осенью 1942 г. в д. Ольманы Столинского района был создан партизанский отряд из местной антифашистской группы в количестве 57 человек. Командиром отряда был избран К.В. Шубич, комиссаром А. Поляница, начальником штаба Сидоренко. Осенью 1943 г. отряд вошел в подчинение командира Ровенского партизанского соединения генерал-майора В.А. Бегмы, который назначил командиром отряда Николая Иосифовича Куницкого, уроженца Кобринского района. К.В. Шубич стал его заместителем. Отряд был назван именем И.В. Сталина. 18 февраля 1944 г. по приказу Украинского штаба партизанского движения (УШПД) отряд в составе 75 хорошо вооруженных бойцов перешел линию государственной границы и действовал на территории Польши [7, с. 241]. В тяжелых и кровопролитных боях погибли уроженцы д. Ольманы партизаны отряда А.Д. Буян, В.А. Буян, В.П. Буян, подрывник Л.С. Буян, командир отделения

Г.Я. Мозоль, командиры взводов П.Г. Мороз и Т.С. Мороз, уроженцы хутора Островок (сейчас не существует) партизаны А.А. Мороз, А. Розанович, Г.П. Шпаковский, уроженцы д. Кошара (Кошара-Альминская) начальник боепитания отряда И.М. Вабищевич, А.С. Шпаковский и другие партизаны [8, с. 301–302].

В конце 1943 г. к польским партизанам почти в полном составе перешла подпольная комсомольская организация д. Рагдошч Ивановского района. Ночью Георгий Дмитриевич Горбачук и семь его товарищей перешли Днепро-Бугский канал и оказались в отряде польских партизан. Кроме поляков в нем сражались с врагом русские, украинцы, белорусы. Г.Д. Горбачука, которому тогда было немногим более шестнадцати лет, назначили в разведку. Отряд не имел постоянного лагеря, все время маневрировал, нанося врагу неожиданные и чувствительные удары. Боевые заслуги Г.Д. Горбачука отмечены польской наградой [9].

Особенно со второй половины 1943 г. в связи со значительным расширением партизанской борьбы в Польше участие в ней белорусских партизан стало более массовым. К концу года практически не было таких более или менее крупных отрядов, в которых не сражались бы белорусы. Командование Гвардии Людовой (1 января 1944 г. реорганизована в Армию Людову) перешло к практике формирования из советских партизан самостоятельных отрядов, подчинявшихся только командиру бригады или командующему округом. Так, в частности, было в Варшавском и Люблинском округах [10, с. 718–742]. Важной особенностью партизанского движения в Польше в связи с участием в нем советских граждан в этот период было то, что с июня 1943 г., когда была установлена связь с УШПД, его руководство передало приказ всем советским партизанам, кроме летчиков и танкистов, оставаться на территории Польши и сражаться против врага вместе с Гвардией Людовой [11, с.18].

В польском партизанском движении к весне 1944 г. участвовало (по неполным данным) 7–8 тыс. советских граждан [5, с. 134].

12 января 1944 г. ЦК ППР обратился к Центральному бюро коммунистов Польши в СССР (ЦБКП) с письмом, в котором просил организовать помощь АЛ вооружением и военным снаряжением. 18 февраля 1944 г. А. Завадский, председатель ЦБКП в письме Советскому правительству просил разрешения на организацию польского штаба партизанского движения, основной целью которого должна стать помощь АЛ вооружением, техническими средствами, радиостанциями и оборудованием. В письме предлагалось использовать в работе штаба поляков, действовавших в советских партизанских отрядах, а также ускорить обучение будущих партизанских кадров в Специальном батальоне, созданном при 1-м польском корпусе в СССР в октябре 1943 г. [12, с. 15].

Советское правительство удовлетворило просьбу польских коммунистов. 8 апреля 1944 г. Государственный Комитет Обороны принял постановление о создании Польского партизанского штаба. Он располагался первоначально в селе Шпанов Ровенской области, а затем в Люблине. Начальником штаба был назначен генерал А. Завадский. Кроме польских офицеров в штабе работали также 154 советских специалиста. С августа 1944 г. заместителем начальника штаба, а потом и начальником был назначен известный белорусский государственный и политический деятель Сергей Осипович Притыцкий, уроженец д. Горкавичи Белостокского воеводства, которому было присвоено звание полковника Войска Польского. В этом же штабе служил уроженец д. Новоселки Кобринского района Александр Кириллович Букраба, активный участник освободительного движения в Западной Белоруссии, а в годы войны – комиссар партизанского отряда имени С. Орджоникидзе бригады имени В.М. Молотова [13, с. 214]. Всего же в Польском партизанском штабе работало 14 белорусов [12, с.17].

Политбюро ЦК ВКП(б), обсудив вопросы помощи партизанам Польши, обязало ЦК КП(б) Белоруссии и ЦК КПУ(б) Украины «выделить в особые отряды поляков, на-

ходившихся в партизанских отрядах Украины и Белоруссии, придав им опытное и крепкое командование, для использования этих отрядов на территории Польши по указанию Штаба партизанского движения Польши» [14, с. 576]. Летом 1944 г., во время пребывания в Москве делегации Крайовой Рады Народовой, был обсужден вопрос о расширении советской помощи польским партизанам. Польскому партизанскому штабу были переданы все польские партизанские формирования, действовавшие на Украине и Белоруссии, была также оказана необходимая материально-техническая помощь: выделено 40 грузовых и 18 легковых автомашин, 2 транспортных самолета, 3 самолета У-2, 18 радиостанций и др. Кроме этого ему было передано: 4 270 автоматов, 8 600 винтовок, 234 пулемета, 52 миномета, 137 противотанковых ружей, более 120 тонн взрывчатки, боеприпасов и продовольствия. В период с мая по сентябрь 1944 г. были заброшены в тыл врага 16 польских десантных отрядов в составе 361 человека [15, с. 161]. В распоряжение штаба были предоставлены база снабжения и транспорта с обслуживающим персоналом 57 человек, радиоузел (134 человека), школа радистов на 324 человека, специальные боевые отряды общей численностью 1 563 человека, представительство в Москве и представительство при Военном совете 1-го Белорусского фронта [5, с. 130].

Весной 1944 г. в целях оказания помощи освободительной борьбе польского народа против немецко-фашистских захватчиков, дальнейшего развития партизанского движения в Польше Украинским и Белорусским штабами партизанского движения были переданы в полном составе с вооружением и средствами связи в постоянное оперативное подчинение польскому штабу партизанского движения организованные и действовавшие на территории Белоруссии и Украины отряды, в которых поляки составляли большинство бойцов.

Одной из первых в Польшу была направлена тщательно подобранная и обученная группа партизан под руководством уроженца д. Закутье Жабинковского района Чеслава Клима (93 человека), ранее действовавшая в составе брестских партизан. Он пользовался большим авторитетом среди населения, и особенно польского. Группа капитала Михаила Голдиса, сформированная из бойцов батальона специального назначения, была обеспечена БШПД боеприпасами, продовольствием и обмундированием, ей был выделен радист с радиостанцией. 17 мая 1944 г. группа была десантирована самолетами в расположение соединения В.Е. Чернышова в Барановичской области. Задачей М. Голдиса было создать отряд из партизан-поляков, выделенных БШПД, и северным маршрутом перейти через Августовские леса в район Острова Мазовецкого – Цеханова – Остроленки для наблюдения за передвижением войск противника, его гарнизонами. Группа должна была «развернуть организационно-политическую работу по вовлечению польского народа в борьбу по изгнанию немецких оккупантов, за создание сильного польского демократического государства» [12, с. 20]. Переброска кадров для партизанского движения в Польшу и оружия происходила и по другим каналам Белорусского штаба партизанского движения.

1 августа 1944 г. в столице Польши польское эмигрантское правительство и его представители в стране – делегатура и главное командование Армии Крайовой – спровоцировали Варшавское восстание, которое, по их мнению, должно было «потрясти совесть мира». Несмотря на мужество варшавян, восстание потерпело поражение и было потоплено в крови.

Среди участников Варшавского восстания известно имя Кристины Крахельской. Она родилась 24 марта 1914 г. в имении Мазурки Барановичского уезда, окончила гимназию имени Ромуальда Траугутта в г. Бресте, Варшавский университет имени Ю. Пилсудского, где изучала географию, а затем этнографию. В 25 лет защитила диссертацию на степень магистра (работа «Монография этнографическая деревни Мазурки, повят Барановичский, воеводство Новогрудское»). К этому времени ее имя было знакомо

многим в Польше. Дело в том, что известный скульптор Людвика Нитшева в 1938 г. пригласила Кристину Крахельскую позировать ей для создания памятника Сирене в Варшаве. Эта скульптура, установленная в апреле 1939 г. на набережной Костюшки, со временем стала неофициальным символом польской столицы. Вскоре после оккупации Польши Кристина Крахельская вступила в ряды подпольной организации – Союз вооруженной борьбы (ZWZ, с 1942 г. – Армия Крайова), закончила подпольные курсы медсестер, выполняла задания по установлению контактов с отделами Армии Крайовой, действовавшими на Новогрудчине и Полесье. Первый день Варшавского восстания поэтесса (в 1998 г. «Літаратура і мастацтва» опубликовала стихотворение К. Крахельской (в переводе на белорусский язык) «Гэй, хлопцы, штыкі прымкні!..») и этнограф встретила в ранге санитарки 1-го взвода 3-го эскадрона дивизиона «Олень» 7-го полка Армии Крайовой под псевдонимом «Данута». 1 сентября 1944 г. отряд, в котором она воевала, атаковал здание немецкого Дома прессы. Под шквальным огнем Кристина Крахельская вынесла с поля боя поручика Владислава Коха, но затем была тяжело ранена. На следующий день патриотка, не приходя в сознание, скончалась. Она посмертно была награждена орденом «Крест храбрых» [16].

Участником Варшавского восстания был и уроженец Бреста Генрих Томашевич Стебаневич, воевавший потом в рядах Красной Армии [17, с. 111].

«Правление отделения борцов за свободу и демократию в Ченстохове удостоверяет, что Петр Федорович Локотков во время гитлеровской оккупации, действуя непосредственно в партизанском отряде на территории Ченстоховских, Радомшанских и Волюшковских лесов, принимал деятельное участие совместно с Сигизмундом Вроной, Попелком Мечиславом и Цупелом Александром в операциях и борьбе с немецкой жандармерией в период с августа 1944 года по 16 января 1945 г. Следует отметить, что вышеупомянутый был дисциплинированным и боевым партизаном».

Кобринчанин П.Ф. Локотков под Минском был контужен и попал в плен. Прошел концлагеря, каторжные работы в фашистской неволе. В 1944 г. П.Ф. Локотков совершил побег, прошел сотни километров по вражеской территории, дошел до Польши. Здесь ему удалось встретить партизан. Местные жители выходили его, а когда он поправился, помогли связаться с представителями Армии Людовой. С ними он ушел в Ченстоховские леса, где был принят в ряды батальона поручика Сигизмунда Вроны. Батальон громил вражеские гарнизоны, уничтожал гитлеровцев из засад, взрывал шоссейные и железнодорожные мосты. Во всех боевых операциях рядом с польскими патриотами был П.Ф. Локотков.

Командование батальона в первых же боях обратило внимание на мужественного и храброго советского солдата. Он был назначен командиром подрывной группы. В сентябре 1944 г., когда войска Красной Армии вошли в пределы Польши, ему поручили задание особой важности: доставить штабу 1-го Украинского фронта ценные разведданные. Разведчикам удалось выйти к линии фронта, несмотря на вражеский огонь, пройти ее и выйти в расположение 47-го стрелкового корпуса [18].

Через месяц П.Ф. Локотков вместе со своими старыми товарищами и двумя поляками вновь ушел на запад. В полученном приказе говорилось: «В районах Тархова, Кракова, Заглыбы Домбровские наладить связь с польскими партизанскими отрядами и местным населением, найти и подчинить себе две группы советских разведчиков, имеющих радиостанции, обеспечить регулярную передачу в штаб фронта разведданных». Разведчикам удалось удачно пройти нейтральную полосу, перебраться через линию фронта, выйти в немецкий тыл. «Трудно сказать, как сложилась бы наша судьба, – вспоминал П.Ф. Локотков, – если бы мы не получали на каждом шагу помощь и поддержку от польского населения. Местные крестьяне по-братски встречали нас, поили, кормили, сопровождали, ходили вместе в разведку» [19].

Кроме бежавших из вражеского плена советских воинов, разведчиков, заброшенных на оккупированную территорию, в партизанском движении Польши участвовали советские партизаны, прибывшие из-за Буга.

В июне 1943 г. из соединения А.Ф. Федорова, в котором сражалось много белорусов, в южную Люблинщину вступил отряд под командованием С.В. Григоренко. Здесь совместно с отрядами Армии Людовой под командованием Г. Корчинского советские партизаны провели ряд боев против оккупантов. При попытке пробиться в Карпаты в первой половине августа группировка Корчинского – Григоренко за Саном потерпела тяжелое поражение в бою с карателями и вынуждена была вернуться в Сольскую пушу. Отсюда отряд С.В. Григоренко возвратился за Буг на советскую территорию. С ноября того же года в районе Белостока действовала группа советских партизан, которой командовал капитан Н.А. Хмелевцев.

Вопрос о необходимости посылки в Польшу партизанских отрядов с территории СССР для оказания помощи польскому партизанскому движению ставился перед соответствующими органами ещё в начале 1943 г. Однако такого решения не было принято [20, с. 85]. Объясняется это тем, что в то время Красная Армия была еще далеко от советско-польской границы. Поэтому были опасения, поймет ли население Польши необходимость действий советских партизан на польской территории и не сочтет ли оно эти действия вмешательством в польские дела в условиях, когда отношения польского эмигрантского правительства с Советским Союзом были разорваны. Кроме того, факт вступления советских партизан в Польшу польская реакция могла бы использовать с целью ослабления антигитлеровской коалиции, чтобы посеять недоверие к намерениям СССР и вбить клин в отношения между Советским Союзом и его западными союзниками. Поэтому в конце 1943 – начале 1944 гг. на территории Люблинского воеводства действовали лишь отдельные группы советских партизан: разведчики из соединений С.А. Ковпака, А.Ф. Фёдорова, И.И. Банова, А.П. Бринского, Г.М. Линькова, а также группы из армейских разведывательных органов.

Перенесение боевых действий многих советских партизанских отрядов и групп на территорию восточных районов Польши началось с весны 1944 г. в связи с выходом войск 1-го Украинского фронта на советско-польскую границу, а также на основании соответствующей просьбы командования Армии Людовой. Прибытие советских отрядов, прошедших жестокую школу партизанской войны, активизировало польское Сопротивление. С весны 1944 г. особенностью действий советских партизан в сопредельных с Советским Союзом странах, и в частности в Польше, было то, что ими непосредственно руководили УШПД и БШПД. Это значительно облегчало их деятельность и делало ее более целенаправленной. Партизаны были информированы об общей стратегической обстановке, получали вооружение и боеприпасы, конкретные боевые задачи.

Большую роль в этом отношении сыграл Украинский штаб партизанского движения, который с ноября 1943 г. находился в Киеве. Длительное время во главе штаба стоял генерал Т.А. Строкач. В распоряжении штаба находились две школы: одна особого назначения, которая готовила командиров боевых групп и отрядов, минеров и разведчиков, другая вела подготовку радистов и шифровальщиков. Белорусский штаб партизанского движения во главе с полковником П.З. Калинин также оказывал всемерное содействие советским партизанам в приграничных районах Польши.

Более широкое распространение боевых действий многих советских партизанских отрядов и групп на территории Польши началось с весны 1944 г. в связи с выходом войск 1-го Украинского фронта на советско-польскую границу и освобождением Украины, а также на основании соответствующей просьбы ППР. На территорию Польши направлялись украинские партизанские формирования, которые действовали на севере Украины и юге Белоруссии. Объясняется это тем, что к этому времени почти вся Со-

ветская Украина была освобождена войсками Красной Армии. В Польшу была направлена часть партизанских формирований, которые совершали боевые рейды по территории Украины и Белоруссии. Поэтому на национальном составе партизан отражалось место создания отрядов и соединений и районы, в которых они долгое время вели боевые действия. Партизанские формирования Украины проводили глубокие рейды по тылам врага, многие из них действовали в южных районах Белоруссии, долгое время здесь базировались, поэтому белорусов в таких соединениях было довольно много.

Крупнейшим соединением партизан, совершившим рейд по многим районам Восточной Польши, была «Группа партизанских отрядов Сумской области». С конца февраля 1944 г. она была переименована в 1-ю Украинскую партизанскую дивизию имени С.А. Ковпака под командованием подполковника П.П. Вершигоры. В этом партизанском соединении, накануне выхода в рейд по Польше, сражались с врагом более 600 белорусов [21].

9 февраля 1944 г. партизаны в районе Каменки-Струмиловой форсировали Западный Буг. Совместно с польскими товарищами уже в первые дни рейда они провели немало диверсионных актов на важнейших железнодорожных магистралях врага. Лишь за два дня (17 и 18 февраля 1944 г.) было взорвано 17 мостов через реки Венш, Танев, Лада и др., разгромлены станции Красныстав, Слобода, уничтожены гарнизоны в Тарногруде и Улянове. После этого, совершив за одну ночь 80-километровый марш, артиллерийским огнём партизаны уничтожили электростанцию и военный завод в г. Сталёва Воля. 18 марта 1944 г. бойцы П.П. Вершигоры форсировали Западный Буг и в апреле закончили свой рейд в Белоруссии. Партизанское соединение во время рейда, включая и ту его часть, которая проходила по советской территории, прошло около 2 100 км и провело более сотни боёв с противником. Было убито 5 160 вражеских солдат и офицеров, подорвано 24 эшелона, уничтожено 75 танков и бронемашин, 196 автомашин, 5 самолётов и т.д. [22, с. 207–208]. Свидетельством напряжённости боёв, которые вело соединение П.П. Вершигоры на территории Польши, являются потери: погибло 168 партизан, 318 было ранено и 107 пропало без вести [23, с. 116].

Одновременно с соединением П.П. Вершигоры в районе Пшемысля в середине февраля 1944 г. на территорию Польши вступили отдельные отряды партизанского кавалерийского соединения генерал-майора М.И. Наумова, которые также развернули боевые действия на узлах коммуникаций в Жешувском и Люблинском воеводствах. Через семь дней непрерывно преследуемые противником, они снова вернулись во Львовскую область, где действовали до конца марта 1944 г. В составе этого партизанского соединения во время рейда в Польшу насчитывалось 180 белорусов [24, с. 299].

На помощь польскому народу был направлен батальон майора В.П. Чепиги, починавшийся Украинскому штабу партизанского движения. В его составе сражалось немало белорусов. В одном из отрядов батальона В.П. Чепиги сражался белорус Иван Демьянович Рудчик, вступивший на польскую землю с особым чувством. Он был родом из повета Бялой Подляски, и ему хотелось помочь отцовской земле скорее освободиться от гитлеровских захватчиков.

Необходимо отметить, что во всех вышеназванных партизанских отрядах участие белорусов было значительным. Почти все эти отряды подходили к польской границе по территории Полесья, в том числе и белорусского, и принимали в свои ряды местных партизан и патриотов, хорошо знавших территорию соседней Польши, ее обычаи. Многие имели здесь своих родственников, которые оказывали партизанам большую помощь в качестве проводников и разведчиков.

14 мая 1944 г. гитлеровцы начали прочёс урочища Ромбле-Грабувка, который партизаны превратили в свой опорный пункт. Весь день шёл ожесточённый неравный бой с превосходящими силами противника. На помощь советским партизанам, пока

ещё плохо ориентировавшимся в новой местности, пришёл со своим отрядом полковник Метек (Мечислав Мочар). Все атаки противника были отбиты с большими для него потерями. От обстрела польские отряды потеряли много боеприпасов, находившихся в обозе. Батальон чепиговцев, располагая значительным запасом оружия и боеприпасов, поделился ими с польскими товарищами. «Мне впервые довелось участвовать в таком ожесточённом бою, и поэтому он так живо врезался в память», – вспоминал впоследствии И.Д. Рудчик. В бою под Ромблевым фашисты потеряли около 300 солдат и офицеров убитыми. Советские и польские партизаны уничтожили много боевой техники противника, в том числе два бомбардировщика. Операция гитлеровцев под кодовым названием «Майская буря» провалилась.

В скором времени командование договорилось посылать на задания смешанные группы. В них входили советские и польские партизаны. В боевых операциях они добивались успеха. В составе таких групп неоднократно выходил на задания И.Д. Рудчик. Однажды, возвращаясь с задания, одна из таких групп, в которой был И.Д. Рудчик, попала во вражескую засаду. Дав короткий бой, партизаны отступили в рожь. Немцы долго обстреливали рожь, но углубиться в неё не решились. Ночью партизаны вышли из ржи и с помощью местных жителей сумели уйти к месту базирования отряда [25].

В апреле 1944 г. в Польшу было перебазируется также партизанское соединение имени А. Невского под командованием В.А. Карасева, в рядах которого сражалось значительное число белорусов.

Кроме названных партизанских соединений весной 1944 г. в Польшу вступило еще несколько отдельных отрядов советских партизан. С марта по июнь 1944 г. на территории Польши, главным образом в её восточных районах, действовало 15 советских партизанских отрядов общей численностью 4 400 человек.

Широкий размах партизанской войны вызывал серьезную озабоченность командования группы армий «Центр». Против партизан фашисты часто бросали регулярные соединения и отдельные полицейские части, но безрезультатно. Летом 1944 г. они предприняли против партизан в Билгорайских и Яновских лесах карательную экспедицию «Штурмвинд-1», самую крупную за всю историю войны в Польше. Гитлеровцы сосредоточили в этом районе около 30 тыс. солдат и офицеров, которые к середине июня 1944 г. окружили партизан железным кольцом. О подготовке карательной экспедиции партизанам стало известно из польских агентурных каналов, а также благодаря разведывательным поискам, которые активно и постоянно велись всеми партизанскими отрядами. В первых числах июня партизаны отметили усиленную концентрацию гитлеровских войск, занимавших одно за другим близлежащие селения. К 10 июня живая связь партизан с внешним миром прервалась: кольцо окружения замкнулось.

Решение советских и польских командиров дать бой карателям, хотя те и превосходили их в силах, было солидарным. Без помощи советских партизанских отрядов местные силы Армии Людовой не смогли бы выдержать напора врага. Это понимал каждый советский и польский командир. С общего согласия партизанами было создано единое командование, в состав которого с советской стороны вошли Н.А. Прокопюк, В.А. Карасев, А.А. Горович, прошедшие большой партизанский путь, отличавшиеся глубиной оперативного мышления, высокими организаторскими способностями. Создание единого командования явилось результатом взаимного доверия польских и советских партизан, было одним из условий достижения победы.

В боях отличились бойцы взвода М.И. Петрова белорусы Евгений Иванович Тарновский и его земляк Степан Нестерчук. Отправленный на каторгу в Германию молодой белорусский парень Е. Тарновский сумел бежать из поезда на территории Польши, где его, обессиленного, подобрала партизаны соединения Н.А. Прокопюка [26]. В Конинских лесах дислоцировался один из отрядов Армии Людовой, которым коман-

довал Чеслав Борецкий (Бжоза). Его надежными помощниками были грузин А. Бичия и белорусский партизан Семен Усик. С приходом в этот район соединения Н.А. Прокопюка советские партизаны влились в его отряд [27, с. 91–92].

На территории Польши белорусы боролись с врагом и в других соединениях. Так, по воспоминаниям командира Келецкой бригады Т.Ф. Новака, заброшенного с Украины и создавшего крупную бригаду, в ней насчитывалось много уроженцев Белоруссии [28, с. 62].

В преддверии боев за освобождение Польши советское командование забрасывало на территорию Польши много разведывательных групп для сбора информации в оперативном тылу противника. Советские разведчики входили в контакт с местными партизанами и подпольщиками; опираясь на их помощь, они вели сбор сведений в интересах Красной Армии. Командиры разведгрупп включали в свой состав польских патриотов и партизан – бывших бойцов Красной Армии, приобретших боевой опыт на польской земле, знавших специфику борьбы и географию районов действий групп. Советские граждане, вливаясь в состав разведывательно-диверсионных групп, значительно усиливали их, оказывали большую помощь в сборе сведений для Красной Армии.

Павел Семенович Гаврис, житель Ганцевичей, в 1942–1943 гг. был связным партизанского отряда «Соколы», которым командовал известный в Белоруссии К.П. Орловский. В мае 1943 г. в составе спецгруппы «Вест» он был направлен на территорию Польши. В задачу группы «Вест» под командованием чекиста А. Миронова (подпольная кличка – Лесков) входила разведка дислокации вражеских войск от Бреста до Варшавы. Чтобы успешно выполнить задание, группе необходимы были проводники, которые знали местность, хорошо владели польским языком. Таким человеком был П.С. Гаврис. Вместе с ним повели «Вест» вглубь польской территории лучшие бойцы «Соколов» белорусы Павел Воробьев и Иван Турейко. П.С. Гаврис умело выходил на связь с польскими партизанами, местным населением. При его помощи «Вест» успешно прошел через Бялу Подляску, Белосток, Седльцы к Варшаве. Отправленные в Центр радиогруппы позволили советскому командованию получать ценные сведения и наносить по врагу авиационные удары. Вернулись разведчики на базу «Соколов», когда бои шли уже на территории Брестской области [4, с. 174–175].

Заключение

Отметим, что в научной литературе нет обобщающих данных о количестве белорусов, сражавшихся с врагом на территории Польши. Как свидетельствуют исследования польских и украинских историков, более трети личного состава советских партизанских отрядов составляли уроженцы Белоруссии. Можно сделать вывод, что в составе партизанских отрядов Польши сражались с общим врагом около 4 тыс. уроженцев нашей республики. Предстоит большая поисковая работа по установлению участников партизанской войны в Польше.

Борьба советских людей на территории соседнего с Беларусью государства заслужила высокую оценку со стороны народа Польши. Многие из них удостоены высоких наград Польши, им присвоены звания почетных граждан многих польских городов и сел. На могилах погибших установлены памятники и обелиски, память о них жива в сердцах их боевых побратимов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кручок, Р.Р. Працоўныя Беларусі ў еўрапейскім руху Супраціўлення / Р.Р. Кручок // Гісторыя Беларускай ССР : у 5 т. – Мінск : Навука і тэхніка, 1975. – Т. 4: Беларусь напярэдадні і ў гады Вялікай Айчыннай вайны Савецкага Саюза (1939–1945 гг.). – 640 с.

2. Павлов, В.П. Белорусы в европейском движении Сопротивления / В.П. Павлов // Беларусь в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. / А.А. Коваленя и др. – Минск : БЕЛТА, 2005. – 542 с.

3. Паўлаў, У.П. Амазонкі з Беларусі, або Надзея Лісавец – лейтэнант французскай арміі / У.П. Паўлаў // Беларус. мінуўшчына – 1995. – № 4. – С. 2–5; На зямлі Уленшпігеля / У.П. Паўлаў // Беларус. мінуўшчына – 1996. № 4. – С. 60–62; Беларусы ў французскім руху Супраціўлення / У.П. Паўлаў // Беларус. гіст. часопіс – 2009. – № 1. – С. 40–48; Беларусы ў руху Супраціўлення Чэхаславакіі / У.П. Паўлаў // Беларус. гіст. часопіс. – 2010. – № 4. – С. 14–21; Белорусы в движении Сопротивления Франции / В.П. Павлов // – Минск : МИТСО, 2012. – 103 с.

4. Памяць : гіст.-дакум. хроніка Ганцавіцкага р-на Брэсцкай вобл. – Мінск : БЕЛТА, 1999. – 477 с.

5. Братство по оружию. Braterstwo broni. – М. : Воениздат, 1975. – 383 с.

6. Переписка Генерального секретаря ИККИ Г.М. Димитрова с руководством Польской рабочей партии (1942–1943 гг.) // Новая и новейшая история. – 1964. – № 5. – С. 110–120.

7. Літвін, А.М. Дні чакання і надзей / А.М. Літвін // Памяць : гіст.-дакум. хроніка Столінскага р-на Брэсцкай вобл. – Мінск : БЕЛТА, 2003. – 640 с.

8. Памяць : гіст.-дакум. хроніка Столінскага р-на Брэсцкай вобл. – Мінск : БЕЛТА, 2003. – 640 с.

9. Валерын, М. Плячом к плячу / М. Валерын, А. Яшын // Чырвоная звязда (Іванава). – 1979. – 28 сак. – С. 4.

10. Warszawa-Prawa Podmiejska, 1942–1944. – Warszawa, 1973. – S. 780.

11. Mańkowski, Z. Gwardia Ludowa i Armia Ludowa na Lubelszczyźnie. / Z. Mańkowski., J. Naumik // Lublin, 1960. – S. 236.

12. Парсаданова, В.С. Помощь Советского Союза в развитии партизанского движения в Польше (1944 г.) / В.С. Парсаданова // Советское славяноведение. – 1972. – № 2. – С. 15–24.

13. Арганізатары і кіраўнікі партызанскага руху на Кобрыншчыне // Памяць : гіст.-дакум. хроніка Кобрынскага р-на Брэсцкай вобл. – Мінск : БЕЛТА, 2002. – 624 с.

14. История Коммунистической партии Советского Союза в 5 т. – М. : Политиздат – Т. 5, кн. 1. – 1970. – С. 575.

15. Страны Центральной и Юго-Восточной Европы во второй мировой войне : воен.-истор. справочник. – М. : Воениздат, 1972. – 356 с.

16. Рубашевский, Ю. Неудобная слава? / Ю. Рубашевский // Вечерний Брест. – 2000. – 8 дек. – С. 4.

17. Вспомним всех поименно... – Брест : Вечерний Брест. – 2011. – 134 с.

18. Припотнев, А. На земле польской / А. Припотнев // Заря. – 1968. – 14 дек. – С. 4.

19. Припотнев, А. Рейд по польской земле / А. Припотнев // Заря. – 1970. – 25 февр.

20. Вершигора, П.П. Партизанские рейды (из истории партизанского движения в годы Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.) / П.П. Вершигора, В.А. Зеболов // – Кишинев : Штиинца, 1962. – 138 с.

21. Булат, Л. Соберемся на последний сбор / Л. Булат // Советская Белоруссия. – 2004. – 30 марта. – С. 5.

22. Семиряга, М.И. Боевое содружество советских и польских партизан в борьбе за освобождение Восточной Польши / М.И. Семиряга // Боевое содружество советского и польского народов. – М. : Мысль, 1973. – 277 с.

23. Собесяк, Ю. Деякі пытанні спільна і барацьбы польскіх і украінскіх партызаніў проты німецка-фашыстскіх загарбнікў у роки Велікоі Вітчызняноі вайны / Ю. Собесяк // Незборіма сіла ідэй Жовтня : Матэрыялы наук. сесіі «Історічне значення

Великої і Жовтневої соціалістичної революції в житті українського і польського народів» – Київ : Вид-во Київ. ун-ту. 1967. – 187 с.

24. Наумов, М.И. Западный рейд: дневник партизанского командира /М.И. Наумов // – Киев. : Политиздат Украины, 1980. – 265 с.

25. Рудчик, И. Братья по оружию / И. Рудчик // Заря. – 1973. – 12 мая. – С. 4.

26. Мясников, В. На польской земле / В. Мясников // Неман. – 1974. – № 5. – С. 193–194; Мясников, В. Отряд уходит на задание / В. Мясников // Отряд уходит на задание. – Куйбышев, 1987. – 224 с.

27. Морохов, Г.П. Шуміли Цуманські ліси: записки партизана / Г.П. Морохов. – Львів : Каменярь, 1984. – 106 с.

28. Новак, Т.Ф. Лесная быль / Т.Ф. Новак. – М. : Воениздат, 1962. – 206 с.

Pavlov V.P. The Natives of the Brest Region in the Resistance Movement of Poland

The article examines participation of the natives of the Brest region, who fought during the Great Patriotic War in guerilla groups in Poland. Most of those were the Soviet prisoners of war who had managed to escape from Nazi concentration camps and had become guerillas as well as scouts and fighters of the units and groups sent by the Soviet command to Poland.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 04.01.2013

УДК 947.032.4+947(043)+321.9

*И.Ю. Уваров***ОТНОШЕНИЕ ШЛЯХТЫ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО
К НОВОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ
в 60-х годах XVI столетия**

Данная статья посвящена актуальной теме, которая связана с образованием политического союза между Великим Княжеством Литовским и Королевством Польским, вследствие чего по решению Люблинского сейма 1569 г. было создано единое федеративное государство – Речь Посполитая. Главная цель в решении политических и социально-экономических проблем эпохи отводилась шляхте ВКЛ, которая стремилась к получению широкого спектра вольностей и привилегий. Добиться этого можно было только с помощью усовершенствования конституционных прав и свобод господствующего сословия.

Введение

В работе задействован обширный круг опубликованных источников и частично привлечена информация, собранная в фондах Национального исторического архива Беларуси. Библиографическую базу составляют монографии разных периодов и статьи. Следует отметить, что многие источники остаются труднодоступными для исследователя. Это в значительной степени усложняет специфику выявления и публикации многих материалов.

Особую ценность представляют книги, в которых отражены разноплановые, концептуальные взгляды авторов досоветского периода и научные разработки зарубежных специалистов в области медиевистики. Значительный интерес представляют работы советских ученых, в которых значимо и обстоятельно представлена последовательность прошедших событий с точки зрения изменения социально-политических процессов в истории ВКЛ. Отдельные материалы отражают яркие страницы политической игры «ВКЛ – Польша» накануне и в период принятия Люблинской унии 1569 г.

Целью работы было проведение источниковедческого и историографического исследования по проблеме отношения шляхты ВКЛ к осуществляемой внутренней и внешней политике верховной власти в 60-е гг. XVI в.

К середине XVI в. между Великим Княжеством Литовским и Королевством Польским вновь возник вопрос об унии. Процесс формирования унии между двумя государствами продолжался более полутора столетия, но при этом не затрагивал суверенитета этих государств. Так, например, еще в период правления великого князя Александра Ягеллончика поднимался вопрос о соединении ВКЛ с Коронай. В это время уже большинство крупных феодалов ВКЛ, являясь католиками были готовы поддержать унию. При этом многие из них были представителями известных польских и литовских фамилий. Таким образом, они видели возможность развития и укрепления своих шляхетских привилегий и получение «золотых польских вольностей» в случае объединения Польши и ВКЛ [1, с. XXXVII, XCVI; 2, s. 140].

В это время польская феодальная знать стремилась недопустить прихода к власти в ВКЛ представителей Московского великокняжеского дома, поскольку в разные времена возникали предпосылки этой перспективы из-за расширения внешней политики Москвы на Запад и заключения родственных союзов между семьями двух монархов. Женитьба великого князя Александра на Елене Ивановне явилась определенной неожиданностью: с одной стороны брак должен был стать гарантией надежного мира и согласия, с другой – Александр начал оказывать на жену давление, требуя принять католиче-

скую веру, что отразилось на политических отношениях ВКЛ и Великого Княжества Московского [3, с. 5; 4, с. 63–67; 5, с. 6; 6, с. 67; 7, л. 206об.].

Время шло, а проблема принятия унии оставалась темой широких обсуждений как на заседаниях вальных сеймов, так и в среде крупной шляхетской магнатории. В итоге на смену неоднократно заключенным униям 1385, 1413, 1447 гг. между двумя государствами пришло конечное соединение между ВКЛ и Польши с подписанием акта Люблинской унии [8, с. 122–123; 9, с. 200–201]. Таким образом, был создан новый политический союз раннепарламентской федерации – Речь Посполитая. ВКЛ при этом сохранило, однако, определенный набор прав на независимость от Польши, что свидетельствовало о государственном суверенитете. Вальный сейм мог проходить по очереди в городах Гродно и Варшаве. Но в период последних десятилетий XVI в. Речь Посполитая по принципу своего политического устройства еще сохраняла отдельные признаки и черты конфедеративности. Новое государство в данный период по численности населения и территории было самым крупным в Европе. Это давало возможность влиять на политические процессы в Восточной Европе.

Если проследить ход развития политической истории ВКЛ, то можно отметить, что со времен Ягайло и Витовта, вопрос об унии сохранялся нерешенным, пока не созрели социально-политические и экономические предпосылки для решения этой сложной международной задачи. При этом следует учитывать тот факт, что шляхетская магнатория Короны периодически выступала инициатором объединения двух государств. Это позволило укрепить внешнеполитическое положение Польши и взять под контроль богатые белорусские и украинские земли. Кроме этого католическая церковь в лице польского духовенства стремилось окатоличить православное и протестантское восточно-славянское население ВКЛ [10, с. 39]. Такая религиозная ситуация привела к тому, что шляхта белорусских и украинских земель, видя перспективу скорого духовного порабощения местного населения, начинает придерживаться польской ориентации.

Качественно новым этапом в истории ВКЛ принято считать начало 60-х гг. XVI в., когда серьезно обострилась внешнеполитическая ситуация и ВКЛ было втянуто в Ливонскую войну. В сложившейся обстановке именно внешняя опасность явилась основной причиной укрепления союзнических отношений между ВКЛ и Польшей [11, с. 215]. На военно-полевом сейме, проходившем возле Витебска в 1562 г., шляхта ВКЛ постановила добиться унии с Польшей в надежде получить военную помощь.

Послы от витебской шляхты П.Т. Кисель и И. Богушевич на Берестейском сейме в августе 1566 г. сообщили Сигизмунду-Августу о желании многих шляхтичей заключить унию с Польшей. Такая позиция восточно-белорусской шляхты была обоснована сильным влиянием польской стороны. Таким образом, на Варшавском сейме 1564 г. была выработана декларация по вопросу о данном союзе [12, с. 29–32; 13, с. 131–133; 14, с. 202–203; 15, с. 111–113]. Особое рвение к единению с Коронай проявляла шляхта католического вероисповедания. На сейме 1568 г. в Гродно депутаты всех земель ВКЛ в очередной раз обратились к господарю с единогласным желанием заключить политический союз между двумя государствами [13, с. 153–154; 16, л. 31об–33об.].

Представители великокняжеской власти и сам господарь были вынуждены пойти на более тесные отношения с Польшей под давлением самих феодалов ВКЛ и по причине обострения политической ситуации во время Ливонской войны. Вообще, следует отметить, что на Виленском сейме 1562 г. и на съезде шляхты в Минске того же года главным и бурно обсуждаемым был вопрос «переоформления» конфедеративных отношений ВКЛ и Короны в федеративный союз [8, с. 125; 17, с. 50; 13, с. 195; 12, с. 87–92; 18, с. 32].

Период 60-х гг. XVI в. был достаточно насыщен политическими требованиями шляхты. В 1567 г. служилые землевладельцы, собравшись на «съезде и собраньи... в Лебедёве...», приняли решение снарядить послов от всех земель ВКЛ в господарскую

адміністрацыю с просьбай о заключении унии с поляками «...в таком взвязку милости сгоды братское, который бы был однако и заровно во всём пожиточный обоим тым панствам» [14, с. 482; 19, с. 207–209; 20, с. 525–551]. Чем же объяснить неустанное стремление шляхы ВКЛ к такой теплой дружбе и единению с поляками? Дело в том, что в это время происходит юридическое оформление конституционных прав шляхты ВКЛ, иными словами, уравнивание ее в правах с польской шляхтой, которая к этому времени имела много льгот, вольностей и привилегий. Именно такого социально-экономического и политического простора жаждала шляхта ВКЛ. Но следует иметь в виду, что за всеми этими амбициями и интересами шляхты литовских, белорусских и украинских земель стоял мощный финансовый капитал католического Запада и Ватикан. Ведь первоочередной задачей католических миссионеров было сыграть на противоречиях местной феодальной знати, разжечь религиозную вражду, столкнуть народы в военном противостоянии. И только затем продиктовать экономически и социально ослабленной шляхте свою волю, установить духовно-религиозное порабощение восточнославянских народов.

Статут 1566 г. в какой-то степени сблизил и уравнил представителей господствующего сословия Польши и ВКЛ [21, с. 176]. В этой борьбе мелкая шляхта ВКЛ желала сохранить определенную независимость от гегемонии польской магнатории. Что касается магнатов ВКЛ, то они искали опору своей власти в Польше, чтобы сохранить за собой восточные белорусские земли с православным населением.

Среди значимые политических причин, приведших к унии с Польшей, следует выделить следующие. Первая – это стремление великого князя Московского Ивана IV установить господство на пределах территории бывшей Киевской Руси, на т.н. «Мономахово наследство». В рамках этой политики осложнились отношения между Вильно и Москвой. Другой причиной был факт прекращения династии Ягеллонов, так как Сигизмунд Август не имел потомства [15, с. 177]. При таком развитии событий даже возникло предложение со стороны правительства Ивана IV поставить в Вильно своего человека из царского рода [22, с. 5]. Московский монарх Иван Васильевич намеревался вступить в брак с Еленой, сестрой Сигизмунда Августа II, но переговоры об этом союзе, которые велись в 1560–1561 гг., зашли в тупик. Сигизмунд Август тоже был занят поиском преемника на великокняжеский престол, даже из польской среды [23, с. 86–87]. Сигизмунд Август был вынужден терпеть оскорбительные речи в свой адрес от архиепископа Гнезненского, который упрекал его в отсутствии наследника. Вопрос о престолонаследии был настолько актуальным (основная причина – слабость здоровья Сигизмунда Августа), что эта тема должна была обсуждаться сенаторами будущего польско-литовского сейма. И третья (главная) причина – постоянные набеги татар, приходивших на земли ВКЛ с начала XVI в. и до принятия Люблинской унии 45 раз. Это истощило силы государства, подорвало систему финансов, пагубно отразилось на боеспособности шляхетского ополчения.

Достаточно сложной оставалась религиозная обстановка. В ВКЛ полным ходом шло наступление католицизма на восточный православный мир. Было и много других причин, приведших к необходимости заключить союз двух государств. Это и многое другое привело к тому, что на сейм 1563 г. в Варшаву отправилась делегация ВКЛ во главе с крупным магнатом Николаем Радзивиллом. Но логического завершения обсуждаемых вопросов достигнуто не было, поскольку польская сторона желала видеть будущее ВКЛ через ослабление государственности и потерю своей самостоятельности. Теперь для принятия единого решения было нужно созвать авторитетных представителей от светского и духовного сословия феодалов ВКЛ и Польши.

Общая сеймовая сессия открылась в Люблине 10 января 1569 г. Сюда прибыла часть послов от ВКЛ, которые находились в Варшаве на предварительном обсуждении

вопросов об унии. Другая часть послов явилась из Великого княжества. Собравшиеся на сейм представляли собой мощную группировку польско-шляхетской магнатории и католического духовенства. Они на правах хозяев заняли господствующее положение на сейме. Было видно, что позиции представителей ВКЛ непрочные, великокняжеская сторона заинтересована в польской помощи. В этой напряженной обстановке польские феодалы искали возможность оказать влияние на своих союзников. Их интересовало, какую пользу можно извлечь из подписания договора [24, с. 381, 517, 521–522, 543; 13, с. 131; 1, с. 68; 12, с. 92–94; 7, л. 206]. Однако предстояла достаточно острая и напряженная борьба: каждая из сторон выдвигала сложные условия унии, что мешало принятию единого решения.

В период прохождения Люблинского сейма шляхта от ВКЛ жаловалась на ущемление интересов землевладельцев. Господарь много говорил о проблемах своего двора и личном окружении. В ходе упорных обсуждений обе стороны отстаивали свои позиции. В отношении требований великокняжеской шляхты Сигизмунд Август выступил на сейме с речью. «По правде сказать, я никогда не ожидал ни от вас, господа сенаторы, ни от вас, господа послы, чтобы вы решились отнимать у меня то, что мне принадлежит. Я не желал бы оставить после моей смерти моих подданных в таком состоянии, чтобы трудно было думать, что я был вашим королем, государем» [24, с. 520–521; 7, л. 202об.–203].

Отношения Сигизмунда Августа с крупными олигархами и шляхтой на сейме 1569 г. выглядели в какой-то степени заискивающими. Сигизмунд Август просил, чтобы на него не сердились за то, что он задолжал выплаты с господарских имений в Мазовии и Литве, которые должны были идти на военные нужды [24, с. 636]. В ходе оживленных сеймовых бесед господарь пытался урегулировать ряд вопросов в отношении землевладения. При этом он хотел сохранить часть владений собственного господарского домена и не ущемлять права шляхты на владение землей. Однако станы сейма категорически отказались признать за великим князем наличие какого-либо земельного владения на территории ВКЛ. Шляхтичи были категорически против, чтобы государь унаследовал имения от своей матери королевы Боны [24, с. 541]. Сигизмунду Августу были представлены доказательства, что на прежних сеймах (1561–1562 гг.) именитая шляхта подтвердила свое решение о редукции королевских имений с дальнейшей их передачей в пользование людей, которые имеют определенные заслуги перед государством. В условиях сумбурной обстановки, в которой проходили сеймовые заседания, господарь под общим давлением со стороны магнатско-шляхетской аристократии был вынужден отказаться от идеи укрепления своей власти в господарских имениях [24, с. 544].

На Люблинском сейме 1569 г. шляхта выступила с рядом предложений административно-управленческого характера. Из выступления королевского подскарбия Сеницкого видно, что сенаторы требуют от короля уничтожения государевых подскарбиев в Пруссии и эконома в Мазовии. Шляхта просила Сигизмунда Августа назначать на должности королевских подскарбиев людей почетных и благородных. Еще на сейме широко обсуждалась проблема, связанная с отменой королевского суда, который выносит постановления в ущерб представителям военно-служилого сословия шляхты [24, с. 338]. Однако добиться решения этой проблемы шляхта смогла только в 1578 г.

Следует отметить, что светские и духовные феодалы от белорусских и литовских земель из числа архиепископов, воевод и других чинов великокняжеской администрации были в большинстве противниками унии, так как они видели в расширении власти магнатской олигархии при поддержке их польской стороной огромную опасность для государственной целостности ВКЛ [12, с. 93]. В период сложных отношений между сенаторами Люблинского сейма делегаты от ВКЛ решили заблокировать деятельность сеймовой сессии, чтобы предотвратить насильственное заключение унии. Это привело

к тому, что в марте 1569 г. представители от ВКЛ прервали свою работу на сейме и, покинув Люблин, уехали домой. В этот момент польская магнатория потребовала от Сигизмунда Августа, чтобы он издал указ о присоединении к Короне значительной части украинских земель, что составило почти половину всего Княжества. Другая часть великокняжеских земель в данный период находились в сфере геополитических интересов Ивана IV, который проводил активную внешнюю политику.

В итоге был принят Акт Люблинской унии от 1 июля 1569 г. Текст договора был подготовлен в двух экземплярах: от Польши и ВКЛ. В итоге на этом совместном сейме 1569 г. было сломлено сопротивление белорусской, украинской и литовской магнаторий и установлена власть единого монарха при активной поддержке польской стороны.

В новом федеративном государстве – Речи Посполитой – за ВКЛ сохранялось его название, право на издание местного законодательства, внутреннее управление, судебные органы и государственный бюджет. Главным выборным органом в стране оставался вальный сейм. Глава государства одновременно являлся польским королем и великим князем Литовским, выборы его проходили на общем сейме. Это обстоятельство открывало королю возможность жаловать белорусские и украинские земли за военную и государственную службу польским феодалам, что в дальнейшем способствовало расширению польского католического влияния на земли с православным белорусским и украинским населением [3, с. 5–6; 13, с. 199; 25, с. 131; 20, с. 559; 26, с. 150–154]. Люблинское соглашение способствовало отмене многих пошлин для светских и духовных феодалов. Этим были расширены экономические своды и многие другие права великокняжеской шляхты и магнатории [20, с. 560–561].

Заключение

В завершении следует отметить, что сам факт соединения ВКЛ с Королевством Польским не означал полного объединения государств. Следовательно, польская дипломатия натолкнулась на противостояние великокняжеской стороны и не имела полного успеха. Даже после принятия унии 1569 г. ВКЛ территориально и по характеру административного деления оставалось существовать, утратив при этом южные поветы страны [27, с. 599–652]. Политическая и социально-экономическая организация Речи Посполитой впоследствии стала отвечать требованиям феодальных элит ВКЛ и Польши. Что касается непосредственно польской шляхты, то ее также устраивал этот новый союз. Однако великокняжеские магнаты и православная шляхта потерпели полное политическое поражение, не проявив решительности в сохранении интересов своего государства. Среди шляхты и православного населения ВКЛ стали расти настроения против унии с Польшей, появились лозунги «Прочь Жигимонта короля» и т.д. Это и многое другое привело к тому, что в конце XVIII в. Речь Посполитая оказалась в силовом поле соседних более могущественных держав и вскоре прекратила свое существование.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Документы, объясняющие историю Западно-русского края и его отношение к России и к Польше. – СПб. : Тип. Праца, 1865. – 203 с.
2. Konopczyński, W. Chronologia sejmów polskich 1493–1793 / W. Konopczyński / Polska Akad. Umiejętności // Archiwum komisji Historycznej. – Seria 2. – T. 4, № 3. – Krakow, 1948. – S. 127–169.
3. Доўнар-Запольскі, М.В. Асновы дзяржаўнасці Беларусі / М.В. Доўнар-Запольскі. – Мінск, ВПП Дзяржэканамплана РБ, 1994. – 23 с.

4. Bardach, J. Studia z ustroju i prawa Wielkiego Księstwa Litewskiego XIV–XVII w. / J. Bardach / Białostockie towarzystwo naukowe // Prace Białostockiego towarzystwa naukowego. – № 13. – Warszawa : PWN, 1970. – 404 s.
5. Максимейко, Н.А. Сеймы литовско-русского государства до Люблинской унии 1569 г. / Н.А. Максимейко. – Харьков : тип. А. Дарре, 1902. – 205 с.
6. Каштанов, С.М. Социально-политическая история России конца XV – первой половины XVI вв. / С.М. Каштанов. – М. : Наука, 1967. – 392 с.
7. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ) – Коллекция микрофильмов (КМФ) 18. – Оп. 1. – Д. 529, ч. 5.
8. Bardach, J. Unia Lubelska, jej geneza i znaczenie / J. Bardach // Kultura i Społeczeństwo. – 1970. – R. XIV, № 2. – S. 120–136.
9. Юхо, Я.А. Крыніцы беларуска-літоўскага права / Я.А. Юхо. – Мінск : Беларусь, 1991. – 236 с.
10. Мараш, Я.Н. Ватикан и католическая церковь в Белоруссии (1569–1795) / Я.Н. Мараш. – Мінск : Вышэйшая школа, 1971. – 272 с.
11. Пресняков, А.Е. Лекции по русской истории. Западная Русь и Литовское государство. – М. : Соцэкгиз, 1939. – Т. II, вып. I. – 284 с.
12. Volumina legum : przedruk zbioru praw. – Petersburg, 1859. – Т. I–II. – 482 s.
13. Лаппо, И.И. Великое княжество Литовское во второй половине XVI столетия. Литовско-русский повет и его сеймик / И.И. Лаппо. – Юрьев, 1911. – 624 с.
14. Документы Московского архива Мин-ва юстиции. – М. : Тип. А.И. Мамонтова, 1897. – Т. 1 (введение М. Довнар-Запольского). – 570 с.
15. Ігнатоўскі, У.М. Кароткі нарыс гісторыі Беларусі / У.М. Ігнатоўскі. – Мінск : Беларусь, 1991. – 190 с.
16. НИАБ. – КМФ 18. – Оп. 1. – Д. 532, ч 1–2: Наказы и предписания по разным внутренним делам.
17. Dąbkowski, P. Stanowisko cudzoziemców w prawie Litowskim w drugiej połowie XV i w XVI wieku (1447–1558) / P. Dąbkowski. – Lwów, 1912. – 88 s.
18. Bardach, J. Historia państwa i prawa Polskiego / J. Bardach, B. Lesnodorski, M. Pietrzak. – Warszawa : PWN, 1985. – 587 s.
19. Любавский, М.К. Литовско-русский сейм. Опыт из истории учреждения в связи с внутренним строем и внешнею жизнью государства / М.К. Любавский. – М., 1900. – 850 с.
20. Пичета, В.И. Белоруссия и Литва XV–XVI вв. : исследования по истории социально-экономического, политического и культурного развития / В.И. Пичета. – М. : Изд-во АН СССР, 1961. – 815 с.
21. Бардах, Ю. История государства и права Польши / Ю. Бардах, Б. Леснодарский, М. Пиетрачак. – М. : Юрид. лит., 1980. – 559 с.
22. Довнар-Запольский, М. Очерки по организации Западно-русского крестьянства в XVI в. / М. Довнар-Запольский. – Спб. : Тип. АН, 1907. – 508 с.
23. Klaczko, J. Anneksya w Dawnej Polsce (Unia Polski z Litwą) / J. Klaczko. – Kraków, 1901. – 94 s.
24. Дневник Люблинского сейма 1569 г. Соединение Великого княжества Литовского с Королевством Польским / Пер. на рус. яз. и приготовлен к изд. М.О. Кояловичем. – Спб., 1869. – 786 с.
25. Кутшеба, С. Очерк истории общественно-государственного строя Польши / С. Кутшеба. – Спб., 1907. – 231 с.
26. Белоруссия в эпоху феодализма : сб. док. и материалов : в 3 т. / Сост. З.Ю. Копынский, М.Ф. Залого. – Минск : Изд-во АН БССР, 1959. – Т. 1: С древнейших времен до середины XVII в. – 516 с.

27. Kutrzeba, S. Unia Polski z Litwą (Polska i Litwa w dziejowym stosunku) / S. Kutrzeba. – Warszawa, 1914. – S. 449–700.

Uvarov I.U. The Relationship of the Gentry of the Grand Duchy of Lithuania to the New State Policy of the Supreme Authority in the 60s of XVI Century

The present article is devoted to the actual theme which deals with the formation of a political union between the Grand Duchy of Lithuania and the Kingdom of Poland as a result of which the united federative state – Rzeczpospolita – based on the decision of Lublin Union of 1569 was created. The main role in the solution of those social and political problems was assigned to the gentry of the Grand Duchy of Lithuania which aspired to get a wide list of freedoms and privileges. It became possible only by the improvement of constitutional rights and freedoms of the ruling nobility.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 22.02.2012

УДК 94 (476)/18

С.А. Юрис, Е.П. Нарижная

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ В ПЕРИОД ВКЛ И РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

В статье показана динамика развития городского самоуправления на белорусских землях в эпоху зрелого и позднего феодализма и восполнены отдельные лакуны в исследовании данной проблемы. Анализируются основные типы взаимоотношений между государственной властью и местным самоуправлением, равно как и между местной феодальной властью и местным самоуправлением. Сделана попытка систематизировать и охарактеризовать особенности органов городских общин с Магдебургским правом, изменчивость их состава и прерогатив. Используется комплексный подход, чтобы исследование охватывало многообразие социально-культурных данных, нехватка которых ощущается, например, при изучении истории XVI, XVII и XVIII стст., при доминировании традиционной социально-экономической и социально-политической проблематики в отечественной историографии.

Введение

Изучение значения органов городского самоуправления и роли самих городских поселений в феодальном социуме активно началось в XIX в. (труды историков М. Кояловича и В. Антоновича) и продолжилось в XX в. (работы М. Довнор-Запольского, В. Пичеты и др.). Эволюция автономии городов как хозяйственно-политических и социокультурных единиц феодальной системы стала предметом рассмотрения З. Копысского, А. Грицкевича, И. Юхо. Исследования, базирующиеся на большом архивном пласте материалов, охватывали широкий круг вопросов: от причин принятия немецкого права до конкретизации реального функционирования судебной практики городского самоуправления.

Характеризуя современный этап развития исторической науки, следует отметить, что работы, посвященные городской и шляхетской культуре, частной жизни привилегированного и мещанского сословий на Беларуси и повседневной истории как отдельному направлению в отечественной истории, до сих пор остаются немногочисленными. Если городская жизнь XIX – первой половины XX вв. или повседневность «штетла» (еврейской общины) еще достаточно глубоко рассматривается, то материалы, посвященные динамике развития городских сообществ, институтов местной власти, являются для многих трудов побочной информацией (за исключением работ С. Стренковского и З. Шибeko). Формы самоуправления и привилегии на него в городах Великого Княжества Литовского основательно анализируются С. Стренковским, а социокультурные аспекты городской жизни – З. Шибeko [1; 2]. Однако некоторые проблемы динамики развития городского самоуправления на белорусских землях до сих пор остаются вне поля зрения исследователей. Актуальность изучения вопросов, связанных с реализацией властных полномочий местного самоуправления на белорусских землях в период Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой, объясняется существованием сегодня противоречивых взглядов как на необходимость и сам процесс принятия норм магдебургского права, так и на оценку результатов деятельности местного самоуправления в качестве самостоятельной автономной системы [3–7]. Именно поэтому авторы данной статьи попытались систематизировать и охарактеризовать особенности органов городских общин с Магдебургским правом, изменчивость их этноконфессионального состава и прерогатив. Итоги исследования станут полезными для осмысления целого ряда проблем становления институтов белорусской государственности, понимания специфики действия белорусского законодательства в период Российской империи и более поздние периоды, а также для освещения причин изменений этнокультурного облика городов Беларуси.

Рецепция немецкого права местными правовыми системами

Магдебургское право, пришедшее к нам из разных городов Европы и получавшее каждый раз «новое» название в зависимости от города, взятого за образец (Любек, Магдебург, Хелмн и др.), все-таки преимущественно было немецким. Поэтому процесс наделения городов в ВКЛ и Польше самоуправлением в реальности выглядел как перевод с местного права (польского и русского) с учетом местных традиционных юридических норм на немецкое право, уже включившее в себя фламандско-франконские элементы. Население стало активно добиваться самоуправления, во-первых, защищая его от произвола королевских и княжеских наместников, власти и суда других служебных лиц государства на местах, феодалов, а также дававшего послабление в повинностях. Великому князю, духовенству и шляхте это также было выгодно, ибо давало возможность улучшить состояние своей казны через получение доходов от чинша. Частью этого процесса было наводнение земель Польши и ВКЛ иноземцами с более высокой культурой, трудовой энергичностью, и немецкая колонизация, по утверждению В. Грабенского, тотчас же сыграла важную политическую роль, содействуя росту политический культуры населения [8, с. 74]. Столичные мещане получили Магдебургское право в Кракове по образцу Вроцлава уже в 1257 г. от Болеслава Стыдливового. Если в Польше, с которой ВКЛ было связано династической унией, король разрешил использование самоуправления вначале только одному местному сообществу – немецкой общине, и уже затем польскому населению, то в ВКЛ оно пришло практически без подобных этнических ограничений. Так, 15 августа 1390 г. в Кракове король Владислав (великий князь, господарь литовский и дедич русский Ягайло) выдал грамоту Бресту на Магдебургское право. В ней привилей распространялся на всех жителей города христианской веры, в том числе немцев, поляков и русинов. Немецкая община в г. Вильно при получении магдебургии (1387 г.) была совсем небольшая, а поляков было чуть больше. По утверждению Э. Гудавичюса, ситуация с Каунасом считается «редчайшим случаем, когда немецкая община сыграла столь важную роль в обретении и усвоении городом магдебургии» (1408 г.), она полностью утратила свое значение ко второй половине XV в., уступив литовцам, а «польская экспансия в самоуправляемых литовских городах не была подавляющей» [5, с. 370].

Однако бывали изъятия из этой нормы, обусловленные политической конъюнктурой. Например, великий князь Витовт в 1408 г. в привилее тому же г. Бресту оговорил особо, что на русинов действие Магдебургского права не распространяется, тогда как всем остальным (немцам и литовцам католической веры, схизматикам и неопитам) можно было не подчиняться служебным лицам ВКЛ [9, с. 30–43; 1, с. 40]. Таким образом, в системе развивающегося местного самоуправления в ВКЛ можно выделить два ограничительных фактора, которые проявлялись для местных сообществ в виде цензов либо по конфессиональному, либо по этническому признаку. Этнический признак действовал на более раннем этапе, когда сами великие князья запрещали принимать в свои города ненемецкое население, опасаясь бегства крестьян из их владений в города. Конфессиональный же стал более константным для самоорганизации горожан. В любом случае немецкое право принималось в урезанном виде, так как давалось не всему мещанскому сословию ВКЛ, а лишь отдельному сообществу.

К городам, которые получили Магдебургское право в конце XIV – начале XV вв. (Вильно, Брест, Сурож, Слуцк) добавились Гродно (1496 г.), Дрогичин, Полоцк (1498 г.), Минск (1499 г.). За пользование Магдебургским правом мещане платили довольно значительную сумму, если города были развитыми центрами торговли: 400 коп грошей для Полоцка или 500 коп грошей для Пинска. Кроме того, они получили освобождение от всех натуральных повинностей, лишь иногда замененные чиншем. Первые привилеи содержали только пункты о придании Магдебургского права с освобождением от дей-

ствия других правовых систем, прежде всего, «присуду гродского замкового»; традиционных обычаев и власти государственной администрации; установлении власти войта и его ответственности; избрании рады; городской земле, которую городская община держала на правах коллективного вассала великого князя Литовского, и налогах. Позднее привилеи на Магдебургское право охватывают все большее количество вопросов. Например, начиная с гродненского привилея 1468 г., в их содержание постепенно включаются пункты о праве на гербы, ярмарки, доходы от мер и весов, цирюлен, воскобоен и т.д. Таким образом, видна неравномерная эволюция городского права с постепенным приобретением мещанами своих вольностей и прав, которая напрямую зависела от степени выраженности насущных проблем конкретного города в требованиях горожан и степени их организованного давления.

Города имели элементы самоуправления на т.н. уставном праве, которое формировалось на базе королевских судебных (вилькеров) или ревизорских уставов, в которых оговаривалось введение администрации в составе войта, писаря и др. с правом занятия этих должностей мещанами, а также введение торговых привилеев и налоговых вольностей. В числе представителей городской власти Магдебургское право указывает войта, лентвойта, бурмистров, радцев, лавников. Институт местной власти в лице войта как результат организации местного самоуправления начал оформляться в ВКЛ (Дрогичин – 1429 г., Высокое – 1494 г., Пинск – 1501 г. и др.) еще до массового перевода городов на Магдебургское право, а на восточных землях ВКЛ (в Полоцке, Турове и др.) избрание войтов было традиционным. Об этом свидетельствуют, например, уже вышеупомянутая грамота от 15 августа 1390 г. короля Владислава (Ягайло) Бресту на Магдебургское право, в которой войт города обозначался термином «advocatus». Или обращение всех мещан и войта г. Пинска в 1501 г. к великому князю Александру, где все они «били челом» о кривдах, чинимых княгиней Марией Олелькович, тогда как Пинск получает самоуправление только через 80 лет. Первоначально под этим термином подразумевалось служебное лицо княжеского двора, руководящее замком или местом, в более ранний, полоцкий период часть подобных функций, в первую очередь, сбор налогов, осуществляли тиуны [1, с. 22–38; 10, с. 1; 11, с. 125–126].

Войту – главе городского самоуправления и высшей власти в городе — предоставлялись полномочия главы городского суда, он также являлся апелляционной инстанцией по решениям суда магистрата города. На содержание войта шли доходы в виде каждого третьего гроша с различных чиншей, налогов, третьего гроша или пенязя со всех судебных криминальных и наиболее важных гражданских дел, штрафов и др., как было принято в г. Вильно и других городах ВКЛ [11, с. 131; 4, с. 99]. В немецких городах должность войта была выборной, а в ВКЛ господарь назначал войтов (часто пожизненно) из числа крупных феодалов вплоть до XVI в., когда начинаются исключения из этого правила. Отсутствие выборности войта снижало ценность идеи самоуправления для горожан, так как именно войт, возглавляя выбранную городскую администрацию и суд, должен был обеспечить их правомочность. Поэтому члены городской общины активно стремились отстаивать свои сословные интересы через другие институты городского самоуправления, продолжая добиваться права самостоятельного избрания главы города.

Так, в 1559 г. мещане Орши сами избрали войта, а в Магдебургской грамоте Несвижа от 1586 г. указано, что князь Радзивилл может сам назначить войта, но после смерти первого назначенного войта горожане будут сами избирать две кандидатуры на этот пост. Далее по жребии один из двух претендентов станет войтом. В 1634 г. великокняжеский суд своим постановлением определил, что и в Пинске войта и лентвойта будет избирать «магистрат и поспольство», а в 1661 г. мещане г. Могилева и несколько позже г. Гродно также добились права избрания войта города. В XVII в. право на замещение

должности войта выкупили почти все города, и она превратилась в выборную. Хотя в частновладельческих городах, например, Копыле, владелец по-прежнему сам назначал войта, мог утверждать бургомистров, как указано в Магдебургском привилее этому городу от 1652 г. Избранные войты отсылались на утверждение (конфирмацию) к королю. Воля мещан постепенно в этом процессе стала учитываться. Например, когда мещане г. Кобрин в 1710 г. избрали себе войтом А. Костюшку, а король одновременно дал привилей на войтовство М. Савицкому, то после протеста городской общины король был вынужден отменить свое назначение [1, с. 87]. Для повседневной работы войты назначали себе заместителя – лентвойта. В ранних магдебургских грамотах конца XIV – начала XVI в. указывается, что лентвойт приносит присягу войту, а не городу. На протяжении XVI–XVII вв. процедура принесения присяги также претерпела изменения. Так, магистрат Бреста в первой половине XVII в. настоял на том, что лентвойт, назначаемый по-прежнему войтом, должен приносить присягу уже городу в ратуше. Подобное положение о присяге лентвойта городу закрепляет король Владислав в привилее от 1640 г. жителям г. Лиды. Если должность войта совмещалась с должностью воеводы, то управление радой и представительские функции переходили к лентвойту.

Одним из самых основных принципов городского самоуправления было то, что власть в городе принадлежала его жителям – мещанам, объединенным в местное сообщество – городскую общину, которая являлась коллективным субъектом права. Мещане – жители городов (ремесленники, купцы, домовладельцы и др.) – в XVI вв. составляли 15–16% от всего населения Беларуси. По имущественному положению в среде городского населения выделились три группы. Верхний пласт – верхи городской администрации, крупные купцы, высшее духовенство, землевладельцы. Средний пласт (около 40–50% жителей города) представляли цехмистры, ремесленники, владельцы лавок, служащие магистрата, незлитное духовенство. Низший пласт образовывали городские низы (прислуга богатых горожан, наемные работники, ученики ремесленников). Городские низы, имевшие в своем составе категории «люзных» и «гультьев», не обладали правами мещан и обозначались термином «бедные, худшие». Кроме того, были и крепостные горожане, обычно на территории юридик.

Основные вопросы жизни города община решала на общем собрании, где выбирали и контролировали городские органы власти и суда, проходила смена текущего состава членов магистрата с их обязательным финансовым отчетом. Сильные городские общины сложились в Беларуси еще в XII в. Полоцке, Турове, Пинске и др. [12, с. 92]. Возникновение общин с городскими повинностями (местечек, городов) по всей белорусской территории было обусловлено усилением товарно-денежных отношений, однако не все из них получили право торжища и не во всех их элементы городского самоуправления были признаны государственной властью.

В соответствии с Магдебургским правом горожане также выбирали орган самоуправления – раду и судебный орган – лаву. В состав рады входили бурмистры и радники из числа зажиточных горожан, купцов, лавочных торговцев и других групп, ее численный состав колебался от 6 до 24 человек. Рада обычно из своего состава вместе с войтом избирала двух годовых бурмистров (обычно одного католика и одного православного). Выборы не всегда были прямыми: кандидатов на посты бурмистров мог выбирать войт (что сразу снижало степень самоуправления городской общины, но главное, чтобы соблюдался конфессиональный паритет католиков и православных). Интересно, что в Полоцке в середине – второй половине XVI в. избиралось 8 бурмистров: по неоднократному требованию городской общины на эту уступку пошли великие князья Жигимонт I Старый и Жигимонт II Август. Под председательством бурмистров рады занимались хозяйственными делами, благоустройством города, рассматривали судебные гражданские дела жителей города. На заседания рады могли приглашаться цех-

мистры в качестве представителей от городских цехов ремесленников (еще одного вида местных сообществ). Сеймы XVII в., несмотря на регулярное издание ими законов против роскоши, позволяли-таки войтам, бурмистрам и другим городским сановникам носить драгоценные камни, шелковое платье, ценные меха. Этот момент интересен тем, что таким образом представители местной городской власти из мещан сравнивались хотя бы внешне с привилегированным шляхетским сословием. Это поднимало их социальный статус и среди прочего мотивировало к занятию выборных должностей в системе городского самоуправления.

В работе городского суда под началом войта участвовали избираемые горожанами под контролем магистрата заседатели – лавники. Критериями для избрания являлись срок проживания в городе и значимость кандидата для экономики города. Заседания суда должны были проходить в присутствии не менее половины всех лавников на основе Статутов Великого Княжества Литовского и местного городского права.

В частновладельческих городах обычно судебные дела рассматривал сам владелец города в «замковом» (гродском) суде, что ограничивало уровень развития самоуправления в городе. В случае, когда рада и лава объединялись в один орган для совместного решения городских дел, образовывался магистрат. Он имел право назначать себе в помощь людей на должности писаря, шафара (кассира, сборщика налогов), слуг и т.п. Шафара могла делегировать городская община, равно как и «посольство», т.е. людей, избранных и посланных в магистрат для его контроля и помощи. Для заседаний магистрата в городах позже начали строиться специальные здания – ратуши, в которых также хранились городские книги, печать и казна города. Возле ратуши, часто имевшей башенные часы, что было престижно и являлось признаком богатства городской казны, для «ухваления» постановлений магистрат собирал городскую общину: «Зыгромадившиеся до ратуша, все посполство места Полоцкого згодне и одностаине выпостановили и зезволили» [13, л. 4об.].

Направления деятельности магистратов были достаточно разнообразными: они представляли городскую общину, распоряжались городской земельной собственностью, осуществляли прием в состав горожан и городской общины, осуществляли надзор за опекуном несовершеннолетних членов городской общины и состоянием их имущества, следили за исполнением городских привилегий, вольностей, правил занятий ремеслом и торговлей (акты Могилевского магистрата 1578–1580 гг.) [14]. Магистрат переизбирался ежегодно, ему обязаны были подчиняться жители предместий и горожане, независимо от этнической принадлежности и вероисповедания, а также шляхта, которая живет в городе (пинский привилей 1581 г.). Магистраты занимались также вопросами благоустройства, сбором налогов. Кроме того, начиная с гродненского (1526 г.) и пинского привилеев (1633 г.), магистратам запрещалось возвращать панам крестьян, поселившихся в городе (как гласит известная европейская пословица, воздух города делал человека свободным).

Эволюция взаимоотношений местного самоуправления с государственной и местной феодальной властью

Члены городской общины самоуправляемых городов обладали различными правами и привилегиями, но мещане как сословие в целом не имели всей полноты гражданских прав, как шляхета. Одной из главных функций магистратов была представительская: они представляли городские общины перед государственными органами. Именно члены городской власти ходатайствовали перед королями и великими князьями об утверждении привилегий и вольностей горожан. Однако они не имели возможности занимать государственные должности и получать высшие духовные саны, принимать участие в «посполитом рушении». К общественным делам они привлекались только на ос-

новании и в пределах специальных привилегий. В начале XVI в. Краков получил привилегию посылать своих послов на сеймики и сеймы, в 1568 г. это право получил Вильно, позже Львов, Полоцк и другие города. Так, на знаменитый сейм в Бресте 1544 г., где Жигимонт I Старый передавал власть в ВКЛ своему сыну Жигимонту II Августу, ездили полоцкий воевода Станислав Давойна вместе с полоцкими боярами-шляхтой и «мещанами лепшими» [11, с. 130.]. А акт Люблинской унии подписывали уже два королевских городских советника (райцы). Тем не менее из-за численного перевеса шляхетских послов представители местного самоуправления из привилегированных городов были слабой группой давления на политическую власть и перестали постепенно участвовать в законодательной работе, не вступая явно в открытый конфликт со шляхетскими послами по поводу муниципальных свобод. Постоянное их присутствие отмечалось лишь на конвокационных и элекционных сеймах.

Конфликты в городской среде также чаще носили социальный характер, нежели национальный либо религиозный. Напряженная борьба подмастерьев и городской бедноты против мастеров и верхушки городской общины усугубляла кризис городской экономики и приводила к бунтам. Так, в начале XVII в. тяжесть налогов, беззаконие и своеволие магистрата Могилева при раскладке и сборе налогов, злоупотребления властных органов привели к волнениям в городе. Горожане пожаловались королю, образовали контрольно-совещательный орган из 12-ти человек «посполитых», наблюдавших за деятельностью магистрата, и все же летом 1606 г. были вынуждены поднять восстание. Они добивались расширения своих прав, контроля за деятельностью рады, публичной отчетности магистрата о расходах. Руководство восстанием взяла на себя группа ремесленников во главе с цехмистром солодовников С. Митковичем. Повстанцы ворвались в ратушу и потребовали прекратить финансовые злоупотребления. Попытка магистрата разогнать восставших не удалась. Старая рада была распущена, а в июле избрана новая. В ее состав вошли С. Миткович, оружейник Никита, гончар Михаил, портной Федор и другие. Более 2 лет новая рада управляла городом и после истечения срока полномочий уступила место старой администрации. Однако противоречия не были устранены: по-прежнему городом руководили богатое купечество и цехмистры. Летом 1610 г. новое восстание было подавлено королевскими войсками.

Осенью 1615 г. началось восстание в Мозыре, поводом для которого стали действия местного старосты. Государственные имения – староствы – обеспечивали содержание великого князя, его семьи и двора. Старосты, получившие под управление для своего кормления т.н. казенные земли (под залог, на условиях аренды или в награду за службу), стремились удерживать их в руках своего рода как можно дольше, надеясь на стремительное обогащение или перевод хотя бы части земель в вотчинное владение за служебное рвение, погашение в счет великокняжеского долга. Так, Мозырское староство и г. Мозырь, Речицкое староство и г. Речицу поочередно держали Халецкие и Оскерки, занимая посты войтов и старост; Лоев – Юдицкие, Чечерское и Пропойское староствы – Сапеги, Массальские; Гомельское – Чарторыйские; Рогачевское – Воловичи, Юдицкие, Потей. Представители рода Оскерок были заняты на государственно-административной службе в качестве сеймовых послов, стражников ВКЛ, кастелянов. То же можно сказать и о Халецких, из рода которых вышли послы, сеймовые послы, мечники и стражники ВКЛ, подскарбии ВКЛ, маршалки сеймовые, дворные, господарские и воеводы. Выживание шляхетского рода в феодальном обществе было напрямую связано с расширением влияния семьи, клана в политической системе государства. Обратной стороной этого процесса были произвол и беззаконие на казенных землях. Например, хоружий Дрогичинской земли Сернацкий собрал в 1530 г. налог свыше нормы, установленной великим князем и панами рады, а кричевский наместник князь В. Жилинский «назвышь стацей ...кривды и драпежства хотел подданным нашимъ делати». В ответ

на коллективные жалобы населения великий князь Жигимонт I Старый писал: «Естли въ томъ виненъ зостанешъ ...ижь не толко себе держанья збудешъ, але хотя будешъ одинъ грошъ неслушно взялъ, и мы кажемъ на тебе ...оправити и имъ отдати» [15, с. 128].

Самоуправление городов с Магдебургским правом вопреки великокняжеским привилегиям нарушалось чаще воеводами, которые стремились заполучить войтовские доходы, и особенно старостами. Они под предлогом ликвидации конфликтов между воеводой и мещанами в лице войта пытались присвоить себе судебную власть над городами, самовольно вводить подати в свою пользу. Что и произошло в г. Полоцке в 1527 г. и 1558 г., а также в 1615 г. в Мозыре, когда староста самовольно лишил часть мещан Магдебургского права и стал злоупотреблять поборами. Восставшие горожане блокировали замок, избрали нового войта, запретили шляхте появляться в городе. Восстание длилось несколько месяцев. Великокняжеский суд принял решение о переходе горожан, находившихся под юрисдикцией замка, назад магистрату, и для снятия социальной напряженности в доходы городской общины был отдан ряд поборов с торговли и ремесла.

Одним из объективных факторов упадка в будущем самоуправления на белорусских землях стало причисление мещанских занятий к недостойным. Это отталкивало шляхту от торговли и ремесленных занятий, из-за чего города были лишены притока капиталов и труда привилегированного шляхетского сословия. Другим губительным объективным фактором стал «кровавый потоп» XVII столетия, так как в результате войн, начавшихся с 1600 г. и тянувшихся вплоть до 1721 г., более чем в два раза сократилось городское и местечковое население (численность его так никогда уже и не восстановилась). В Витебском, Мстиславском, Полоцком воеводствах было уничтожено от 50 до 70% домов. Население в них сократилось на 50–70%, и только в первой трети XVIII в. численность населения в большинстве восточных городов ВКЛ вновь стала приближаться к 2–3 тыс. человек. Многие города и местечки были разрушены и сожжены неоднократно, что привело к упадку городской культуры, приостановило формирование бюргерства, затормозило этническую консолидацию. Типично европейская средневековая застройка белорусских городов исчезла: возводить заново Оршу, Лиду, Мозырь, Могилев, Витебск, Гродно и другие города оставшимся семьям было не под силу (например, из 500 семей Кричева осталось 20). Относительный рост населения отмечается лишь к концу XVIII в. и приближается к числу в 2,6 млн человек среди 14 млн подданных Речи Посполитой.

Пополнялось городское население теперь в основном за счет еврейской миграции, дающей налоги государству и феодалам. Евреи составляли до 25–40% населения, а в восточных белорусских городах и местечках до половины и более жителей. Крестьяне, выжившие в военное лихолетье, освобождались феодалами на пять или более лет от выплаты налогов и повинностей полностью либо частично, вследствие чего уже не так стремились к бегству на городскую территорию, где к тому же и раньше существовал ограниченный спрос на рабочие руки. Евреи, переместившие на белорусские земли свои капиталы, поддерживали собственную культуру, религию и язык, составив еще одно весомое местное этническое сообщество.

Итак, к середине XVII – началу XVIII в. население городов было уже многоконфессиональным и многоязычным. В городах со смешанной этнической и конфессиональной структурой членами городской рады традиционно избирали католиков и православных поровну, нехристианское население не входило в состав магдебургских городских общин, получая отдельные привилегии. Еврейское население подчинялось власти магистратур только по уголовным делам и судебным тяжбам с христианами. Имея право приобретения в собственность дома, двора и земли в городе, евреи не допускались в магистраты и городские цехи. Их община и территория (штетл) управлялась собранием старшин – кагалом. Синодальные постановления и сеймовые конституции

запрещали им держать христианскую прислугу, кроме кучеров, солодовников и пивоваров, а также обязывали носить желтые шапки [8, с. 230].

Ускорило политическое и экономическое развитие городской общины кризисное состояние мещанского сословия в целом. К концу XVIII в. оно составляло всего 11% белорусского населения и пришло в упадок. Это подтолкнуло правительство Речи Посполитой к реформам. В 1775 г. была введена «генеральная таможенная пошлина», ставшая обязательной для всех, в том числе для короля, шляхты и духовенства. Кроме того, сейм ВКЛ, чтобы ограничить ростовщичество, ввел долговой процент в размере не более 7% для светских и не более 6% для духовных кредиторов. И, главное, шляхетское сословие получило право на мещанские занятия решением этого же сейма. Население отреагировало на изменения в социальном статусе шляхты Речи Посполитой сочинением веселых анонимных стишков, например: «Нынче мерами крупу продает шляхтянка, в город тащится с тюком, впереди служанка, мерит масло ложками, пахтанье – горшками, щеголяет с барыша новыми платками» [16, с. 158].

В 1776 г. все королевские города, кроме воеводских и поветовых центров, были лишены Магдебургского права, так как их жители «не интересуясь купеческим делом, торговлей и ремеслом, неумело занимаются земледелием, судебные дела неправильно решаются не дельными радцами». Суд переходил в руки старост. Магдебургии сохранились только в Вильно, Лиде, Бресте, Волковыске, Троках, Ковно, Гродно, Новогрудке, Пинске, Минске и Мозыре. В частновладельческих городах Магдебургское право было разрешено оставить для решения внутренних вопросов жизни горожан, поэтому владельцы городов добились его принятия даже там, где раньше им не пользовались.

Отмена Магдебургского права вызвала сопротивление горожан. Сеймом была создана специальная комиссия по упорядочению управления городами и взимания с них налогов в королевскую казну и на общественные нужды. Очевидно, что работа Великого Вального сейма (1788–1792 гг.) происходила на фоне роста политической активности городских общин, требовавших в различной форме участия в управлении государством. В апреле 1791 г. сейм вновь реформировал городское самоуправление в Речи Посполитой посредством принятия закона о «Вольных городах королевских». Городские общины, наконец, получили возможность свободного развития, не сдерживаемого феодальным правом, ибо все королевские города объявлялись вольными, получая, таким образом, самоуправление, и король подтверждал их привилегии, многократно ранее издававшиеся с различными изменениями и дополнениями. Недвижимое имущество мещан этих городов признавалось их наследственным владением, потому что мещане теперь тоже «вольные люди», и они получили право неприкосновенности личности, приобретения земельных поместий и занятия государственных должностей. Все торговцы обязаны были принять городское право, т.е. принести присягу королю Речи Посполитой, городу и вписаться в городские книги. И города не должны были отказывать им в приеме. Мещанам, внесенным в городские книги, разрешалось избирать органы местного самоуправления, а также избираться депутатами сейма с правом совещательного голоса. Вместе с тем запрещалось совмещение городских должностей с земскими и военными. Кроме того, на каждом очередном сейме 30 мещан, владевших недвижимостью в городах, могли получать от короля шляхетское достоинство. Те мещане, которые дослужились в армии до чина штабс-капитана, тоже получали шляхетство. Устанавливалось также право свободно менять место жительства. На территории ВКЛ насчитывалось в 1791 г. 70 городов с Магдебургским правом. Однако и после принятия этого закона Станислав Август II издавал отдельные т.н. реновационные привилегии (например, 1792 г.), которые были призваны восстановить действие предыдущих городских привилегий и дать возможность мещанам руководствоваться в своих действиях Конституцией и «правом мейским магдебургским».

Это свидетельствует о том, что городское самоуправление, носившее ограниченный характер и уходящее своими корнями в IX век, на протяжении XVI–XVIII вв. отмечается положительной динамикой развития. Например, оформилась воинская повинность, которая сводилась к возведению городских укреплений и уходу за ними. Добившись во многих городах с Магдебургским правом утверждения процедуры избрания войта, члены магистратов Могилева, Витебска, Гродно получили в 60-х гг. XVII в. главную прерогативу – доступ к правам шляхты. И, наконец, горожане, относящиеся к юридикам, были переданы в 1764 г. под власть магистратов. Таким образом, шло постепенное расширение состава гражданских и политических прав мещан.

Заклучение

Итак, государственное законодательство Речи Посполитой в 1791 г. окончательно юридически оформило мещанство в особое сословие феодального общества. Первое отражение этого длительного процесса можно найти уже в начальных статьях Статута 1529 г., где мещанство выделялось как особый объект права: «Мещан карати не хотим». Несмотря на то, что мещане городских общин Беларуси длительное время находились в неблагоприятных социально-политических условиях, они смогли добиться стабилизации и даже относительного улучшения своего правового положения. Все это вместе поспособствовало вовлечению феодалов в рыночные отношения, дало толчок развитию элементов капитализма в феодальной экономике, а также становлению раннебуржуазного общества и содействовало восстановлению экономики белорусских городов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Стрэнкоўскі, С.П. Гарадское самакіраванне ў вялікакняжацкіх уладаннях заходняй часткі Вялікага Княства Літоўскага ў XV–XVIII стагоддзях : дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.02 / С.П. Стрэнкоўскі. – Мінск, 1999. – 151 с.
2. Шыбека, З.В. Гарадская цывілізацыя: Беларусь і свет : курс лекцый / З.В. Шыбека. – Вільня : ЕГУ, 2009. – 372 с.
3. Дмитрачков, П.Ф. О самоуправлении в государственной жизни белорусских земель (IX–XVI вв.) / П.Ф. Дмитрачков // Романовские чтения – 5 : сб. трудов Междунар. науч. конф. – Могилев : УО «МГУ им. А.А. Кулешова», 2009. – С. 6–8.
4. Скеп'ян, А. Сістэма кіравання і самакіраванне Капыля ў XVI ст. / А. Доўнар [і інш.] // Капыль і Магдэбургскае права : нарысы гісторыі горада XIV–XIX стст. – Гродна : «ЮрСаПрынт», 2012. – С. 92–102.
5. Гудавичус, Э. История Литвы с древнейших времен до 1569 г. / Э. Гудавичус. – М. : Фонд им. И.Д. Сытина : BALTRUS, 2005. – 679 с.
6. Доўнар, Т.І. Грамата на Магдэбургскае права гораду Мінску 1499 г. / Т.І. Доўнар // Магдэбургскае права на Беларусі : матэрыялы навук. канф., прысвечанай 500-годдзю выдачы г. Мінску граматы на Магдэбургскае права / БДУ; Акадэмія МУС Рэсп. Беларусь; Беларускі недзярж. ін-т правазнаўства; рэдкал.: У.М. Хоміч, Т.І. Доўнар, І.А. Юхо. – Мінск : Право и экономика, 1999. – С. 10–14.
7. Голубеў, В.Ф. Эвалюцыя сацыяльнай арганізацыі насельніцтва Беларусі XIII–XX ст.: ад тэрытарыяльнай грамады да грамадзянскай супольнасці / В.Ф. Голубеў // Этносоциальные и конфессиональные процессы в трансформирующемся обществе : Материалы междунар. науч. конф. : в 2 ч. – Гродно : ГрГУ, 2001. – Ч. 2. – С. 151–155.
8. Грабеньский, В. История польского народа / В. Грабеньский. – Минск : МФЦП, 2006. – 800 с.
9. Дзярновіч, А.І. Ab ovo: што з'явілася спачатку – вялікі князь літоўскі ці Вялікае княства Літоўскае? / А.І. Дзярновіч // *Studia Historica Europae Orientalis* = Ис-

следования по истории Восточной Европы : науч. сб. / РИВШ. – Минск, 2009. – Вып. 2. – С. 30–43.

10. Акты Литовско-Русского государства / Изд. М.В. Довнор-Запольский. – Вып. 1. – М., 1899. – № 1.

11. Варонін, В.А. Арганізацыя гарадской улады ў Полацку ад канца XIV да сярэдыны XVI ст. / В.А. Варонін // *Studia Historica Europae Orientalis* = Исследования по истории Восточной Европы : науч. сб. / РИВШ. – Минск, 2010. – Вып. 3 – С. 124–134.

12. Беларусь: страницы истории / Нац. Акад. Наук Беларуси, Ин-т истории; ред совет: А. Коваленя [и др.]. – Минск : Беларус. навука, 2011. – 408 с.

13. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Фонд 1823. – Оп. 1. – Д. 1. Акты книги Полоцкого магистрата за 1656–1657 гг.

14. Акты, издаваемые Виленскою комиссією для разбора древних актов : в 39 т. – Вильно, 1865–1915. – Т. 39: Акты Могилевского магистрата XVI в. (1578–1580). – 664 с.

15. Цішчанка, В.В. Аспекты адміністрацыйна-маёмаснай і судовай практыкі вялікіх князёў ў Вялікім Княстве Літоўскім (канец XV – першая трэць XVI ст.) / В.В. Цішчанка // *Studia Historica Europae Orientalis* = Исследования по истории Восточной Европы : науч. сб. / РИВШ. – Минск, 2009. – Вып. 2. – С. 123–135.

16. Польская поэзия XVII в. / Сост. А. Панченко. – Л. : Худ. лит., 1977. – 208 с.

Uris S.A., Narizhnaya A.P. Dynamics of Urban Self-government on the Belarusian Lands in the Period of GPL and Rzechpospolita

The article shows the dynamics of urban self-government on the Belarusian lands in the era of mature and late feudalism and some gaps on the issue are filled in. The main types of relationship between public authorities and local self-government are discussed, both between local feudal authority and local government. An attempt to systematize and characterize the features of urban communities with Magdeburg Law, the variability of their composition and powers were made. An integrated approach is used in order to cover a diversity of socio-cultural data, lack of which in the sixteenth, seventeenth and eighteenth centuries where the dominance of traditional socio-economic and socio-political perspective in the national historiography is sensible.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 27.11.2012

УДК 325.2(438)(091) «1955/1959»

Л.В. Гавриловец

**ПОЗИЦИЯ ПОЛЬСКОГО РУКОВОДСТВА
ПО ВОПРОСАМ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НЕМЦЕВ ИЗ ПОЛЬШИ
И ПРИЕМА ЭТНИЧЕСКИХ ПОЛЯКОВ ИЗ БССР в 1955–1959 гг.**

Проблема репатриации нацменьшинств после Второй мировой войны (немцев из ПНР и поляков из БССР) являлась ключевой во внешней политике Польши 50–70-х гг. XX в. В белорусской исторической литературе эта проблема изучена недостаточно полно и глубоко. Для белорусской историографии проблема репатриации нацменьшинства является чрезвычайно важной, поскольку в 1957–1959 гг. из БССР в ПНР в осуществлялось переселение польского населения на основе советско-польского соглашения о репатриации от 25 марта 1957 г. Переговоры правительства Польши с советским руководством о возвращении польских граждан также способствовали тому, что польские власти весьма лояльно отнеслись к предложению западногерманской организации Красного Креста о воссоединении разобщенных семей. Вследствие этого несколько тысяч немецких граждан, проживавших в Польше, смогли вернуться в ФРГ и ГДР.

Введение

Пересмотр советским руководством стратегии отношения со странами «народной демократии» во время хрущевской «оттепели», приход к власти в ПНР В. Гомулки и начало стабилизации ситуации в стране после октябрьских событий 1956 г. привели к нормализации советско-польских отношений. В них доминировали три направления: репатриация поляков из СССР, репарации и экспорт в Советский Союз польского угля и условия пребывания советских войск на территории Польши. Вместе с тем либерализация внутри «коммунистического блока» активизировала контакты ПНР не только в восточном направлении, но и с западноевропейскими странами. Так, предпосылкой нормализации польско-западногерманских отношений стало решение вопроса немецкого меньшинства в форме акции «Воссоединение семей».

Цель статьи состоит в том, чтобы сравнить внешнеполитические подходы польского руководства к решению протекавших в послевоенный период процессов переселения немцев из Польши и приема этнических поляков из БССР. Важнейшими задачами, которые необходимо решить для достижения поставленной цели, являются: 1) определить отношение польских властей к репатриационной акции; 2) выявить сходство и различия в процессах репатриации поляков из БССР и эмиграции немцев из ПНР; 3) на основе количественных показателей рассмотреть, как протекал процесс переселения немцев и поляков на протяжении 1955–1959 гг.

В начале 1950-х гг. руководство Польши не поднимало вопрос о возвращении польского населения с востока, так как советское правительство отмечало, что все поляки с территории СССР были репатриированы в ПНР еще в 1944–1949 гг. В 1955 г. в результате политической «оттепели» в СССР (смерть И.В. Сталина в марте 1953 г. и приход в сентябре к власти Н.С. Хрущева) польские власти предприняли шаги для активизации возвращения поляков с Запада. Эта акция не приобрела больших размеров и не оправдала ожиданий польских властей. Между тем в 1955 г. правительства ФРГ и ГДР официально обратились к руководству Советского Союза с просьбой освободить задержанных в годы Второй мировой войны немецких граждан. В это же время польское общество, прежде всего родные и близкие поляков, живущих в СССР, в том числе и в БССР, стали требовать от партийно-правительственных органов возвращения оставшихся на востоке польских граждан, которые по не зависящих от них причинам не смогли воспользоваться правом эмигрировать в Польшу в 1944–1947 гг. [1, s. 461].

Министерство иностранных дел ПНР на основании поступивших писем и ходатайств в 1955 г. составило список лиц, насчитывавший несколько тысяч человек, желавших вернуться в Польшу. Этот список был направлен советскому руководству, и весной 1955 г. между правительствами СССР и ПНР состоялись неофициальные переговоры по вопросу репатриации польских граждан. Официальную ноту, в которой были определены все аспекты проведения репатриационной акции, министр иностранных дел ПНР С. Скудзевский передал через польское посольство в Москве Н. Хрущеву уже 6 мая 1955 г. В ней подчеркивалось, что в СССР проживает значительное число поляков, которые были интернированы в Советский Союз, а также осуждены советскими судебными органами. Другая значительная группа – это разделенные семьи: те, кто выехал в ПНР в 1944–1946 гг., а их родные по ряду причин остались в СССР [2, с. 81].

Важным шагом в расширении репатриационной волны стало провозглашение 22 августа 1955 г. в Советском Союзе амнистии, которая затронула и поляков. Так, принятый Верховным Советом СССР Декрет «О передаче всех польских граждан» стал фактически началом процесса «стихийной репатриации» польского населения, в результате которого в Польшу вернулось около 5 тыс. человек. Необходимо отметить, что советские власти еще ранее выдавали некоторым польским гражданам разрешения посетить их родственников в СССР. Так в 1954 г. 779 граждан ПНР навестили своих родственников в СССР, в 1955 г. – 11 476 человек, 1956 г. – 93 868 человек [3, с. 80].

В сентябре 1955 г. Министерство иностранных дел Польши подготовило две записки, в которых определялись категории граждан, которые могли выехать из Белорусской ССР. Во-первых, репатриации подлежали граждане, которые во время войны были разлучены с родными и не смогли выехать в Польшу; во-вторых, граждане, находящиеся на спецпоселениях; в-третьих, те, кто не имел родных в Польше, но желал выехать, а также дети. Еще одна записка была подготовлена 6 сентября 1955 г., в которой МИД Польши подчеркивал, что на протяжении последних четырех лет (значит, с 1951 г.) было получено 7 500 ходатайств о возвращении в ПНР. Однако, отмечали представители министерства, это была незначительная часть ходатайств, что не дает полного представления о том, сколько на самом деле людей желает выехать в Польшу [4, с. 107].

В то время, когда рассматривался вопрос о возвращении этнических поляков из БССР на историческую родину, в самой Польше шла эмиграция немецкого населения в ФРГ и ГДР. Польские власти признавали, что на территории ПНР проживает около 65 тыс. немцев. Переселение немецкого населения осуществлялось на основе соглашения от 5 декабря 1955 г., заключенного между организациями Красного Креста Польши и ФРГ, а также январского 1956 г. соглашения о «родственных связях» между ПНР и ГДР. Польское правительство дало согласие на репатриацию из Польши всех граждан немецкого происхождения, которые пожелают уехать к своим родственникам в ГДР или в Западную Германию, а также разрешило временные поездки польских граждан за границу с целью посещения родственников, в частности, в ГДР.

Таблица 1 – Временные выезды граждан ПНР за границу в 1955–1956 гг. [3, с. 80]

Год	Кол-во человек, получивших разрешение на посещение близких родственников		Общее кол-во заявлений на разрешение посетить родных
	в СССР	в ГДР	
1955	11 476	539	–
1956	93 868	5 791	231 925

Эмиграция немецкого населения из ПНР осуществлялась при помощи гуманитарных организаций вплоть до 1963 г., когда были открыты торговые представительства Федеративной Республики Германии в Варшаве и Кельне, т.к. между ФРГ и Польшей не были установлены дипломатические отношения. В официальных документах эмиграция немцев в рамках акции «Воссоединения семей» была определена как репатриация, а выезжающих называли «немецкими репатриантами». Разрешения на выезд в Германию изначально выдавала Межведомственная комиссия, созданная по распоряжению премьер-министра ПНР Ю. Циранкевича 18 апреля 1956 г. (приказ № 105), позже специальная комиссия по вопросам воссоединения семей, действующая при воеводских национальных советах. Проездные документы оформлялись в комендатурах гражданской милиции соответствующих воеводств. Лица, заинтересованные в выезде в Германию, подавали прошения польским властям, которые довольно часто их отклоняли или выдавали разрешения на однократную поездку [1, с. 467–468].

Таким образом, польскому правительству в 1950-х гг. предстояло решить проблему не только переселения немецкого меньшинства из Польши и польских граждан из БССР, но и обеспечения соблюдения их прав. Польское правительство рассматривало вопрос о «правах поляков в Германии». Предусматривалось, чтобы польские граждане наравне с немецкими обладали равными правами и возможностями, а именно: право на участие в организациях, собраниях; право на выпуск польской прессы; возможность получить начальное и среднее образование на польском языке.

Наибольшее число поляков проживало в Гродненской области и на западе Минской. Советские списки о проживающих на территории БССР поляках содержат данные о 500 тыс. человек. Однако в ПНР точных сведений о польском меньшинстве на территории Белорусской ССР не было, так как поляки не поддерживали связей со своей исторической родиной; не было у белорусских поляков католических приходов, а также каких-либо польскоязычных организаций. Несмотря на это Министерство иностранных дел Польши в 1955–1956 гг. подняло вопрос о возможности выезда поляков из БССР. Предусматривалось открыть Генеральное консульство ПНР в Минске, но эта инициатива не встретила поддержки в Москве, так же как и попытки посольства ПНР добиться выезда поляков из БССР в рамках акции «Воссоединение семей» [5, л. 295].

Польская сторона заявляла, что она просит разрешение на выезд только тех лиц, которые действительно зарегистрированы как польские граждане и которые не смогли выехать в 1944–1946 гг., а также имеют родственников в Польше. Список таких лиц, по данным посольства ПНР, составлял 3 411 семей. На самом деле число поляков, проживавших на территории БССР, было значительно большим (300 тыс. человек), и их выезд привел бы к снижению численности населения западных районов БССР, в том числе рабочей силы.

Интересен тот факт, что выезд немецкого населения из Польши осуществлялся также в рамках акции «Воссоединение семей». Выехать из Польши могли две группы лиц: 1) дети к родителям в ФРГ, а также разделенные супруги; 2) одинокие люди, лишенные помощи, военные вдовы, сироты и инвалиды. В результате акции «воссоединение семей» до февраля 1959 г. в ФРГ приехало 236 тыс. человек. В этом же году выезд был приостановлен, и с этого времени польские власти сделали возможным выезд только одиноким людям. По мнению же руководства немецкого Красного Креста, в Польше еще оставалась значительная часть немецкого населения, которая, согласно их данным, насчитывала около 64 тыс. человек [6, с. 262]. Акция «Воссоединение семей» также предусматривала выезд граждан немецкого происхождения из Польши в тот район страны, где проживает большая часть родственников выезжающих. Так, выезд в ГДР проходил на основе специальных списков (насчитывал около 57 тыс. чело-

век), составленных в 1956–1957 гг. Свободная интерпретация эмиграционных постановлений правительства ПНР привела к тому, что в некоторых воеводствах эмиграция приняла массовый характер. Польские власти быстро на это отреагировали, издав положения, направленные на противодействие массовому выезду из страны. Особенно это касалось выездов высококвалифицированных кадров. Таким образом, процесс выезда граждан немецкой национальности из Польши проходил довольно медленными темпами и тормозился польскими властями.

Переломным для многих сотен тысяч поляков как в СССР, так и в БССР стал 1956 г. Необходимо отметить, что Министерство иностранных дел Польши и Польское посольство в Москве еще до подписания соглашения о массовой репатриации польских граждан смогли в конце 1955 – начале 1956 гг. организовать выезд из СССР 30 800 человек (в основном поляков), в том числе из БССР – 5 938 человек (5 800 были этническими поляками). Географически польские репатрианты в БССР размещались следующим образом: Гродненская область – 2 631 человек, Молодеченская – 2 353, Брестская – 738, остальные области – 216 человек [4, с. 107].

В средствах массовой информации БССР ничего не сообщалось о заключенном в марте 1957 г. советско-польского соглашения о репатриации некоторых категорий бывших граждан Польши из СССР, и только в связи с октябрьскими событиями 1956 г. (приход к власти В. Гомулки) из польских СМИ стало известно о репатриации польских граждан. Многие родственники стали навещать своих родных в БССР, большинство присылали им приглашения, но далеко не всем удалось вернуться в Польшу. Так, по состоянию на 20 февраля 1957 г. из БССР в ПНР выехали лица польской и еврейской национальностей в таком количестве: Гродненская область – 3 321 человек, Молодеченская – 2 764 человека, Брестская – 1 149 человек, Минская – 274 человека, остальные области (включая г. Минск) – 68 человек. Необходимо отметить, что многим полякам было отказано в выезде, так как они не имели родственников в Польше или без уважительных причин не выехали в 1945–1946 гг., а также отказались от получения удостоверения на выезд или же не явились за ним. Число граждан, которым было отказано в разрешении выехать в ПНР, составило 5 338 человек, 13 не явились за удостоверениями на выезд и 19 лиц польской национальности отказались выехать [7, л. 45]. Общее число выехавших в 1957 г. из Белорусской ССР составило 28 131 человек. Всего за период второй волны репатриации (1956–1957 гг.) в ПНР выехало 82 746 человек.

Репатриация польского населения из БССР в ПНР осуществлялась на основе советско-польского договора от 25 марта 1957 г. Со стороны правительства ПНР договор подписал министр внутренних дел В. Виха, с советской стороны – министр внутренних дел СССР Н. Дудоров. Согласно договору 1957 г., выехать в Польшу из БССР могли следующие категории граждан: 1) лица польской национальности, которые до 17 сентября 1939 г. имели польское гражданство; 2) дети лиц польской национальности, которые родились 17 сентября 1939 г. и не имеют близких родственников в СССР, а только в ПНР, либо те лица, о репатриации которых ходатайствуют польские власти (ст. 1). Выехать также могли евреи, получившие польское гражданство в сентябре 1939 г. (ст. 14). Польские граждане, находящиеся в местах лишения свободы, были досрочно освобождены и переданы польским властям (ст. 3), а лица польской национальности, которые служили в Советской Армии, были демобилизованы и репатриированы (ст. 2).

Почти $\frac{3}{4}$ репатриантов из СССР вернулись в Польшу в 1957–1958 гг. Значительное большинство (70,9%) составили репатрианты из Беларуси и Украины. Тем не менее советско-польский договор 1957 г. не предусматривал репатриации тех лиц, которые, согласно договору от 9 сентября 1944 г. между ПНР и БССР, являлись переселенцами и были эвакуированы в 1944–1946 гг. в СССР, а также тех, кто не имел польского гра-

жданства. Однако договаривающиеся стороны допускали возможность выезда из БССР в Польшу супругов, детей, родителей репатриантов, состоящих с ними в родстве, даже если эти члены семьи не имели польского гражданства и не были польской национальности (ст. 4). В основном репатриация детей-сирот, инвалидов, престарелых и больных осуществлялась благодаря сотрудничеству Ассоциации Красного Креста и Красного Полумесяца СССР с уполномоченным правительства ПНР по делам репатриации при Посольстве Польши в Москве [8, s. 159–162]. Всего за период репатриационной волны 1957–1959 гг. из БССР в ПНР выехали 88 546 человек.

Репатриация польского населения носила характер добровольный и индивидуальный и осуществлялась на основе специальных сертификатов, выдаваемых милицией по месту жительства. Основанием для выдачи сертификатов служили документы, подтверждающие наличие польского гражданства. Репатриационные сертификаты были действительны в течение трех месяцев со дня их выдачи. Оговоренный в договоре срок подачи прошений о выезде из БССР в ПНР охватывал период с 1 октября 1958 г. до 31 декабря 1958 г. (в декабре 1958 г. срок действия договора о репатриации истек). В связи с этим до 1 января 1959 г. был продлен прием прошений о выезде, а 31 марта 1959 г. репатриация польского населения из Белорусской ССР должна была окончательно завершиться. Фактически же с согласия советских властей выезды польских граждан продолжались до конца 1959 г., но Бюро уполномоченного правительства ПНР по делам репатриации при Посольстве Польши в Москве было ликвидировано 31 августа 1959 г. После завершения второй волны репатриации на территории СССР в 1959 г. осталось 1 млн 350 тыс. лиц польской национальности [1, s. 462].

В связи с окончанием срока действия межгосударственного соглашения в апреле 1959 г. акция «Воссоединение семей» была завершена. Но много дел, связанных с перемещением польского населения с белорусских земель, остались нерассмотренными. Под давлением польской дипломатии Москва вынуждена была направить в БССР делегацию для окончательного решения возникших вопросов. Местные власти приняли положительное решение о выезде поляков. По состоянию на 25 сентября 1959 г. на территории Белорусской ССР в общей сложности проживало 572 семьи, 475 из них получили разрешение на выезд, 11 – отказались вернуться в ПНР, четыре семьи не смогли собрать все соответствующие документы, пять вовсе не предоставили документов для выезда, а еще о четырех семьях не удалось найти сведений, где они проживают. Всего в сентябре 1959 г. из БССР в ПНР выехало 475 семей [1, s. 470].

Необходимо отметить, что в 1959 г., через два года после второй волны репатриации, согласно данным переписи населения, число проживающих на территории БССР поляков составило 538 881 человек. Из них на польском языке ежедневно разговаривали 261 768 человек. Следовательно, белорусские власти официально признали существование польского нацменьшинства на белорусских землях. На самом деле число проживающих в стране поляков было значительно больше, чем об этом свидетельствовали данные переписи населения.

Таким образом, в 1955–1959 гг. происходила репатриация поляков из СССР, в том числе и из Беларуси, что вынуждало польскую дипломатию «видеть» и выделять БССР в системе советско-польских отношений. Поэтому БССР для ПНР в этот период была субъектом международных отношений и объектом пристального внимания польского внешнеполитического ведомства. Внимание польской дипломатии к БССР было обусловлено и тем, что в нашей республике проживало наибольшее число поляков по сравнению с другими регионами Советского Союза.

Таблица 2 – Репатриация польского населения в ПНР в 1955–1959 гг. [3, с. 120]

	Годы					
	1955	1956	1957	1958	1959	1955–1959
БССР	–	10 067	30 639	46 634	13 290	100 630
СССР	6 429	30 786	93 872	85 685	32 292	249 244
Всего	6 429	40 853	124 511	132 499	45 582	349 874

Что касается вопроса выезда немецкого населения с территории ПНР, то в ноябре 1956 г. польская делегация во главе с секретарем ПОРП В. Ярославским и вице-премьером Совета Министров П. Ярошевичем и немецкая делегация Нижней Силезии подписали меморандум о немецком меньшинстве в Польше. В меморандуме подчеркивалось, что как со стороны правительства Польши, так и правительств ГДР и ФРГ, должен быть признан факт существования в Польше немецкого меньшинства. Также меморандум предусматривал участие германских представителей в рассмотрении дел, связанных с выездом в Германию, т.е. вопросы воссоединения семей. Необходимо было также ускорить выполнение формальностей, связанных с выдачей разрешений на выезд в ГДР и ФРГ, выдачей каждому гражданину немецкого происхождения паспорта, в котором была бы прописана его национальность. Рассмотрен вопрос о создании немецкого общественно-культурного товарищества с правом участия в принятии решений о выезде в Германию. Согласно меморандуму предусматривалось брать на работу в правительственные органы работников, знающих немецкий и польский языки [9, л. 12].

28–29 декабря 1956 г. делегации Красного Креста ФРГ во главе с Г. Вайтзем и Польского Красного Креста во главе с С. Келлесом-Краузе заключили второе соглашение по проблеме родственных связей. Красный Крест ФРГ взял на себя обязательства выслать в Польшу списки лиц, которых приглашают в Западную Германию их родственники. В результате переговоров польская сторона высказала возражения против использования в политических целях карточек Красного Креста ФРГ, в которых фигурировало 180 тыс. фамилий немцев, якобы проживающих в Польше [10, с. 90]. Заключение данного соглашения способствовало дальнейшему развитию акции «Воссоединение семей» и придало ей более организованный характер.

Необходимо отметить, что большая часть населения, эмигрировавшего в ФРГ и ГДР, были польскими гражданами. Только незначительная часть являлась гражданами немецкого происхождения или не имела определенного гражданства. В соответствии с постановлением № 37/56 Госсовета ПНР от 16 мая 1956 г. было разрешено изменить польское гражданство на немецкое тем гражданам Польши, которые покинули территорию государства как лица, репатриированные в ГДР и ФРГ. Данные лица, выезжая из ПНР, после пересечения границы с ГДР лишались польского гражданства. Это решение польских властей оказало огромное влияние на стремление эмигрировать в ФРГ не только германского населения, но и польского населения западных и северных земель.

В результате принятого решения началась массовая эмиграция в ФРГ, которая привела к тому, что в начале 60-х гг. XX века в Польше во Вроцлавском, Кошалинском и Щецинском воеводствах осталось 4 тыс. немцев, на остальной территории Польши проживало около 6 тыс., а всего насчитывалось около 10 тыс. немцев, в основном людей пожилого возраста, которые по разным причинам не хотели выезжать в ФРГ. В этой ситуации были ликвидированы школы и культурные учреждения, а также прессы и немецкие журналы, распространенные среди немецкого населения [11, с. 107]. Однако при анализе архивных материалов была выявлена значительно меньшая цифра, показывающая численность немецкого меньшинства на территории Польши. В выписке

из справки «О положении национальных меньшинств в Польше за 1958 год» утверждалось, что на территории ПНР проживало 7 тыс. немцев. Возможно, такие расхождения в данных связаны с тем, что согласно постановлению, принятому в ПНР в конце 1950-х годов немцы, проживающие в Польше с 1945 г., по их согласию могли получить статус польских граждан [12, л. 1].

Что касается статуса польских переселенцев, то лица польской национальности сразу же после выезда из СССР и пересечения польской границы автоматически лишались советского гражданства и становились польскими гражданами. Члены семей репатриантов, которые не имели польского гражданства, а были советскими гражданами, могли по желанию при получении выездных документов изменить гражданство. Таким образом, немецкие и польские переселенцы, покинувшие соответственно территории Польши и БССР, восстановили свои права на гражданство. На основе материалов архива МИД ПНР автором составлена таблица, отражающая эмиграцию немецкого населения в рамках акции «Воссоединение семей» с 1955 г. по 1959 г [13; 14].

Таблица 3 – Эмиграция немецкого населения из ПНР в ГДР и ФРГ в 1955–1959 гг.

Страна выбытия	Годы					
	1955	1956	1957	1958	1959	1955–1959
ГДР	27 435	5 623	22 962	8 483	315	64 818
ФРГ	37 318	14 992	90 317	110 753	1 031	254 411
Всего	64 753	20 615	113 279	119 236	1 346	319 229

Эмиграция в рамках акции «Воссоединение семей» определялась как репатриация немецкого населения, поэтому со стороны польского правительства был установлен контроль за выполнением решений о выезде. Проверка показала, что в 1957 г. около 60% всех выданных разрешений на выезд из страны в Щецинском воеводстве не соответствовало принятым тогда условиям эмиграции. В Щецинское воеводство стали переселяться лица и семьи из других воеводств с целью добиться там разрешения на выезд в ФРГ или ГДР. В основном это касалось переселения из Катовицкого воеводства, в котором раньше других регионов был ограничен выезд в рамках акции «Воссоединение семей». Несмотря на ограничения, выезд из Катовицкого воеводства составил около 64 тыс. в период с 1955 по 1960 год [14, л. 134].

Следует отметить, что советской стороной при переселении поляков (в отличие от польской стороны в отношении немцев) были частично решены финансовые вопросы. Так лица, выезжающие из СССР на основе договора 1957 г. (ст. 8), могли без дополнительной оплаты и взимания таможенной пошлины забрать с собой принадлежащее им имущество, предназначенное для личного пользования, вывоз которого из Советского Союза не был запрещен. Это значит, что ученые, врачи, артисты и ремесленники могли без оплаты таможенных пошлин экспортировать принадлежащие им предметы их профессиональной деятельности. В случае острой необходимости советские власти также оказывали выезжающим полякам помощь при продаже принадлежащих им домов, зданий и другого имущества. Необходимо подчеркнуть, что репатриантам были предоставлены полномочия передавать ведение их имущественных и финансовых вопросов, связанных с репатриацией, польскому послу в Москве, а также польскому консулу в Киеве или любому другому лицу. Более того, лица, выезжающие из Советского государства, могли через Государственный банк СССР перевести свои денежные средства на расчетный счет в Польском национальном банке [15, с. 159].

Еще одним фактором, способствовавшим проведению репатриации польского населения, кроме переговоров с руководством Министерства внутренних дел СССР, были выезды польских представителей Министерства внутренних дел в БССР. Например, 12–13 декабря 1957 г. представители Министерства внутренних дел ПНР посетили Белорусскую ССР в связи с поступившими жалобами на белорусские учреждения, занимающиеся вопросами переселения поляков. Действительно, в 1957 г. 32,6% репатриантов из БССР подавали жалобы на работу советских чиновников, и это только половина всех жалоб, отобранных Бюро уполномоченного по делам репатриации. Из Беларуси также было прислано наибольшее количество отрицательных ответов на запросы уполномоченного правительства ПНР по делам репатриации [16, с. 154].

Как уже упоминалось выше, в сентябре 1957 г. уполномоченный правительства ПНР по делам репатриации покинул Москву. Из-за этого возникли организационные трудности, которые привели к тому, что на несколько месяцев прекратилось переселение польских граждан. Прекращение репатриационной работы было, возможно, связано и с намерением укрепить «прибытие» уполномоченного по делам репатриации П. Попеля и его группы в составе официальной делегации во главе с послом ПНР Т. Гедэ. Ее визит в Минск был запланирован именно на декабрь. В столице БССР вопросы, связанные с проведением репатриации, рассмотрели и обсудили польский посол Т. Гедэ и председатель Совета министров БССР Н. Авхимович, а также уполномоченный П. Попель и заместитель министра внутренних дел БССР Летнев. Были организованы выезды работников Бюро в Молодечно, Гродно и Брест, откуда выезжало больше всего репатриантов и поступало наибольшее количество жалоб [17, л. 18].

По мнению белорусских властей, на территории БССР действительно проживало польское население, и заявлений о выезде в ПНР, поступивших в Бюро уполномоченного по делам репатриации, насчитывалось только несколько сотен. Всех же остальных лиц белорусской национальности, считало правительство БССР, принудительно записывали в разряд польских граждан не только в 1940-х гг., но и в 1950-х гг. Председатель Совета министров БССР Н. Авхимович в разговоре с послом Т. Гедэ заявил, что на белорусских землях проживает много людей смешанной национальности, которые очень часто сами не знают, кем себя считать: белорусами или поляками, но каждому, считающему себя польским гражданином, белорусские власти беспрепятственно выдают разрешения на выезд.

Однако польская делегация скептически отнеслась к таким заявлениям, отмечая в своих отчетах, что спорные дела белорусская сторона не желала рассматривать и отсылала польских представителей с этими вопросами в Москву. Уполномоченный по делам репатриации также отмечал, что во время его пребывания в Гродно доступ к нему польского населения был затруднен и невозможно было решить некоторые дела из-за отсутствия архивариусов. По мнению П. Попеля, польским представителям следовало чаще выезжать в Беларусь, чтобы окончательно решить вопросы, связанные с переселением польского населения. В первой половине 1958 г. число польских репатриантов из БССР возросло, что, возможно, было следствием декабрьского визита польской делегации в республику. Так, в органах милиции БССР по состоянию на 1 февраля 1958 г. находилось на рассмотрении 16 539 ходатайств о репатриации, на 1 марта – 17 710 и на 1 апреля 1958 г. – 17 970 [17, л. 25].

Заключение

Таким образом, в 1955–1959 гг. во время второй волны переселений поляков из БССР в Польшу (в основном на западные и северные земли) добровольно приехало 100 630 человек. В этот же период из Польши выехало около 300 тыс. лиц немецкой на-

циональности, большая часть которых эмигрировала в ФРГ. Польская сторона создала все условия для соблюдения конституционных прав немцев, оставшихся на территории Польши, для развития их национальной культуры, а также разрешила репатриацию всех граждан немецкого происхождения, которые пожелали выехать из страны.

Однако, по мнению западногерманской стороны, проблема «воссоединения семей» была решена не полностью, т.е. правительство ФРГ предполагало более свободный выезд в Западную Германию граждан ПНР немецкой национальности. Польская сторона считала, что эмиграция в рамках акции «Воссоединение семей» принадлежала лишь к специфическому виду странствования населения. Если бы не репатриация польского населения из БССР, то она не достигла бы таких размеров, в каких существовала. Для большинства выезжающих акция «Воссоединение семей» была не чем иным, как скрытой формой «заработной эмиграции», и только незначительная часть переселенцев выехала с целью восстановления родственных связей.

Репатриация же польского населения из БССР во многом была связана с необходимостью освоить западные и северные земли. Основной предпосылкой переселенческой политики правительства Польши было стремление компенсировать потерю людских ресурсов в связи с эмиграцией немецкого населения, а также необходимость наладить развитие сельского хозяйства на западных и северных землях, благоустроить малые города этих земель, оживить их экономику и пополнить рабочей силой. Однако если немецкому населению разрешалось выехать из Польши на том основании, что оно считало себя этническими немцами и гражданами ФРГ или ГДР, то репатриация польского населения происходила строго на основе принципа гражданства и национальной принадлежности. Это значит, что только документальное подтверждение польской национальности и гражданства до 17 сентября 1939 г. являлось основой для принятия решения о разрешении выехать из БССР в ПНР.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Gawryszewski, A. Ludność Polski w XX wieku / A. Gawryszewski. – Warszawa : PAN IgiPZ, 2005. – 623 s.
2. Ruchniewicz, M. Repatriacja ludności polskiej z ZSSR w latach 1955–1959 / M. Ruchniewicz. – Warszawa : Fundacja im. Ericha Brosta, 2000. – 402 s.
3. Latuch, M. Repatriacja ludności polskiej w latach 1955–1960 na tle zewnętrznych ruchów wędrownych / M. Latuch. – Warszawa : PTD, 1994. – 260 s.
4. Вялікі, А.Ф. Беларусь – Польшча ў XX ст. Невядомая рэпатрыяцыя. 1955–1959 гг. / А.Ф. Вялікі; нав. рэд. В.Д. Селяменеў. – Мінск : БДПУ, 2007. – 272 с.
5. Записка МИД БССР в ЦК КПБ о приезде посла ПНР в СССР Т. Гедэ в Минск // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 4п. – Оп. 62. – Д. 469. – Л. 294–296.
6. Notatka o wyjazdach ludności niemieckiej z Polski, Warszawa, 9 stycznia 1963 r. // Polityka i dyplomacja polska wobec Niemiec, T. 1 1945–1970. – Warszawa : DW ELIPSA, 2005. – S. 262–263.
7. Справка о количестве выданных удостоверений на репатриацию в Польскую Народную Республику лицам польской и еврейской национальностей и членам их семей по Белорусской ССР, по состоянию на 20.02.1957 г. // НАРБ. – Фонд 4п. – Оп. 62. – Д. 467. – Л. 45.
8. Umowa między Rządem Polskiej Rzeczypospolitej Ludowej a Rządem Związku Socjalistycznych Republik Radzieckich w sprawie terminu i trybu dalszej repatriacji z ZSSR

osób narodowości polskiej // Polskie dokumenty dyplomatyczne 1957 / pod red. K. Ruchniewicza, T. Szumowskiego. – Warszawa : PISM, 2006. – S. 158–163.

9. Notatka dnia 7 grudnia 1956 r. // Archiwum Ministerstwa Spraw Zagranicznych (AMSZ). – Z. 23. – W. 8. – T. 72. – L. 12–14.

10. Korbel, J. Wyjazdy i powroty: migracje ludności w procesie normalizacji stosunków między Polską a NRF / J. Korbel. – Opole : IZ, 1977. – 224 s.

11. Cziomer, E. Historia Niemiec 1945–1991. Zarys rozwoju problemu niemieckiego od podziału do jedności / E. Cziomer. – Kraków : UJ, 1992. – 265 s.

12. Выписка из справки «О положении национальных меньшинств в Польше», 1958 г. // НАРБ. – Фонд 914. – Оп. 2. – Д. 75. – Л. 1–8.

13. Informacja dotycząca osób ubiegających się o wyjazd emigracyjny do Niemieckiej Republiki Federalnej // AMSZ. – Z. 26. – W. 18. – T. 113. – L. 2–4.

14. Notatka Sprawy mniejszości niemieckiej w Polsce // AMSZ. – Z. 26. – W. 16. – T. 103. – L. 134.

15. Matwiejuk, J. Instytucja repatriacji w polskim systemie prawnym // Repatriacje i migracje ludności pogranicza w XX wieku / J. Matwiejuk; pod red. M. Kietlińskiego, W. Sleszyńskiego. – Białystok : PRYMAT, 2004. – S. 157–164.

16. Вялікі, А.Ф. Беларусь у савецка-польскіх міждзяржаўных адносінах. 1944–1959 гг. / А.Ф. Вялікі; нав. рэд. В.Дз. Селяменеў. – Мінск : БДПУ, 2010. – 248 с.

17. Sprawozdanie amb. Gedego z wyjazdu do Mińska w dn. 10–13.12.1957 r. // AMSZ. – Z. 7. – W. 1. – T. 5. – L. 17–28.

Gavrilovez L. Position of the Polish Management Concerning Resettlement of Germans from Poland and Reception of Ethnic Poles from the Belarus Soviet Socialist Republic in 1955–1959

The problem of repatriation of national minorities after the Second World War (Germans from People's Republic of Poland, Poles from the Belarus Soviet Socialist Republic) was a key issue in Poland foreign policy in the 50–70s years of the XX-th century. In Belarusian historical literature this problem is not completely and deeply studied. For the Belarusian historiography the problem of repatriation of national minorities is extremely important as the Polish population was resettled from BSSU to People's Republic of Poland in 1957–1959 on the basis of the Soviet-Polish agreement on repatriation from March, 25th, 1957. The negotiations of the government of Poland with the Soviet authorities about returning of Polish citizens was also performed to promote the fact that Polish authorities were rather loyal concerning the offer of the West German organisation of the Red Cross about the reunion of the separated families. In this connection some thousand German citizens living in Poland were able to return to Federal Republic of Germany and German Democratic Republic.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 17.10.2012

УДК 94/99 (476. 6)

О.В. Карнович

ВОССТАНИЕ 1863 г. в ПРУЖАНСКОМ УЕЗДЕ

Пружанский уезд Гродненской губернии не имел какого-то особого стратегического значения для противоборствующих сторон в восстании 1863–1864 гг. Тем не менее именно на территории этого региона появился первый в Беларуси повстанческий отряд Романа Рогинского, а сам уездный город (также первым в Беларуси) был захвачен повстанцами. В связи с этим изучение повстанческого движения в Пружанском уезде представляет особую научную значимость. К сожалению, ряд исследований, посвященных восстаниям 1831 и 1863 гг., базируются на материалах российских исторических архивов, данные же соответствующих архивов Беларуси игнорируются, что не позволяет с достоверной точностью выявить степень участия населения отдельных регионов в восстаниях. В настоящей статье с привлечением новых, ранее не опубликованных данных проводится комплексное исследование событий восстания 1863 г. в Пружанском уезде Гродненской губернии. В статье использованы материалы НИАБ в Гродно.

Введение

События восстания 1863–1864 гг. на территории Беларуси в отечественной историографии до настоящего времени были освещены довольно скупо. Еще меньше сведений было по сословному составу его участников. Из комплексных отечественных исследований по данной проблематике можно выделить лишь труды советских историков В.М. Зайцева и С.М. Байковой, изданные в начале 1970-х гг. Однако при исследовании сословного характера восстаний эти авторы использовали материалы Российского государственного военно-исторического архива и Литовского государственного исторического архива в Вильнюсе, игнорируя данные белорусских архивов в Гродно и Минске. Между тем содержащиеся в них сведения позволяют составить более точную картину участия в восстании разных социальных групп. В последние годы появились проведенные на базе Национального исторического архива Беларуси в Гродно (НИАБ) исследования, посвященные участию населения отдельных регионов Беларуси в восстании 1863–1864 гг. и характеристике боевых действий. К таковым следует отнести работы гродненских ученых В.В. Шведа, В.Н. Черепицы, а также исследования автора данной статьи, опубликованные в «Вестнике ГрГУ имени Я. Купалы» в 2008–2009 гг.

Прежде всего необходимо выяснить, что же представляли собой сословия в России. В XIX в. все население Российской империи было разделено по сословному характеру: а) неподатные привилегированные дворянство и духовенство, занимавшие ключевые должности как на местном уровне, так и в масштабах государства; б) однодворцы; в) крестьяне. По своему социальному положению белорусское дворянство делилось на несколько категорий: 1) помещики (крупные, средние и мелкие душе- и землевладельцы); 2) дворяне (не имевшие недвижимого имущества, но утвержденные департаментом Герольдии при Сенате, внесенные в губернские «Списки дворянских родов» либо признанные на дворянских собраниях в качестве действительных дворян); 3) шляхта (в широком смысле слова понятие «шляхта» относится к вышеуказанным категориям; в узком смысле – это отдельная, официально не утвержденная, как правило, не имевшая крупной недвижимости, самая бедная часть дворянства, зарабатывавшая себе на жизнь собственным трудом. Духовенство (христианское, мусульманское и т.д.) – сословие, свободное от податей, рекрутчины, воинских постоев, привилегированное в области судопроизводства. Наконец, самое многочисленное сословие – крестьянство. До отмены крепостного права крестьяне разделялись на несколько категорий: государственные, помещичьи, церковные, вольные (свободные крестьяне, не относящиеся ни к одной из указанных категорий).

Помимо этих сословий, следует отметить такое характерное для белорусских земель сословие, как однодворцы. Как известно, по указу от 19 ноября 1831 г. начался «разбор» беднейшей части шляхты. Лица, не сумевшие подтвердить своего происхождения (представить документы о принадлежности к шляхте во времена Речи Посполитой), переводились в податные сословия и в зависимости от места жительства стали называться однодворцами (в деревнях и селах) и гражданами (городские жители). В зависимости от своего имущественного положения и те и другие делились на две категории. Лица, имевшие свою землю либо арендовавшие ее у других собственников (помещиков, духовенства, государства), назывались оседлыми, а лишённые всяких средств производства и работавшие по найму – неоседлыми.

Отдельно стояли такие межсословные группы, как:

а) разночинцы – юридически не оформленная категория населения, занимавшаяся преимущественно умственным трудом (врачи, мелкое чиновничество, учителя, гимназисты и студенты, служащие имений). В первой половине XIX в. разночинцы являлись выходцами из дворянских родов, поэтому данную категорию мы отнесли к дворянскому сословию;

б) городские сословия – категория населения, включавшая как отдельные сословия, так и социальные группы, сословную принадлежность которых установить крайне сложно, например, фабричные и заводские рабочие и ремесленники. Как отмечалось выше, многим обедневшим представителям привилегированной части общества приходилось заниматься вовсе неблагородным трудом. Помимо рабочих и ремесленников, в эту социальную группу мы включили также представителей купечества, мещан, еврейского населения, наемных работников государственных и частных имений.

Пружанский уезд в январе 1863 г. принял первый в Беларуси повстанческий отряд. Это было соединение комиссара Подлясского воеводства (в составе Бельского, Седлецкого, Луковского и Радзинского уездов) Романа Рогинского, созданное по распоряжению Варшавского Центрального Национального комитета (ЦНК) и пробившееся с боями из Польши.

11 февраля (30 января) вблизи усадьбы Королёв Мост Пружанского уезда произошло столкновение отряда Романа Рогинского с превосходящими силами правительственных войск под общим командованием генерал-майора графа Ивана Ностица. В ходе боя часть повстанцев была рассеяна и отошла в Польшу, другая во главе со Стасякевичем двинулась по направлению к Брест-Литовску. В этом столкновении, которое закончилось трагически для Рогинского, по разным сведениям, погибло и попало в плен от 37 до 85 повстанцев, был потерян весь обоз. Ностиц писал в мемуарах о 50 погибших повстанцах и 3 взятых в плен, свои потери он оценил в 13 раненых нижних чинов [26, с. 205]. Сам Рогинский с остатками отряда укрылся в лесу на берегу Лесной. Поздним вечером 12 февраля (31 января) его отряд, соединившись с небольшим формированием акцизного чиновника Бельского уезда Станислава Сонгина, достиг местечка Шерешево. В сельском правлении было конфисковано 93 рубля казённых денег, которыми тут же были оплачены одежда и продукты, поставленные партизанам. Рогинский писал, что при занятии Шерешево «все местечко сбежалось нас накормить, а евреи доставили остальное. Когда же я заявил, что плачу за все, дали нам то, в чем больше всего ощущалась надобность: пороху, патронов и множество пистонов для ружей» [22, с. 448]. (Забегая вперед, отметим, что отряд Сангина вскоре был разгромлен). 3 (15) февраля 1863 г. Сангин с отрядом попал в засаду близ фермы Речицы Пружанского уезда, организованную подполковником Вимбергом. Погибло 11 повстанцев (в том числе и сам Сангин), 16 попало в плен, несколько человек утонуло, сумело спастись лишь 8 повстанцев [26, с. 206]. Впрочем, к данным по потерям с обеих сторон следует относиться с максимальной осторожностью: и русское командование, и повстанцы всячески завы-

шали чужие потери, занижая при этом свои. Зачастую эти непроверенные данные попадали и в официальную литературу. Так, сборник материалов Муравьевского музея (1915 г.) в сведениях о том сражении приводит уже просто фантастические цифры о 83 убитых, 34 раненых и 14 взятых в плен повстанцах Сангина [2, с. XL]. Однако в действительности отряд Сангина не превышал 50 человек.

После этого объединённый отряд под командованием Рогинского на 15 фурышках двинулся на Пружаны, которые и были захвачены 13 (1) февраля. Повстанцы недолго оставались без денег: в местном казначействе было «экспроприровано» 10 808 рублей и 85 копеек, документы и амуниция. Попутно была обезоружена местная многочисленная воинская команда, захвачено 200 карабинов и 1 720 патронов. Не обошлось без кровопролития: «убиты 2 рядовых инвалидной команды и 1 отставной ... и ранены 9 человек, из коих один, находившийся на часах у дверей казначейства, получил 10 ран» [3, с. 343]. Из городской тюрьмы было выпущено 9 арестантов, которые, однако, не присоединились к повстанцам. Во всяком случае сам Рогинский в своих мемуарах вспоминал о том, что в Пружанах к нему в отряд вошло только 2 человека. Это были бухгалтер казначейства Стравинский, который «нанес удар шашкой по голове» безоружному солдату местной инвалидной команды и писарь уездного суда Глебович, «выстрелом в горло» убивший рядового Колесникова [3, с. 344; 7]. Помимо этого, Рогинский «силой увел в мятеж» местных дворян братьев Франца и Александра Пульховских и дворянина Брестского уезда Малевского, которые, впрочем, бежали из отряда той же ночью, о чем чистосердечно и доложили военному начальству [8, л. 11–11об.].

В самом городе действовала местная подпольная организация, благодаря усилиям которой и был так легко захвачен уездный центр. Практически сразу по горячим следам было установлено, что непосредственную помощь Рогинскому оказывало практически все городское руководство. Как свидетельствуют архивные материалы, «главными агентами» революционного повстанческого комитета в Пружанском уезде были уездный предводитель дворянства Валентий Швыковский, уездный казначей Николай Горецкий, уездный исправник капитан Иван Руммель, городничий штабс-капитан Бенедикт Койшевский, уездный судья Александр Вислоух, начальник городского острога Ивановский, начальник Пружанской дворянской опеки Франц Бортновский и целый ряд других [12]. Кроме того, среди добровольных помощников упоминаются ветеринарный врач Густав Берендт, фельдшер Осип Михневич, частнопрактикующий врач И. Михальский, городской врач Леонард Домбровский, уездные врачи Владислав и Александр Окинчицы, т.е. люди весьма влиятельные и далеко не бедные [10]. Впоследствии В. Швыковский (1817–1900), предводитель дворянства и влиятельный помещик, был вынужден бежать за границу и после некоторых скитаний оказался в Бельгии, где устроился работать садовником. В 1867 г. Швыковский по амнистии вернулся на родину, ему было возвращено имение. В 1895 г. он продал свое имение графине Клейнмихель. Бортновский был выслан в Ярославскую губернию. Глебович и Стравинский были убиты в сражениях с правительственными войсками [7, л. 5–7]. Общий состав Пружанской подпольной повстанческой организации показан в таблице 1 [12].

Таблица 1 – Состав Пружанской уездной повстанческой организации

	Дворяне	Помещики	Крестьяне	Мещане	Однодворцы	Чиновники	Военные	Врачи	Духовенство	Всего
Количество	15	9	5	12	1	7	2	6	1	58

Но нападение на город было бы невозможным, если бы военными властями был обеспечен должный уровень готовности. Следует подробно остановиться на действиях тех, на кого возложена обязанность по обеспечению безопасности. Территория Гродненской губернии в оперативном плане входила в зону ответственности 2-й пехотной дивизии под командованием генерал-лейтенанта З.С. Манюкина. В подчинении Манюкина находилось в разное время 3–4 воинских отряда. Одним из таких был Брестский отряд под командованием генерал-майора графа И.Г. Ностица, которого 1 марта 1863 г. сменил генерал-майор А.Ф. Эггер. В сферу деятельности Брестского отряда входили Брестский, Кобринский и Пружанский уезды. Непосредственно за охрану Пружан отвечала местная команда внутренней стражи под командованием поручика Головни (имя офицера установить не удалось). По некоторым данным, военный гарнизон в Пружанах составлял 250 человек, но не исключено, что эти цифры завышены [25, с. 374]. Однако не вызывает сомнения, что он проявил себя не лучшим образом. Так, начальник команды внутренней стражи поручик Головня при нападении на город «обнаружил трудность и, спасая только себя, бежал из города, переодевшись в крестьянскую одежду». Впоследствии Головня был лишен офицерского звания и дворянства, изгнан из армии и выслан вглубь России. Его помощник фельдфебель Пухальский разжалован в рядовые и отдан в Оренбургскую арестантскую роту. Кроме того, унтер-офицер Пружанской команды внутренней стражи Яков Бабенко «исполнял приказы Рогинского, показывал повстанцам, где находится цейхгауз» [4, с. 267]. Городничий Койшевский «привел в казарму партию мятежников, где солдаты в то время спали, вторую повел к казначейству, третью часть – к острогу, и сам требовал, чтобы часовой отворил калитку для впуска мятежников» [3, с. 344]. Позднее сам Койшевский «по дряхлости лет» был оставлен под полицейским надзором [7, л. 1–3]. Несмотря на это часть гарнизона оказала сопротивление, в ходе которого было убито 3 повстанца и 9 ранено [25, с. 374].

Тит Самульский был ранен в бою с правительственными войсками еще в январе 1863 г., находясь в составе отряда Романа Рогинского. Когда Рогинский захватил Пружаны, Самульский был оставлен на лечение у местного помещика Морачевского. 3 (15) февраля того же года Морачевский доставил Самульского к пружанскому приставу, который и посадил раненого повстанца под арест в местный острог для дальнейшего разбирательства. Через некоторое время Самульский был выпущен из-под ареста, отдан на поруки отставному подпоручику Станиславу Трембицкому и некоторое время жил в его доме в Пружанах. За время пребывания на свободе Самульский развернул активную работу по вербовке местных жителей (в первую очередь чиновников) в отряды, нередко угрожая последним «лишить жизни». Причем, вербовка шла непосредственно в учреждениях по месту службы чиновников. В мае 1863 г. Самульский и Трембицкий благополучно ушли из Пружан в отряд Влодека. Станислав Трембицкий был арестован 5 (17) сентября 1863 г. и на допросах упорно повторял, что Самульский сам ушел из его дома без ведома хозяина, и он, боясь ответственности, был вынужден также уйти в леса, где через какое-то время его нашли повстанцы Влодека. Впоследствии Трембицкий был приговорен к 6 годам каторги, следы Самульского теряются в Польше [20, с. 23, 44, 155; 4, с. 171]. Характерно, что чиновник Глебович, который при захвате Пружан отрядом Рогинского убил солдата, вскоре вернулся из отряда и некоторое время находился в Пружанах, откуда бежал лишь 20 апреля вместе с другими лицами [17, л. 25–26].

Нападение повстанцев на город стало возможным и вследствие ошибок самого графа Ностица, который, преследуя отряд Рогинского, должен был позаботиться о разведке и просто обязан был укрепить гарнизоны в уездных городах. Позднее он так и сделал, оставив в Пружанах роту Ревельского пехотного полка и сотню 5-го Донского казачьего полка под общим командованием майора Бубнова [24, с. 357].

24 апреля 1863 г. в Пружанском уезде организовал свой отряд Феликс-Адам Влодек, крупный помещик, владеец нескольких имений в Брестском (Мотыкалы) и Пружанском уездах (Кабаки). Вскоре к его отряду присоединился отряд Тита Самульского (до 40 человек), получившего боевой опыт у Рогинского. Отряды Влодека и Самульского пополнились в том числе и за счет чиновников Пружан, членов местной повстанческой организации. Так, 20 апреля место своей службы самовольно оставили 10 пружанских чиновников. Всего же из Пружанского уезда в отряды ушло 59 человек: 16 дворян, 10 чиновников, 2 студента, 11 помещиков, 2 ямщика, 15 крестьян и 4 мещанина. По другим данным, в отряды ушло до 70 человек [11, л. 485–490; 1, с. 40]. Из имений Сельцы, Ясеневец и Богуславец графа Замойского бежало в общей сложности 17 его служащих: 7 дворян, 2 лакея, 2 повара, 2 псаря, писарь, однодворец, кучер и землемер [8, л. 55–55об., 59]. Однако несмотря на то, что собственные отряды в Пружанском уезде стали появляться только в апреле, население начинало уходить в леса еще в марте. Так, к концу марта из своих мест проживания «отлучилось неизвестно куда» 7 крестьян, 14 дворян (из которых 9 помещиков) и мещанин [19, л. 28–30].

Очевидно, что на первых порах арестованных освобождали под поручительство знакомых лиц в массовом порядке, благодаря чему освобожденные затем благополучно бежали вновь. В ноябре 1863 г. М.Н. Муравьев был вынужден издать распоряжение, по которому за дворян и чиновников, вернувшихся из отрядов, должны были поручаться не менее 3-х человек, «чтобы поручители были вполне благонадежны и имели недвижимую собственность, которая могла бы обеспечить правительству возможность взыскания с них штрафа не менее 300 рублей», если лицо, взятое на поруки, вновь пустится во все тяжкие. Например, если прислуга помещика уйдет «в мятеж», с помещика взыскивается штраф в 200 рублей серебром за каждого человека [19, л. 15–15об.]. В этом случае упомянутому выше графу Замойскому относительно повезло, иначе он рисковал бы потерять значительную сумму.

Отряд Влодека участвовал в нескольких столкновениях с правительственными войсками. Так, 2 (14) мая близ Михалино Пружанского уезда (по другим данным, Слонимского уезда) произошло 2 сражения отрядов штабс-капитана Евдокимова и есаула Евстратова с повстанческим отрядом Влодека. По сведениям очевидца тех событий повстанца Игнатия Арамовича, правительственные войска потеряли 30 штуцеров, 7 коней и барабан, потери личного состава: 176 человек, из которых 65 раненых (свои потери при этом были оценены в 5 человек убитыми и 4 ранеными) [1, с. 29–30]. Между тем сведения военных властей говорят о 10 убитых и 30 раненых нижних чинов и офицеров; потери повстанцев оценены в 50 человек убитых. Эти же данные почти подтверждает непосредственный участник боя, командир роты Ревельского пехотного полка штабс-капитан Евдокимов в рапорте от 4 (16) мая, говоря о 24 раненых (сам Евдокимов был ранен в руку) и 9 убитых нижних чинов [2, ч. 2, с. XL–XLI; 18, л. 120об.]. По всей видимости, именно эти данные, больше соответствуют действительности, об этом же свидетельствует и список представленных к награде 10 нижних чинов командиром Ревельского пехотного полка полковником бароном Бринкеном на имя генерала Эггера [24, с. 367–368]. Окажись потери русских войск столь крупными, как вспоминает Арамович, вряд ли дело дошло бы до награждения. К сожалению, подобным многократным завышением потерь русских войск грешат современные польские и некоторые отечественные исследователи. Позднее отряд Влодека перешел в Кобринский уезд, где соединился с отрядом Траугутта.

В течение лета 1863 г. в Пружанском уезде произошло минимум 4 столкновения повстанцев с правительственными войсками:

1. 4 (16) июня близ села Устроль произошел бой отряда Духинского (бывшего повстанческого воеводы Гродненской губернии) с отрядом подполковника Блюменталя

в составе трех рот Ревельского пехотного полка, роты Кутузовского пехотного полка и сотни Донского казачьего полка. Правительственные войска потеряли 11 человек убитыми и 17 ранеными; потери повстанцев они оценили в 80 человек убитыми (очевидно, завышенные).

2. 8 (20) июня близ Березовых болот рота капитана Штеккера провела бой с отрядом Влодека, в ходе которого повстанцы, по сведениям И. Арамовича, потерпели поражение, а их потери составили 11 человек убитыми.

3. 15 (27) июня неподалеку от Шерешево все тот же капитан Штеккер провел бой с повстанческим отрядом (очевидно, это был отряд Врублевского). По официальным сведениям, повстанцы потеряли 16 человек убитыми и 3 пленными.

4. 30 августа (10 сентября) в урочище Березовка произошло сражение отряда Врублевского (до 300 человек) с подразделениями Староингерманландского и Псковского пехотных полков под командованием майора Шульженко. Потери повстанцев: 31 человек убитыми и 2 пленными [1, с. 43, 58; 2, ч. 2, с. XLIII–XLV].

В отрядах Пружанского и соседних уездов находилось немало отставных и действующих офицеров русской армии. Одним из них был Густав Стравинский («Млотек»), поручик Муромского пехотного полка, бежавший из части 24 июля 1863 г. и организовавший собственный отряд в Волковысском уезде. Вскоре к нему присоединился прапорщик 3-й полевой артиллерийской бригады Станислав Окинчиц. В апреле 1863 г. он перешел на сторону повстанцев и сначала находился в составе отряда Феликса Влодека, а затем присоединился к Стравинскому. Двоюродный брат Станислава Окинчица Александр являлся действующим окружным врачом Пружанского и Слонимского уездов и постоянно проживал в Шерешево. По некоторым сведениям, он также входил в состав Пружанского повстанческого комитета. В апреле 1863 г. он вступил в отряд Г. Стравинского, а спустя 10 дней покинул по состоянию здоровья и проживал в имении матери, в деревне Немковичи Пружанского уезда, где и был арестован [5, с. 118].

Активную помощь продовольствием, фуражом и продуктами оказывали повстанцам, не присоединяясь при этом к отрядам, местные помещики. Так, по свидетельству многих очевидцев, помогал отрядам Врублевского и Влодека крупный помещик, владелец имений в Брестском и Пружанском уездах Пусловский. Свои имения предоставляли для размещения повстанцев такие крупные владельцы, как граф Любецкий и помещик Скирмунт. Повстанец отряда Врублевского Людвиг Беркусевич показывал на допросе, что он «по записке Врублевского получил ...от помещицы Шемиот 70 руб., хлеба и сыру, ...от помещика имения Островок Тарновского 11 руб.» [20, с. 247]. После захвата Пружан отряд Рогинского расположился на отдых в имении Линево помещика Богуслава Трембицкого, где был готов ужин на 120 человек [8, л. 24].

Об одном из снабженцев отрядов Врублевского и Влодека – чиновнике Пружанского земского суда дворянине Франце Снежко-Блоцком, упоминает повстанец отряда Врублевского Северин Пацевич. Снежко-Блоцкий выполнял очередной рейс в отряды с товаром 23 июня, когда был схвачен конным разъездом казаков в деревне Лихосельцы Пружанского уезда. Вместе с ним были арестованы дворянин Чайковский из местечка Свислочь и мещанин Василевский из Пружан. У них изъяты «слиток свинца весом 1 пуд 5 фунтов, 2 мешка с новыми сапогами – всего 23 пары, ...10 ящиков сигар, 20 пачек папирос, табаку около 3 фунтов» [3, с. 376]. Нередкими были случаи, когда повстанцы, стремясь вывести из-под удара властей местных помещиков за оказание помощи, их фамилии зашифровывали под номерами. «И когда от них получают припасы для отряда, то дается им расписка, что такой-то номер прислал припасы» [20, с. 35]. Общий сословный состав жителей Пружанского уезда, причастных к восстанию, показан в таблице 2.

Таблица 2. Сословный состав участников восстания 1863 г. по Пружанскому уезду

Крестьяне		Дворяне					Одно-дворцы		Городские сословия	Всего
Участников восстания	Проживало в уезде	Дворяне (без указания рода занятий)	Шляхта	Помещики		Чиновники, врачи	Участников восстания	Проживало в уезде		
				Участников восстания	Проживало в уезде					
26	28 467	43	12	12	269	13	13	210	19	138

Составлено по: [14; 16; 7; 23, с. 52, 62, 67; 28, s. 46].

Как видно из таблицы, основную роль в восстании на территории Пружанского уезда играли представители дворянства (почти 58% от общего числа участников восстания). Между тем, по данным на 1863 г., в Пружанском уезде проживал 1 321 дворянин мужского пола. Можно вычислить, что среди дворянского сословия в восстании приняло участие лишь 6,1% от числа проживавших.

В июле–августе под ударами правительственных войск повстанческие отряды стали терпеть поражения, в массовом порядке повстанцы покидали расположения своих отрядов, воспользовавшись «Манифестом о Всемиловитейшим прощении бывших участников восстания, добровольно явившихся из мятежных отрядов». К сентябрю 1863 г. из отрядов бежал 41 человек (в т.ч. 16 дворян и 19 крестьян) [10, л. 159а–159б]. Поэтому, стремясь запугать рядовых членов отрядов, некоторые командиры начали устраивать террор по отношению к мирному населению силами т.н. «жандармов-вешателей». Прославляемый ныне Валерий Врублевский, в то время действующий поручик Корпуса лесной стражи (и заместитель начальника Сокольского егерского училища), оставил свой кровавый след, в том числе и на территории Пружанского уезда. По сведениям многих арестованных повстанцев, он «послал отряд из 20 человек в местечко Шерешево, которым велел сжечь бровар и убить 5 человек» мирных жителей по обвинению в помощи властям. План был перевыполнен: 19 (31) августа 1863 г. были повешены Абрам Найгас, Фишель Юделевский, семья лесного стрелка Беловежской пуши (Анна, Героним и Иосиф Седуны) и крестьянин Яким Зайончковский. В лесу, близ Шерешево, позднее были повешены еще 4 человека. 3 (15) июля 1863 г. в имении Котра этого же уезда были повешены православный священник Роман Рапацкий и крестьянин Константин Швед [15, л. 3об., 7об.–10об.; 20, с. 107, 157, 246]. Вполне возможно, что некоторые из «жандармов-вешателей» получили затем наказание. Так, в Пружанском уезде было казнено 3 человека (таблица 3).

Таблица 3. Список казненных в Пружанском уезде участников восстания 1863 г.

Фамилия, имя	Социальная принадлежность	Причина казни	Место казни, дата
Гринчик Ян	Мещанин	Пребывание в повстанческом отряде в качестве «жандарма-вешателя», личное участие в убийствах жителей Гродненской губернии	Шерешево, 8(20).12.1863 г.
Ильковский Антоний	Дворянин		Шерешево, 8(20).12.1863 г.
Соломон Август	Подданный Пруссии		Шерешево, 8(20).12.1863 г.

Составлена по: [27].

Уже после полного подавления восстания власти еще долгое время выявляли не только активных участников восстания, но и лиц, им сочувствующих. Так, из Пружанского уезда на конец 1864 г. было выслано 27 крестьян во внутренние регионы России. Половина из них была отправлена «под надзор губернатора» в Калужскую и Тульскую губернии [9, л. 13–45]. В список конфискованной собственности влиятельных помещиков Пружанского уезда вошли имения Валериана Юндзилла (продано за 50 000 руб. серебром), Иосифа Стравинского (42 000 руб. серебром), Станислава Стравинского (15 000 руб. серебром), Александра Доманского (7 500 руб. серебром) и Эдмунда Корсака (3 355 руб. серебром) [29, с. 78–80]. По подозрению в «политической неблагонадежности» в Пружанах было уволено 39 чиновников «присутственных учреждений» [6, л. 12–14, 25–29, 38–40об.]. В 1868 г. под надзором полиции по Пружанскому уезду за участие в восстании состояли 76 человек, в том числе 26 дворян, 9 помещиков, 7 евреев, 17 мещан, 10 крестьян, 7 представителей шляхты [13, л. 155–165].

Во время массовых общественно-политических потрясений нередко находятся люди, пытающиеся тем или иным способом свести счеты со своими противниками. Не исключением стало и восстание 1863 г., когда зачастую по ложным доносам власти арестовывали невиновных лиц. Вот и в Пружанском уезде в сентябре 1863 г. по доносу крестьянина Иосифа Глушко за помощь беглым повстанцам были арестованы и посажены в Пружанский острог владелец имения Крыницы Франц Дзеконский и четверо его служащих. Разобрав дело арестованных, местная уездная военно-следственная комиссия пришла к выводу, что донос на помещика и его служащих был ложным, о чем военный начальник Пружан отмечал в своем рапорте. Тем не менее перечисленные лица были отданы под суд, который состоялся 14 февраля 1864 г. По решению суда служащие Дзеконского были отданы на поруки Сухопольскому сельскому обществу и возвращены на прежнее место жительства в д. Крыницы; судьба самого Дзеконского, которого перевели в Гродненский тюремный замок, так и не была определена. Лишь 26 августа 1864 г. после прошения жены Эрнестины на имя гродненского губернатора просидевший за решеткой почти год помещик был выпущен под поручительство и возвращен в свое имение. Извинений за незаконный арест ему никто не принес [21, с. 45–47].

Заключение

Таким образом, данное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Население Пружанского уезда приняло активное участие в восстании, значительное число повстанцев составляли представители дворянского слоя (почти 58%). Участие дворянства в восстании, наряду с патриотическим подъемом, можно объяснить и экономическими причинами. Еще в первой четверти XIX в. часть помещичьих имений оказалась на грани разорения, и владельцы были вынуждены закладывать их в различных банках. Очевидно, что с отменой крепостного права этот процесс ускорился. Поэтому некоторые помещики (в том числе и из обедневших дворян) свое участие в восстании рассматривали как способ улучшить свое незавидное материальное положение. Мы не располагаем данными по Пружанскому уезду, но в целом на белорусских землях такое явление было характерно.

2. Активное участие в восстании 1863 г. на территории Пружанского уезда однодворцев, недовольных своими условиями жизни (переведенных в разряд податного сословия как раз из бывшего привилегированного слоя после восстания 1831 г.), можно объяснить общим патриотическим подъемом и своим ответом правительству на события 30-летней давности.

3. Крестьяне, принявшие участие в восстании, составили почти пятую часть общего числа повстанцев на территории Пружанского уезда. Главная причина такой активности заключается в разочарованности основной массы крестьянского слоя в поло-

винчатых результатах реформы 1861 г., чем на первых порах воспользовалось повстанческое руководство, перетягивая на свою сторону крестьян. Однако значительная часть крестьянского сословия Пружанского уезда не приняла массового участия в восстании, о чем свидетельствуют цифры, согласно которым 1 участник восстания приходился лишь на 1 094,9 человека.

4. Смертные приговоры участникам восстания 1863 г. на территории Пружанского уезда были вынесены за конкретные тяжкие преступления, которые в условиях военного времени (а территория Беларуси в период восстания 1863–1864 гг. находилась на военном положении) жестоко караются во всех странах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арамовіч, І. Мары. Успаміны пра партызанскі рух у Гродзенскім ваяводстве ў 1863 і 1864 гг. / І. Арамовіч // АРСНЕ. – 2010. – № 12. – С. 18–71.
2. Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863–1864 гг. в пределах Северо-Западного края : в 2-х ч. / Под общ. ред. А.И. Милонидова. – Вильно, 1913. – Ч. 1; 1915. – Ч. 2.
3. Восстание в Литве и Белоруссии 1863–1864 гг. : материалы и док. – М. : Наука, 1965. – 586 с.
4. Дьяков, В.А. Деятели русского и польского освободительного движения в царской армии 1856–1865 гг. : биобиблиографический словарь / В.А. Дьяков. – М. : Наука, 1967. – 256 с.
5. Карпович, О.В. Окинчицы: стремление к свободе / О.В. Карпович // Асоба ў гісторыі: гераічнае і трагічнае : матэрыялы Трэцяй міжнар. навук.-практ. канф. студэнтаў, ліцэістаў, аспірантаў і маладых вучоных, 23–24 ліст. 2007 г. / БрДУ імя А.С. Пушкіна. – Брэст : Альтэрнатыва, 2008. – С. 117–121.
6. Национальный исторический архив Беларуси в Гродно (НИАБ). – Фонд 1. – Оп. 6. – Д. 511. О собрании сведений о чиновниках, уволенных за политическую неблагонадежность.
7. НИАБ. – Фонд 1. – Оп. 31. – Д. 62. Дело по обвинению разных лиц в участии в польском восстании.
8. НИАБ. – Фонд 1. – Оп. 34. – Д. 204. Дело о повстанческом движении по Пружанскому уезду.
9. НИАБ. – Фонд 1. – Оп. 34. – Д. 231. Дело о ссылке в Сибирь, на каторгу жителей Гродненской губернии за участие в восстании 1863 г.
10. НИАБ. – Фонд 1. – Оп. 34. – Д. 666. О водворении на прежнее место жительства добровольно явившихся из повстанческих отрядов жителей Гродненской губернии и списки участников восстания 1863 г.
11. НИАБ. – Фонд 1. – Оп. 34. – Д. 1138. Списки чиновников палат казенной, уголовной, гражданской и государственных имуществ по губернии, принимавших участие в восстании 1863 г.
12. НИАБ. – Фонд 1. – Оп. 34. – Д. 2887. Конфирмация на членов Гродненской революционной организации.
13. НИАБ. – Фонд 1. – Оп. 34. – Д. 3558. Списки участников восстания, состоящих под надзором полиции по уездам Гродненской губернии на 1868 г.
14. НИАБ. – Фонд 3. – Оп. 1. – Д. 10. Дело со списками лиц, содержащихся под арестом в Пружанах.
15. НИАБ. – Фонд 3. – Оп. 1. – Д. 18. Дело о доставлении сведений о лицах, убитых и замученных мятежниками по Пружанскому уезду.

16. НИАБ. – Фонд 3. – Оп. 1. – Д. 46. Алфавитный список политических преступников, имущество которых подлежит конфискации в казну, по 1 октября 1864 г.
17. НИАБ. – Фонд 1715. – Оп. 1. – Д. 2. Об аресте участников восстания.
18. НИАБ. – Фонд 1715. – Оп. 1. – Д. 9. О преследовании войсками повстанческих отрядов.
19. НИАБ. – Фонд 1717. – Оп. 1. – Д. 4. Об отдаче на поруки возвратившихся из отрядов жителей Слонимского уезда.
20. Повстанческое движение в Гродненской губернии 1863–1864 гг. / под ред. Д.В. Карева. – Брест : Академия, 2006. – 404 с.
21. Папко, В.М. Род Дзяконскіх і іх маенткі на Брэстчыне ў XIX–XX стст. / В.М. Папко. – Брэст : Альтэрнатыва, 2009. – 232 с.
22. Рогинский, Р. Из воспоминаний повстанца / Р. Рогинский // Исторический вестник. – 1906. – Т. 105. – С. 422–452.
23. Улащик, Н.Н. Предпосылки крестьянской реформы 1861 г. в Литве и Западной Белоруссии / Н.Н. Улащик. – М. : Наука, 1965. – 479 с.
24. Черепица, В.Н. Действия Брестского отряда российских войск в южной части Гродненской губернии / В.Н. Черепица // Звенья цепи единой. Большие и малые события в истории Гродненщины XIX–XX столетий. – Гродно : ГрГУ им. Я. Купалы, 2009. – С. 353–393.
25. Швед, В. Гродзенская губерня ў полымі паўстання 1863–1864 гг. / В. Швед // Польшка-беларускія моўныя літаратурныя, гістарычныя і культурныя сувязі : матэрыялы XI міжнар. навук. канф. «Шлях да ўзаемнасці», 18–20.VII.2003 г., Беласток.– Беласток, 2004. – С. 373–380.
26. Gora, S. Początki powstania styczniowego na Litwie i Białorusi oraz działania oddziału Romana Rogińskiego na tych terenach w okresie od 7 lutego do 3 marca 1863 r. / S. Gora // Studia i materiały do Historii Wojskowości. – 1985. – T. 28. – S. 199–211.
27. Rok 1863: wyroki śmierci / red. W. Studnicki. – Wilno, 1923. – 120 s.
28. Schmidt, W. Geneza prywatnej rosyjskiej własności ziemskiej w byłych guberniach Wileńskiej, Grodzieńskiej i Mńskiej (1793–1875). – Warszawa, 1923. – 102 s.

Karpovich O.V. Revolt of 1863 in Pruzhansky District

Pruzhansky district of Grodno province had no special strategic value for the contradictory parties in the revolt of 1863–1864. Nevertheless, on territory of this region there was the first rebellion group in Belarus named after Roman Roginsky, and this district city (also the first in Belarus) was captured by the rebels. In this connection the studying of rebellion movement in Pruzhansky district represents special scientific importance. Unfortunately, a number of researches of contemporary domestic historiography devoted to the revolts in 1861 and 1863 are based on the materials of Russian historical archives whereas the data of corresponding archives of Belarus are ignored, which that does not allow to reveal with authentic accuracy the degree of participation of the population of separate regions in the revolts. In the article, using new, previously unpublished data, the complex research of the revolt events in 1863 in Pruzhansky district of Grodno province is conducted. The article is based on the materials of the National Historical Archives of Belarus in Grodno.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 28.02.2012

УДК 94 (476)

*Л.В. Лаўрэнка***РАМЕСНАЕ НАВУЧАННЕ І ЯГО АРГАНІЗАЦЫЯ
НА ЗАХОДНЕБЕЛАРУСКІХ ЗЕМЛЯХ У 20–30-я гг. XX ст.**

У артыкуле разглядаецца стан рамеснага навучання і яго арганізацыя на заходнебеларускіх землях у 20–30-я гг. XX ст. Характарызуюцца рамесна-прамысловыя школы, школы-майстэрні, школы прафесійнага ўдасканалення, а таксама прафесійныя курсы, якія займаліся навучаннем рамеснікаў. Падрабязна прааналізаваны ўмовы прыняцця на навучанне і заключэння дамовы аб навучанні. Разглядаецца сістэма здачы экзаменаў на атрыманне звання чалавечніка і майстра. Адзначаецца, што ў разглядаемы перыяд рамесніку, які толькі пачынаў сваю працу ці працаваў у якой-небудзь галіне рамяства, неабходна было абавязкова прайсці навучанне рамяству і атрымаць адпаведнае пасведчанне. У артыкуле зроблена выснова аб тым, што рамеснае навучанне на тэрыторыі Заходняй Беларусі ў міжваенны перыяд было складаным і сутыкалася з вялікай колькасцю цяжкасцей.

Уводзіны

Развіццё тэхнікі, змена ўмоў вытворчасці і збыту, ускладненне эканамічных адносін у цэлым ставілі заходнебеларускага рамесніка ў 20–30-я гг. XX ст. перад складанай задачай прыстасавання да новых умоў, што было немагчыма без адпаведнай прафесійнай падрыхтоўкі. Закон аб прамысловым праве 1927 г. прызначаў сведчанне аб праходжанні прафесійных школ і курсаў у якасці галоўнай ўмовы атрымання доказу прафесійных здольнасцей і дазволу на кіраванне самастойнай майстэрняй. Недахоп прафесійнай адукацыі, асабліва сярод рамеснай моладзі, быў раўназначны пазбаўленню права займацца якой-небудзь рамеснай прафесіяй. Таму рамеснае навучанне адыгрывала значную ролю ў развіцці рамяства і рамеснай вытворчасці ў 20–30-я гг. XX ст. на тэрыторыі Заходняй Беларусі і Польшчы ў цэлым. У айчынным гістарыяграфіі пакуль не існуе прац, прысвечаных станаўленню і развіццю рамеснага навучання, яго арганізацыі на тэрыторыі Заходняй Беларусі ў 20–30-я гг. XX ст. Агульныя звесткі па тэме даследавання апісаны ў працы А.М. Вабішчэвіча [1]. З існуючых польскіх даследаванняў неабходна адзначыць працу І. Барнштэйна, у якой толькі адзін раздзел прысвечаны пытанням прафесійнай адукацыі рамеснікаў-яўрэяў на тэрыторыі Польшчы [2]. Сярод сучасных польскіх гістарычных прац неабходна згадаць працу Ю. Менсо [3], якая змяшчае статыстычны абзор развіцця прафесійнага навучання ў Польшчы ў міжваенны перыяд, і манаграфію С. Квеченя, у якой аналізуюцца асноўныя заканадаўчыя акты ў сферы рамеснага навучання [4]. Аднак спецыяльнага даследавання па згаданай тэматыцы ў польскай гістарычнай навуцы няма.

Улічваючы слабую распрацаванасць праблематыкі развіцця рамеснага навучання на заходнебеларускіх землях у акрэслены перыяд, уяўляецца неабходным даследаваць стан рамеснага навучання і яго арганізацыі на тэрыторыі Заходняй Беларусі ў 20–30-я гг. XX ст. Для дасягнення пастаўленай мэты былі вылучаны наступныя задачы: 1) даць характарыстыку рамеснаму навучанню і яго арганізацыі на тэрыторыі Заходняй Беларусі ў 1921–1939 гг.; 2) вызначыць асноўныя праблемы рамеснага навучання на заходнебеларускіх землях у даследуемы перыяд.

Арганізацыя рамеснага навучання на тэрыторыі Заходняй Беларусі

Неспрыяльныя ўмовы развіцця рамяства рабілі немагчымым адпаведную падрыхтоўку і навучанне кваліфікаваных рамесніцкіх кадраў. Узровень адукацыі сярод ра-

меснікаў у міжваенны перыяд на тэрыторыі Заходняй Беларусі быў вельмі нізкі: значная частка рамеснікаў была непісьменнай. Рашэннем праблемы рамеснага навучання займаліся прафесійныя школы: рамесна-прамысловыя, школы-майстэрні, школы прафесійнага ўдасканалення, а таксама прафесійныя курсы, у якіх ускосна ўсталёўвалася мінімальны тэрмін навучання, а таксама вызначаўся ўзровень навучання праз правядзенне экзаменаў на атрыманне звання чалавечніка і майстра ў выбранай прафесіі [5, арк. 15; 2, с. 84].

Найбольш вядомымі прафесійнымі школамі на тэрыторыі Заходняй Беларусі былі наступныя: рамесная школа Польскай мацежы школьнай (ПМШ) у Пінску (сталярны аддзел), рамесная школа Таварыства распаўсюджвання прафесійнай і гаспадарчай працы сярод яўрэяў са слясарна-механічным, сталярным і кравецкім (жаночым) аддзеламі ў Брэсце, рамесная школа кравецкага рамяства для дзяўчат у Пінску, ніжэйшая тэхнічная школа ў Лунінцы, яўрэйская рамесная школа Юдэля Пекача са слясарна-механічным і сталярным аддзеламі ў Пінску (Палескае ваяводства); дзяржаўная рамесна-прамысловая школа ў Лідзе, рамесная школа выхаваўчай установы Св. Іосіфа са сталярным і шавецкім аддзеламі ў Дварцы, прафесійная жаночая школа Саюза памежных зямель у Ішчольне, прыватная прамысловая жаночая школа ў Нясвіжы (Навагрудскае ваяводства); прафесійная жаночая школа ПМШ у Нова-Вілейцы, школа хатняй гаспадаркі Саюза грамадзянскай працы кабет у Вільні (Віленскае ваяводства); дзяржаўная рамесна-прамысловая школа ў Беластоку, дзяржаўная гандлёва-прамысловая школа ў Гродне, яўрэйская рамесная школа ў Беластоку, дзяржаўная школа дрэваапрацоўчай прамысловасці ў Гайнаўцы, школа рамёстваў ПМШ у Гродне, жаночая рамесная школа таварыства «ORT» у Беластоку, рамесная школа пры яўрэйскай гміне ў Гродне (Беластоцкае ваяводства) [6, с. 36; 7, с. 20].

На тэрыторыі Навагрудскага ваяводства ў 1932 г. існавала 4 рамесна-прамысловыя школы і 4 школы прафесійнага ўдасканалення, у якіх навучалася 594 вучні. З 359 вучняў школ прафесійнага ўдасканалення ў 1932/33 навучальным годзе школу закончылі толькі 52 вучні [7, с. 20]. У Віленскім ваяводстве ў 1932 г. налічвалася 14 прафесійных школ (3 дзяржаўныя і 11 прыватных), у якіх навучалася 1 150 вучняў, і 6 школ прафесійнага ўдасканалення з 423 вучнямі (скончылі школы толькі 59 чалавек) [8, с. 48–49].

Важная роля ў развіцці рамеснага навучання на тэрыторыі Навагрудскага і Віленскага ваяводстваў у 30-я гг. XX ст. адводзілася Віленска-Навагрудскаму рамеснаму інстытуту ў Вільні. Нізкі культурны ўзровень рамяства на заходнебеларускіх землях, вялікая колькасць непісьменных, амаль поўнае няведанне сучасных вынаходак, метадаў працы і арганізацыі майстэрняў стваралі няроўныя ўмовы працы на дадзеных тэрыторыях у параўнанні з цэнтральнымі, а асабліва з заходнімі тэрыторыямі. Для выпраўлення становішча Віленскай і Навагрудскай рамеснымі палатамі было вырашана стварыць 7 мая 1934 г. сумесны рамесны інстытут, які пачаў сваю працу ў Вільні з кастрычніка 1934 г. Старшынёй інстытута быў выбраны дырэктар рамеснай палаты ў Вільні Казімір Млынарчык, намеснікам старшыні – дырэктар рамеснай палаты ў Навагрудку Станіслаў Кленеўскі [9, с. 39]. Асноўнымі мэтамі дадзенай установы былі: 1) асвета рамеснікаў у прафесійным, эканамічным і культурным напрамках; 2) аказанне ўплыву на павышэнне ўзроўню прафесійнай адукацыі рамесніцкай моладзі, а таксама на яе грамадзянскае выхаванне; 3) клопат аб адпаведным навучанні рамеснікаў [10, с. 25]. Дзякуючы намаганням інстытута была арганізавана гарбарная майстэрня, якая, з аднаго боку, была вытворчай майстэрняй, з якой бралі прыклад вясковыя і маламестачковыя гарбары, а з другой – навучальнай установай. Нягледзячы на тое, што дадзеная майстэрня не мела вялікага капіталу і першапачаткова апіралася на сціплыя субсідыі Віленскай рамеснай палаты, яна дасягнула пэўных поспехаў, напрыклад, залаты медаль на кушнерскай ярмарцы ў Вільні ў 1934 г. і срэбны на агульнапольскай ярмарцы рамяства ў Познані ў 1935 г. [9, с. 39–40].

У пачатку 1935 г. у Вільні была заснавана школа прафесійнага ўдасканалення Віленска-Навагрудскага рамеснага інстытута, у якой навучалі рамесніцкім спецыяльнасцям групы апрацоўкі скуры, спажывецкай сферы і сферы паслуг. У лютым 1935 г. інстытут прыняў ад віленскага таварыства апекі над жывёламі школу коўкі коней, якая дзейнічала з 1927 г. У 1935 г. у школе працавалі курсы, на якіх навучаліся кавалі ў асноўным з паветаў Віленскага і Навагрудскага ваяводстваў. Кандыдатаў з правінцыі ў школе не было па прычыне вясенніх сельскагаспадарчых работ. Кожны вучань курса плаціў 10 злотых экзаменацыйнай платы і 50 злотых за інтэрнат з поўным утрыманнем. Само навучанне было бясплатным. У хуткім часе школа выклікала вялікую зацікаўленасць сярод мясцовых рамеснікаў [9, с. 40].

На тэрыторыі Палескага ваяводства ў 1935 г. было 6 рамесна-прамысловых мужчынскіх школ, у якіх навучаліся 562 вучні, і 4 жаночыя з 321 вучаніцай. Акрамя гэтага, на тэрыторыі ваяводства дзейнічалі 16 рамесных майстэрняў пры грамадскіх школах, з іх 7 – майстэрні крою і шыцця, 6 – сталярныя майстэрні і 3 – майстэрні па вырабу кошыкаў, у якіх праходзіў навучанне рамяству 941 вучань. У 1936 г. колькасць рамесна-прамысловых школ у ваяводстве ў параўнанні з 1935 г. амаль не змянілася – 5 мужчынскіх (629 вучняў) і 4 жаночыя (385 вучняў) [11, с. 48; 12, с. 31]. Колькасць рамесных майстэрняў павялічылася на 2 (майстэрня крою і шыцця і сталярная) і складала 18 адзінак, у якіх навучаліся 1 377 вучняў. На тэрыторыі Палескага ваяводства ў 1936 г. налічвалася 6 школ прафесійнага ўдасканалення (у Брэсце, Давыд-Гарадку, Кобрыне, Лунінцы, Пінску і Пружанах), у іх праходзілі навучанне 600 вучняў [5, арк. 15], а на тэрыторыі Беластоцкага ваяводства – 10 школ [13, с. 26]. Аднак у справаздачы Брэсцкай рамеснай палаты за 1936 г. акцэнтуюцца ўвага, што на тэрыторыі акругі палаты назіраўся недахоп такіх школ для дзяўчат, нягледзячы на тое, што ў 1933 г. у Пінску і Лунінцы былі адкрыты 3-гадовыя прафесійныя жаночыя школы ПМШ [14, арк. 2, 3]. Паводле статыстыкі палаты, школы Брэста і Пінска мелі значны працэнт дзяўчат, якія навучаліся рамяству [5, арк. 15].

У 1929 г. быў уведзены падзел прафесійных школ на 2 катэгорыі: А і В. Да катэгорыі А адносіліся школы, пры якіх маглі быць утвораны камісіі для прыёму экзаменаў на атрыманне звання чалавечніка; астатнія, пазбаўленыя дадзенага права, належалі да катэгорыі В [2, с. 82]. Таму школы катэгорыі В павінны былі штогод пасылаць сваіх выпускнікоў для здачы іспытаў у школы катэгорыі А. Такое становішча было нязручным як для вучняў, так і для рамесных школ, у якіх яны праходзілі навучанне. Нязручнасць заключалася ў тым, што, па-першае, вучні вымушаны былі здаваць экзамен перад пабочнай, незнаёмай ім камісіяй; па-другое, практычная частка экзамена выконвалася пры дапамозе нявыпрабаваных інструментаў, часта на машынах агульных тыпаў і іншай канструкцыі (вучні, якія здавалі экзамен перад камісіяй сваёй школы, былі ў больш выгадных умовах, бо працавалі на выпрабаваных імі ж інструментах і станках [2, с. 84]. У 1928/29 навучальным годзе на тэрыторыі Палескага ваяводства да катэгорыі А былі аднесены такія школы: гарадская рамесная школа ў Брэсце, рамесная школа ПМШ у Пінску і Сарнах, ніжэйшая тэхнічная чыгуначная школа Таварыства распаўсюджвання прафесійнай асветы ў Лунінцы [15, арк. 10–11].

Пэўнае месца ў рамесным навучанні адводзілася прафесійным курсам. Працягласць навучання на прафесійных курсах была разнай і залежала ад таго, для якой прафесіі і якой аўдыторыі яны былі арганізаваны. Вялікае значэнне мелі таксама характар курсаў і мясцовасць, дзе яны праводзіліся. У сувязі з гэтым прафесійныя курсы падзяляліся на двухгадовыя, гадавыя, а таксама курсы, якія працягваліся некалькі месяцаў і нават тыдняў (спецыяльна з мэтай навучання ці падрыхтоўкі да якога-небудзь прафесійнага экзамена). У цэлым польскія улады, установы ці прыватныя асобы імкнуліся, каб прафесійныя курсы не працягваліся звыш патрэбнага для авалодання неабходнымі

прафесійнымі і тэарэтычнымі ведамі часу. Тэрміны навучання на курсах залежалі таксама і ад выдаткаў, з якімі было звязана наведванне курсаў для рамесна-прамысловых работнікаў ці кандыдатаў для заняткаў рамяством. Асноўная частка прафесійных курсаў для рамеснікаў на заходнебеларускіх землях арганізоўвалася рамеснымі палатамі сумесна з упраўленнямі школьных акруг.

У 1935 г. на тэрыторыі Палескага ваяводства дзейнічала 6 курсаў крою і шыцця, 3 ткацтва, арганізаваны 4 новыя курсы трыкатажнай вытворчасці. Рамеснай палатай таксама былі арганізаваны 7 курсаў прафесійнага ўдасканалення для 253 вучняў і рамесных чалавечкаў пры дапамозе і падтрымцы кіраўніцтва Брэсцкай школьнай акругі (3 у Брэсце, 1 у Століне, 2 у Давыд-Гарадку і 1 у Кобрыне), а таксама курсы для механікаў пры рамесна-прамысловай школе ў Брэсце [5, арк. 16]. У 1936 г. Брэсцкай рамеснай палатай былі арганізаваны кароткатэрміновыя курсы і інфармацыйныя сходы для самастойных рамеснікаў. Кароткатэрміновыя курсы для рамеснікаў будаўнічай групы праводзіліся ў Кобрыне. Мэтай кароткатэрміновых курсаў было папярэджанне прафесійных ведаў рамеснікаў, якія займаліся рамяством больш за 10 гадоў і якія былі пазбаўлены магчымасці дапоўніць свае прафесійныя веды. Інфармацыйныя сходы для самастойных рамеснікаў былі арганізаваны ў Брэсце, Пінску, Пружанах і Кобрыне [5, арк. 16].

На тэрыторыі Беластоцкага ваяводства ў 1936 г. рамеснай палатай былі арганізаваны курсы прафесійнага ўдасканалення для вучняў і памочнікаў розных рамесных спецыяльнасцей у Шчучыне. Курсы ў аб'ёме 143 лекцыйных гадзін праходзілі з 3 лютага па 15 чэрвеня 1936 г. па наступных прадметах: польская мова, лічэнне, гісторыя і геаграфія (з паланістыкай). На курс было залічана 69 вучняў. Задачай курсаў была падрыхтоўка курсантаў да іспыту на атрыманне звання чалавечка ў аб'ёме агульнаадукацыйных прадметаў. Другія чарговыя курсы прафесійнага ўдасканалення былі арганізаваны ў Гайнаўцы і працягваліся з 23 сакавіка па 26 чэрвеня 1936 г. ў аб'ёме 180 лекцыйных гадзін: матэрыялазнаўства, тэхналогія, разлікі, прафесійны чарчэж (разам 90 гадзін), лічэнне (30 гадзін), польская мова (35 гадзін), паланістыка (25 гадзін). Дадзеныя курсы наведвала 28 чалавек: 23 слесары і 5 сталяроў. Асноўнай задачай курсаў была падрыхтоўка слухачоў да іспыту на атрыманне звання чалавечка па прафесійных і агульнаадукацыйных прадметах [13, с. 26]. У 1932 г. праўленне Віленскай школьнай акругі выдала канцэсіі Саюзу польскіх настаўнікаў на правядзенне курса прафесійнага ўдасканалення для вучняў у Нясвіжы (наведвала 32 навучэнцы розных прафесій) і Саюзу польскіх настаўнікаў Стаўбцоўскага павета на правядзенне курса ў Стоўбцах (скончылі 18 вучняў: 9 краўцоў, 2 цырульнікі, 1 маляр, 3 сталяры, 1 шорнік, 1 слесар і 1 пяляр) [7, с. 22].

Акрамя курсаў, арганізаваных рамеснымі палатамі, шырокае распаўсюджанне атрымалі і прыватныя курсы. Так, напрыклад, у 1926 г. Міністэрствам рэлігійных веравызнанняў і грамадскай асветы быў выдадзены дазвол Яну Служэўскаму на адкрыццё ў Пружанах гарбарна-скарняжных курсаў для сялян, а таксама аказана матэрыяльная дапамога ў памеры 1 000 злотых. Курсы мелі падтрымку ад ураду і былі пад кантролем школьных улад. Навучанне на курсах было бясплатным [16, арк. 2, 11, 12]. 6 лютага 1933 г. кіраўніцтва Брэсцкай школьнай акругі выдала Адаму Душу дазвол на адкрыццё і правядзенне ў Брэсце прыватных курсаў крою і шыцця [14, арк. 1]. У 1935–1936 гг. на тэрыторыі Брэсцкай школьнай акругі дзейнічалі наступныя прыватныя курсы: прафесійныя курсы розных рамёстваў; курсы па зборы і лячэнні лекавымі раслінамі (за 1935 г. на гэтых курсах прайшло навучанне 3 200 вучняў), курсы стэнаграфіі інжынера Закржэўскага ў Брэсце; курсы крою і шыцця, пакоры і хатняй гаспадаркі Саюза грамадзянскай працы кабет у Брэсце; курсы айчыннай гаспадаркі ў Лунінцы; курсы крою, шыцця і вышыўкі збору сяцёр-місіянерак у Пружанах; курсы крою і шыцця, мадэльерства і мастацкіх работ Барбары Альшэўскай у Брэсце [17, л. 3зв.].

Акрамя таго, згодна распараджэння міністра прамысловасці і гандлю ад 14 снежня 1927 г. [18], дапоўненага распараджэннем ад 25 мая 1938 г. [19], у якасці пацвярджэння прафесійных здольнасцей у кавальскім, слясарным, такарным рамястве, а таксама ў рамястве кацельшчыка маглі ўлічвацца пасведчанні аб заканчэнні механічнага і чыгуначна-механічнага аддзелаў дзяржаўнай тэхнічнай школы імя Ю. Пілсудскага ў Вільні. Для бляхара, страхара, камнеапрацоўчага рамяства, печніка, дарожніка, муляра і цесляра – пасведчанні аб заканчэнні будаўнічага, дарожна-воднага і меліярацыйнага аддзелаў дзяржаўнай тэхнічнай школы імя Ю. Пілсудскага ў Вільні, дарожна-будаўнічага і меліярацыйнага аддзелаў сярэдняй тэхнічнай школы імя Ю. Пілсудскага ў Брэсце, прыватнай мужчынскай дарожнай школы ПМШ у Баранавічах [19, с. 696–698].

Навучаць рамяству, паводле закона аб прамысловым праве, маглі тыя рамеснікі, якія мелі званне майстра, ці паўналетнія асобы, што пасля паспяховай здачы іспыту на чалюдніка працавалі на працягу 5 гадоў у дадзеным рамястве альбо 8 гадоў самастойна займаліся рамяством. Навучанне можна было прайсці таксама на фабрычных прадпрыемствах пад кіраўніцтвам асоб, якія мелі адпаведную кваліфікацыю [20, с. 714]. На аснове распараджэння Міністэрства прамысловасці і гандлю ад 14 снежня 1927 г., выдадзенага сумесна з Міністэрствам рэлігійных веравызнанняў і грамадскай асветы, права ўтрымання вучняў і кіраўніцтва іх практычным навучаннем мелі таксама асобы, якія валодалі пасведчаннем аб заканчэнні адной з тэхнічных школ, школ майстроў, а таксама школ дэкаратыўнага мастацтва і мастацкай прамысловасці, якія пералічаны ў вышэй згаданым распараджэнні, пры пацвярджэнні хаця б 3-гадовага перыяду самастойнай рамеснай працы [21, арк. 26]. Не мелі права ўтрымоўваць вучняў рамеснікі, якія былі асуджаны за злачынствы, здзейсненыя з мэтай выгады ці супраць грамадскай маралі. Права на навучанне вучняў не мелі таксама асобы, якія па прычыне разумовых ці фізічных недахопаў былі не здольныя да адпаведнага навучання [21, арк. 26зв.].

На навучанне прымаліся толькі тыя кандыдаты, якія дасягнулі 15-гадовага ўзросту і мелі дазвол бацькоў ці апекуноў, пасведчанне аб навучанні (калі ў дадзенай мясцовасці вялося ўсеагульнае навучанне), даведку ад лекара, рэкамендаванага Міністэрствам працы, што выбранае рамяство не перавышае фізічных сіл кандыдата, і пасведчанне аб адпаведных здольнасцях у прафесіі [21, арк. 26зв.]. Кандыдат мог быць прыняты на навучанне толькі на аснове пісьмовай дамовы, якая павінна была быць складзена і падпісана на працягу 4 тыдняў пасля пачатку навучання.

Тэрмін навучання быў у асноўным 3 гады, аднак са згоды прамысловай ваяводскай улады рамесная палата пасля прыняцця да ўвагі меркаванняў зацікаўленых рамесных цэхаў магла ў некаторых рамёствах і іх галінах устанаўляць працягласць навучання. Рамесная палата ў асобных выпадках таксама магла дазволіць вучню закончыць навучанне раней адведзенага тэрміну [20, с. 714]. Пасведчанне аб заканчэнні навучання маглі выдаваць кіраўніцтва цэху (ў тым выпадку, калі рамеснік з'яўляўся членам цэху) ці сам рамеснік, калі ён не належаў да якога-небудзь цэху.

Навучанне ў майстэрнях часта было фармальным, вучань выкарыстоўваўся майстрам у якасці памагатага, што павялічвала прадукцыйнасць працы майстра і, адпаведна, прыбыткі, бо праца вучня ў перыяд навучання ў рамесніка-майстра не аплатавалася. Інспектары працы ў сваіх справах спраўдалі, што колькасць вучняў увесь час павялічвалася, уладальнікі майстэрняў усё часцей звальнялі чалюднікаў і карысталіся вучнямі як таннай працоўнай сілай. Такім чынам, з майстэрняў выпяцнялася кваліфікаваная рабочая сіла. Шмат рамесных майстэрняў з-за адсутнасці фінансавання не мела адпаведнага абсталявання і інструментаў, каб азнаёміць вучня з сукупнасцю дзеянняў, якія ўваходзілі ў яго прафесію [22, с. 5, 7, 8]. Вучні часцей пражывалі ў свайго майстра. Умовы працы ў майстэрнях былі складанымі як з пункту гледжання гігіены (дробныя майстэрні служылі ўладальніку адначасова і жылём, таму для іх была характэрна цес-

ната, бруд і духата), так і паводле працягласці часу працы [22, с. 28]. Пра навучанне рамяству жыхарка вёскі Орля Вера Сушчэ расказвала наступнае: «Пасля сёмага класа я не магла вучыцца з-за нястачы грошай. Дзяцей у нас было трое: я, брат Валодзя і сястра Валя. Бацька працаваў у тартаку, маці займалася домам. Праз год пасля заканчэння школы пайшла я вучыцца на краўчыху. Мая майстрыха, родам з Познані, жыла недалёка бажніцы. Разам з двюма іншымі вучаніцамі шлі мы розныя строі, сукенкі, якія насілі потым па дамах і прадавалі. Навука мая працягвалася цэлы год. Пасля шла я дома на мацінай машыне маркі «Зінгер», якую мама купіла сабе ў 1920 г.» [23, с. 181].

Пасля сканчэння тэрміну навучання вучань павінен быў здаваць іспыт. Для гэтага рамесная палата стварала экзаменацыйную камісію, якая складалася са старшыні і 2 членаў палаты. Старшыней камісіі прызначаўся рамеснік, які меў тытул майстра, ці асоба, якая мела вышэйшую тэхнічную адукацыю і працавала выкладчыкам ці кіраўніком прамысловага прадпрыемства. Адзін з членаў экзаменацыйнай камісіі выбіраўся сярод кваліфікаваных у дадзенай галіне рамяства чалавечкаў і павінен быў абавязкова пражываць на тэрыторыі акругі палаты. Астатнія члены экзаменацыйнай камісіі выбіраліся сярод рамеснікаў, якія мелі права навучання дадзенаму рамяству і пражывалі на тэрыторыі, падуладнай рамеснай палаце [20, с. 714].

Іспыт праходзіў у памяшканні рамесна-прамысловай школы. Час правядзення іспыту вызначаў куратар школьнай акругі сумесна з адпаведнай рамеснай палатай ці з інструктарам прамысловых карпарацый, калі на дадзенай тэрыторыі рамесная палата не дзейнічала. Склад экзаменацыйнай камісіі, яе члены і старшыня прызначаліся куратарам школьнай акругі. Старшыня камісіі павінен быў у пісьмовай форме за 10 дзён да вызначанага тэрміну паведаміць кандыдатам, а таксама членам камісіі пра час і месца правядзення іспыту. Сам іспыт на атрыманне звання чалавечка праходзіў на польскай мове і складаўся з двюх частак: практычнай і тэарэтычнай. Практычная частка ўключала ў сябе г.зв. «майстэрства чалавечка» – выкананне працы, якая патрабавала пэўных ведаў і ўменняў і якая цягнулася не больш за 3 працоўныя дні, а таксама выпрабавальнай працы (калі гэта неабходна для здачы экзамену), на выкананне якой адводзілася 3 працоўныя гадзіны. У выпадку паспяховага выканання практычнай часткі іспыту кандыдат дапускаўся да тэарэтычнай часткі.

Тэарэтычная частка іспыту працягвалася 2 гадзіны, прычым кандыдата нельга было апытваць больш за 30 хвілін без перапынку. Мэтай тэарэтычнага іспыту з'яўлялася пацверджанне камісіяй таго, што кандыдат валодаў уменнямі і навыкамі, неабходнымі ў адпаведным рамястве, меў пэўныя веды адносна кошту, набыцця, захавання і выкарыстання матэрыялаў, неабходных для сваёй рамеснай працы. Яшчэ кандыдат павінен быў паказаць веданне палажэнняў прамысловага права і сацыяльнага забеспячэння, неабходных для рамеснай працы. У выпадку паспяховай здачы іспыту камісія выдавала адпаведнае пасведчанне з пячаткай школы, якое падпісвалі старшыня экзаменацыйнай камісіі і прадстаўнік рамеснай палаты. У тым выпадку, калі вучань не здаваў іспыт, камісія вызначала тэрмін, пасля сканчэння якога можна было пераздаць экзамен [24, с. 52–54; 20, с. 714–715].

Так, на тэрыторыі Брэсцкай рамеснай палаты 27 кастрычніка 1928 г. у Высока-Літоўску праходзіў практычны і тэарэтычны іспыт на атрыманне прафесіі мясніка. З 24 чэрвеня па 10 ліпеня 1929 г. у гарадской рамеснай школе ў Брэсце, рамеснай школе ПМШ у Пінску і Сарнах праходзілі іспыты на атрыманне прафесіі сталяра, а з 1 па 5 ліпеня таго ж года ў рамеснай школе ПМШ у Сарнах і ніжэйшай тэхнічнай чыгуначнай школе ў Лунінцы – іспыты на атрыманне прафесіі слесара [25, арк. 5; 26, арк. 64–65]. 4 верасня 1929 г. ў Брэсце праходзіў іспыт на атрыманне звання чалавечка ў прафесіі каўбасніка. З 9 кандыдатаў толькі 6 змаглі здаць практычную частку, а тэарэтычную –

ўвогуле толькі адзін. Як вынік – толькі адзін чалавек атрымаў пасведчанне, астатнія павінны былі пераздаць іспыт праз шэсць месяцаў [27, арк. 23–23зв.].

Былі выпадкі, калі рамеснікі не маглі падаць у экзаменацыйную камісію дакументаў аб тым, што яны мелі неабходныя прафесійныя здольнасці для самастойнага вядзення рамяства. Таму яны вымушаны былі звяртацца да ваяводскага ўпраўлення з прашэннямі дапусціць іх да іспыту без падачы такіх дакументаў. Так, напрыклад, жыхар Высока-Літоўска Брэсцкага павета Уладзіслаў Мікалаеўскі ў 1928 г. звяртаўся з хадайніцтвам да палескага ваяводскага ўпраўлення, у якім сцвярджаў, што прафесіяй мясніка займаўся на працягу 40 гадоў, быў дастаткова кваліфікаваным спецыялістам у дадзенай прафесіі і мог паспяхова здаць як практычную, так і тэарэтычную часткі іспыту. Але ён не мог дакументальна пацвердзіць наяўнасць неабходных прафесійных здольнасцей, таму вымушаны звяртацца да ваяводскага ўпраўлення з просьбай дапусціць яго да здачы іспыту. З такой жа просьбай да палескага ваяводскага ўпраўлення звяртаўся таксама жыхар Высока-Літоўска Зыгмунт Лажэцкі. У яго прашэнні гаварылася аб тым, што самастойна рамяством мясніка ён займаўся з 1924 г. Але ён не меў неабходных дакументаў, нягледзячы на тое, што праходзіў 3-гадовую практыку навучання сваёй прафесіі ў майстра Хамянтоўскага [25, арк. 21, 36].

Экзаменацыйная аплата складала 10 злотых. Аднак гэтая сума магла быць павялічана ў залежнасці ад колькасці кандыдатаў, якія здавалі іспыт. Так, напрыклад, калі квота экзаменацыйнага збору складала 60 злотых, то плата з кожнага кандыдата вагалася ад 10 да 15 злотых. Калі ж экзамен здавалі толькі 3 кандыдаты, то экзаменацыйная плата магла даходзіць да 20 злотых [27, арк. 2–32]. У выпадку нез'яўлення кандыдата ці адмоўнага выніку іспыту плата не вярталася. У выключных выпадках кандыдат мог быць вызвалены ад экзаменацыйнай платы. Рашэнне аб вызваленні ад аплаты прымаў куратар школьнай акругі. Усе рамесныя палаты ў справаздачах за 1932 г. сцвярджалі, што большасць з кандыдатаў на атрыманне звання чалядніка, якія падалі заяву на допуск да іспыту, былі вымушаны адмовіцца ад яго па матэрыяльных прычынах, бо экзаменацыйная плата разам з іншымі дадатковымі выдаткамі для вучняў, кандыдатаў у чаляднікі, складала 30–50 злотых. Для кандыдатаў на атрыманне звання майстра сума экзаменацыйнай платы магла складаць і 80 злотых. Паводле дадзеных Віленскай рамеснай палаты, у 1932 г. сума экзаменацыйнай платы на атрыманне звання чалядніка складала 32 злотых 50 грошай, а на атрыманне звання майстра – 90 злотых [8, с. 58]. У Беластоцкай рамеснай палаце ў 1931 г. з 1 470 кандыдатаў здавалі іспыт толькі 1 328 чалавек, а ў Навагрудскім ваяводстве ў тым жа годзе з 210 кандыдатаў дапушчана было толькі 49. Адною з прычын нядопуску да іспыту (амаль 80% кандыдатаў) была адсутнасць магчымасці ў кандыдатаў унесці экзаменацыйную плату [2, с. 88–89]. Акрамя аплаты рэгістрацыі і экзаменацыйнай платы, вучань павінен быў за свае сродкі набываць неабходныя для працы інструменты, а таксама нес матэрыяльную адказнасць за іх пашкоджанне ці пашкоджанне выкарыстаных ім матэрыялаў [22, с. 29].

Для кандыдата на атрыманне звання майстра экзаменацыйнай праграмай прадугледжвалася гутарка з камісіяй аб выкананых у яго ўласнай майстэрні працах. Пытанні кандыдату задавалі старшыня і члены камісіі. Вынік іспыту вырашаўся камісіяй большасцю галасоў. Пры роўнай колькасці «за» і «супраць» вырашальнае значэнне меў голас старшыні. У выпадку станоўчага выніку кандыдат адразу ж атрымліваў ад старшыні камісіі дыплом майстра, які падпісваўся ўсімі членамі камісіі. Пры адмоўным – камісія прызначала тэрмін, на працягу якога кандыдат мог зноў здаць іспыт. Усяго кандыдат на атрыманне звання майстра мог выкарыстаць не больш за тры спробы. Старшынёй складаўся і пратакол праходжання іспыту, які падпісваўся ім самім, а таксама членамі экзаменацыйнай камісіі. Пратакол з кожнага іспыту старшыня дасылаў у праўленне рамеснай палаты [28, арк. 52–52зв.]. Так, напрыклад, 29 кастрычніка 1930 г.

на тэрыторыі Палескага ваяводства былі сфарміраваны экзаменацыйныя камісіі на атрыманне звання майстра па наступных рамесных спецыяльнасцях: гадзіншчыкаў-ювеліраў, стэльнахаў, павароў, токараў, пераплётчыкаў, шорнікаў [28, арк. 6].

Нягледзячы на дакладна распрацаваную арганізацыю экзаменацыйных камісій нярэдка ўзнікалі праблемы. Так, паводле статыстыкі Палескага ваяводства, у 1930 г. з 67 рамесных прафесій, у 13 не было зарэгістравана ніводнага рамесніка, у 4 – па адным, у адной прафесіі толькі 2 рамеснікі мелі рамесныя карты, а ў 15 прафесіях колькасць выдадзеных рамесных карт складала ад 3 да 10. Выкананне статуту экзаменацыйнай камісіі, згодна з якім камісія павінна была складацца з 3 чалавек, для 49% рамесных прафесій было фактычна немагчымым, г.зн. было спалучана з непераадольнымі цяжкасцямі, злучанымі з недахопам рамеснікаў, якія мелі права навучання ў адпаведнасці з арт. 149 Закона аб прамысловым праве, а таксама па прычыне размяшчэння рамеснікаў на шырокай тэрыторыі ваяводства. Патрабаванне таго ж статуту, па якім старшынёй камісіі павінен быць, як правіла, майстар у дадзеным рамястве, з 67 рамесных прафесій могуць задаволіць толькі 15–18 прафесій [28, арк. 55]. На тэрыторыі Беластоцкага ваяводства сярод 12 730 рамеснікаў, якія мелі свае майстэрні, майстроў было толькі 1 096 [29, с. 31], на тэрыторыі Віленскага ваяводства з 12 203 самастойных рамеснікаў толькі 2 953 з іх мелі дыпламы майстра (1934 г.) [10, с. 33].

Навучанне яўрэяў на тэрыторыі Заходняй Беларусі

Становішча вучняў-яўрэяў у рамесным навучанні можна назваць складаным. Прафесійную адукацыю яўрэйская рамесная моладзь атрымлівала галоўным чынам у прыватных рамесных школах, якія існавалі на сродкі розных яўрэйскіх таварыстваў, а таксама на прафесійных курсах. У 1928 г. у Польшчы налічвалася 44 прафесійныя яўрэйскія школы, 6 з якіх размяшчаліся на тэрыторыі Заходняй Беларусі (мужчынская і жаночая прафесійныя школы ў Беластоку; мужчынская і жаночая прафесійныя школы таварыства «Дапамога працы» ў Вільні і школы рамёстваў у Пінску і Гродне) [30, с. 129].

Адной з вядомых яўрэйскіх школ на тэрыторыі Беластоцкага ваяводства была прыватная рамесная школа імя В. Высоцкага, якая была заснавана ў 1906 г. Да Першай сусветнай вайны навучанне ў школе ішло на рускай мове і па трох спецыяльнасцях: слясарнай, сталярнай і ткацкай. Падчас вайны школа была зачынена, а яе абсталяванне – знішчана. Толькі ў 1921 г. школа ўзнавіла сваю дзейнасць як ніжэйшая тэхнічная школа з тэкстыльным, слясарным, сталярным і будаўнічым аддзелаў. У 1936/37 навучальным годзе ў школе налічвалася 325 вучняў. За перыяд з 1921 па 1937 гг. школа выпусціла 325 спецыялістаў [31, с. 52–53].

Вялікая роля ў навучанні яўрэяў на тэрыторыі Палескага ваяводства належала яўрэйскай рамеснай школе Юдэля Пекача ў Пінску (слясарна-механічны і сталярны аддзелы), у якой у 1934 г. навучалася 111 вучняў (84 на слясарна-механічным і 30 на сталярным) [32, арк. 11], а ў 1935 г. – 130 чалавек (99 і 31 адпаведна) [33, с. 47]. З гэтага вынікае, што колькасць вучняў у школе з кожным годам павялічвалася (у 1925 г. школу наведвала 82 вучні). У 1925 г. у рамеснай школе працавалі з 8 чалавек на чале з дырэктарам Мордухам Басевічам, выпускніком французскага ўніверсітэта [32, арк. 33]. Навучанне ў школьных майстэрнях пачыналася з 8 гадзін раніцы і працягвалася да 11:15, потым з 12 гадзін да 14. У пятніцу заняткі заканчваліся а 12-й гадзіне. Тэарэтычнае навучанне, акрамя пятніцы і суботы, працягвалася да 18 гадзін. Традыцыйнай была арганізацыя ў школе выставак прац вучняў [32, арк. 73зв., 11]. Адной з буйных яўрэйскіх школ была і рамесная школа Я. Хольцмана (ў 1935 г. налічвала 92 вучні) [33, с. 46].

Нягледзячы на тое, што вялікая частка яўрэйскіх прафесійных школ паказвала даволі высокі ўзровень выканання грамадска-выхаваўчых і прафесійна-тэхнічных задач, нямала было і такіх, якія былі пазбаўлены права стварэння экзаменацыйных камі-

сій на атрыманне звання чаладніка. На тэрыторыі Палескай школьнай акругі ў 1928/29 навучальным годзе ні ў адной з 5 яўрэйскіх школ (яўрэйская рамесная школа Таварыства падтрымкі прафесійнай і гаспадарчай працы сярод яўрэяў у Брэсце; яўрэйская рамесная школа Юдэля Пекуча ў Пінску; мужчынская яўрэйская рамесная школа Таварыства распаўсюджвання прафесійнай і гаспадарчай працы сярод яўрэяў у Сарнах; рамесная школа ПМШ у Пружанах; жаночая яўрэйская рамесная школа Янкеля Хольцмана ў Пінску) не былі ўтвораны экзаменацыйныя камісіі для прыёму экзаменаў на атрыманне звання чаладніка [15, арк. 10].

На тэрыторыі Заходняй Беларусі не існавала школ прафесійнага ўдасканалення для яўрэяў, а 95% дзяржаўных грамадскіх школ дадзенага тыпу ўвогуле не прымалі яўрэяў на навучанне. Напрыклад, у 1934/35 навучальным годзе з 29 948 навучэнцаў польскіх дзяржаўных рамесна-прамысловых школ яўрэяў было толькі 4 803 (16%) [2, с. 81]. На тэрыторыі Брэсцкай школьнай акругі ў 1935 г. вучні-яўрэі навучаліся ў сярэдняй тэхнічнай школе імя Ю. Пілсудскага Палескага таварыства прафесійнай адукацыі ў Брэсце (1 вучань на дарожна-будаўнічым аддзеле); у прыватнай 3-гадовай прафесійнай летняй школе ПМШ у Брэсце (5 чалавек на кравецка-белашвейным аддзеле); у рамесна-прамысловай школе сяброў прафесійнай адукацыі ў Лунінцы (1 вучань на сталярна-мэблевым і 3 на слясарна-механічным аддзелах) [33, с. 36, 37, 42].

Адной з прычын, якія ўплывалі на скарачэнне колькасці кандыдатаў на атрыманне звання чаладніка сярод яўрэяў у Заходняй Беларусі і ў Польшчы ў цэлым, было тое, што большасць вучняў, якая навучалася якой-небудзь прафесіі і працавалі ў яўрэйскіх майстэрнях, былі не зарэгістраваны. Паводле палажэнняў як прамысловага права 1927 г., так і закона ад 15 мая 1934 г., прымаць на навучанне ў рамястве маглі толькі рамеснікі, якія мелі дыплом майстра ў адпаведнай прафесіі. Майстроў жа сярод рамеснікаў-яўрэяў было мала, таму многія рамеснікі не заключалі з вучнямі дамоў аб навучанні. Яшчэ дамовы аб навучанні не заключаліся таму, што праца вучня павінна была аплатацца, што, ў сваю чаргу, не задавальняла рамеснікаў, якія прымалі вучняў на навучанне. У сувязі з гэтым значная частка маладых рамеснікаў-яўрэяў мімаволі залічалася да катэгорыі «нелегальных» [2, с. 90].

Аднак неабходна адзначыць, што ў перыяд з 1927 па 1932 гг. назіраўся рост колькасці вучняў-яўрэяў на прафесійных курсах [2, с. 86]. Вялікім попытам у яўрэяў, асабліва ў дзяўчат (каля 80% ад усіх вучняў), карысталіся гадавыя прафесійныя курсы. Курсы крою і шыцця Барбары Альшэўскай у Брэсце наведвалі, напрыклад, 4 вучаніцы-яўрэйкі [33, с. 41]. У 1932 г. праўленне Віленскай школьнай акругі выдала канцэсію Саюзу рамеснікаў-яўрэяў на правядзенне курсаў прафесійнага ўдасканалення для вучняў у Міры (Навагрудскае ваяводства), якія наведваў 41 чалавек (30 краўцоў, 3 нарыхтоўшчыкі (шаўцы), 1 шапачнік, 2 сталяры, 1 маляр і 4 цырульнікі) [7, с. 22]. І. Барнштэйн у росце павелічэнні колькасці вучняў-яўрэяў на прафесійных курсах бачыць некалькі прычын. У якасці першай ён называе імкненне яўрэйскай моладзі да авалодання якой-небудзь прафесіяй. Другую ён бачыць у палажэннях прамысловага права 1927 г., а менавіта ў патрабаваннях адносна дадатковай кваліфікацыі ў прафесіі, неабходнай для атрымання адпаведных дыпламоў. Яшчэ адной прычынай росту ліку вучняў-яўрэяў на прафесійных курсах быў уздым у 30-я гг. XX ст. эміграцыі ў Палесціну – імкненне значнай часткі эмігрантаў, якія планавалі пасяліцца ў гарадах, атрымаць якую-небудзь рамесную прафесію [2, с. 86].

Пэўныя праблемы для вучняў-яўрэяў ў навучанні стваралі матэрыяльныя цяжкасці. Месцаў у бурсах пры рамесна-прамысловых школах для вучняў-яўрэяў адводзілася вельмі мала, а здымаць жыллё яны не мелі магчымасці, таму не маглі адпаведна падрыхтавацца да экзаменаў і як вынік – мінімальны прыток кандыдатаў-яўрэяў на атрыманне звання чаладніка, а тым больш майстра. Галоўнай перашкодай для небагатых

вучняў-яўрэяў была яшчэ і высокая экзаменацыйная плата, якую ў большасці выпадкаў яны не ў стане былі ўнесці. Для кандыдатаў на атрыманне звання майстра экзаменацыйная плата магла даходзіць да 100 злотых [34]. Так, у справаздачы Навагрудскай рамеснай палаты за 1931 г. адзначалася, што матэрыяльныя цяжкасці паўплывалі на зніжэнне колькасці дапушчаных да экзамена на атрыманне звання чалавечніка кандыдатаў у кравецкім рамястве і рамястве шаўца, а таксама ў прафесіях, у якіх яўрэі складалі пераважную большасць (цесляры, стэльмахі, мяснікі, пекары, сталяры і г.д.) [2, с. 89].

Заклучэнне

1. Акрамя атрымання рамеснай карты, закон «Аб прамысловым праве» 1927 г. яшчэ адной ўмовай для самастойнага вядзення рамяства называў пацвярджэнне прафесійных здольнасцей. Таму ўзрастала неабходнасць атрымання прафесійнай адукацыі не толькі рамеснікамі-пачаткоўцамі, але і вопытнымі рамеснікамі. Рамеснік, які не мог даказаць фармальна прафесійнай кваліфікацыі, з'яўляўся «нелегальным», ці г.зв. партачом, з якім вялі барацьбу польскія ўлады і арганізацыі цэхавых рамесніцкіх майстроў. Польскім заканадаўствам была распрацавана даволі выразная арганізацыйная структура рамеснага навучання. Рашэннем праблемы навучання ў рамястве займаліся рамесна-прамысловыя школы, школы-майстэрні, школы прафесійнага ўдасканалення, а таксама прафесійныя курсы. Абавязковай умовай было заключэнне дамовы аб навучанні і рэгістрацыя вучняў у рамеснай палаце. Пасля заканчэння прафесійных школ была прадугледжана здача іспыту, які складаўся з праверкі ведаў і ўменняў, неабходных для самастойнай рамеснай працы. Менавіта ад яго выніку залежала далейшая прафесійная дзейнасць рамесніка.

2. Рамеснае навучанне на заходнебеларускіх землях у 20–30-я гг. XX ст. развівалася складана і сутыкалася з пэўнымі цяжкасцямі. Па-першае, невялікая колькасць прафесійных школ (на тэрыторыі Беластоцкага ваяводства ў 1936/37 навучальным годзе налічвалася 18 прафесійных школ, а ў Палескім ваяводстве ў 1935 г. – усяго 10). Па-другое, слабае тэхнічнае абсталяванне рамесных майстэрняў, у якіх ажыццяўлялася навучанне (для рамесных майстэрняў Заходняй Беларусі быў характэрны ручны спосаб вытворчасці). Яшчэ адной цяжкасцю, з якой сутыкалася рамеснае навучанне на заходнебеларускіх землях у даследуемы перыяд, была непісьменнасць асноўнай часткі рамеснікаў, а таксама слабыя веды заходнебеларускімі рамеснікамі польскай мовы. Для заходнебеларускіх рамеснікаў была характэрна і слабая тэарэтычная падрыхтоўка. Вялікай праблемай для рамеснікаў была высокая экзаменацыйная плата (амаль 80% кандыдатаў не дапускаліся да здачы іспыту па прычыне таго, што не маглі ўнесці экзаменацыйную плату, якая для атрымання звання чалавечніка вар'іравала ад 15 да 60 злотых, а для кандыдатаў у майстры наогул дасягала 100 злотых). Складаным было і стварэнне экзаменацыйных камісій па шматлікіх рамесных спецыяльнасцях у сувязі з недахопам майстроў (на тэрыторыі Палескага ваяводства ў даследуемы перыяд з 67 рамесных прафесій толькі ў 15–18 меліся майстры, а ў Беластоцкім ваяводстве на 12 730 рамеснікаў прыходзілася толькі 1 096 майстроў). Складанай была і сітуацыя ў навучанні яўрэяў: яны былі вымушаны атрымліваць неабходныя веды ў прыватных рамесных школах і на прафесійных курсах, якія існавалі на сродкі розных яўрэйскіх таварыстваў.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

1. Вабішчэвіч, А.М. Нацыянальна-культурнае жыццё Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) / А.М. Вабішчэвіч. – Брэст : БрДУ, 2008. – 319 с.
2. Bornstein, I. Rzemiosło żydowskie w Polsce / I. Bornstein. – Warszawa : Nakładem Instytutu Badań Spraw Narodowościowych, 1936. – 189 s.

3. Mięso, J. Szkoły zawodowe w Polsce w latach 1918–1939. Ich rozwój, organizacja i funkcje społeczne / J. Mięso. – Wrocław, 1988. – 303 s.
4. Kwiecień, S. Polskie prawo przemysłowe. 1927–1939 / S. Kwiecień. – Lublin : Wyd-wo KUL, 2010. – 153 s.
5. Отчёт ремесленной Палаты в Бресте над Бугом о состоянии ремёсел в Полеском воеводстве за 1936 г. // Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці (ДАБВ). – Фонд 1. – Воп. 1. – Спр. 386.
6. Ziemie północno-wschodnie Rzeczypospolitej / red. J. Świącicki. – Wilno, 1933. – 68 s.
7. Sprawozdanie Izby rzemieślniczej w Nowogródku za rok 1932. – Nowogródek, 1932. – 56 s.
8. Sprawozdanie Izby rzemieślniczej w Wilnie za 1932 rok. – Wilno, 1933. – 99 s.
9. Sprawozdanie Izby rzemieślniczej w Wilnie za 1935 rok. – Wilno, 1936. – 67 s.
10. Sprawozdanie Izby rzemieślniczej w Wilnie za 1934 rok. – Wilno, 1935. – 47 s.
11. Sprawozdanie wojewody Poleskiego na posiedzenie Rady wojewódzkiej w grudniu 1935 r. – Brześć-nad-Bugiem : Druk. Nadbużańska, 1935. – 139 s.
12. Sprawozdanie wojewody Poleskiego na posiedzenie Rady wojewódzkiej w grudniu 1936 r. – Brześć-nad-Bugiem : Druk. Nadbużańska, 1936. – 78 s.
13. Sprawozdanie Izby rzemieślniczej w Białymstoku o stanie gospodarczym rzemiosła w roku 1936. – Białystok, 1937. – 47 s.
14. Переписка с попечительством Брестского школьного округа об открытии женской ремесленной школы в городе Лунинце и курсов кройки и шитья // ДАБВ. – Фонд 1. – Воп. 1. – Спр. 818.
15. Распоряжения Министерства вероисповедания и публичного образования и устав об организации экзаменационных комиссий при ремесленно-промышленных школах для проведения экзаменов на получения звания подмастерья и списки подмастерьев // ДАБВ. – Фонд 1. – Воп. 1. – Спр. 583.
16. Сообщение и переписка с Министерством вероисповеданий и общественного образования Польши и др. об организации государственных ремесленно-промышленных курсов в Пружанском повете // ДАБВ. – Фонд 59. – Воп. 3. – Спр. 61.
17. Отчёты о работе ремесленно-промышленных школ Брестского школьного округа за 1935–1936 годы // ДАБВ. – Фонд 59. – Воп. 3. – Спр. 123.
18. Rozporządzenie Ministra przemysłu i handlu w porozumieniu z Ministrem wyznań religijnych i oświecenia publicznego z dnia 14 grudnia 1927 r. «W sprawie ustalenia, w jakiej mierze świadectwa ukończenia szkół technicznych uważać należy za dowód uzdolnienia zawodowego do samoistnego prowadzenia rzemiosła» // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej. – 1927. – № 118. – Poz. 1014. – 1686 s.
19. Rozporządzenie Ministra przemysłu i handlu wydane w porozumieniu z Ministrem wyznań religijnych i oświecenia publicznego z dnia 25 maja 1938 r. «W sprawie ustalenia, w jakiej mierze świadectwa ukończenia szkół technicznych i artystycznych należy uważać za dowód uzdolnienia zawodowego do prowadzenia przemysłu rzemieślniczego» // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej. – 1938. – № 40. – Poz. 332. – S. 695–698.
20. Rozporządzenie Prezydenta Rzeczypospolitej z dnia 7 czerwca 1927 r. «O prawie przemysłowem» // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej. – 1927. – № 53. – Poz. 468. – S. 697–720.
21. Правила Брестской ремесленной палаты об обучении подмастерьев; списки членов экзаменационных комиссий по проведению испытаний граждан, ходатайствующих о получении звания мастера // ДАБВ. – Фонд 1. – Воп. 1. – Спр. 666.
22. Miedzińska, J. «Nauka zawodu» w przemyśle i rzemiosle / J. Miedzińska. – Warszawa, 1931. – 31 s.

23. У новай айчыне. Штодзённае жыццё беларусаў Беласточчыны ў міжваенны перыяд. – Беласток, 2001. – 301 с.

24. Rozporządzenie Ministra wyznań religijnych i oświecenia publicznego w porozumieniu z Ministrami przemysłu i handlu oraz robot publicznych z dnia 23 października 1928 r. «W sprawie regulaminu komisji dla egzaminów na czeladników przy szkołach rzemieślniczo-przemysłowych państwowych lub przez Państwo uznanych» // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej. – 1929. – № 3. – Poz. 29. – S. 52–54.

25. Протоколы экзаменационной комиссии и заявления граждан о допуске к экзаменам на получение звания подмастерья с приложением свидетельств о квалификации и автобиографии // ДАБВ. – Фонд 1. – Воп. 1. – Спр. 685.

26. Устав и протоколы заседаний экзаменационной комиссии по приёму экзаменов у ремесленников-кустарей; заявления, свидетельства о работе и автобиографии кустарей, допущенных к экзаменам // ДАБВ. – Фонд 1. – Воп. 1. – Спр. 69.

27. Протоколы экзаменационной комиссии и заявления граждан о допуске их к экзаменам на получение звания подмастерья с приложением автобиографий и свидетельств о квалификации последних // ДАБВ. – Фонд 1. – Воп. 1. – Спр. 683.

28. Положение об организации экзаменационной комиссии по приёму экзаменов ремесленников-кустарей; бюджет Брестской ремесленной палаты на 1930 г.; докладная записка представителя палаты о мерах ликвидации конкуренции кустарей, списки членов экзаменационной комиссии и переписка с Министерством промышленности и торговли и др. о работе комиссии и др. вопросам // ДАБВ. – Фонд 1. – Воп. 1. – Спр. 668.

29. Sprawozdanie Izby rzemieślniczej w Białymstoku o stanie gospodarczym rzemiosła w roku 1930. – Białystok, 1931. – 44 s.

30. Kłaftenowa, C. Zagadnienie produktywizacji i szkolnictwo zawodowe wśród żydów / C. Kłaftenowa // Miesięcznik żydowski. – Czerwiec–grudzień 1931. – S. 123–135.

31. Majecki, H. Oświata żydowska na Białostocczyźnie w okresie międzywojennym / H. Majecki // Białostocczyzna. – 1998. – № 1. – С. 49–57.

32. Отчёты об организации и деятельности частной еврейской ремесленной школы в г. Пинске за 1934 г. // ДАБВ. – Фонд 59. – Воп. 3. – Спр. 103а.

33. Sprawozdanie Izby rzemieślniczej w Brześciu nad Bugiem o stanie gospodarczym rzemiosła w roku 1935. – Brześć nad Bugiem, 1936. – 123 s.

34. Maurycy, O. Walka z żydowskim światem pracy [1936] / O. Maurycy [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа :<http://lewicowo.pl/walka-z-zydowskim-swia-tem-pracy/> – Дата доступа : 03.01.2013.

Лавренко Л.В. The Education of Craftmen and its Organization in Western Belarus in the 1920–1930-s

The article is devoted to the state of teaching handicraft and its organization in Western Belarus in the 1920–1930-s. The author characterizes handicraft-industrial schools, schools-workshops, schools of workmanship and professional courses where craftsmen were taught, and thoroughly analyzes the conditions of access to the schools and the teaching agreement concluded by the sides. The system of exams and awarding the status of an apprentice and master are considered. The author states that during the period considered in the article, a craftsman who only started his work or worked in any branch of handicraft had to study the craft and get a certain certificate. The author makes a conclusion, that teaching handicraft on the territory of Western Belarus in the 1920–1930-s. was complicated and faced many difficulties.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 28.06.2013

УДК 323.3 – 058.13 (476)(091) «19»+378 (476) (091) «19»

Э.Л. Малиновская

ФОРМИРОВАНИЕ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В УСЛОВИЯХ ПРОЛЕТАРИЗАЦИИ ВУЗОВ БССР в 20-е XX в.

В статье рассматривается реформирование образования в 20-е гг. XX в. Формирование нового интеллигента, «нового человека» становится основой реформ. В сфере образования этот процесс осуществлялся на основе трех составляющих: изменения учебных планов и программ как системаобразующего элемента обучения и воспитания; контролируемой комплектации вузов; своевременного отсева студентов. Это позволяет реконструировать политику в сфере образования того времени. Данная проблема рассматривается с использованием архивных и опубликованных документальных материалов. В статье уделяется внимание количественному росту и методике пополнения пролетарского студенчества в вузах.

Введение

Октябрьская революция 1917 г. в России привела к коренной перестройке всего общества. Реформирование высшей школы постепенно преобразовало ее в максимально эффективный орган, обслуживающий потребности власти в процессе государственного строительства и его успешного функционирования. Идеи пролетаризации высшей школы лежали в самих основаниях складывающейся политической системы того времени. Согласно российскому исследователю Д.А. Андрееву, впервые термин «пролетаризация» высшей школы как обозначение целенаправленной политики большевиков появляется в 1921 г. Под ним понималось «привлечение ...новых кадров студенчества из среды индустриального пролетариата, настоящих пролетариев от станка и верстака, с фабрик, заводов и рудников; дальнейшее расширение этого понятия – видоизменение методов преподавания и окончательное изживание еще имеющейся в высшей школе схоластики» [1]. Формирование нового интеллигента, «нового человека» в рамках советского дискурса с определенными ориентационно-мотивационными установками и компетенциями было направлено на выработку пролетарских мировоззренческих установок, которые впоследствии эксплицитировались в общественной среде.

Для советской системы профессиональной подготовки и формирования новой интеллигенции борьба с буржуазной идеологией, пролетаризация и воспитание советского гражданина были «не менее важными, чем налаживание транспорта и восстановление промышленности» [2, с. 1–2]. Одной из сверхзадач, таким образом, выступало непереносимое условие наряду со специальными дисциплинами преподавания «общеобразовательного минимума» «на основе научного марксистского мировоззрения». Преподавание марксистского мировоззрения, как отмечалось в официальных документах тех лет, в обязательном порядке должно сопровождаться критикой буржуазной идеологии и миросозерцания. Юридически это было оформлено в ноябре 1920 г., когда был принят Декрет о реорганизации преподавания общественных наук в учебных заведениях [3, с. 41–42]. С 1921 г. высшая школа была взята под жесткий административный контроль. Постановлением Совнаркома ликвидировалось самоуправление вузов, вводилось обязательное изучение марксистских дисциплин. Свобода преподавания, выборы профессоров и руководства отменялись. Учебные программы и тексты лекций подвергались цензуре. В ноябре 1921 г. V съезд (X конференция) КП(б)Б поддержал эти мероприятия, приняв постановление «Народное просвещение и задачи партии». В постановлении отмечалось, что «конференция считает необходимым приспособление высшей школы к разрешению практических задач, стоящих перед страной, отвергает вредную идею нейтральности и так называемой «свободы» науки и полагает важнейшей задачей пролетаризацию высшей школы» [4, с. 226–228].

Формирование у будущей интеллигенции патриотического и гражданского сознания создавалось посредством именно общественных дисциплин, начиная с момента поступления на учебу. В декабре 1922 г. Главпрофобр РСФСР, утверждавший учебные программы вузов и техникумов, направил всем учебным заведениям профобразования страны циркуляры об обязательном изучении общественных дисциплин и сдачи зачетов по ним [5, л. 6]. В каждом учебном заведении планировалось введение преподавания основных политических дисциплин (политграмоты), особого курса советской политики и советского строительства с учетом конкретной области подготовки специалистов. Эти дисциплины входили в основной цикл и в семинарские занятия. Новыми предметами в учебных заведениях после Октябрьской революции стали «История ВКП(б)», «История рабочего движения», «История классовой борьбы», «Научный социализм», «Научный социализм и пролетарская революция», «Право, государство и Советская Конституция», «Ленинизм», «История социализма», «История Компартии и основ ленинизма», «Политэкономия», «Исторический материализм», «Диалектический материализм» и т.п. [6, л. 12–19, 32–34об.]. Необходимо отметить, что на изучение этого цикла предметов отводилось количество часов не намного меньше, чем на специальные предметы. Так, в Белорусском сельскохозяйственном институте на третьем курсе на изучение иностранного языка отводилось 3 часа в неделю (ч/н), на изучение энтомологии – 2 ч/н лекций и 2 ч/н практических занятий, на изучение научного социализма и пролетарской революции 2 ч/н лекций и 1 ч/н практики, политэкономии – 3 н/ч [7, л. 4–10]. Учебный план медфака БГУ на 1926/27 учебный год содержал следующие предметы: обществоведение, белорусоведение и военные предметы, которые изучались в равном количестве часов (по 2) с 1 по 4 семестры. Причем спецпредметам в учебном плане отводилась такая же почасовка: физика – 2 часа, химия – 5, ботаника – 2, нормальная анатомия – 2 и т.д. [8, л. 391]. На заседании фракции правления БГУ 8 апреля 1926 г. постановили, что при выпуске студентов медфака за 1925/26 учебный год первое место среди госэкзаменов займет обществоведение [9, л. 382].

После смерти В.И. Ленина в 1924 г. заседание Временного Белбюро ЦК РКПБ утвердило план работы агитпропотдела, указав на необходимость проведения длительной кампании по изучению ленинизма «путем усиления преподавания истории РКП в связи с личностью и деятельностью В.И. Ленина ... во всех учебных заведениях, где поставлено преподавание обществоведения» [10, л. 14–16]. Поэтому изучение общественных дисциплин и идеологическое воспитание молодежи в духе марксизма-ленинизма, формирование патриотического и гражданского сознания студентов определялось как важнейшая задача учебных заведений Главпрофобра [11, л. 18, 46, 81–94].

Педагогические техникумы были ориентированы на подготовку педагогов-практиков «с достаточным уровнем научно-марксистского и специально-педагогического образования» [12, л. 10]. В постановлении VII съезда (XII конференции) КП(б)Б 1923 г. «По агитационно-пропагандистской работе среди учительства, в вузах и среди студенчества» предусматривалась необходимость «усиления связи между пролетарским городом и деревней путем постоянного идеологического воздействия на последнюю через школу, руководимую школьным работником. ... Для этих целей необходимы: ... усиление партработы и партпросвещения на педфаке и в педагогическом техникуме (чистка учащихся), пересмотр и укрепление педагогического персонала. ... Повысить требования в смысле более классового подбора на педфак. ... Пересмотр учебного плана техникума в смысле увеличения общественно-политических дисциплин» [13, л. 13].

В постановлении Бюро ЦК КПБ(б)Б «Вынікі выканання дырэктывы ліпеньскага Пленума ЦК КП(б)Б па пытанні аб культурным будаўніцтве» от 11 ноября 1927 г. отмечалось, что для дальнейшего закрепления и углубления социалистического направления необходимо «распрацаваць праграмы па партыйным і палітычным выхаванні, дапа-

саваныя да ўмоў паасобных тыпаў навучальных устаноў. Закончыць у 1927/28 г. зацвярджэнне праграм па грамадска-палітычным цыкле для ўсіх тыпаў навучальных устаноў» [14, с. 384]. В журнале «Асвета» в 1927 г. были опубликованы учебные программы педтехникумов с почасовой разбивкой изучения как специальных, так и общественных дисциплин [15]. Время от времени учебные программы корректировались. Например, в связи с проведением культурной революции и коллективизации сельского хозяйства на совещании представителей педтехникумов 1929 г. была отмечена необходимость изменения некоторых отделов программы педтехникумов, чтобы «прыстасаваць іх да сучасных патрабаванняў» [16, с. 81–84].

Для проведения идеологической работы и оказания помощи в работе вузов и техникумов в состав их советов входили партийные работники, представители местных органов власти и профсоюзных организаций, в Минске – ЦИК БССР и заинтересованных наркоматов. Так, в отчете за 1925/26 учебный год Борисовского педтехникума отмечалось, что «план выкладання грамадазнаўства, шэфпрацы і г.д. прадстаўляецца на разгляд акружкам» [17, л. 89–104].

В процессе формирования «нового интеллигента» были задействованы не только средства реформирования учебных планов, но и способы комплектования высших и средних специальных учебных заведений Белоруссии, где стал действовать классовый принцип. Уже в 1923 г. Главпрообр РСФСР принял положение о комиссиях по проведению приема в вузы, утвержденное Президиумом коллегии Главпрофобра 27 февраля 1923 г., в соответствии с которым устанавливался порядок зачисления в вузы [18, л. 2]. Это положение действовало и в Белоруссии. В соответствии с ним в первую очередь в вузы принимались рабфаковцы, затем «командированные и лица, не имеющие командировок, по принципу классового приема». Командирование в вузы проводилось губернскими и областными партийными, профсоюзными, а также комсомольскими организациями «на основах классового отбора и согласно особой инструкции без всяких количественных ограничений, но с неперменным соблюдением условий районирования вузов». Наличие командировок не являлось гарантией неперменного зачисления. На оставшиеся после приема рабфаковцев бесплатные места абитуриенты также зачислялись на условиях классового принципа: в первую очередь члены РКП, члены РКСМ, рабочие и дети рабочих, «принадлежащие к беднейшему крестьянству и их дети» (на основании удостоверений уездных исполкомов и отзывов волостных ячеек) и т.д. [19, л. 5].

Согласно Положению о высших учебных заведениях, утвержденному СНК РСФСР 3 июля 1922 г., были приняты Правила приема в вузы на 1923/24 учебный год «в целях пополнения состава учащихся преимущественно лицами, происходящими из пролетариата и трудового крестьянства» [20, л. 4]. Были изданы необходимые инструкции и положения о приеме в вузы. К ним относятся, например, Положение о вузах, утвержденное СНК 3 июля 1922 г. «Условия поступления в вузы РСФСР на 1923/24 учебный год»; Правила приема в вузы РСФСР в 1923 г. [18, л. 2]; Положение о комиссиях по проведению приема в вуз в 1923 г. [20, л. 4]. В соответствии с последним категорически запрещалось переводить из платной категории в бесплатную, т.е. принцип успеваемости в то время не был главным критерием [20, л. 4]. Принцип пролетаризации вузов стал определяющим. В правилах приема в вузы РСФСР в параграфе 1 прямо указывалось, что они «издаются согласно параграфу 2 Положения о вузах, утвержденного СНК 3 июля 1922 г., и в целях пополнения состава учащихся вузов преимущественно лицами, происходящими из пролетариата и трудового крестьянства» [20, л. 4].

В число студентов вузов, особенно первых наборов, попало много детей т.н. нетрудовых элементов. Это вызвало необходимость дополнительной проверки вузов и своевременных чисток. Дети рабочих и крестьян, имевшие более низкую образовательную подготовку и худшую материальную обеспеченность, составляли в вузах меньшинство.

Более доступными для них являлись техникумы. Например, из статистического отчета Минского политехникума за сентябрь–декабрь 1920 г. видно, что дети крестьян составляли 37%, трудящегося класса (рабочих и железнодорожников) – 22,25%, служащих – 16%, интеллектуального труда (врачи, учителя, адвокаты и др.) – 5%, духовенства – 1,25%, бывших промышленников – 1,5%, торговцев – 2% [21, л. 62–63об]. В 1918 г. Советское правительство объявило о приеме в вузы без вступительных экзаменов и без ограничений, что привело к значительному увеличению числа студентов. В их число попало много детей «нетрудовых элементов». По решению Президиума ЦК КПБ от 17 августа 1922 г. вузами БССР в августе и сентябре 1922 г. была проведена перерегистрация студентов, в результате которой из БГУ были отчислены 68 студентов – представителей буржуазии и помещиков, из политехнического института – 104 студента [22, с. 73]. 26 марта 1924 г. Наркомпрос РСФСР принял решение снова провести чистку студентов – «сократить число студентов вузов до довоенной нормы путем сокращения приема в наступающем учебном году и пересмотра состава студенчества с точки зрения академической успеваемости, социального положения, а в отношении социально-экономических вузов – с точки зрения политической пригодности этого состава» [23, л. 109]. «...Осенью в вузах останется около 60% состава студентов до проверки. Это разгрузит вузы и создаст нормальные условия для работы» [24, л. 88–89]. Коллегия Наркомпроса 22 мая 1924 г. утвердила инструкцию Главпрофобра по проведению проверки и приняла решение предоставить право исключенным из вузов студентам с 1 сентября 1924 г. по 1 января 1925 г. «держат экзамены экстерном за курс средних профтехнических учебных заведений». 28 сентября 1924 г. Наркомпрос РСФСР принял решение, что студенты предпоследних курсов вузов для получения «окончательного аттестата» (при условии наличия дополнительного практического стажа, устанавливаемого Главпрофобром) могли экстерном сдавать экзамены за соответствующий вуз [25, л. 279].

11 июня 1924 г. СНК БССР издал Декрет о проведении академической проверки. Наркомпросу БССР поручалось «сокращение провести до окончания текущего учебного года и произвести его по линии академической успешности с тем, чтобы по отношению к пролетарскому студенчеству были допущены возможные преимущества и льготы, предусматривающие особые трудности для этой категории учащихся в прохождении курса вузов» [24, л. 88–89]. Центральная комиссия по проверке приступила к работе в этот же день.

Вузам республики направили инструкцию Главпрофобра БССР об организации проверки [26], предусматривающую, что «испытания должны производиться по всем специальным предметам данного учебного заведения; ...успешно выдержавшие испытания получают удостоверения на квалификацию, установленную для данного учебного заведения» [27, л. 190].

Проверки осуществлялись по следующим правилам. «Студенчество вузов заранее оповещалось, кто и когда будет вызван в комиссию. Комиссия лично опрашивала студента, знакомилась с его делами, причинами, побудившими поступить в данный вуз, с его социальным положением. Путем опроса старались выяснить его общественно-политическую физиономию, его пригодность к работе, степень его заинтересованности в работе по специальности. Выслушивалось мнение профессуры и студенчества и выносилось то или иное решение. К работе были привлечены представители пролетарского студенчества и именно к их мнению прислушивалась комиссия» [24, л. 88–89].

Комиссия проводила работу с 15 июня по 1 июля, итогом которой было проведение в каждом вузе собрания студентов и озвучены результаты проверки [28, л. 84]. Из выступления на собрании студентов Горецкого сельхозинститута председателя комиссии по проверке студентов данного вуза Волосевича: «При исключении того или иного студента принималась во внимание его материальная обеспеченность. Например,

те студенты, которые были меньше других материально обеспечены, например, госстипендиаты, которые не могли быть полностью государством обеспечены, оставались в вузе, несмотря на их малоуспеваемость в академическом отношении, в то время, когда другие с немного большей успеваемостью, но хорошо материально обеспеченные, исключались из вуза» [28, л. 84]. Таким образом, при решении вопроса об отчислении студента академическая успеваемость не являлась определяющим фактором, а более важное значение имели социальное происхождение, участие в общественной работе и политическая грамотность. Были случаи, когда, несмотря на успехи в учебе, студент отчислялся с формулировкой «классово чуждый элемент», отражаемой в ведомостях по академической проверке студентов.

Результат академической проверки Белорусского государственного института сельского и лесного хозяйства: «К 1 мая 1924 г., т.е. к началу академической проверки студентов, в институте числился 541 студент: 1) по социальному составу: рабочих и детей рабочих – 122 (22%), крестьян – 284 (53%), служащих – 110 (20%), других лиц – 25 (5%). ...После бывшей в мае академической проверки студентов осталось в институте 354 человека (из них 123 оставлены были условно), впоследствии Центральной комиссией было восстановлено 24 человека, и к началу 1924–1925 учебного года числилось таким образом 378 студентов. Из этого числа фактически явилось в институт и зарегистрировалось 335 человек, переведено из Горецкого сельскохозяйственного института 78 человек, принято приемной комиссией осенью с.г. 167 человек; таким образом, к 1 октября 1924 г. студентов в институте числится 580 человек; из них: ...рабочих и детей рабочих – 75, крестьян – 318, служащих – 147, прочих – 40». Как видно из отчета, количество студентов не только не уменьшилось, но и увеличилось на 7,2%. Среди студентов института на 1 октября 1924 г. значительно преобладали крестьяне (54,8%), 12,9% были дети рабочих и рабочие, служащие и прочие – 32,2% [29, л. 32–41].

24 июля 1924 г. «Савецкая Беларусь» под заголовком «Чыстка студэнцтва» опубликовала сообщение о прошедшей академической проверке: «Чыстка ні ў якім разе не мела мэты парохунку з варожымі або з апазіцыйнымі элементамі ў студэнцтве Беларусі. Падыход быў зусім іншы. І факультэцкія, і цэнтральная камісія ставілі пытанне чыста практычна: «У якой меры той ці іншы студэнт па свайму сацыяльнаму паходжанню і па свайму палітычнаму развіццю можа быць карысным супрацоўнікам Савецкай улады ў справе будавання новага жыцця?» [30, с. 2].

Регулярные «чистки» и классовый принцип набора в вузы привели к желаемому результату – изменению социального состава студенчества. В соответствии с отчетом Наркомпроса за 1926/27 учебный год в вузах республики рабочие и дети рабочих составляли 18,3%, крестьяне и дети крестьян – 38,7%, батраки и их дети – 2,5%, служащие и дети служащих – 31,3%. Большинство служащих, обучающихся в вузе (чаще всего на учительских специальностях) – это выходцы из рабочих и крестьян [31, л. 11]. Уменьшилось число детей торговцев и служителей культа. Как отмечалось в отчете БГСХИ за 1924 г., после академической проверки студентов «и в результате особенно тщательного классового отбора при приеме осенью с.г. состав студенчества института в настоящее время почти исключительно пролетарский» [29, л. 32–41].

Заклучение

Политика пролетаризации в вузах БССР, таким образом, выразилась в количественном росте детей рабочих и крестьян в вузах и сузах страны. Пролетаризация, классовый отбор не носили разового характера. А. Балицкий в 1928 г. отмечал: «У вузы мы будзем прымаць толькі найбольш блізкіх для нас па сваім сацыяльным стане і найлепш падрыхтаваных. Класавы адбор пры прыёме ў вышэйшыя навучальныя ўстановы застаецца як абавязковае правіла на працягу яшчэ доўгага шэрагу год» [32, с. 19]. Это каса-

лось и подготовки научных кадров в аспирантуре: среди аспирантов 1930 г. рабочие и батраки должны были составить 50–60%, партийцы – не менее 55%, поскольку этого требовало «шпаркае сацыялістычнае будаўніцтва і забеспячэнне яго ідэалагічны вытрыманымі навуковымі кадрамі» [33, с. 17–22].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев, Д.А. Пролетаризация советской высшей школы: 1921–1925 годы / Д.А. Андреев // Известия РГПУ имени А.И. Герцена. – 2007. – № 44. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://cyberleninka.ru/article/n/proletarizatsiya-sovetskoy-vysshey-shkoly-1921-1925-gody>. – Дата доступа: 19.03.2013.
2. Волосевич, П. Наши задачи / П. Волосевич // Асвета. – 1924. – № 1. – С. 1–2.
3. Красовский, Н.И. Высшая школа Советской Белоруссии / Н.И. Красовский. – Минск : Госиздат БССР, 1963 г. – 256 с.
4. Народное образование в БССР : сб. док. и материалов : в 2 т. / Гл. архив. упр. при Совете Министров БССР; Ин-т истории партии при ЦК КПБ; Центр. гос. архив Окт. революции и социалист. стр-ва БССР; сост. Э.Л. Козловская [и др.]. – Э.Л. Козловская [и др.]. – 1980. – Т. 1: 1917–1928 гг. – 460 с.
5. Протоколы заседаний правления университета // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 205. – Оп. 1. – Д. 76. – Л. 6.
6. Учебные планы и программы университета на 1921/22 уч. год и переписка с Главпрофобром РСФСР и комиссией по организации БГУ о подборе кадров и утверждении учебных планов // НАРБ. – Фонд 205. – Оп. 1. – Д. 15. – Л. 26–31, 34–34об.
7. Учебные планы института на 1923/24 учебный год. Положение о высших учебных заведениях, утверждено Советом Народных Комиссаров РСФСР 3 июля 1922 г. // НАРБ. – Фонд 209. – Оп. 1. – Д. 80. – Л. 4–10.
8. Протоколы заседаний Комвуза БССР, фракции КП(б)Б Белгосуниверситета // НАРБ. – Фонд 4 Партийный. – Оп. 1. – Д. 2323. – Л. 391.
9. Протоколы заседаний // НАРБ. – Фонд 4 Партийный. – Оп. 1. – Д. 2323. – Л. 382.
10. Выписки из заседаний Белбюро ЦК РКП(б) // НАРБ. – Фонд 4 Партийный. – Оп. 1. – Д. 1764. – Л. 14–16.
11. Протоколы съезда работников народного образования и совещания представителей рабфаков при Наркомпросе БССР, резолюции съезда, учебные программы и планы профессионально-технических учебных заведений БССР // НАРБ. – Фонд 42. – Оп. 1. – Д. 1410. – Л. 18, 46, 81–94.
12. Отчет Наркомпроса БССР о состоянии народного образования за 1925–1926 гг. // НАРБ. – Фонд 42. – Оп. 1. – Д. 289. – Л. 10.
13. Циркуляры и инструкции ЦК РКП(б)Б // НАРБ. – Фонд 4 Партийный. – Оп. 1. – Д. 1157. – Л. 13.
14. Народное образование в БССР : сб. док. и материалов : в 2 т. / Гл. архив. упр. при Совете Министров БССР; Ин-т истории партии при ЦК КПБ; Центр. гос. архив Окт. революции и социалист. стр-ва БССР; сост. Э.Л. Козловская [и др.]. – Э.Л. Козловская [и др.]. – 1980. – Т. 1: 1917–1928 гг. – 460 с.
15. Асвета. – 1927. – № 2, 3.
16. Асвета. – 1929. – № 1. – С. 81–84.
17. Протоколы съезда работников народного образования и совещания представителей рабфаков при Наркомпросе БССР, резолюции съезда, учебные программы и планы профессионально-технических учебных заведений БССР // НАРБ. – Фонд 42. – Оп. 1. – Д. 1470. – Л. 89–104.

18. Циркуляры и инструкции Главпрофобра РСФСР, протоколы заседаний правления и приемной комиссии университета, переписка с ЦИК, Наркомпросом и другими учреждениями Белоруссии о приеме студентов и списки студентов, принятых в университет // НАРБ. – Фонд 205. – Оп. 1. – Д. 70. – Л. 2.
19. НАРБ. – Фонд 205. – Оп. 1. – Д. 70. – Л. 5.
20. НАРБ. – Фонд 205. – Оп. 1. – Д. 70. – Л. 4.
21. НАРБ. – Фонд 6 – Оп. 1. – Д. 29. – Л. 62–63об.
22. Красовский, Н.И. Высшая школа Советской Белоруссии / Н.И. Красовский. – Минск : Госиздат БССР, 1963 г. – 256 с.
23. Распоряжения, циркуляры, инструкции и протоколы заседания коллегии Наркомпроса РСФСР // НАРБ. – Фонд 42. – Оп. 1. – Д. 235. – Ч.2. – Л. 109.
24. Протоколы заседаний коллегии Наркомпроса БССР и правления БГУ, отчет с приложением о проверке учебы студентов в вузах и списки учебных заведений, подведомственных Наркомпросу БССР // НАРБ. – Фонд 6. – Оп.1. – Д. 319. – Л. 88–89.
25. Распоряжения, циркуляры, инструкции и протоколы заседания коллегии Наркомпроса РСФСР // НАРБ. – Фонд 42. – Оп. 1. – Д. 235. – Л. 279.
26. Инструкции Главпрофобра БССР о проверке знаний студентов вузов // НАРБ. – Фонд 205. – Оп. 1. – Д. 166.
27. Распоряжения, циркуляры, инструкции и протоколы заседания коллегии Наркомпроса РСФСР // НАРБ. – Фонд 42. – Оп. 1. – Д. 235. – Л. 190.
28. Протоколы заседаний комиссии по проверке студентов Горецкого сельскохозяйственного института и списки студентов // НАРБ. – Фонд 42. – Оп. 1. – Д. 1526. – Л. 84.
29. Отчеты и сведения о работе института за 1923/24 учебный год, численности и составе студентов на 1 мая 1924 г. // НАРБ. – Фонд 209. – Оп. 1. – Д. 89. – Л. 32–41.
30. Чыстка студэнцтва // Савецкая Беларусь. – 1924. – 24 ліпеня – С. 2.
31. Отчет о работе Наркомпроса БССР за 1926–1927 г. // НАРБ. – Фонд 42. – Оп. 1. – Д. 317. – Л. 11.
32. Баліцкі, А.В. Аб сыстэме народнай асветы ў Беларусі (Даклад т. Баліцкага на II сесіі ЦВК БССР VIII склікання і спрэчкі па дакладу) // Дадатак да газеты «Савецкая Беларусь» № 13 (2201). – Выд-ва «Савецкая Беларусь». – Менск, 1928. – 80 с.
33. Яворскі, А. Праблема навуковых кадраў / А. Яворскі // Камуністычнае выхаванне. 1930. – № 3. – 114 с.

Malinowska E.L. Formation of the Intelligentsia in Proletarianization Belorussian University in the 20-s of the Twentieth Century

In the article education reforming in the 20s of the XXth century is considered. The formation of a new intellectual, «a new person» becomes the basis for the reforms. In education this process was carried out on the basis of three components: change of curricula and programs, as backbone element of training and education; controlled complete set of higher education institutions; timely elimination of students. It allows reconstructing policy in education of that time. This problem is considered leaning on the archival and published documentary materials. In article the attention to quantitative growth and a technique of replenishment of proletarian students in higher education institutions is paid.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 01.06.2013

УДК 336.7

А.М. Багдасарян

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЫНКА ЦЕННЫХ БУМАГ В СТРАНАХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Статья посвящена проблемам развития рынка ценных бумаг в странах Восточной Европы и Центральной Азии. Проведено исследование основных показателей рынка ценных бумаг в этих странах, сделан сравнительный анализ показателей рынка ценных бумаг в странах с переходной экономикой и странах с развитым рынком, выявлены основные проблемы и предложены пути развития рынка ценных бумаг в странах Восточной Европы и Центральной Азии.

Введение

Рынок ценных бумаг является одной из важнейших составляющих частей финансового рынка. Развитие и повышение конкурентоспособности экономики в странах с переходной экономикой во многом зависит от уровня развития рынка ценных бумаг. Однако рынок ценных бумаг в большинстве стран с переходной экономикой находится либо на стадии формирования, либо на начальных стадиях развития.

Для разработки путей развития рынка ценных бумаг в странах с переходной экономикой необходимо исследовать основные показатели рынка ценных бумаг в разных странах с переходной экономикой, подвергнуть сравнительному анализу показатели рынка ценных бумаг в странах с переходной экономикой и странах с развитым рынком, а также с мировыми показателями, выявить основные проблемы развития рынка ценных бумаг в странах с переходной экономикой.

Вышеперечисленные вопросы в той или иной мере освещены в трудах ученых бывшего СССР, а также в трудах иностранных исследователей. Например, проблемы методологического характера тщательно рассмотрены в трудах Я.М. Миркина [2; 3], а закономерности и тенденции развития мировых фондовых рынков – в трудах Б.Б. Рубцова [4]. Однако развитие рынка ценных бумаг требует постоянного исследования, выявления проблем и проведения сравнительного анализа показателей рынка ценных бумаг и проблем развития рынка в разных странах с переходной экономикой.

Целью данного исследования является анализ основных показателей, проведение сравнительного анализа и выявление основных проблем развития рынка ценных бумаг в странах с переходной экономикой.

Основное внимание в статье мы уделим анализу показателей рынка инвестиционных ценных бумаг, в частности структуре рынка, а также исследованию основных биржевых показателей. Показатели объема рынка инвестиционных ценных бумаг и валового внутреннего продукта в странах с развитыми и формирующимися рынками показаны в таблице 1.

Таблица 1– Объем рынка инвестиционных ценных бумаг и валового внутреннего продукта в странах с развитыми и формирующимися рынками ценных бумаг, 2006–2010гг. [5; 9]

Страна	Объем рынка инвестиционных ценных бумаг**, млрд долл. США					Объем валового внутреннего продукта, млрд долл. США				
	2006	2007	2008	2009	2010	2006	2007	2008	2009	2010

Продолжение таблицы 1

США	46 305	49 802	42 395	46 729	49 818	13 195	13 808	14 441	14 119	14 527
Япония	13 515	13 881	14 687	15 317	18 253	4 366	4 382	4 911	5 069	5 459
Евросоюз*	36 272	42 952	36 400	43 569	41 923	13 644	15 689	17 037	15 373	15 161
в том числе:										
Германия	6 489	7 711	6 600	7 036	6 792	2 899	3 321	3 673	3 339	3 287
Великобритания	7 092	7 696	5 839	7 509	8 395	2 395	2 765	2 680	2 179	2 250
Франция	5 808	7 104	6 025	7 054	6 926	2 252	2 594	2 867	2 656	2 563
Италия	4 518	5 293	5 016	5 761	4 957	1 853	2 105	2 314	2 118	2 055
Страны с формирующимися рынками	17 749	28 770	16 374	23 624	28 334	14 079	17 282	20 606	19 566	23 427
в том числе:										
Европейские страны	2 615	3 358	1 540	1 865	2 628	2 631	3 527	4 126	3 264	3 728
Азиатские страны	10 375	18 288	10 160	15 478	18 318	6 260	7 482	8 902	9 480	11 427
Страны Центр. и Юж. Америки	3 011	4 377	3 265	4 526	5 225	2 942	3 609	4 209	3 965	4 834
Африканские страны	992	1 348	600	737	983	920	1 100	1 282	883,4	1 049
Весь мир	119 561	144 928	117 043	139 271	149 944	48 204	54 545	60 918	57 843	62 911

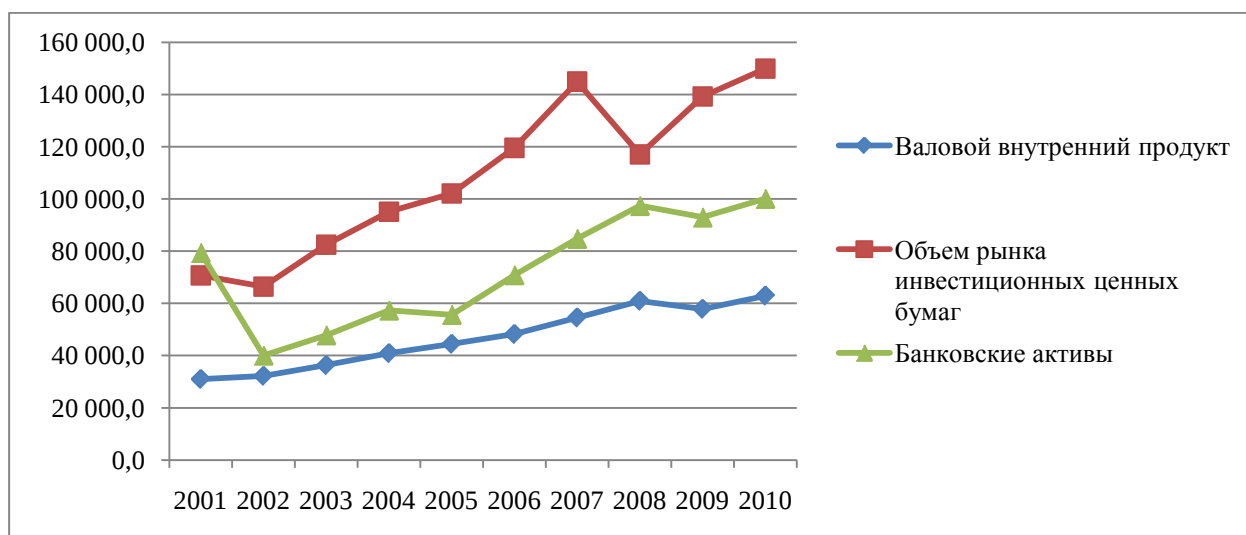
* Включает данные только западноевропейских стран – членов ЕС. Новые члены ЕС включены в группу европейских стран с формирующимися рынками.

** Рассчитано как сумма капитализации рынка акций и непогашенной задолженности по долговым ценным бумагам.

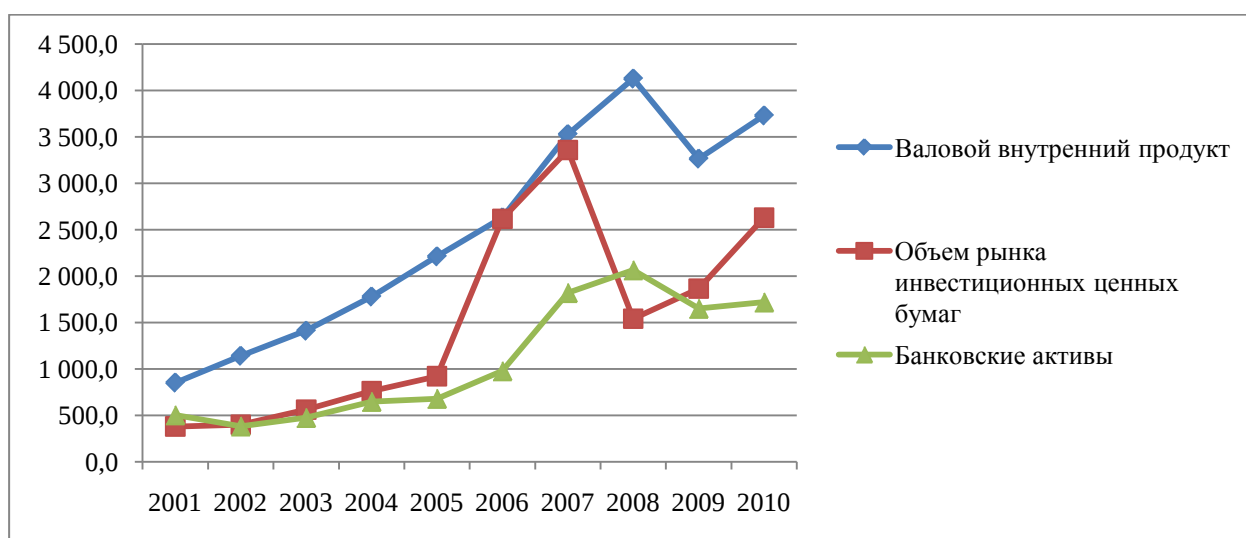
Как видно из таблицы 1, в период с 2006 по 2008 гг. объем мирового валового продукта показывал тенденцию роста. Однако в условиях мирового финансово-экономического кризиса объем мирового валового продукта существенно снизился в период с 2008 по 2009 гг. Из таблицы видно также, что начиная с 2009 г. объем мирового валового продукта начал снова показывать тенденцию роста и в 2010 г. уже превысил соответствующий показатель 2008 г. Объем валового внутреннего продукта в европейских странах с переходной экономикой снизился в большей степени, чем объем мирового валового продукта. Начиная с 2009 г. объем валового внутреннего продукта в Европейских странах с переходной экономикой тоже начал показывать тенденцию роста, но в 2010 г. этот показатель в европейских странах с переходной экономикой был значительно ниже соответствующего показателя 2008 г.

Из таблицы 1 видно, что более значительной была разница между мировыми показателями и показателями европейских стран с переходной экономикой по объему рынка инвестиционных ценных бумаг. Объем мирового рынка инвестиционных ценных бумаг рос до 2007 г., после чего произошло резкое снижение этого показателя. Начиная с 2008 г. объем мирового рынка инвестиционных ценных бумаг начал снова показывать тенденцию роста, и в 2010 г. этот показатель превысил соответствующий показатель 2007 г. Объем рынка инвестиционных ценных бумаг в европейских странах с переходной экономикой в период с 2007 г. по 2008 г. снизился более чем в два раза. Хотя начиная с 2008 г. объем рынка инвестиционных ценных бумаг в европейских странах с переходной экономикой тоже начал показывать тенденцию роста, однако в 2010 г. этот показатель был почти в два раза ниже соответствующего показателя 2007 г.

Динамика изменения валового внутреннего продукта, объема рынка инвестиционных ценных бумаг и банковских активов в мире в целом и в странах Восточной Европы показана на рисунке 1.

а)

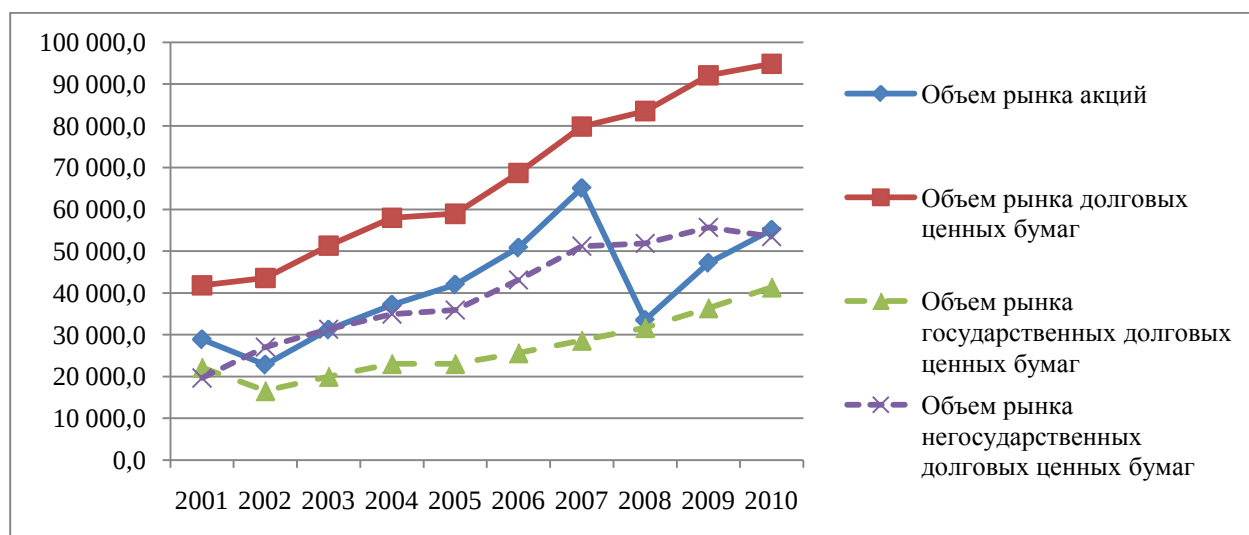

б)

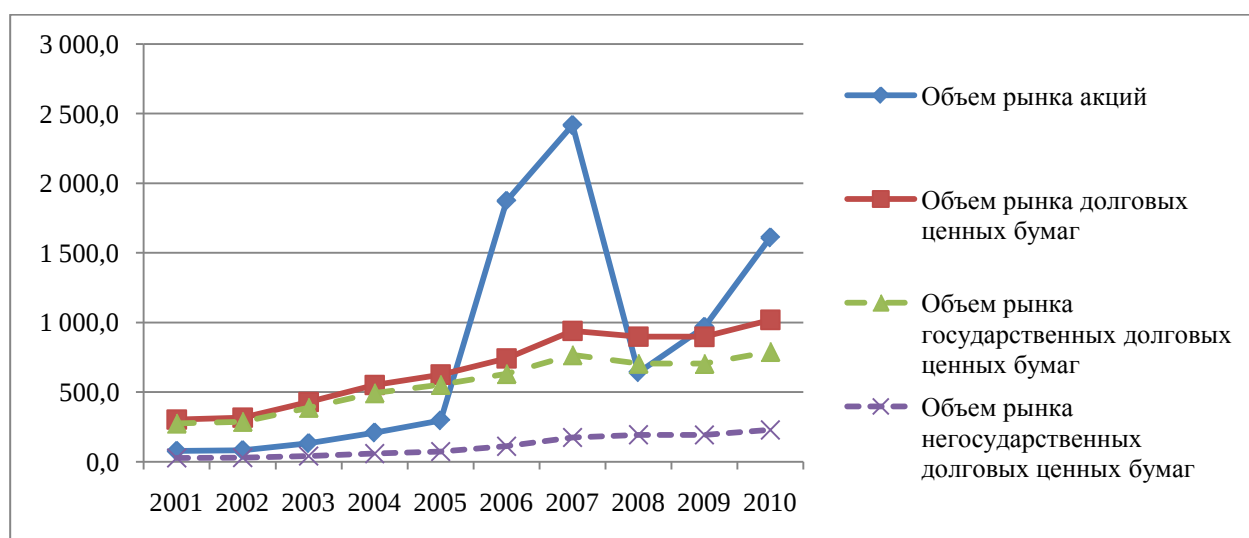
Рисунок 1 – Динамика изменения валового внутреннего продукта, объема рынка инвестиционных ценных бумаг и банковских активов (2001–2010 гг.):
а) в мире; б) в странах Восточной Европы [5; 9]

Как видно из рисунка 1, в период с 2001 г. по 2010 г. показатель объема мирового рынка инвестиционных ценных бумаг почти всегда более чем в два раза превышал показатель объема мирового валового продукта. Объем банковских активов тоже в значительной степени превышал объем мирового валового продукта. Картина иная в странах Восточной Европы. Здесь показатель объема валового внутреннего продукта почти в два раза превышал показатель объема рынка инвестиционных ценных бумаг и в значительной степени – объем банковских активов. Из рисунка 1 видно также, что показатель объема рынка инвестиционных ценных бумаг в странах Восточной Европы не показывает стабильной динамики.

Динамика изменения объема рынка акций и долговых ценных бумаг в мире и в странах Восточной Европы показана на рисунке 2.

а)

б)

Рисунок 2 – Динамика изменения объема рынка акций и долговых ценных бумаг: а) в мире; б) в странах Восточной Европы [5; 9]

Как видно из рисунка 2, в период с 2001 по 2010 гг. показатель объема мирового рынка долговых ценных бумаг всегда превышал показатель объема мирового рынка акций. В указанный период объем мирового рынка долговых ценных бумаг стабильно рос, чего нельзя сказать об объеме мирового рынка акций. В период 2001–2002 гг. объем мирового рынка акций падал. В период 2002–2007 гг. объем мирового рынка акций начал расти быстрыми темпами, в 2007–2008 гг. – резко снизился, потом снова начал расти быстрыми темпами. Из вышесказанного следует, что кризисы в финансовой системе сильнее влияют на показатели мирового рынка акций, чем рынка долговых ценных бумаг. Однако структурный анализ мирового рынка долговых ценных бумаг выявляет несоразмерное развитие отдельных частей этого рынка. Начиная с 2002 г. объем мирового рынка негосударственных долговых ценных бумаг превышает объем мирового рынка государственных долговых ценных бумаг. Показатель объема мирового рынка негосударственных долговых ценных бумаг рос почти равномерно до 2009 г., после чего начал снижаться. Показатель объема мирового рынка государственных долговых ценных бумаг, наобо-

рот, снижался до 2002 г., после чего начал стабильно расти. Структурный анализ показывает, что стабильному росту объема мирового рынка долговых ценных бумаг способствовало наличие двух факторов, действующих в разных направлениях. Это объем частных инвестиций, финансируемых также за счет заемного капитала, который увеличивается в периоды экономического роста, и объем государственного долга, который увеличивается в периоды экономического спада.

Из рисунка 2 видно, что объем рынка акций в странах Восточной Европы имеет более нестабильную динамику. До 2005 г. объем рынка акций в странах Восточной Европы был значительно меньше объема рынка долговых ценных бумаг. В 2005–2007 гг. объем рынка акций увеличился почти в 10 раз, в 2007–2008 гг. – снизился более чем в 3 раза, а в 2008–2010 гг. – снова увеличился более чем в 2 раза. Анализ показывает, что рынок акций в странах Восточной Европы неустойчив и полностью подвержен влиянию экономических кризисов. Другой особенностью рынка ценных бумаг в странах Восточной Европы является преобладание рынка государственных ценных бумаг над рынком негосударственных ценных бумаг. Так, в 2010 г. объем рынка государственных долговых ценных бумаг более чем в 3 раза превышал объем рынка негосударственных долговых ценных бумаг.

С точки зрения исследования особенностей развития рынка ценных бумаг в странах с переходной экономикой важным является также анализ основных показателей биржевой торговли. Рыночная капитализация акций и число компаний, акции которых допущены к торгам на основных фондовых биржах, действующих в странах с переходной экономикой, показаны в таблице 2.

Таблица 2 – Рыночная капитализация акций и число компаний, акции которых допущены к торгам на основных фондовых биржах, действующих в странах с переходной экономикой, 2006–2010 гг. [1; 6–8; 10; 11]

Название биржи	Рыночная капитализация акций, млрд долл. США					Число компаний, акции которых допущены к торгам				
	2006	2007	2008	2009	2010	2006	2007	2008	2009	2010
Баня-Лукская фондовая биржа, Босния и Герцеговина	5,0	5,9	2,6	2,9	2,6	793	814	838	821	821
Болгарская фондовая биржа, Болгария	9,4	21,7	8,9	8,7	7,4	347	369	404	398	390
Братиславская фондовая биржа, Словакия	3,3	6,9	5,4	5,1	4,2	6	160	125	107	90
Будапештская фондовая биржа, Венгрия	41,9	46,2	18,5	30,0	27,7	41	41	43	46	52
Бухарестская фондовая биржа, Румыния	25,2	30,6	15,1	13,1	14,2	53	54	62	69	74
Варшавская фондовая биржа, Польша	151,8	211,6	90,8	151,0	190,2	265	375	458	486	584
Грузинская фондовая биржа, Грузия	0,7	1,4	0,3	0,7	1,1	231	161	153	145	138
Загребская фондовая биржа, Хорватия	29,0	70,2	27,1	26,6	25,6	182	359	356	271	240
Казахстанская фондовая биржа, Казахстан	54,9	53,8	23,3	27,9	26,8	71	67	78	77	73
Кыргызская фондовая биржа, Кыргызстан	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	186	191	158	9	11
Люблянская фондовая биржа, Словения	15,2	28,8	11,8	12,1	9,4	100	87	84	76	72
Македонская фондовая биржа, Македония	1,1	2,7	0,8	0,9	2,6	101	113	92	86	83

Продолжение таблицы 2

Московская межбанковская валютная биржа, Россия	884,7	1216,6	337,4	738,0	954,4	193	207	233	234	249
НАСДАК ОЭМЭКС Армения (NASDAQ OMX) Armenia, Армения	0,1	0,1	0,2	0,1	0,1	35	28	22	11	11
Республиканская фондовая биржа «Ташкент», Узбекистан	0,1	0,2	2,8	1,9	2,9	620	430	392	314	295
Российская торговая система (РТС), Россия	966,0	1 328,8	374,9	763,5	959,9	280	301	275	279	278
Санкт-Петербургская валютная биржа, локальные рынки, Россия	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0	0	0	0	0
Сараевская фондовая биржа, Босния и Герцеговина	7,7	11,7	5,6	5,3	4,9	489	509	524	529	541
Украинская фондовая биржа, Украина	0,3	0,2	0,2	0,2	1,1	54	54	49	53	37
Фондовая биржа ПФТС, Украина	44,1	111,8	23,5	25,8	32,0	295	335	303	288	302
Черногорская фондовая биржа, Черногория	2,4	3,7	2,9	4,3	3,6	65	83	74	65	55

Таблица 3 – Объем торговли акциями и долговыми ценными бумагами на основных фондовых биржах, действующих в странах с переходной экономикой (2006–2010 гг.) [1; 6–8; 10; 11]

Название биржи	Объем торговли акциями, млн долл. США					Объем торговли долговыми ценными бумагами, млн долл. США				
	2006	2007	2008	2009	2010	2006	2007	2008	2009	2010
Баня-Лукская фондовая биржа, Босния и Герцеговина	261,9	546,8	163,1	132,4	82,5	0,0	0,6	8,3	22,2	37,9
Болгарская фондовая биржа, Болгария	1 546,0	6 808,9	1 855,0	487,1	377,3	200,2	297,5	183,2	123,2	85,1
Братиславская фондовая биржа, Словакия	99,5	31,3	21,1	174,7	308,9	37 857,1	15 148,4	33 899,8	16 747,3	8 806,5
Будапештская фондовая биржа, Венгрия	31 157,7	47 586,5	30 706,0	25 375,2	26 263,1	1 672,9	1 160,8	2 371,8	1 459,4	1 132,2
Бухарестская фондовая биржа, Румыния	3 548,8	5 623,4	2 354,6	1 715,7	1 733,2	55,0	323,6	67,8	399,1	736,2
Варшавская фондовая биржа, Польша	56 372,9	87 962,2	69 499,1	53 509,3	69 156,6	897,8	636,7	1 032,3	1 268,5	520,9
Грузинская фондовая биржа, Грузия	94,1	46,2	8,3	1,8	3,4	1,6	0,1	0,0	0,0	0,0
Загребская фондовая биржа, Хорватия	1 876,2	4 386,1	3 216,0	1 461,9	1 049,8	6 249,3	8 750,2	2 510,9	659,7	292,3
Казахстанская фондовая биржа, Казахстан	4 026,6	8 924,4	3 803,8	4 300,1	1 902,7	3 018,9	4 302,7	3 651,9	2 583,4	1 614,2
Кыргызская фондовая биржа, Кыргызстан	102,7	146,1	103,6	66,2	9,8	0,0	0,0	0,0	0,7	0,9
Люблянская фондовая биржа, Словения	2 049,7	4 252,2	2 337,8	947,0	476,1	1 537,1	598,2	374,6	205,6	143,6
Македонская фондовая биржа, Македония	397,2	492,9	163,3	65,1	44,6	38,0	41,1	33,8	29,7	27,4
Московская межбанковская валютная биржа (ММВБ), Россия	409 044,7	599 326,6	514 006,1	836 268,3	991 540,8	86 528,5	127 098,6	123 948,4	467 463,3	115 818,2

Продолжение таблицы 3

НАСДАК ОЭМЭКС Армения (NASDAQ OMX Armenia), Армения	5,9	5,0	0,9	0,3	0,4	1,3	2,3	7,3	27,9	7,9
Республиканская фон- довая биржа «Таш- кент», Узбекистан	110,9	89,2	80,3	59,5	39,3	0,8	0,4	0,0	0,0	0,0
Российская торговая система (РТС), Россия	17 232,1	15 161,6	10 448,4	54 171,8	112 122,4	306,0	47,4	258,3	1,1	1,1
Санкт-Петербургская валютная биржа, локальные рынки, Россия	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	270,5	993,5	511,9	58,2	116,7
Сараевская фондовая биржа, Босния и Герцеговина	680,9	620,4	281,5	148,3	70,0	0,0	0,0	0,0	0,1	19,5
Украинская фондовая биржа, Украина	22,2	14,2	3,6	2,4	0,6	25,2	1,6	9,4	0,0	0,0
Фондовая биржа ПФТС, Украина	1 182,2	1 996,1	1 679,2	581,2	530,6	2 557,8	3 588,8	2 842,0	387,7	300,3
Черногорская фондо- вая биржа, Черногория	288,7	285,4	105,2	322,8	70,9	13,6	12,6	9,7	9,9	6,0

Как видно из таблицы 2, в 2010 г. наибольшее число компаний, акции которых допущены к торгам на регулируемом рынке, было на Баня-Лукской фондовой бирже (821 эмитент). За Баня-Лукской фондовой биржей следуют Варшавская фондовая биржа (584 эмитента), Сараевская фондовая биржа (541 эмитент), Болгарская фондовая биржа (390 эмитентов) и Фондовая биржа ПФТС (302 эмитента). Однако по показателю рыночной капитализации Баня-Лукская фондовая биржа и Сараевская фондовая биржа уступают основным фондовым биржам, действующим на территории Восточной Европы. Рыночная капитализация на Баня-Лукской фондовой бирже составляет 2,6 млрд долл. США, а на Сараевской фондовой бирже – 4,9 млрд долл. США.

Из таблицы 2 также видно, что по показателю рыночной капитализации лидируют РТС (959,9 млрд долл. США) и ММВБ (954,4 млрд долл. США). Число компаний, акции которых допущены к торгам на РТС, составляет 278, а на ММВБ – 249. По показателю рыночной капитализации следом за РТС и ММВБ идет Варшавская фондовая биржа (190,2 млрд долл. США). Показатель рыночной капитализации на Фондовой бирже ПФТС составляет 32 млрд долл. США, на Будапештской фондовой бирже – 27,7 млрд долл. США, на Казахстанской фондовой бирже – 26,8 млрд долл. США, на Загребской фондовой бирже – 25,6 млрд долл. США, на Бухарестской фондовой бирже – 14,2 млрд долл. США. Показатель рыночной капитализации на остальных фондовых биржах, действующих на территории Восточной Европы, не достигает и 10 млрд долл. США.

Из таблицы 3 следует, что по объему торговли акциями на территории Восточной Европы лидируют ММВБ и РТС. В 2010 г. объем торговли акциями на ММВБ составил почти трлн долл. США, а на РТС – более 110 млрд долл. США. За ними – Варшавская фондовая биржа (около 70 млрд долл. США) и Будапештская фондовая биржа (около 26 млрд долл. США). Объем торговли акциями на Казахстанской фондовой бирже составил 1,9 млрд долл. США, на Бухарестской фондовой бирже – 1,7 млрд долл. США, на Загребской фондовой бирже – 1 млрд долл. США. Объем торговли акциями на остальных фондовых биржах, действующих на территории Восточной Европы, не достигает и одного млрд долл. США.

По объему же торговли долговыми ценными бумагами на территории Восточной Европы, согласно таблице 3, абсолютным лидером является ММВБ. В 2010 г. объем торговли долговыми ценными бумагами на ММВБ составил более чем 1,1 трлн долл. США. За ней следуют Братиславская фондовая биржа (8,8 млрд долл. США), Казахстанская фондовая биржа (1,6 млрд долл. США) и Будапештская фондовая биржа (1,1 млрд долл. США). Объем торговли долговыми ценными бумагами на остальных фондовых биржах, действующих на территории Восточной Европы, не достигает и одного млрд долл. США.

Из приведенных выше исследований ясно, что рынок ценных бумаг в разных странах с переходной экономикой находится на разных уровнях развития. С точки зрения развития рынка более передовыми являются страны, вошедшие в Европейский Союз. С точки зрения количественных показателей безусловным лидером является Российская Федерация. Наихудшее состояние рынка ценных бумаг – в странах Южного Кавказа. Здесь рынок ценных бумаг находится на стадии формирования. Несмотря на все различия, в странах с переходной экономикой имеются одинаковые проблемы развития рынка ценных бумаг. Эти проблемы можно сгруппировать так: 1) проблемы, связанные с нежеланием инвесторов входить на рынок ценных бумаг (проблемы недостатка предложения капитала); 2) проблемы, связанные с отсутствием инвестиционных возможностей (проблемы недостатка спроса на капитал); 3) проблемы, связанные с развитием торговых, расчетно-клиринговых и депозитарных систем рынка ценных бумаг; 4) проблемы, связанные с недостаточной осведомленностью потенциальных участников рынка ценных бумаг о возможностях рынка.

Перечисленные проблемы по-разному проявляются в странах с переходной экономикой, однако в той или иной мере присущи всем им. Например, торговые, расчетно-клиринговые и депозитарные системы рынка ценных бумаг находятся на достаточно высоком уровне в странах Балтийского региона (Эстония, Латвия, Литва). Регулируемые рынки этих стран полностью интегрированы в один из крупнейших мировых рынков – NASDAQ OMX. Интеграция рынка дает возможность решить также проблемы, связанные с недостатком спроса и предложения на капитал. В Эстонии, например, эти проблемы в значительной степени были решены также за счет внедрения обязательной накопительной многоуровневой системы пенсионного обеспечения. Кроме того, в Эстонии много внимания было уделено повышению осведомленности населения и потенциальных участников рынка ценных бумаг о возможностях рынка. Недоверие к рынку ценных бумаг особо остро ощущается в странах Южного Кавказа и в некоторых странах Балканского региона. В других странах бывшего СССР эта проблема тоже не полностью решена, что обусловлено как объективными, так и субъективными факторами.

Заключение

Несмотря на разные уровни развития рынка ценных бумаг в странах с переходной экономикой, имеются проблемы, проявляющиеся в той или иной мере во всех странах с переходной экономикой. Для дальнейшего развития в этих странах рынка ценных бумаг необходимо уделять внимание решению текущих проблем, в частности, увеличение объема капитала, направляемого на рынок ценных бумаг; увеличение инвестиционных возможностей; развитие и интеграция торговых, расчетно-клиринговых и депозитарных систем рынка ценных бумаг; повышение осведомленности потенциальных участников рынка ценных бумаг о возможностях рынка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Международная ассоциация бирж стран СНГ, Бюллетени биржевой статистики: 2006–2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://mab.micex.ru>.

2. Миркин, Я.М. Ценные бумаги и фондовый рынок / Я.М. Миркин. – М. : Перспектива, 1995. – С. 66, 99, 100, 413–440.
3. Миркин, Я.М. Рынок ценных бумаг: Воздействие фундаментальных факторов, прогноз и политика развития / Я.М. Миркин. – М. : Финанс. акад. при правительстве РФ, 2002. – 87 с.
4. Рубцов, Б.Б. Мировые фондовые рынки: современное состояние и закономерности развития / Б.Б. Рубцов. – М. : Финанс. акад. при правительстве РФ, 2000. – 312 с.
5. BIS Quarterly Reviews : International banking and financial market developments, Bank for International Settlements. – Basel, 2006–2010.
6. Federation of Euro-Asian Stock Exchanges, Newsletters: Jan. 2006 – Jan. 2011, Supplements: 1st Quarter 2006 – 4th Quarter 2010 [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.feas.org>.
7. Federation of Euro-Asian Stock Exchanges, FEAS Books: 2009–2011. [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.feas.org>.
8. Federation of Euro-Asian Stock Exchanges, FEAS Semi Annual Reports: 2006–2008 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.feas.org>.
9. International Monetary Fund, Global Financial Stability Reports: 2006–2010, Washington, D.C., 2007–2011.
10. World Federation of Exchanges, Time Series: 2006–2010 [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.world-exchanges.org>.
11. World Federation of Exchanges, Annual Statistics Reports: 2006–2010 [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.world-exchanges.org>.

Baghdasaryan A.M. Problems of Development of the Securities Market in the Countries of Eastern Europe and Central Asia

The article is devoted to the problems of the securities market development in the countries of Eastern Europe and Central Asia. The article studies the main indicators of the securities market in these countries. Comparative analysis of the securities market performance in the countries with transition economy and developed markets is made, identifying key issues and suggesting ways for the securities market development in countries of Eastern Europe and Central Asia.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 23.01.2012

УДК 658.788.5

*Н.И. Зайцева, И.И. Шония***ЭФФЕКТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБЛАСТИ КАДРОВЫХ РЕШЕНИЙ**

Динамично развивающийся рынок ежедневно ставит перед бизнесом новые задачи. Чтобы обеспечить хороший уровень прибыли, руководителям предприятий постоянно приходится снижать издержки. Один из способов сэкономить – поручить часть работ внешним исполнителям (аутстаффинг). К услуге аутстаффинга прибегают самые разные компании: производственные, торговые, сферы услуг, банки. Выбор данной услуги определяется целями, которые хочет решить с помощью аутстаффинга компания. В этом смысле аутстаффинг выгоден для компаний, которые не имеют возможности увеличить штатную численность сотрудников, но нуждаются в них для выполнения своих задач. Это могут быть малые предприятия или предприятия, находящиеся на упрощенной системе налогообложения, которые имеют штатные ограничения. Поэтому аутстаффинг является одним из резервов оптимизации деятельности предприятий.

Введение

В настоящее время в процессе ведения эффективного бизнеса все чаще и чаще прибегают к аутсорсингу и аутстаффингу. Да и молодые предприниматели, создавая бизнес, задумываются о том, насколько выгодно самостоятельно обеспечивать полностью поток производства или все же целесообразней передать часть функций под управление профессионалов. Однако, принимая решения об использовании аутсорсинга или аутстаффинга на отечественных предприятиях, управленцы, прежде всего задумываются о том, что сторонние исполнители не могут знать всей специфики бизнеса клиента, повышается риск утечки информации, и новые инструменты управления могут оказаться очень затратными. Увы, подобные представления настолько популярны в среде руководителей, что совершенно забыто главное, а именно финансово-экономические показатели. А ведь только они способны дать аргументированный ответ на вопрос о том, что лучше: производить или покупать.

На сегодняшний день нет четкой схемы, по которой можно было бы определить, какие функции стоит передавать стороннему исполнителю, а какие нет, и вопросы экономической целесообразности аутсорсинга и аутстаффинга остаются актуальными. Критерием выбора отдельных форм привлечения персонала служит экономическая целесообразность: на единицу затрат при каждом варианте привлечения персонала должен приходиться максимальный эффект. На практике зачастую оценку производят, сравнивая только валовые затраты на каждый вариант такого привлечения. Совершенно очевидно, что, с точки зрения экономической эффективности, в краткосрочной перспективе критерием того, следует ли организации самой выполнять работу или купить ее на стороне, является уровень транзакционных затрат. Если транзакционная стоимость всего жизненного цикла процесса (функции, задачи) внутри компании ниже предлагаемого уровня затрат аутсорсеров, то смысла отдавать его на аутсорсинг нет. Несомненно, для принятия такого решения компания должна правильно рассчитывать (или хотя бы оценивать) стоимость этих затрат. Стоит заметить, что в издержки процесса (задачи) надо включать все затраты (косвенные тоже) на протяжении его осуществления, в том числе затраты на управление рисками, организацией, на коммуникации и инфраструктуру. Но даже в случае корректного определения издержек, критерий экономической эффективности не должен быть единственным при принятии решения об аутсорсинге. Имеет смысл оценить и долгосрочные последствия подобного решения.

Аутстаффинг (англ. outstaffing – «выведение персонала за пределы штата») – это способ управления персоналом, предполагающий оказание услуг в форме предоставления в распоряжение заказчика определенного количества работников, не вступающих

с ним в какие-либо правовые отношения (гражданско-правовые, трудовые) напрямую, но оказывающих от имени исполнителя определенные услуги (работы) по месту нахождения заказчика. Его синонимами принято считать такие понятия, как аренда или лизинг персонала, заемный труд [2, с. 89].

Существуют два типа аутстаффинга: первый предусматривает использование персонала, уже имеющегося в штате предприятия, а второй – вновь привлекаемого. Содержание договора аутстаффинга заключается в привлечении организацией внештатного специалиста, имеющего соответствующие знания, профессиональные навыки и опыт, на время выполнения определенного проекта. Часть работников организации-заказчика переводят в штат компании-исполнителя. При этом сотрудники продолжают находиться на прежнем рабочем месте и выполнять те же трудовые обязанности, но работодателем для них становится организация-исполнитель. У прежнего работодателя сотрудники работают в соответствии с договором оказания услуг, сторонами которого выступают новый и прежний работодатели. При этом работники организации-исполнителя считаются прикомандированными к компании-заказчику. Таким образом, аутстаффинг отличается от аутсорсинга отношением заказчика услуг к персоналу, выполняющему работу. При аутстаффинге персонал поступает в непосредственное подчинение реципиента, задача исполнителя – подобрать работников, соответствующих заданным характеристикам, и вступить с ними в трудовые отношения. Механизм аутстаффинга таков, что исполнитель и заказчик заключают между собой договор оказания услуг, по которому первый предоставляет второму за плату услуги, оказываемые работниками или иными лицами, нанимаемыми исполнителем, по месту нахождения заказчика [4, с. 67].

Основной целью организации – заказчика аутстаффинга является снижение административных рисков и издержек, связанных с наймом персонала. Как правило, эта услуга требуется, когда наличествует определенная непредсказуемость бизнеса, нужны переменная рабочая сила или штат сотрудников слишком большой. Причин, по которым организации обращаются к провайдерам, оказывающим услуги аутстаффинга, довольно много.

Использование аутстаффинга на предприятиях

Предпосылки использования аутстаффинга на предприятиях:

1. Возрастающая сложность и дополнительные требования законодательства в области кадрового учета.
2. Менеджер тратит много времени на решение административных вопросов трудовых отношений.
3. Большое количество постоянных сотрудников в штате компании делает ее менее гибкой и более зависимой от персонала.
4. Стремление к большей гибкости и независимости при формировании «штатного расписания».
5. Стремление к сокращению расходов на управление персоналом.

Из того, какие компании используют аутстаффинг, вытекают преимущества компаний, использующих эту услугу:

- 1) сокращение штатной численности персонала при сохранении фактической;
- 2) оформление временного персонала;
- 3) оформление сотрудников на время испытательного срока и продление испытательного срока;
- 4) снижение административных и финансовых издержек;
- 5) обеспечение легальности и юридической поддержки при работе с персоналом;
- 6) возможность сконцентрироваться на основном бизнесе;
- 7) повышение конкурентоспособности компании.

Следует обратить внимание на то, что услуга аутстаффинга не дешевая. Как правило, счет, предъявляемый заказчику, выглядит следующим образом: фонд заработной платы (с учетом налогов на зарплату) + страховка + пенсионные отчисления + услуги аутстаффера (10–25% от фонда оплаты труда (включая выплату отпускных)).

С каждым сотрудником, которого переводят к аутстафферу, должна проводиться беседа по существу происходящих событий, до каждого специалиста должна доводиться информация о том, что он становится работником компании, которая отныне является для него работодателем и несет в этом качестве полную ответственность за соблюдение трудового и налогового законодательства. При этом работник фактически продолжает работать в интересах компании, ранее принимавшей его на работу, и выполнять те же самые функции.

Из всего вышесказанного следует, что, несмотря на существующую дороговизну данной услуги, ее развитие имеет широкие перспективы в связи с тем, что экономика требует быстрого роста компаний, имеющих стабильное конкурентное преимущество. А для этого, в свою очередь, недопустимо тратить драгоценные временные, финансовые и человеческие ресурсы на непрофильные виды деятельности.

Только в США на данный момент аутстаффинг предлагают свыше 2 000 компаний, и рынок этих услуг ежегодно растет в среднем на 35%. Аналогичная ситуация в Западной Европе. Причем, судя по опросам компаний, пользующихся аутстаффингом, основную выгоду для себя они видят в возможности концентрироваться на своем основном бизнесе, не распыляясь на побочные задачи.

Компании начинают использовать аутстаффинг обычно в тех случаях, когда имеется определенная непредсказуемость бизнеса, когда нужна переменная рабочая сила или штат сотрудников слишком большой. Кроме того, для менеджеров большим плюсом является то, что нет нужды рассчитывать зарплату, ходить по судам, общаться с профсоюзами и трудовой инспекцией.

В 1990-е гг., выходя на российский рынок, многие западные компании, привыкшие пользоваться аутстаффингом, создали спрос на эту услугу. Особой популярностью он стал пользоваться в России после кризисного 1998 г. Сегодня не только международные, но и российские предприятия могут использовать аутстаффинг (особенно популярен в Москве) для решения своих проблем. И если еще несколько лет назад для достижения определенного результата «со стороны» привлекались в основном топ-менеджеры и специалисты на небольшие участки работ, то сейчас компаниям в целях экономии стало выгодно привлекать рядовой персонал [1].

Сейчас услуги аутстаффинга и аутсорсинга для Москвы и крупнейших российских мегаполисов стали абсолютно привычной вещью. Многие владельцы предприятий сферы гостеприимства не набирают штат сотрудников, а приглашают для работы специалистов компании-провайдера: пользуются услугами официантов, горничных, поваров, хаускиперов, стюардов, предпочитая не оформлять их в штат. В Беларуси же аутстаффинг как один из видов аутсорсинговых услуг только начинает развиваться.

Часто компании покупают услуги агентства в комплексе: временный персонал, аутстаффинг, аутсорсинг. При выборе такой схемы сотрудничества провайдеру важно понять, какие проблемы стоят перед компанией и как их решить с максимальной эффективностью. В одном случае агентство может посоветовать использовать временный персонал, в другом – оформить сотрудника в свой штат по схеме аутстаффинга и т.д.

Распространенность услуг кадровых агентств среди заказчиков представлена на рисунке 1.

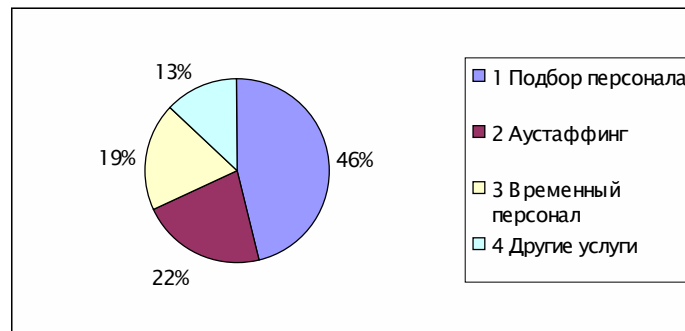

Рисунок 1 – Востребованность услуг кадровых агентств среди заказчиков

В зависимости от отношения заказчика к аутстаффингу, выделяют такие его виды:

1. Вынужденный аутстаффинг. Возможно, что привлечение в компанию заемного труда продиктовано обстоятельствами, а не объективным решением руководства. К примеру, из-за длительных командировок, в период различных отпусков, болезней сотрудников образуется значительный фронт работы, которую невозможно распределить среди штатных сотрудников. Однако может оказаться, что резерв штатного расписания уже исчерпан, а его расширение будет связано со значительными организационными потрясениями. Не редкими бывают и случаи сезонности работы предприятий, а также короткие временные промежутки, когда некоторые подразделения оказываются значительно перегружены работой. Так, в период новогодних праздников торговые центры и универмаги испытывают потребность в продавцах; бухгалтеры могут потребоваться к закрытию финансового года, а секретари-референты во время проведения аудиторских проверок.

2. Бессознательный аутстаффинг. Камнем преткновения при переговорах с отечественными клиентами, желающими купить аутстаффинговый сервис, является их требование к экономии фонда заработной платы. Менеджеры по персоналу ищут эффективные схемы снижения себестоимости бизнеса и вполне обоснованно видят их в выведении своих сотрудников в штат компаний-провайдеров. Действительно, это возможно, если провайдер пользуется льготным налогообложением, например, является плательщиком единого налога. Тогда содержание персонала для клиента удешевляется, правда, лишь в тех случаях, когда объем оборота провайдера не превышает установленных законодательством лимитов, и если рекрутинговое агентство готово идти на выплату минимальной заработной платы, оставляя реальному работодателю возможность выплачивать какие-то суммы, минуя их легализацию через фонд заработной платы. В большинстве случаев услуга проектируется как полностью прозрачная, с полным набором возможностей по дополнительным компенсациям, пособиям, льготам и широкой административной поддержке сотрудников. Ее стоимость заведомо превышает расходы, которые несет компания при самостоятельном найме, на сумму, равную размеру гонорара рекрутингового агентства плюс НДС. Поэтому, не лукавя, аутстаффинг – это удовольствие дорогое, поскольку включает, кроме затрат по содержанию сотрудника, еще и гонорар кадровому агентству. Вознаграждение рекрутингового агентства рассчитывается от фонда заработной платы и составляет, по оценкам специалистов, в среднем от 14 до 16%, что фиксируется в договоре об оказании услуг.

3. Осознанный аутстаффинг. «Реальные, но не всегда финансово измеримые выгоды состоят в высвобождении службы персонала и финансового департамента компании-клиента от определенного объема бумажной и финансовой работы, в сокращении рисков, свойственных процедуре увольнения, в возможности до решения вопроса о постоянном найме присмотреться к сотруднику в течение времени, значительно превышающего

стандартные испытательные сроки», – говорит Алла Коняева, директор ДП «Анкор-Лизинг». К сожалению, сегодня многим руководителям компаний сложно взвесить все плюсы и минусы аутстаффинга, поскольку они не замечают этих реальных выгод, рассматривая лишь надводную часть рифа – прямые затраты на персонал.

За экономией от масштаба обычно следует еще ряд очевидных преимуществ: снижение транзакционных издержек, разгрузка отдела кадров, бухгалтерии, а также любого руководителя, у которого кадровые вопросы отнимают слишком много драгоценного времени. Кроме этого, экономия на обучении новых сотрудников и контроль над текущей деятельностью, деятельность которых напрямую связана с коммерческой либо производственной тайной, аутстаффинг может быть хорошим решением, позитивно влияющим на производственный процесс [3].

Интересы персонала

На первый взгляд работа «just in time» носит явный негативный оттенок: возникают сложности карьерного роста, а в коллективе может появиться имидж «перебежчика». Проблемой может стать и запись в трудовой книжке, где нет имени фактического нанимателя, а фигурирует рекрутер. Все это в большей мере стереотипы отечественного работодателя, которые, несомненно, накладывают свой отпечаток на восприятие сотрудниками такой инициативы.

Однако для персонала это значит, что, кроме формального перевода, ничего не изменится. Провайдеры выплачивают те же зарплаты, премии и бонусы, которые предусматривал работодатель, занимаются медицинским страхованием. То же касается и карьерного роста: стоит работодателю сообщить провайдеру об этом, как тут же кадровое агентство приступает к оформлению всех необходимых документов.

Есть еще один момент: зачастую специалистам широкого профиля одной организации недостаточно, для того чтобы расширять свои познания и опыт. Именно с рекрутинговым агентством им будет проще развиваться: фактически, не меняя места работы, специалисту удастся, например, совмещать работу в нескольких организациях или после выполнения одного проекта сразу приступить к выполнению другого. Эффективным может быть и распределение работы по времени. Ведь кто-то во второй половине дня должен ухаживать за детьми, а кому-то необходимо периодически ездить на несколько дней на спортивные соревнования. Все это можно решить с помощью рекрутера [5, с. 34].

Схема предоставления услуг аутстаффинга выглядит следующим образом:

1. Организация-заказчик выводит свой персонал за штат.
2. Организация-аутстаффер принимает персонал, выведенный организацией-заказчиком за штат, в штат своей организации.
3. Организация-аутстаффер оказывает организации-заказчику услуги (выполняет работу) силами того персонала, который был сначала выведен за штат организации-заказчика, а потом принят в штат организации-аутстаффера.

Использование услуг аутстаффинга транспортным предприятием

Рассмотрим, насколько эффективно использование услуг аутстаффинга для коммерческих предприятий. Возможность использования услуг аутстаффинга будем рассматривать на примере ЧТУП «БОГУТА» г. Бреста. Это малое предприятие, осуществляющее международные и межрегиональные автомобильные грузоперевозки. В условиях активного расширения и увеличения объемов международного товарообмена постоянно происходят изменения в организации транспортных рынков не только нашего государства, но и других стран мира. Подобное проявляется предварительно только в необходимости дополнительной координации действий многих видов транспорта в целях ускорения доставки всех грузов от производителя к непосредственному потребителю. Сама же сис-

тема распределения грузов и товара охватывает кроме непосредственно транспортировки еще и некоторые операции по их сопровождению, а также ускорению, т.е. совокупность транспортных процессов, которые не входят в сферу конкретного производства или потребления, однако имеют к ним прямое и взаимосвязанное отношение.

Огромное значение для транспортного предприятия является привлечение экспедитора-логиста, что, в свою очередь, является очень дорогим удовольствием. Важную работу при перевозке груза выполняет экспедитор. Он необходим для контролирования перевозки и ее правильной организации и оформления. Экспедитор должен сопровождать груз на всем пути его следования, обеспечивать взаимодействие с партнерами-перевозчиками, а также таможенными и правоохранительными органами.

А вот услуги логистов помогут рационально разработать схему движения груза, места и время перегрузок: они детально разрабатывают маршрут перевозки, а также возможные его изменения. Они могут рассчитать точное время нахождения груза в пути. Еще немаловажным при коммерческих грузоперевозках является качество упаковочной и погрузочно-разгрузочной работ. Именно для того, чтобы уберечь груз от повреждений, эти работы должны проводиться только опытными обученными грузчиками. При этом профессиональный менеджер-экспедитор компании может помочь составить оптимальный договор страхования или даже самостоятельно оформить его. Было бы ошибкой полагать, что роль экспедитора в международной перевозке сводится к простому курьерскому сопровождению. Его функции значительно разнообразнее и сложнее, если учесть стремительно развивающуюся внешнеэкономическую деятельность, которая реализуется как на уровне государства, так и на уровне отдельных хозяйствующих субъектов. Именно субъекты хозяйствования, будучи участниками ВЭД, чаще всего сталкиваются с многочисленными ловушками, подстерегающими их не только в правовом пространстве, но и в реальном. Чтобы не нести убытков, нужно проанализировать и просчитать все этапы выполнения своего бизнес-плана, выбрать те средства, которые будут способствовать его безусловному осуществлению. Поскольку внешнеэкономическая деятельность предполагает и активные международные перевозки, необходимо точно определить расходы, связанные с доставкой грузов от отправителя к получателю. Причем учесть не только транспортные и прочие расходы, но все нюансы, которые возникают во время международной перевозки грузов. Однако каким бы практическим опытом ни обладает владелец груза, все равно ему не под силу предусмотреть все ситуации, возникающие в процессе международной перевозки. И вот здесь неоценимую услугу может оказать экспедитор, который берет на себя ответственность за оптимальное, качественное, рациональное выполнение всех операций, сопровождающих международную перевозку. Именно в его задачи входит планирование и организация доставки грузов. Рассмотрим функции экспедитора более детально.

Прежде всего, экспедитор изучает выбранные клиентом маршрут и транспортные средства. Если он находит их нерациональными, подсказывает лучшее решение данной проблемы. Экспедитор принимает груз со склада, сверяет его наличие с сопроводительной документацией, проверяет качество тары (упаковки), состояние транспортного средства, следит за процессом погрузки, наличием тех средств и приспособлений, которые должны обеспечить необходимый режим хранения и сохранность данного груза.

В процессе международной перевозки экспедитор постоянно контролирует соблюдение необходимого режима хранения, следит за сохранностью перевозимого груза. Одной из функций экспедитора является оформление таможенных деклараций и другой необходимой для международных перевозок документации, уплата пошли, транспортных сборов и т.п. Экспедитор отвечает за своевременную доставку груза, его сдачу по месту назначения. В случае, если возникают проблемные ситуации, экспедитор оформляет нужные документы (акты), удостоверяющие недостачу груза, порчу и т.д. В обя-

занности экспедитора также входит своевременное уведомление клиента о любых отступлениях от его указаний, вызванных непредвиденными обстоятельствами. Среди перечисленных функций экспедитора не упомянуто страхование груза. Эту операцию он может произвести только в том случае, если она предусмотрена в договоре экспедиции.

Из всего сказанного можно сделать вывод: экспедитор является одной из центральных фигур в процессе международной перевозки. И от правильного выбора фирмы, которая обеспечивает экспедиционные услуги, во многом зависит успех работы. Поэтому лучше всего пользоваться услугами экспедиторов с опытом, тех, кто досконально изучил все тонкости оформления нужной грузовой документации, людей ответственных, которые относятся к чужой собственности, как к своей личной. Тогда грузовладелец может быть уверен, что его товар в надежных руках и в назначенное время он непременно будет в нужном месте.

Принять на постоянную работу экспедитора-логиста, из-за больших затрат на содержание такого сотрудника в штате организации, для малого транспортного предприятия практически невозможно, поэтому можно прибегнуть к такой форме работы, как аутстаффинг. В г. Бресте услуги по аутстаффингу предоставляют несколько кадровых агентств. Стоимость этой услуги варьируется в районе 600 долл. США. Однако даже малому предприятию в сезон работы выгодно привлекать экспедитора на данных условиях.

Заключение

Аутстаффинг, или вывод части сотрудников из штата организации в штат компании-аутстаффера, позволяет увеличить объем выполняемых работ, предоставляемых услуг и выпускаемой продукции без увеличения штата сотрудников организации, налоговых и иных обязательных отчислений в бюджет и не усложнять работу кадровой службы и отдела по работе с персоналом.

Применение аутстаффинга не только упрощает процесс деятельности организации или фирмы, но и приносит экономический эффект, так как позволяет избежать многих рисков, связанных с интеграцией. И даже если в настоящий период еще не совсем стабильной экономики аутстаффинг и аутсорсинг функционируют, то можно утверждать, что в дальнейшем они станут неотъемлемой частью финансово-экономической деятельности субъектов хозяйствования.

Система управления персоналом в современной организации – это не только совокупность механизмов ведения кадрового документооборота, выплаты заработной платы и определение потребности организации в сотрудниках. Она включает планирование кадровой работы, формирование и представление отчетности в налоговые и страховые органы, а также комплекс других процессов, связанных с расходами на эксплуатацию рабочих мест, медицинское обслуживание персонала, страхование жизни, организацию отдыха, выплату различных премий, проведение маркетинга персонала, оплату его обучения и аттестации. Уменьшить расходы организации на величину этих и прочих аналогичных издержек можно путем использования аутстаффинга.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аутстаффинг в России: уже не экзотика, еще не норма / сайт Сетевого информационно-кадрово-правового агентства [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://hrinform.ru/articles/autst.shtml>. – Дата доступа : 12.07.2013.

2. Костян, И.А. Аутстаффинг и аутсорсинг: практика применения и правовые последствия / И.А. Костян. – М. : Справочник кадровика. – 2006. – № 4. – 167 с.

3. Особенности российского рынка аутстаффинга. Перспективы развития / сайт HR-менеджмент [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://magazine.hrm.ru/osobennosti-rossijskogo-rynka-autstaffinga-perspektivy-razvitiya>. – Дата доступа : 12.07.2013.

4. Пашутин, С.А. Аутстаффинг как логическое продолжение аутсорсинга / С.А. Пашутин // Управление персоналом. – 2006 – № 9. – 205 с.

5. Рудая, И.Л. Аутсорсинг и аутстаффинг: высокие технологии менеджмента / И.В. Рудая. – М. : ИНФРА-М. – 2009. – 178 с.

Zaitsava N.I., Shonia I.I. Effective Technologies in the Field of Personal Decisions

Dynamically developing market daily puts new tasks before the business. To provide a good level of profits, business leaders must constantly reduce costs. One way to save is to entrust part of the work to outsourcing (outstaffing). Outstaffing service is resorted to by a variety of companies: production, trade, sphere of services, banks. The choice of this service is determined by the objectives that it wants to solve with the help of outstaffing company. In this sense, outstaffing is beneficial for companies that do not have the ability to increase the number of staff, but need them to complete their tasks. It may be small enterprises or enterprises on simplified taxation system, which have staff restrictions. Therefore, outstaffing is one of the reserves of optimization of activity of the enterprises.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 05.07.2013

УДК 330.837

*Л.А.Захарченко, Г.Б.Медведева***ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В РАЗВИТИИ ТУРИЗМА БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ**

Брестская область имеет набор уникальной туристической привлекательности. Однако сам факт наличия таких туристских ресурсов ещё не является конкурентным преимуществом. Определяющим здесь являются такие факторы, как степень их использования, качество бизнес-климата, развитая туристическая инфраструктура, умение продавать исторические достопримечательности и другие объекты. Основной проблемой в развитии данной сферы является практическая реализация существующего потенциала, и прежде всего создание туристической инфраструктуры, соответствующей мировым стандартам. Одним из методов решения данной проблемы может стать государственно-частное партнерство.

Введение

В последние годы все большее внимание уделяется вопросам развития туризма и в стране, и на региональном уровне. Это объясняется прежде всего тем, что туристическая отрасль относится к динамично развивающимся секторам экономики и становится все более прибыльной. Так, по данным Всемирной туристической ассоциации, в 2011 г. прирост прибыли в данной сфере увеличился более чем на 4% и составил 980 млн долл. США. В среднем ежегодные темпы прироста объема предоставляемых туристических услуг за последние пять лет составляют 3–4% [1]. В Республике Беларусь принята программа развития туризма на 2011–2015 гг. В соответствии с прогнозными показателями данной программы планируется, что к 2015 г. (в сравнении с 2010 г.) увеличатся: туристические прибытия (служебные, туристические и частные поездки) более чем в 1,6 раза; количество организованных туристов, посетивших Республику Беларусь, более чем в 1,6 раза; экспорт туристических услуг (по методологии Белстата) в 3,5 раза; выручка от оказания туристических услуг субъектами туристической деятельности в 2 раза. Ресурсное обеспечение Государственной программы будет осуществляться за счет средств республиканского и местных бюджетов, собственных средств субъектов хозяйствования и привлеченных инвестиций [2]. Ресурсное обеспечение Госпрограммы развития туризма на 2011–2015 гг. по Брестской области выглядит следующим образом: 160 млн руб. – составляют средства местных бюджетов; 100 млн руб. – средства инвесторов-исполнителей; 15 100 млн руб. – собственные средства организаций-исполнителей и 10 000 млн руб. – кредиты банка, привлекаемые организациями-исполнителями. Однако реализация поставленных задач, продвижение национальной культуры и расширение туристической привлекательности Беларуси и регионов во многом определяется политикой государства, активностью региональных властей в поиске новых форм и методов развития данной сферы. Отсюда возникает проблема определения и использования эффективных способов взаимодействия государства, общества и бизнеса. Одним из возможных путей решения данной проблем является государственно-частное партнерство.

Факторы туристической привлекательности региона

В основе развития туристической отрасли лежит туристическая привлекательность региона, которая, согласно мировой практике, определяется рядом факторов. По значимости эти факторы распределились следующим образом: наличие в регионе архитектурных и культурных достопримечательностей; наличие в регионе выдающихся природных объектов; наличие оздоровительных ресурсов; активная бизнес-деятельность; наличие мест для активного отдыха и спорта. Если три первых фактора достаточно развиты в Брестской области, то два других требуют значительного внимания и средств. Так, раз-

витие туризма в данном регионе осуществляется по пяти туристическим зонам: туристическая зона «Еврорегион «Беловежская пуца»; туристско-рекреационная зона «Белое озеро» еврорегиона «Буг»; культурно-туристическая зона «Пинское Полесье»; Телеханская туристско-рекреационная зона; транзитно-туристическая зона «Брест – Барановичи – граница области». Последняя зона является ключевой (38% площади и около 60% населения), она охватывает 7 административных районов, расположенных вдоль трансъевропейского коммуникационного коридора № 2, а также города областного подчинения Брест и Барановичи.

Каждая из этих зон отличается своеобразным сочетанием ресурсов, предопределяющих развитие туризма, что обуславливает различную их специализацию на рынке тур-услуг. Проект развития туристской зоны включает, как правило, выделение перспективных территорий (площадок) под инвестиционные предложения в области развития инфраструктуры туризма, разработку сети туристских маршрутов, предоставляющих туристам комплекс услуг проживания, питания, развлечений, информационного обслуживания и др. Неотъемлемая часть культурно-туристских зон являются театральными-концертными и культурно-досуговыми учреждениями, а также места проведения традиционных фестивалей. Особенностью таких зон является их использование как туристами, так и местными жителями, что очень важно для социально-экономического развития малых исторических городов в целом. В регионе наиболее развиты традиционные направления современного туризма: экскурсионный, агроэкотуризм и военно-исторический. В последние годы активно развиваются новые направления: лечебно-оздоровительный, деловой и событийный туризм.

Если учесть, что, по оценке экспертов Всемирной туристской организации, около 3–4% путешествующих в мире – это люди, которые интересуются военной историей, то Брестская крепость является знаковой и интересной своей историей сооружением. Уже давно актуален вопрос о выработке эффективных стратегий по развитию территории Брестской крепости, о дополнении мемориального комплекса другими привлекательными для туристов объектами. Так, на территории в 300 га Кобринского и Волынского укреплений Брестской крепости планируется реализовать амбициозный по своему замыслу проект с воссозданием мини-копии средневекового Берестя в масштабе 1/10. Здесь же запланировано строительство кафе, ресторанчиков, гостиниц, торговых объектов, музеев, галерей. Для развития данного вида туризма в области разработаны две экскурсии: «1812 год на Брестчине» и «1812 год на Кобринщине», в которые включено посещение памятных мест боев русской армии в 1812 г. и музея А.В. Суворова в Кобрине.

В Брестской области находится огромная и загадочная земля в центре Европы – Полесье, где сохранились древние обычаи, промыслы, особенности языка, культуры и быта полешуков. На ее территории действует ряд Заказников: «Ольманские болота», «Средняя Припять» и «Простырь», «Прибужское Полесье», «Званец». Заказниками разработано 7 туристско-экскурсионных маршрутов и экологических троп с возможностью фотоохоты (всего 39 маршрутов). Заказник «Ольманские болота» создал центр экологического просвещения (всего в области 5). В 2011 г. заказники посетили более 6 тыс. человек, что в 1,8 раз больше, чем в 2010 г. (3 322 чел.), в т.ч. 1 210 человек – иностранные граждане, что в 6,3 раза больше, чем в 2010 г. (191 чел.) [3].

Из года в год растёт количество туристов, которые посещают крупнейший национальный парк Европы «Беловежская пуца» и белорусскую резиденцию Деда Мороза. Так, если в 2011 г. экскурсионные объекты национального парка посетило 379 042 человека, то в 2012 г. их было почти на 70 тыс. больше – 448 538 человек. Около половины посетителей – зарубежные граждане. Особенно много гостей бывает в пуце в период новогодних и рождественских праздников. Только в декабре 2012 г. к белорусскому Деду Морозу заглянуло более 37 тыс. человек, а с 1 по 13 января 2013 г. – около 31 тыс. Поло-

вина из них – это взрослые. Рекордным днём по посещаемости стало 5 января. В этот день гостями Беловежской пуши стали 10 тыс. туристов [4].

Все более привлекательными становятся парки, музеи и старинные усадьбы знаменитых уроженцев Брестчины: Т. Костюшко, А. Мицкевича, Наполеона Орды, Ю. Немцевича. Реконструирован дворец Бутримовича в г. Пинске, реализуются крупные проекты по воссозданию дворцового комплекса Сапег в г.п. Ружаны, Огинского канала и дворца Пусловских в Ивацевичском районе.

На Брестчине более 80 водных объектов, в т.ч. 17 крупных озер и водохранилищ, 12 рек и каналов, по которым возможно передвижение маломерных судов в туристических целях. В рамках трансграничного проекта «Золотое кольцо» (Калининград – российские города Полесск, Советск – литовские Каунас и Друскининкай – белорусские Гродно, Слоним, Пинск, Брест – Калининград) разработаны экскурсионные маршруты по городам Брест и Пинск с теплоходными прогулками по рекам Мухавец и Пина. Кроме «Большого янтарного кольца» действуют и небольшие водные отрезки. В рамках выполнения Программы развития Припятского Полесья на территории трех районов (Лунинецкого, Пинского и Столинского) разработаны и функционируют 33 водных маршрута, которые являются составной частью маршрутов «Пинск – Кожан-Городок – Туров – Петриков – Мозырь», «Столин – Давид-Городок – Тров – Петриков – Мозырь».

На территории Брестской области зарегистрированы 195 агроусадьб. В 2011 г. завершено создание агротуристических комплексов фермерскими хозяйствами «Вилия-Агро» (Кобринский район), «Бродок» (Столинский район), создан агротуристический комплекс на базе СПК «Огаревичи» (Ганцевичский район).

В настоящее время в области реализуется 9 инвестиционных проектов по строительству объектов туристической индустрии и сопутствующей инфраструктуры. Таким образом, Брестская область имеет набор уникальных архитектурных, культурных и природных объектов, мест и явлений, которые могут быть интересными для миллионов туристов. В то же время в развитии туристической области имеется ряд существенных проблем и нерешенных вопросов, что значительно снижает конкурентоспособность нашей страны и региона в области туризма.

Проблемы развития туристической отрасли в регионе

Всемирный экономический форум (ВЭФ) опубликовал «Отчет конкурентоспособности секторов путешествий и туризма 2011», который содержит подробные профили 139 экономик мира. В данном рейтинге лидерство удерживает Швейцария. Верхние строчки также занимают Германия, Франция, Австрия, Швеция и Великобритания. Россия остается на 59-м месте, Украина – на 85-м, Казахстан – на 93-м месте. Беларуси в этом рейтинге нет [5]. Используя методики составления индекса ВЭФа, аналитики подсчитали, что наша республика с ее сегодняшними показателями находится примерно на 85-м месте. По нормативной базе для развития туризма мы находимся примерно на 89-м месте. По качеству делового климата и инфраструктуры для развития туризма Беларусь занимает примерно 92-е место в компании с такими странами, как Грузия, Эквадор, Алжир, Босния и Герцеговина. Наконец, по подиндексу «человеческие, культурные и природные ресурсы для развития туризма» расчеты выдают для Беларуси 104-е место [6]. Это говорит о неадекватности действий по разблокированию человеческого, природного и культурного потенциала республики.

Источники конкурентных преимуществ в туризме чаще всего связаны с основополагающим экономическим принципом редкости и уникальности туристских ресурсов. Однако наличие таких туристских ресурсов еще не является конкурентным преимуществом. Основная формула туристского рынка – увеличение продолжительности пребывания туриста в местах отдыха и в целом в стране, получение максимальной экономиче-

ской выгоды путем расширения спектра предлагаемых услуг. Анализ развития туризма в разных странах показывает, что определяющим здесь являются качество бизнес-климата и развитая инфраструктура для туризма, умение продавать свой экотуризм и исторические достопримечательности. В противном случае (плохой сервис, дефицит гостиниц и т.д.) происходит «блокировка» естественных туристических преимуществ. Ведь вопрос не в том, как восстановить исторический дворец или парк, создать агроусадьбу, а в том, как заманить в страну туристов. Как сделать посещение нашей страны модным. Для этого, прежде всего, надо сделать пребывание в стране туристов комфортным: от пересечения государственной границы и до обеспечения спокойствия на улицах наших городов. Сегодня основным препятствием для развития туризма в Брестском регионе является неудовлетворительное состояние прежде всего гостиничного бизнеса.

Так, например, при обеспеченности гостиничными местами в Республике Беларусь 38%, в Брестской области на 01.01.2012 г. насчитывались всего 65 гостиниц. Проблема решается: в 2012 г. введены в строй гостиница «Эрмитаж» на 115 мест в г. Бресте, гостиница туристического класса «Фест» на 18 мест в д. Мотоль Ивановского района, отремонтирована турбаза ЦДЮТиЭ в д. Рудники Пружанского района. Но возникает другая проблема – качество обслуживания. Во всем мире гостиницы имеют свою категорию, и турист воспринимает уровень возможного обслуживания именно по этому показателю. В области всего сертифицированных 7 гостиниц («2 звезды» – 2, «3 звезды» – 4, «4 звезды» – 1). В существующих гостиницах размещение гостей не отвечает мировым стандартам, особенно в соотношении «цена – качество». Цены на гостиничные услуги в областных центрах на 20–30% выше, чем в гостиницах областных центров стран-соседей. Довольно странно выглядит ценовая дифференциация: для граждан СНГ – одна, дальнего зарубежья – другая, для граждан Республики Беларусь – третья. Одноместный номер в гостинице без категории в г. Пинске стоит в 3 раза дороже аналогичного номера в Польше или России. Условия для размещения в большинстве районных центров не отвечают вообще никаким международным требованиям.

Следующий вопрос: что туристам предложить? Основные туристические объекты Брестской области были названы выше. Однако осмотры этих объектов занимают определенное время, а что делать в оставшееся время. Более продолжительное пребывание будет возможно только при развитии сети дополнительных сервисных услуг. Максимальный экономический эффект также достигается только с помощью дополнительных туристских услуг. По данным Всемирной туристской организации, туроператоры Финляндии на продаже дополнительных услуг зарабатывают в 2–3 раза больше, чем на продаже туристических путевок с базовым набором услуг. Здесь речь идет о развитии сети ресторанов, баров, придорожных комплексов с рестораном, как, например, «Карчма» на 50 мест в Барановичском районе или придорожный культурно-развлекательный комплекс «Пирамида» (бильярд-бар и автостоянка) на автодороге Р-83. Актуальной является проблема строительства и развития инфраструктуры, способствующей активному отдыху (бассейны, теннисные корты, клубы, центры верховой езды и т.д.), инфраструктуры, связанной с туризмом (велосипедные и пешеходные дорожки). Так, вдоль основных транспортных коридоров области уже осуществлен ввод 13 объектов придорожного сервиса, в стадии строительства находятся еще 11. Всего запланировано создать на автодорожном обходе 44 объекта туристической инфраструктуры. Но все равно эти объекты, с одной стороны, крайне немногочисленны, а с другой – даже имеющиеся не отличаются безупречным обслуживанием.

Несмотря на существующие условия для развития водного туризма, в регионе практически отсутствуют объекты его инфраструктуры. На водных магистралях Брестчины эксплуатируется всего 3 многоместных пассажирских теплохода, устаревших морально и физически. Не созданы цивилизованные порты, пристани и причалы, средства

размещения, лодочные станции, комфортные подъездные пути, а также объекты по оказанию сопутствующих услуг (прокат группового и индивидуального туристического снаряжения и инвентаря для активного отдыха: прогулочные и походные лодки, байдарки, каяки, водные велосипеды) [7].

Таким образом, превращение редкого туристского ресурса Брестской области в конкурентное преимущество может быть обеспечено только при условии наличия необходимой системы туристской инфраструктуры. И здесь возникает ещё одна проблема – финансирование. Развитие материально-технической базы инфраструктуры возможно только при устойчивом финансовом обеспечении. Это могут быть бюджетное финансирование или инвестиции. Финансирование из бюджета практически отсутствует. В планах социально-экономического развития областей и г. Минска финансирование мероприятий по развитию инфраструктуры туризма осуществляется по остаточному принципу. На республиканском уровне в бюджете нет даже строки «туризм»; по оценке независимых экспертов, около 70–80% уже существующей материальной базы инфраструктуры нуждается в модернизации или реконструкции. Государство инвестирует в привлечение туристов меньше, нежели в среднем другие страны мира. Пока не радует и уровень государственной поддержки туристической отрасли.

В то же время Беларусь заинтересована в реализации масштабных проектов, направленных на развитие въездного туризма, поскольку они всегда дают серьезный импульс для новых технологий, занятости населения, сохранения традиций. Специалисты считают, что экономическая эффективность от реализации туристических инвестиционных проектов выше, чем в иных отраслях экономики, даже несмотря на высокую капиталоемкость таких проектов. Государство предоставляет преференции для реализации в Беларуси крупных туристических проектов, создает комфортные условия для инвесторов, предоставляя им льготы, и прежде всего налоговые. И здесь основным методом решения проблем данной сферы, реализации крупномасштабных проектов может стать государственно-частное партнерство.

Государственно-частное партнерство как инструмент развития туристической отрасли

Как показывает мировая практика, государственно-частное партнерство (ГЧП) является самой быстрой и эффективной формой развития туризма. Именно этот путь избрали все без исключения страны, которые находятся в авангарде развития туризма. Основными целями такого партнерства является привлечение инвестиций, развитие инфраструктуры и продвижение туристического потенциала региона. ГЧП способствует привлечению финансовых средств частного сектора с целью выполнения соответствующих государственных программ и задач в сфере туризма.

В системе ГЧП принимают участие государство, местные органы власти, национальные и местные (региональные) туристические организации, объединения и предприятия, общественные организации. Данное партнерство дает возможность привлечь малые региональные туристские предприятия при формировании инвестиционного портфеля заказов на туристские объекты, в которых традиционно участвуют только крупные предприятия. Это позволит активно использовать такие функции малых предприятий, как инновационность, поддержание нормальной конкурентной среды, создание новых рабочих мест, повышение профессиональной активности.

По сравнению с другими механизмами финансирования ГЧП базируется на различных целях партнеров: каждая из сторон имеет свои потребности, которые формируют их цели и интересы. Государство заинтересовано в устойчивом развитии региона и повышении уровня жизни населения, в росте объемов и улучшении качества предоставляемых услуг, что обуславливает развитие наиболее перспективных отраслей экономики.

Особенно это актуально для Брестской области, поскольку она характеризуется самым низким промышленным потенциалом среди других регионов страны. Население заинтересовано в росте доходов и занятости, развитии инфраструктуры. Частный бизнес стремится получать и увеличивать прибыль в стабильных условиях функционирования. Достижение баланса интересов на основе объединения ресурсов целевых групп позволит наиболее полно использовать туристический потенциал региона и возможностей мультипликационного эффекта для развития смежных отраслей.

Взаимодействие государства и частного бизнеса основано на разделении рисков и доходов, объединении профессиональных знаний и совместном финансировании для достижения общих целей. При реализации ГЧП наряду с равноправным сотрудничеством государственного и частного секторов происходит разделение функций и обязанностей таким образом, чтобы достичь наибольшей эффективности от реализации проектов.

Задача государства состоит в создании и продвижении на внутреннем и мировом рынках качественного белорусского туристского продукта, поскольку частный бизнес не может проводить некоммерческую имиджевую рекламную кампанию всей страны: его цель – продвижение собственного продукта, в то время как создание благоприятного образа Беларуси является исключительно государственной задачей. Это подтверждает мировая практика. И здесь особую роль играют региональные органы власти: в их силах сделать это направление ключевым для развития регионов, обладающих значительным историко-культурным и природным потенциалом. На территории каждого региона может и должна быть выработана собственная стратегия формирования ГЧП в целях развития туризма, учитывающая местную специфику и дополняющая стратегию развития других регионов Беларуси. Туристические же предприятия занимаются разработкой нового продукта, программ туров, ценообразованием, улучшением качества продукта, разработками в сфере его сбыта, реализацией национальных и местных концепций маркетинга.

Мировая практика реализации проектов ГЧП предлагает следующие организационно-правовые модели: концессии; долгосрочные бюджетные обязательства в рамках долгосрочных целевых программ; заключение договоров аренды с инвестиционными условиями, договоров аренды с правом выкупа, договоров доверительного управления и др. Возможна и приватизация (акционирование) объектов культурного наследия с сохранением в государственной (региональной) собственности доли акций акционерного общества.

Одним из условий успешности развития ГЧП на региональном уровне является способность местных органов власти выступить с инициативой запуска проекта ГЧП, провести переговоры с потенциальными инвесторами и принять решение о его реализации. Однако низкий уровень компетентности и недостаточный объем имеющихся полномочий у органов местного самоуправления в вопросах организации ГЧП часто не позволяет адекватно оценить объем и границы необходимых для данной деятельности усилий.

Заключение

В Республике Беларусь значительно активизировалась работа, направленная на развитие туризма во всех его проявлениях и на всех уровнях. Особое внимание заслуживает развитие въездного туризма, в развитии которого достаточно много еще проблем, которые в значительной степени снижают привлекательность и конкурентоспособность данного региона. Основной проблемой является неразвитость туристической инфраструктуры, что в большинстве случаев объясняется отсутствием средств на ее создание, причем как у государства, так и у частного бизнеса. К тому же частные фирмы на сегодняшний день больше заинтересованы в развитии выездного туризма. Объединить интересы и ресурсы государства и частного сектора можно путем реализации крупномасштабных проектов посредством государственно-частного партнерства в различных формах его проявления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Факты и цифры // Всемирная Туристская Организация UNWTO [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://unwto.org/>. – Дата доступа : 10.02.2013.
2. Ожидаемые результаты от реализации Государственной программы // Государственная программа развития туризма в Респ. Беларусь на 2011–2015 годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.tio.by/pro/documents/4383>. – Дата доступа : 12.02.2013.
3. Беларусь туристическая // Мин-во спорта и туризма Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.mst.by/ru/tourists-belarus>. – Дата доступа : 12.02.2013.
4. Растет число туристов // Интернет-портал Управления делами Президента Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.tio.by/pro/documents/4383>. – Дата доступа : 10.02.2013.
5. Отчет о конкурентоспособности секторов путешествий и туризма в 2011 г. // Strategy Partners Group [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.strategy.ru/the-travel-tourism-competitiveness-report-2011/>. – Дата доступа : 15.02.2013.
6. Беларусь не вошла в рейтинг туристической конкурентоспособности стран // Интернет-портал Перспектива [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.perspektyva.org/news/last/797.html/>. – Дата доступа : 14.02.2013.
7. Состояние внутреннего и въездного туризма в Брестской области не соответствует потенциалу // Виртуальный Брест [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://virtual.brest.by/news18202.php>. – Дата доступа : 14.02.2013.

Zakharchenko L.A., Medvedeva G.B. Prospects for the Use of Public-private Partnership in the Development of Tourism in the Brest Region

The article discusses the key factors that contribute to the tourist attractiveness of the Brest region. The main problem in the development of local tourism industry is how to materialize the actual tourism-associated potential of the region and, first of all, to create a tourism infrastructure that meets the world standards. One of the ways of solving this problem is likely to be the introduction of public-private partnership's forms and methods. The success of public-private partnership (PPP) development at the regional level is largely determined by the ability of local authorities to come forward with an initiative on the launch of a PPP project, to negotiate with potential investors and make a decision on its implementation. The world experience shows that using PPP instruments enables both to effectively unite the interests of the state, business and society, and enhance the region's competitiveness.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 20.03.2013

УДК 330.342.3

*М.Т. Козинец, Ю.А. Власюк***ПЕРСПЕКТИВЫ ВОВЛЕЧЕНИЯ СУБЪЕКТОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
В НАЦИОНАЛЬНЫЕ И ТРАНСГРАНИЧНЫЕ СЛИЯНИЯ И ПОГЛОЩЕНИЯ**

В статье детерминированы понятия «слияние», «поглощение» и «рейдерство». Проанализированы мотивации субъектов сделок по слияниям и поглощениям коммерческих организаций. Приведены фазы развития рынка слияний и поглощений в Российской Федерации и выявлены схожие черты с экономикой Республики Беларусь. Проанализированы существенные особенности экономики Республики Беларусь, формирующие специфические черты сделок по слияниям и поглощениям. На основе анализа статистической информации о транснациональных слияниях и поглощениях определена степень участия Республики Беларусь в обозначенных процессах. Сформулированы факторы инвестиционной привлекательности отечественных коммерческих организаций и возможности нейтрализации их негативной составляющей.

Введение

Современный этап развития общества характеризуется ускорением темпов экономических процессов. В рамках глобализации и интернационализации хозяйственных операций отдельные явления уже в полной мере затронули организационно-экономический механизм функционирования коммерческих организаций в отдельных странах, а в других социально-экономических образованиях их признаки только обозначаются. Это в полной мере относится к таким процессам, как слияния и поглощения.

В отечественной и зарубежной научной литературе предпринимаются попытки осмысления обозначенных явлений. Большинство исследователей из стран с транзитивной экономикой рассматривают слияния и поглощения как возможность привлечения дополнительных капитальных вложений в хозяйственные системы своих стран. Поглощение и слияние национальных субъектов бизнеса с зарубежными корпорациями способно повысить эффективность их функционирования, создать дополнительные рабочие места, а также повысить степень вовлеченности хозяйственных систем отдельных территориальных образований в мировые экономические процессы. В то же время исследуемые явления могут привести и к негативным последствиям как для субъектов слияний и поглощений, так и для экономики региона и страны в целом. Поэтому есть необходимость в тщательном исследовании сущности процессов слияний и поглощений, а также их экономических и социальных последствий. Особо следует отметить важность поиска эффективных инструментов регулирования этих процессов с целью недопущения структурных диспропорций в национальной экономике.

Мотивация процессов слияния и поглощения

Функционированию хозяйствующих субъектов характерен ряд фаз и стратегий, причем нельзя утверждать, что коммерческие организации используют весь их арсенал. Безусловно, это является следствием как конкретной хозяйственной ситуации, так и системы государственного экономического регулирования. Развитие системы экономических отношений в Республике Беларусь, базирующейся на рыночных принципах, неизбежно приведет ко все большему вовлечению отечественной экономики в международные хозяйственные процессы. Следовательно, есть все основания полагать, что те тенденции и процессы, которые имеют место и играют определенную роль на мировом рынке, так или иначе найдут проявление и в экономике Республики Беларусь.

На рубеже XX и XXI столетий достаточно ярко обозначились явления, за которыми устойчиво закрепились термины «слияния» (объединение нескольких юридических лиц в одно новое) и «поглощения» (объединение коммерческих организаций, в результа-

те которого к одной из них переходят активы и обязательства остальных, причем поглощаемые компании могут продолжить свое существование под контролем нового собственника). Заключение подобных сделок является результатом реализации стратегий развития хозяйствующих субъектов, и во многом целевым их назначением является достижение операционного и/или финансового синергетического эффекта [1].

Мотивация заключения сделок, связанных со слиянием и поглощением может быть различной, причем следует учитывать разность мотивов продавца и покупателя. Так, ряд исследователей считает, что со стороны покупателей преобладают [2]:

- стремление к консолидации активов;
- стремление повысить собственную доходность за счет функционирования приобретаемых активов;
- текущая и перспективная рыночная конъюнктура;
- улучшение возможностей для консолидированной компании в области привлечения внешнего финансирования.

В то же время продавцы стремятся:

- избавиться от непрофильных активов;
- освободиться от субъектов с небольшим уровнем доходности либо с финансовыми затруднениями.

Также сделки по продаже мотивированы стремлением вывести средства из активов инвестиционными и венчурными фондами в том числе в условиях появления на рынке более привлекательных для вложения капитала объектов.

Анализ проведения сделок слияний и поглощений в России и Беларуси

Во многих странах с молодой рыночной экономикой наблюдается определенная схожесть характеристик протекания хозяйственных процессов. В этом свете небезынтересным видится эволюция сделок по слиянию и поглощению в Российской Федерации. Ряд исследователей выделяет следующие основные фазы развития рынка слияний и поглощений в России [3]:

- зарождение (1992–1995 гг.);
- рейдерство (1996–2002 гг.);
- развитие цивилизованных форм слияний и поглощений (2003–2007 гг.);
- усиление позиций на мировом рынке слияний и поглощений (начиная с 2007 г.).

Характеризуя первую фазу как этап зарождения института частной собственности, можно со всей уверенностью отметить, что она была также характерна и для экономики Республики Беларусь. В то же время нельзя со всей уверенностью сделать заключение касательно полной идентичности либо полного отсутствия процессов, характерных для второго отмеченного в России этапа.

Рейдерство – это недружественное поглощение имущества, земельных комплексов и прав собственности, которое осуществляется как законными (использование недостатков законодательства), так и незаконными методами (коррупционное использование государственных, административных ресурсов и силовых методов) [4]. В российской практике рейдерство прочно ассоциируется с силовым захватом собственности, носящим не в полной мере легальный, а зачастую полукриминальный или криминальный характер.

Сделать заключение о наличии силового нелегального рейдерства в белорусской практике не представляется возможным (информация об этом отсутствует). В то же время нельзя отрицать, что наличие недружеских поглощений, в том числе с применением административного ресурса (не обсуждаются характер, роль, цели и результаты), в истории независимой Республики Беларусь имели место.

Характеризуя третью стадию – развитие цивилизованных форм слияний и поглощений – следует отметить, что ей характерен значительный рост особо крупных сделок

(стоимость превышает 1 млрд долл. США). Этому способствовал рост цен на активно экспортируемые Российской Федерацией ресурсы, прежде всего углеводородное сырье. Закономерным результатом данного этапа стало укрепление российских корпораций на мировом рынке слияний и поглощений в сочетании с более тесной интеграцией страны в мировую экономику в рамках конкурентной борьбы за ресурсы и рынки сбыта.

В силу объективных обстоятельств реализация третьего и четвертого этапов развития слияний и поглощений в Республике Беларусь невозможны. Причины этого:

- небольшая емкость рынка;
- практически полное отсутствие значимых природных ресурсов (исключение – калийные минеральные удобрения, производство которых ОАО «Беларуськалий» оценивается примерно как 1/6 от мирового уровня);
- малая финансово-экономическая мощь в мировом масштабе отечественных коммерческих организаций и низкая их значимость на глобальных рынках (исключение – ПО «БелАЗ» ОАО «Белорусский автомобильный завод», входящее в число семи ведущих мировых концернов по производству карьерной техники, которому принадлежит около 30% мирового рынка карьерных самосвалов; 70% экспорта – в Российскую Федерацию);
- определенное запаздывание развития экономических процессов по отношению к странам с транзитивной экономикой из Центральной и Восточной Европы; не в полной мере развитость всего спектра рыночных институтов.

Таким образом, дальнейшее протекание процессов слияний и поглощений в Республике Беларусь будет иметь черты, отличные от характерных для национальной экономики Российской Федерации. Главная особенность заключается в том, что отечественные субъекты хозяйствования в силу обозначенных выше причин будут являться, как правило, не субъектом, а объектом подобных сделок. В данном контексте имеется в виду переход права собственности на отечественные активы иным субъектам хозяйствования, преимущественно зарубежным. Этому будет способствовать и современная экономическая ситуация, для которой характерно активное проявление таких экономических процессов, как глобализация и интернационализация, которые охватывают все больше сфер хозяйственной активности субъектов предпринимательской деятельности и органов, осуществляющих управление и регулирование экономическими процессами.

Инвестиционная привлекательность как фактор вовлечения в сделки по слияниям и поглощениям

Республика Беларусь в последнее время столкнулась с проблемой изыскания внешних источников финансирования. В середине 2000-х гг. ее актуальность на фоне удачно проводимой внешней политики, которая привела к значительному положительному платежному сальдо, была не столь высока. Однако после определенной корректировки принципов взаимодействия со стороны основного торгового партнера – Российской Федерации – необходимость привлечения внешних ресурсов вновь вышла на передний план.

Несмотря на унитарное государственное устройство и относительно небольшие масштабы экономики, деятельность по привлечению внешних иностранных инвестиций необходимо осуществлять на всех уровнях – от Правительства до руководства регионов.

Инвестиционная привлекательность представляет собой совокупность 1) инвестиционного потенциала, 2) законодательных условий и 3) инвестиционных рисков. В условиях, когда применительно ко второй составляющей региональные возможности ограничены, значение инвестиционного потенциала и рисков значительно возрастает.

Инвестиционный потенциал есть не что иное, как сфера приложения капитала. Рассматривая его сквозь региональную призму, следует отметить, что в условиях глобализации и интернационализации экономических процессов резко возрастает конкурен-

ция между потенциальными реципиентами инвестиций, в том числе и находящимися в различных государственных образованиях и с различными условиями ведения хозяйственной деятельности. Следует особо отметить, что несмотря на то, что формы привлечения капитала различаются, в последнее время четко прослеживается взаимосвязь между непосредственно деятельностью хозяйствующих субъектов – инвесторов и направлениями вложения их капитала. Эксперты Конференции ООН по торговле и развитию отмечают возрастание роли именно трансграничных слияний и поглощений. Данные процессы, безусловно, характеризуются движением капитала, что способствует дополнительным капитальным вложениям.

Характеристика вовлеченности субъектов экономики Беларуси в сделки по слиянию и поглощению

По данным специалистов ЮНКТАД (Конференция ООН по торговле и развитию), общая стоимость сделок по транснациональным слияниям и поглощениям (СП) за 2011 г. выросла на 53% и составила 526 млрд долл. США. Эксперты ООН отмечают, что несмотря на связь роста объемов глобальных прямых иностранных инвестиций (ПИИ) с транснациональными слияниями и поглощениями, общая стоимость инвестиций в новые проекты остаётся значительно выше транснациональных СП, как это было после финансового кризиса.

В странах с транзитивной (переходной) экономикой, к которым относится и Республика Беларусь, в последнее время (в частности, в 2011 г.) трансграничные слияния и поглощения были особенно динамичными. Рост ПИИ в обозначенный период был вызван прежде всего ростом трансграничных СП в 7,3 раза в результате реализации ряда крупных сделок. Сравнительные данные по потокам ПИИ в результате трансграничных слияний и поглощений, фиксируемый в Республике Беларусь и государствах-соседах, приведен в следующей таблице:

Таблица – Объемы трансграничных слияний и поглощений, млрд долл. США [5; 6]

Страна	Чистые продажи						
	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Беларусь	4	–	2 500	16	–	649	13
Латвия	9	11	47	195	108	72	2
Литва	61	97	35	98	20	462	386
Польша	1 487	773	728	966	776	1 063	10 043
Российская Федерация	–14 547	6 319	22 529	13 507	5 079	3 085	29 705
Украина	6 386	261	1 816	5 933	147	322	1 400

В 2005–2011 гг., согласно официальной статистики ООН, относительно Республики Беларусь было зафиксировано 29 сделок по трансграничному слиянию или поглощению (в части привлечения капитала), причем 78,6% от общего объема привлеченных инвестиций получены от реализации 1 сделки – продажи 50% акций предприятия «Белтрансгаз». Если добавить к приведенным выше данным сведения о покупке РАО «Газпром» оставшегося пакета акций (договор был подписан в ноябре 2011 г. и не нашел отражения в таблице), то общее количество сделок составит 30 на сумму 5 682 млн долл. США, из которых удельный вес операций с акциями ОАО «Белтрансгаз» – 88%.

Данные свидетельствуют, что участие Республики Беларусь в обозначенных процессах пока весьма ограничено и несистемно. Средняя стоимость одной сделки по трансграничному слиянию и поглощению в Республике Беларусь (109,7 млн долл. США) пре-

вышает аналогічны паказатэль всех сопредельных государств: больше, чем в Российской Федерации в 2,1 раза, в Польше – в 2,4 раза, в Украине – в 3,0 раза, в Литве – в 9,0 раз, а в Латвии – в 21,3 раза. В то же время средняя стоимость 1 сделки в Республике Беларусь практически аналогична показателям, зафиксированным по мировой экономике. При совершенных 39 686 сделках на общую стоимость 3 936 483 млн долл. США среднее значение составило 99,2 млн долл. США. Однако если исключить сведения об операции с акциями ОАО «Белтрансгаз», данные будут выглядеть несколько иначе. Так, стоимость средней сделки составит 24,4 млн долл. США, что ниже, чем у России (53,2 млн долл. США), Польши (46,2 млн долл. США) и Украины (36,3 млн долл. США), но превышает значения Литвы (12,2 млн долл. США) и Латвии (5,2 млн долл. США).

Особо следует заметить, что исследуемые процессы трансграничных слияний и поглощений в странах с переходной экономикой затронули не только добычу и переработку природных ресурсов, но и потребительский рынок. Поэтому привлечение инвестиций, сопутствующее данным процессам, на текущий момент недостаточно распространено. Оно имеет неплохие перспективы развития. Ввиду отсутствия значительных сделок ранее, а также в результате того, что в условиях открытости национальной экономики преобладает собственность с высокой концентрацией государственного капитала, обязательным условием является наличие на то политической воли.

Инвестиционная привлекательность экономики как фактор вовлеченности экономических субъектов в процессы слияний и поглощений

Обозначим наиболее существенные факторы, влияющие на инвестиционную привлекательность отечественных коммерческих организаций.

1. Положительный аспект:

- а) дешевая рабочая сила;
- б) низкая стоимость топливно-энергетических ресурсов;
- в) доступность относительно транспортных потоков;
- г) отсутствие барьеров при движении товаров и услуг в рамках Евразийского экономического пространства;
- д) низкая степень проникновения иностранных и транснациональных субъектов хозяйствования.

2. Отрицательный аспект:

- а) сложность бизнес-администрирования;
- б) изменчивость и определенная агрессивность деловой среды;
- в) возможность роста стоимости топливно-энергетических ресурсов;
- г) необходимость обучения и повышения квалификации трудовых ресурсов;
- д) низкий уровень доходов населения и, соответственно, малая емкость рынка;
- е) недостаточная развитость промышленной, торговой и бытовой инфраструктуры (что в определенной ситуации может и сыграть положительную роль для отдельного типа инвестиций).

Нейтрализация негативных факторов инвестиционной привлекательности отчасти возможна лишь при координации действий местных и республиканских органов государственного управления. Это касается, прежде всего, повышения комфортности деловой среды и обеспечения ее стабильности и стабильности прав инвесторов.

Относительно качества трудовых ресурсов, а также емкости рынка можно сказать, что с развитием системы экономических отношений в контексте планируемого экономического роста, а также возможного распространения трансграничных слияний и поглощений негативное влияние данных факторов будет постепенно снижаться. Причем немаловажную роль в данном процессе будет играть приход иностранных инвесторов. Действительно, в случае привлечения прямых иностранных инвестиций и возможным сопут-

ствующим переносом более современных технологических решений и средств труда неизбежным будет решение вопроса об обучении работающих и более высоких выплат квалифицированным работникам.

Для повышения конкурентоспособности экономики страны и ее регионов следует разработать и реализовывать мероприятия по региональному продвижению на межнациональный рынок. Только комплексность (и рациональность в условиях ограниченности бюджета) в решении данной проблемы способна обеспечить снижение национальных и региональных инвестиционных рисков и повышение инвестиционного потенциала, следствием чего явится повышение инвестиционной привлекательности.

Заключение

Несмотря на наличие научных работ, посвященных слияниям и поглощениям в бизнесе, на настоящий момент не сформировано единого видения значимости данных процессов. Большинство исследований констатируют масштабность и перспективность обозначенных явлений, в то время как иные аналитики трактуют данные процессы не столь однозначно.

В Республике Беларусь с учетом особенностей национальной экономики и отечественной социально-экономической модели следует обеспечить оптимальные условия бизнес-администрирования хозяйствующим субъектам. Следствием этого, безусловно, станет большая интеграция национальных компаний в мировые хозяйственные процессы. В результате активизируются сделки по слияниям и поглощениям, которые будут направлены прежде всего на вовлечение отечественных организаций в сферу интересов зарубежных и международных корпораций. На этой стадии необходимым видятся регулирующие и корректирующие воздействия с целью обеспечения наивысшего эффекта, с одной стороны, и недопущения негативных последствий транснациональных слияний и поглощений – с другой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Русаков, Д.Е. Трансграничные слияния и поглощения, их роль в развитии мировой экономики : автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.14 / Д.Е. Русаков; Всерос. акад. внешней торговли. – М., 2008. – 24 с.
2. Проведение сделок в 2012 г. Анализ ситуации на европейском рынке сделок M&A, подготовленный компанией NetJets [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.netjetseurope.com/Global/Reports/NetJets%20Doing%20the%20Deal%20report_RUSSIAN%20v6.pdf. – Дата доступа : 19.01.2013.
3. Каменев, К.А. Особенности этапов формирования российского рынка слияний и поглощений // Проблемы современной экономики. – 2008. – № 3 (27) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=2093>. – Дата доступа : 20.12.2012.
4. Определение рейдерства // Profmaster : энциклопедия бизнеса [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://profmeter.com.ua/Encyclopedia/detail.php?ID=695>. – Дата доступа : 05.01.2013.
5. Пресс-релиз пресс-центра ЮНКТАД: UNCTAD/PRESS/PR/2012/16 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://unctad.org/en/PressRelease-Library/PR12016_ru_WIR.pdf. – Дата доступа : 01.09.2012.
6. World Investment Report 2012: Towards a New Generation of Investment Policies [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.unctad-docs.org/files/UNCTAD-WIR2012-Full-en.pdf>. – Дата доступа : 09.09.2012.

7. Семенов, А.А. Формы слияний и поглощений в современной международной экономике // Проблемы развития внешнеэкономических связей и привлечения иностранных инвестиций: региональный аспект / Сборник научных трудов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.nbu.gov.ua/portal/soc_gum/prvs/2011_2/tom2/283.pdf. – Дата доступа : 20.01.2013.

Kazinets M., Ulasiuk Y. Prospective of Involvement of the Subject of the Republic of Belarus into National and Trans-border Mergers and Acquisitions

The article determines the notions «mergers», «acquisitions» and «corporate raid». The motivations of the subjects of the deals on mergers and acquisitions of commercial organization are analyzed. The phases of the development of the mergers and acquisitions market in the Russian Federation are listed and similar features with the economy of the Republic of Belarus are revealed. Essential peculiarities of national economy of the Republic of Belarus are considered which form specific features of mergers and acquisitions. On the basis of the transnational mergers and acquisitions the degree of the participation of the Republic of Belarus in the aforesaid processes is determined. The factors of investment attractiveness of home commercial organization and possibilities of neutralizing their negative constituent are formulated.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 13.02.2013

УДК 001.895 (476)

Ю.А. Касперович

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ОЦЕНКА ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА ОБЛАСТЕЙ БЕЛАРУСИ

Переход на инновационный путь развития обусловлен повышением эффективности функционирования белорусской экономики, поэтому на текущий момент актуальна проблема измерения инновационного потенциала территорий. Цель статьи – оценка инновационной активности регионов Беларуси по методике, адаптированной к белорусским условиям. На основе сравнительного анализа составлен рейтинг инновационного развития областей Беларуси, определены основные факторы, препятствующие инновационному развитию, и предложены меры по повышению инновационной активности регионов.

Введение

В наше время инновационная политика является важным инструментом в конкурентной борьбе, обеспечивающим условия для стабильного долгосрочного развития. Поэтому именно инновационной политике, определяющей основные направления специализации области, принадлежит ведущая роль в формировании ее конкурентноспособности. В связи с этим органам власти всех уровней следует обеспечить необходимые условия развития инновационных процессов, от которых во многом будет зависеть экономическое и социальное будущее общества. Для того, чтобы выявить направления, определить тенденции в процессах инновационного развития области до 2020 г., необходимо провести анализ инновационного потенциала, эффективности его использования и стимулирования инновационных процессов области.

Анализ основных инновационных показателей

Проанализируем состояние и уровень инновационного развития областей Беларуси. Из справочных данных статистического сборника «Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь – 2013» [1] были изъятые показатели, характеризующие состояние и уровень развития научного, инновационного и информационного потенциала Беларуси. Представляют интерес сведения о количестве организаций, выполнявших исследования и разработки, о численности и составе занятого в них персонала, о внутренних затратах на инновации по статьям; отдельные абсолютные показатели были пересчитаны в удельные показатели.

Произведем оценку основных показателей, характеризующих состояние и уровень развития научного и инновационного потенциала регионов Беларуси:

- 1) соотношение объема выполненных работ и внутренних затрат на научные исследования и разработки (НИР) по секторам деятельности в целом по Республике Беларусь;
- 2) число организаций, выполнявших научные исследования и разработки, по секторам деятельности;
- 3) структура персонала, профессионально занятого исследованиями и разработками (ИР), в 2009–2012 гг. по областям и г. Минску;
- 4) доля персонала, занятого ИР (% от общего числа занятых в экономике);
- 5) удельный вес затрат организаций на технологические инновации;
- 6) удельный вес инновационно-активных организаций промышленности в общем числе обследованных организаций, (%);
- 7) наукоемкость валового регионального продукта (ВРП) (%);
- 8) соотношение объемов отгруженной инновационной продукции и затрат на технологические инновации;

9) структура затрат на технологические инновации по источникам финансирования (% от общего объема финансирования затрат на инновации);

10) удельный вес отгруженной инновационной продукции в общем объеме отгруженной продукции (%);

11) доля внутренних текущих затрат на НИР по видам работ (% к итогу).

В целом по республике тенденции по соотношению объема выполненных работ и внутренних затрат на НИР по секторам деятельности за 2005, 2007–2012 гг. следующие:

1) при росте внутренних затрат на НИР в государственном секторе наблюдается незначительное увеличение объема выполненных работ к 2012 г.;

2) снижение эффективности внутренних затрат на НИР в коммерческом секторе;

3) снижение объема выполненных работ в секторе высшего образования по сравнению с 2005 г. (таблица 1).

Таблица 1 – Соотношение объема выполненных работ и внутренних затрат на НИР по секторам деятельности

Сектор деятельности	Год						
	2005	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Государственный	2,24	1,39	1,40	1,29	1,21	1,35	1,27
Коммерческие организации	1,83	0,89	1,23	1,35	1,28	0,96	0,38
Высшее образование	1,22	1,41	1,36	1,24	1,19	1,24	1,16

По данным Национального статкомитета Республики Беларусь, число организаций, выполнявших НИР, к 2012 г. в государственном секторе увеличилось по Брестской, Минской, Витебской областям и г. Минску, но по сравнению с 2005 г. количество таких организаций в г. Минске уменьшилось на 21,5%.

В предпринимательском секторе произошло увеличение показателя по всем областям, кроме Витебской и Брестской. В секторе высшего образования лидирует г. Минск, и за 2011–2012 гг. существенных изменений по областям не произошло.

Объем выполненных научно-технических работ организациями, занимающимися научными исследованиями и разработками, за 2011–2012 гг. более чем на 85% обеспечен за счет собственных средств и по сравнению с 2005 г. вырос. Лидирующие позиции занимает г. Минск, высок показатель по Гомельской области.

Общая численность персонала, профессионально занятого исследованиями и разработками, в 2012 г. по сравнению с 2011 г. сократилась в г. Минске, Брестской, Гродненской, Витебской и Гомельской областях; она увеличилась в Могилевской области; в Минской области существенных изменений не произошло (рисунок 1). Характерна концентрация научных сотрудников в г. Минске, что обусловлено развитой инновационной инфраструктурой и сосредоточением научных организаций.

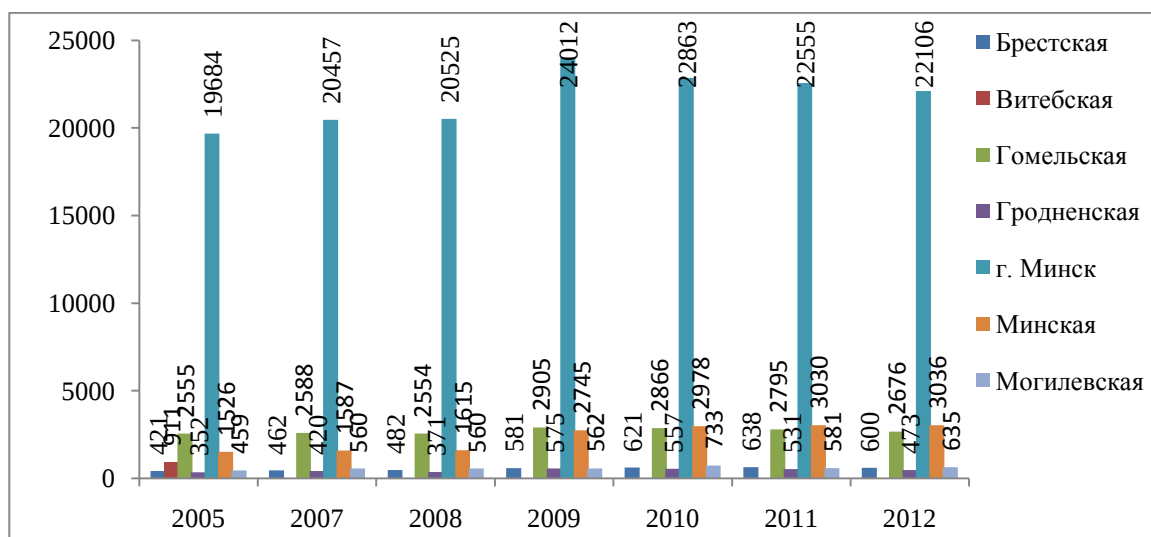

Рисунок 1 – Общая численности персонала, профессионально занятого ИР в 2005, 2007–2012 гг.

По структуре персонала, профессионально занятого ИР, в 2005, 2007–2012 гг. наблюдается следующая динамика: численность исследователей в общей численности персонала увеличилась по сравнению с 2005 г. в Брестской, Гродненской, Минской, Могилевской областях и г. Минске; сократилась в Гомельской и Витебской областях. Уменьшение количества исследователей в 2012 г. по сравнению с 2011 г. наблюдается в Гродненской области и г. Минске. Динамику этого показателя можно рассмотреть на примере Брестской области (рисунок 2).

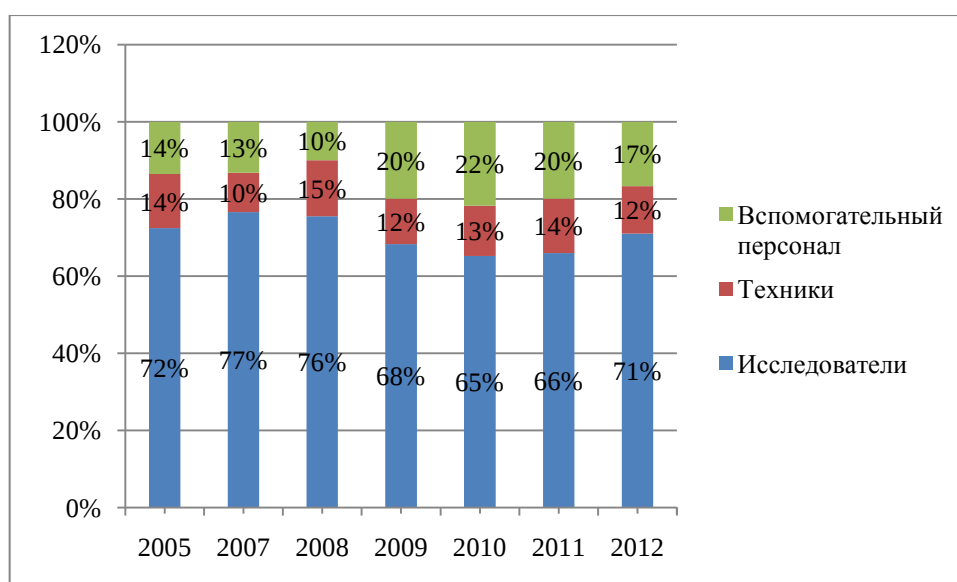

Рисунок 2 – Структура персонала, профессионально занятого исследованиями и разработками в 2005, 2007–2012 гг. в Брестской обл.

Анализируя такой параметр, как доля занятых исследованиями и разработками к общему числу занятых в 2009–2012 гг., можно заключить, что существенных позитивных изменений не произошло; наблюдается незначительное увеличение данного показателя в Могилевской области. Констатируется уменьшение доли занятых ИР на 0,03%

в 2012 г. по сравнению с 2005 г. в целом по республике и в г. Минске, а также Гродненской, Гомельской и Витебской областях. По данному показателю на протяжении последних лет Брестская и Гродненская области занимают низкие позиции. Данная тенденция не соответствует спросу на научные исследования и разработки (НИОКР).

По показателю «удельный вес затрат организаций на технологические» за 2012 г. по сравнению с 2005 г. отмечено улучшение во всех областях (лишь в Гомельской области наблюдалась тенденция на снижение на протяжении 2011–2012 гг.).

Анализ удельного веса инновационно-активных организаций промышленности в общем числе обследованных организаций за 2010–2012 гг. показал увеличение их числа в Гомельской, Брестской, Могилевской областях и г. Минске. К 2012 г. динамика данного показателя по сравнению с 2011 г. ухудшилась.

По числу инновационно-активных организаций промышленности, по данным Национального статкомитета Республики Беларусь за 2005, 2007–2012 гг., после 2009 г. наблюдается устойчивая тенденция к увеличению в Брестской, Гомельской, Могилевской областях и г. Минске, а так же Гомельской и Гродненской областях. При этом в г. Минске количество инновационно-активных организаций в сфере услуг в 2012 г. по сравнению с 2011 г. увеличилось в 2 раза; в областях число инновационно-активных организаций в сфере услуг остается недопустимо малым.

Показатель наукоемкости, как видно из таблицы 2, лишь для г. Минска выше порогового значения (1% к ВРП) и составляет 2,03%.

Таблица 2 – Внутренние затраты на НИР, % к ВРП

Область	Год				Темп роста, 2012/2009
	2009	2010	2011	2012	
Брестская	0,09	0,08	0,08	0,07	88,68
Витебская	0,17	0,17	0,20	0,18	115,05
Гомельская	0,53	0,56	1,71	0,88	324,39
Гродненская	0,13	0,13	0,13	0,12	102,48
г. Минск	3,84	3,90	3,30	2,03	85,91
Минская	0,45	0,51	0,50	0,22	110,89
Могилевская	0,05	0,05	0,04	0,16	81,49
Республика Беларусь	0,64	0,69	0,76	0,67	117,98

Сравним области по соотношению объемов отгруженной инновационной продукции и затрат на технологические инновации в промышленности за 2010–2012 гг. (рисунок 3). Анализируя данные за 2012 г., можно заметить, что первое место по результативности нововведений занимает г. Минск, затем идет Минская область. Несмотря на высокие показатели затрат на технологические инновации, Витебская и Гомельская области – в середине рейтинга, и результативность данного показателя в 2012 г. находится в прямой зависимости от объема инновационной продукции. Высокие показатели за 2010–2012 гг. по эффективному расходованию средств демонстрирует г. Минск.

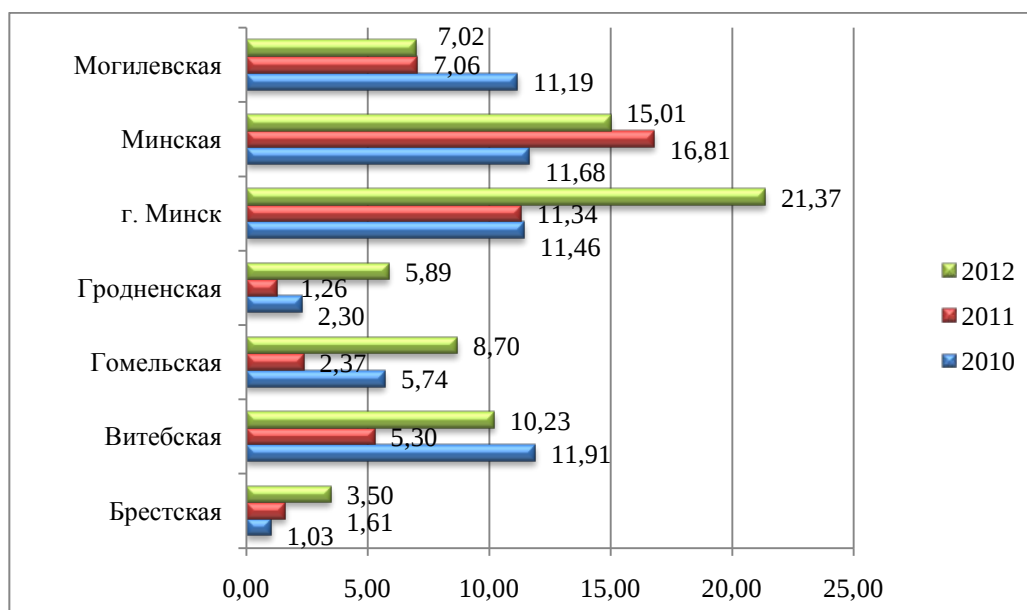

Рисунок 3 – Соотношение объемов отгруженной инновационной продукции и затрат на технологические инновации в промышленности за 2010–2012 гг.

Рассмотрим структуру затрат на технологические инновации организаций промышленности по источникам финансирования в общем объеме финансирования затрат на инновации (рисунок 4.). Наибольший удельный вес по всем областям занимают технологические инновации, затем маркетинговые. В целом в 2005, 2007–2012 гг. наблюдаются следующие тенденции: для Витебской, Гомельской, Минской областей и г. Минска в 2012 г. велика доля финансирования затрат на технологические инновации за счет собственных средств, для Гродненской области – за счет кредитов и займов, собственных средств и средств республиканского бюджета. Заметим, что венчурные источники кредитования в структуре финансирования отсутствуют.

В качестве примера представлена структура затрат по источникам финансирования предприятий Брестской области (рисунок 4). Из диаграммы видно, что за последние шесть лет структура затрат резко изменилась: в 2005 г. финансирование велось за счет собственных средств на 43,5%, за счет прочих источников – на 51,5%. Доля остальных источников финансирования незначительна. В 2011 г. структура затрат по источникам финансирования изменилась: увеличилась доля финансирования за счет кредитов и займов (69,9%), сократилась доля собственных средств (28,4%). В 2012 г. увеличилась доля финансирования за счет собственных средств (45,1%) и за счет кредитов и займов (49,1%).

Следует отметить, что удельный вес отгруженной инновационной продукции в общем объеме отгруженной продукции за 2009–2012 гг. в целом по Беларуси, по Гомельской, Могилевской областям и г. Минску увеличился. В 2011 г. наибольший объем отгруженной инновационной продукции приходился на малые организации Брестской области и г. Минска [1]. Ими отгружено инновационной продукции на сумму 183,7 млрд рублей, что составляет более половины (67,4%) всей отгруженной инновационной продукции по республике. По Брестской и Гродненской областям удельный вес отгруженной инновационной продукции в общем объеме отгруженной продукции остается малым, но уже к 2012 г. замечен значительный прирост данного показателя.

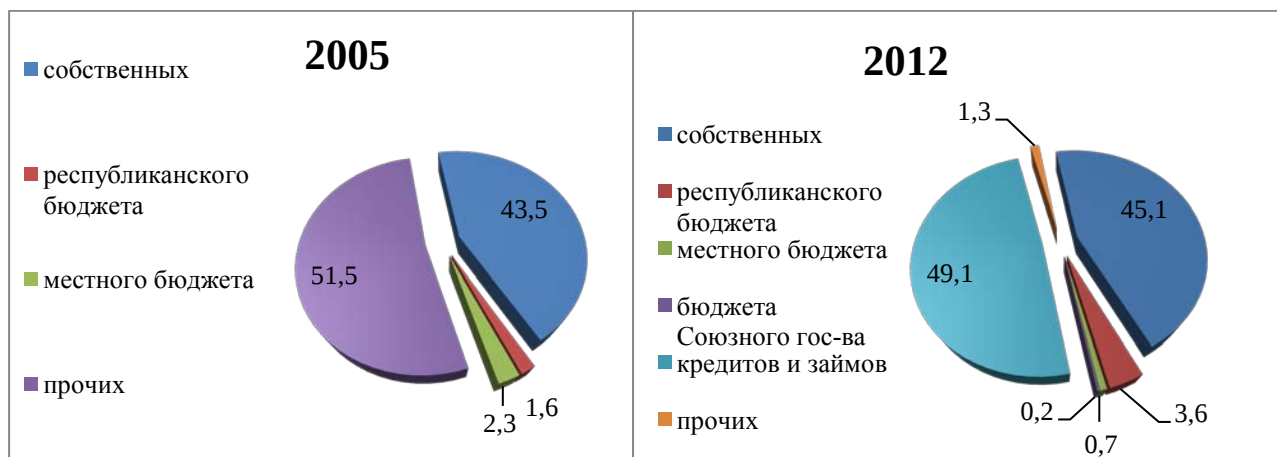

Рисунок 4 – Структура затрат на технологические инновации предприятий Брестской области по источникам финансирования

Согласно данным Национального статкомитета Республики Беларусь за 2012 г., следует, что лидером по доле внутренних текущих затрат на НИР по видам работ (как на фундаментальные и прикладные исследования, так и на разработки) является г. Минск. Тенденция на увеличение затрат на прикладные исследования в 2012 г. отмечена в Гомельской и Минской областях. Затраты на экспериментальные разработки увеличены в Брестской области и снижены в Гомельской области. Положительных сдвигов в расходах по всем видам работ не отмечено в Гродненской области.

Индекс инновативности области

Рассчитаем индекс инновативности области, который представляет собой интегральный показатель. Ниже приведен набор индикаторов из вышеупомянутых показателей, необходимый для определения данного индекса:

- 1) внутренние текущие затраты на научные исследования и разработки к ВРП;
- 2) доля персонала, занятого научными исследованиями и разработками, в общереспубликанской численности;
- 3) доля персонала, занятого исследованиями и разработками, от общей численности занятых в экономике;
- 4) удельный вес затрат на технологические инновации организаций промышленности к ВРП,
- 5) наукоемкость ВРП;
- 6) удельный вес отгруженной инновационной продукции в общем объеме отгруженной продукции;
- 7) удельный вес предприятий, занимающихся исследованиями и разработками [2].

Все используемые показатели проанализированы за 2012 г. и приведены к соизмеримому виду с помощью процедуры нормирования.

Нормирование показателей осуществлялось по методике линейного масштабирования. Все базовые показатели приводятся к следующему виду:

$$I = \frac{X - X_{\min}}{X_{\max} - X_{\min}}$$

Цель этой процедуры – создание единого масштаба для всех измерителей, поскольку нарушение этого принципа необоснованно увеличит влияние показателей, значения которых выражаются числами большего порядка, чем другие применяемые показатели. Индексы определяются как средние значения рассчитанных индикаторов с использованием равных весов. Чем ближе индекс к единице, тем выше уровень инновационного развития рассматриваемого региона. К преимуществам этой методики можно отнести простоту расчетов, наглядность полученных результатов и применимость к оценке инновационной деятельности в сравнении с другими регионами. Результаты исследования представлены в таблицах 3–5 [4].

Процедура линейного преобразования приводит к единому масштабу. Все расчетные величины находятся в интервале $[0; 1]$, где 0 соответствует минимальному значению признака. Такие данные легко интерпретируются. В то же время использование данной методики ограничено рядом факторов:

1) отсутствием некоторой части показателей по регионам, публикуемых в официальных источниках;

2) невозможностью одновременного учета масштабов использования и эффективности реализации потенциала на территории региона.

Согласно разработанной методике, для целей интегрированной оценки инновационной активности регионов целесообразно использовать метод расчета средней из нормированных базовых индикаторов. Затем были проранжированы области Беларуси в зависимости от величины индекса инновативности и сформирован рейтинг областей Беларуси (таблица 5). Области с наибольшим значением индекса присваивается ранг 1, минимальным – 7.

Таблица 3 – Нормированные показатели инновационного развития областей Беларуси и г. Минска

Область	Внутренние затраты на научные исследования и разработки к ВРП	Доля персонала, занятого научными исследованиями и разработками от общего числа по республике	Доля персонала, занятого исследованиями и разработками от общей численности занятых в экономике
Брестская	0,0000	0,0059	0,2918
Витебская	0,0518	0,0202	0,0003
Гомельская	0,4131	0,1018	0,0362
Гродненская	0,0247	0,0000	0,1638
г. Минск	1,0000	1,0000	0,0000
Минская	0,0727	0,1185	1,0000
Могилевская	0,0458	0,0075	0,1789

Как видно из таблицы 5, совокупный ранг областей находится в пределах от 1 до 7. В зависимости от величины индекса инновативности был сформирован рейтинг областей в порядке убывания: г. Минск, Гомельская, Витебская, Минская, Могилевская и Гродненская области; последнее место принадлежит Брестской области. В таблице 5 приведен рейтинг за 2011–2012 гг.

Таблица 4 – Нормированные показатели инновационного развития областей Беларуси и г. Минск

	Удельный вес затрат на технологические инновации организаций промышленности к ВРП	Наукоёмкость ВРП	Удельный вес отгруженной инновационной продукции в общем объеме отгруженной продукции
Брестская	0,1336	0,0000	0
Витебская	0,8021	0,0518	1
Гомельская	1,0000	0,4131	0,915
Гродненская	0,3104	0,0247	0,255
г. Минск	0,0304	1,0000	0,775
Минская	0,0000	0,0727	0,375
Могилевская	0,5795	0,0458	0,605

Анализ таблицы 5 показал, что в 2012 г. Витебская и Могилевская области поднялись по рейтингу на одну позицию, понизили ранг Гродненская и Минская области.

Следует отметить, что предложенная методика апробирована лишь для тех показателей инновационной деятельности, которые доступны в официальной статистике, и относительных показателей, рассчитанных на основе данных Белстата. Количественную оценку инновационного потенциала можно определить на основе метода главных компонент, который относят к статистическому факторному анализу.

Таблица 5 – Рейтинг инновационного развития областей Беларуси

Область	Удельный вес предприятий, занимающихся исследованиями и разработками	Индекс инновативности	Рейтинг	
			2012 г.	2011 г.
Брестская	0,0232	0,0649	7	7
Витебская	0,0325	0,2798	3	4
Гомельская	0,1378	0,4310	2	2
Гродненская	0,0209	0,1142	6	5
г. Минск	1,0000	0,6865	1	1
Минская	0,0000	0,2341	4	3
Могилевская	0,0038	0,2095	5	6

Согласно статистическим данным, к основным факторам, препятствующим инновациям, по оценке организаций промышленности за 2010–2012 гг. относят следующие: недостаток собственных денежных средств; длительные сроки окупаемости нововведений, высокая стоимость нововведений; значительный экономический риск; недостаток финансовой поддержки государства. Из вышесказанного следует, что проблема финансирования научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок (НИОКР) наиболее остра, расходы на технологические инновации по областям не соответствуют требованиям современной экономики. Структура затрат на технологические инновации имеет существенные диспропорции: основная масса расходов направляется на приобре-

тение машин и оборудования, производственное проектирование, а затраты на развитие персонала, маркетинговые исследования, патентную работу занимают незначительную долю в общей массе расходов. Сокращается объем собственных исследований и разработок при увеличении количества приобретенных готовых технологий.

Инновационная деятельность является весьма рискованной, вследствие этого низка заинтересованность частных инвесторов в обеспечении рискованных проектов, не разработаны механизмы венчурного финансирования.

Анализ инновационной деятельности областей на основе данных Национального статистического комитета показал, что эффективность затрат на научные разработки и инновации в целом по стране является крайне низкой, но в 2012 г. замечены положительные сдвиги: удельный вес инновационной продукции в общем объеме отгруженной продукции составил 17,8%.

Заключение

Результаты исследования могут быть использованы в процессе теоретических и прикладных исследований в области оценки инновационного потенциала территорий.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы и дать некоторые рекомендации по повышению инновационного потенциала и эффективности научной и научно-технической деятельности областей и республики в целом:

1. Усиление инновационной деятельности предпринимателей, перевод на принципиально новый технический уровень традиционных предприятий и отраслей производства, использование мобильности малого предпринимательства с целью формирования нового сегмента национальной экономики – высокотехнологичных наукоемких предприятий и производств, соответствующих V и VI технологическим укладам.

2. Инновации являются рыночным ориентиром для массы предпринимателей, определяя основное направление развития. В результате создается более емкий рынок сначала для факторов производства, а затем и для спектра отвечающих новым требованиям продукции и услуг. Чем эффективнее новые технологии, чем шире они распространяются в производстве и чем сильнее импульс, задаваемый инновациями всей экономике, тем успешнее накопление реального капитала, тем выше рост его эффективности, или производительности. В этом заключается рост экономики за счет развития инновационного предпринимательства и ее благополучие на десятилетия.

3. Снижение налога на прибыль в соответствии с достигнутым предприятиями уровнем инновационной активности, выраженной в расширении ассортимента новой продукции и использовании новых технологий. Ставка налога должна быть регрессивной: чем выше уровень инновационной активности, тем больше налоговых льгот должно получить предприятие. Тем самым будут поощряться не просто научные разработки, а их реализация в производстве и получение конечного полезного эффекта для общества.

4. Изменение форм и методов организации труда, использования рабочей силы и высококвалифицированных научных кадров.

5. Обеспечение эффективной модернизации национальной экономики в соответствии с приоритетными направлениями научно-технической деятельности.

6. Увеличение доли инновационно-активных организаций в общем количестве предприятий промышленности до 30,5% по всем областям Беларуси [7].

7. Увеличение доли экспорта наукоемкой и высокотехнологичной продукции в общем объеме белорусского экспорта до 14% [7].

8. Увеличение удельного веса отгруженной инновационной продукции в таких отраслях промышленности, как металлургия, деревообработка, текстильное, швейное и химическое производство [6].

9. Ускоренное развитие отраслевой науки (формирование отраслевых и территориальных интегрированных структур – холдингов, кластеров и др.).

10. Ускорение реализации проектов по созданию областных научно-технологических парков и их интеграции с производственной сферой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Статистический сборник «Наука и инновационная деятельность в Респ. Беларусь» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://belstat.gov.by/homep/ru/publications/science/2013/about.php>. – Дата доступа : 20.08.2013.

2. Амосенок, Э.П. Интегральная оценка инновационного потенциала регионов России / Э.П. Амосенок, В.А. Бажанов [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://ecsocman.hse.ru/data/736/765/1223/Amosenok.pdf>. – Дата доступа : 12.08.2013.

3. Официальный сайт национального статистического комитета Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://belstat.gov.by/>. – Дата доступа: 12.08.2013.

4. Национальная инновационная система [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://belisa.org.by/statistics/2009/D2009.html>. – Дата доступа : 12.08.2013.

5. Войтов, И.В. Краткий доклад о состоянии и перспективах развития науки в Респ. Беларусь по итогам 2011 г. / Гос. ком. по науке и технологиям, Нац. академия наук Беларуси; [сост. И.В. Войтов и др.; под общ. ред. И.В. Войтова, А.М. Русецкого]. – Минск : ГУ «БелИСА», 2012. – 76 с.

6. Государственный комитет по науке и технологиям Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.gknt.org.by/opencms/opencms/ru/v8einter/235-2013/>. – Дата доступа : 12.08.2013.

7. Государственная программа инновационного развития Государственный комитет по науке и технологиям Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.gknt.org.by/opencms/opencms/ru/innovation/inn2/>. – Дата доступа : 12.08.2013.

Kasperovich Y.A. Comparative Assessment of Innovation Potential Regions of Belarus

The transition to an innovative way of development is caused by the increase in efficiency of the functioning of Belarusian economy that is why the problem of measuring the innovative potential of the Republic of Belarus regions is relevant. The purpose of the article is an assessment of innovative activity of Belarusian regions by a technique adapted to the conditions of Belarus. On the basis of the comparative analysis, the rating of innovative development of regions of Belarus is made, the major factors interfering with innovative development are defined and proposals for increase of innovative activity of regions are offered.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 05.09.2013

ПРАВА

УДК 340.136

Р.С. Тараборин

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ XVIII-XIX вв. В ТРУДАХ С.В. ПАХМАНА И Г.Ф. ШЕРШЕНЕВИЧА

В статье анализируются труды русских правоведов С.В. Пахмана и Г.Ф. Шершеневича, посвящённые истории кодификации российского гражданского права. Исследование позволяет констатировать, что работы обоих авторов по рассматриваемой проблематике различаются своими исходными методологическими установками и оказываются в этом отношении репрезентативными по отношению к общим тенденциям теоретических поисков отечественной цивилистики. Качественный и содержательный уровень работ С.В. Пахмана и Г.Ф. Шершеневича объясняет отсутствие в российской дореволюционной юридической науке каких-либо ещё попыток создания аналогичных по теме исследований.

Кардинальные перемены в общественном строе России, явившиеся результатом осуществления цикла либеральных реформ 1860–1870-х гг. помимо всего прочего резко актуализировали проблему совершенствования гражданского законодательства, придания ему содержания и форм, содействующих развитию новых явлений в экономической и социальной жизни. Вопрос о новом Гражданском уложении, его содержании, структуре, способе создания стал активно обсуждаться в юридическом сообществе. Это, в свою очередь, актуализировало интерес к истории гражданского законодательства, к тем опытам кодификации, которые имели место в прошлом.

С точки зрения проблематики систематизации гражданского законодательства наибольший историографический интерес представляет круг работ российских правоведов второй половины XIX в., прямо или косвенно исследовавших гражданское законодательство в его историческом развитии, рассматривавших Свод законов гражданских, как и Свод законов в целом, в качестве результата длительного процесса и источника для последующего совершенствования законодательства. На первое место среди таких работ следует, безусловно, поставить фундаментальные труды выдающихся русских правоведов С.В. Пахмана и Г.Ф. Шершеневича, целиком посвящённые собственно истории кодификации российского гражданского права [3; 4]. Эти работы оставались на протяжении всего периода дореволюционной России единственными историко-правовыми изданиями подобной тематической направленности.

Проявлением интереса к систематизации гражданских законов явился труд по истории кодификации гражданского законодательства одного из ведущих российских цивилистов С.В. Пахмана, прямо указавшего в предисловии, что «пересмотр гражданских законов составляет одну из самых настоятельных потребностей нашего юридического быта ...многочисленные опыты не только иностранной, но и нашей кодификации убеждают, что для составления уложения крайне необходимо близкое ознакомление с предшествующими работами по этой части» [3, с. 1].

Основное место в работе С.В. Пахмана, сочетавшей черты учебного курса и научного исследования, было отведено истории кодификации русского права от «Русской правды» и до 1870-х гг. Также был дан обзор кодификации римского, романо-германского и западно-славянского права. В какой-то мере С.В. Пахман продолжил традицию, заложенную К.А. Невוליным, поскольку, как и его предшественник, последовательно придерживался принципов формально-догматической юриспруденции. Это предопределило сосредоточение его внимания исключительно на внешней истории права [1].

История российской кодификации XVIII–XIX вв. в двухтомном сочинении заняла основное место (фактически 2/3 объёма всего сочинения). Отличительной чертой труда С.В. Пахмана стало прослеживание преемственности в кодификационной работе, поскольку, по его мнению, «несмотря на все неудачи, какими сопровождалось дело новой кодификации, самые опыты имеют самостоятельное значение в нашей юридической истории по своему влиянию на движение самого законодательства» [3, с. 245].

Следуя этому принципу, автор последовательно в хронологическом порядке проследил ход кодификационных работ в создававшихся в XVIII в. многочисленных комиссиях с особым акцентом на их деятельность при Екатерине II. Особое внимание было уделено подробному освещению содержания её «Наказа» и «Начертания о приведении к окончанию комиссии проекта нового уложения». Сопоставление этих текстов позволило С.В. Пахману утверждать, что «право гражданское или частное было прямо разграничено от права государственного или публичного» [3, с. 276], однако при этом гражданское право не выделялось в качестве предмета особого кодекса (это произошло только в первой четверти XIX в.) [3, с. 381].

Столь же подробно, но преимущественно в описательном плане, были рассмотрены депутатские указы и высказанные в комиссиях мнения по имущественным, семейным и наследственным вопросам гражданского законодательства, а также по праву торговли и промышленности. Причиной безуспешности работы екатерининских комиссий С.В. Пахман считал не столько те разногласия, которые возникли между их участниками, сколько организационную проблему: отсутствие «предварительной чисто кодификационной подготовки материала» [3, с. 379]. Следует отметить, что акцентирование внимания в объяснении неудач кодификационных работ XVIII в. на факторах организационного, а не содержательного характера, восходящее к точке зрения, сформулированной ещё М.М. Сперанским [2, с. 55–63], оказалось очень устойчивым и воспроизводилось последующими исследователями (например, В.Н. Латкиным).

В труде С.В. Пахмана впервые были подробно изложены основные положения проектов Гражданского уложения 1809 г. и 1814 г., но центральное место заняло освещение кодификационных работ второй четверти XIX в., связанных с созданием Свода законов Российской империи. Эта часть в значительной степени содержательно оказалась созвучна работе К.А. Неволлина, поскольку сам автор однозначно ограничил рамки своего исследования: «Мы представим сначала общий обзор кодификации гражданских законов с 1826 года, затем изложим в подробности содержание отдельных книг свода гражданских законов (I части X тома) и заключим обзором межевых и особенных гражданских законов» [3, с. 1]. Переходя непосредственно к содержанию Свода законов гражданских С.В. Пахман высказался ещё более определённо о поставленных им перед собой задачах: «Задача этого обзора заключается не в исследовании и систематическом изложении начал действующего у нас гражданского права ...а в том, чтобы представить в форме описательной содержание рассматриваемого тома гражданских законов в порядке самого кодекса» [3, с. 29].

В целом необходимо признать, что труд С.В. Пахмана представлял собой безусловный шаг вперёд по сравнению с работами К.А. Неволлина. Он явился, хотя преимущественно в первом томе (период до 1826 г.), историей именно самого процесса кодификации. Благодаря этому была восстановлена организационная канва процесса, систематизированы сведения о работе отдельных комиссий XVIII в., а применительно к периоду правления Екатерины II впервые и весьма подробно освещено содержание возникших тогда законодательных проектов и предложений.

Но, с другой стороны, принципы формально-логического подхода, которым неукоснительно следовал С.В. Пахман, в конечном итоге, когда предметом исследования должно было стать собственно гражданское законодательство XIX в., фактически вер-

нули его на тот же путь, которым шёл и К.А. Неволин, – обзор и изложение конкретных разделов Свода законов гражданских без попыток их содержательного анализа, а также освещения конкретно-исторических условий разработки этого документа. На последнее обстоятельство обратили внимание некоторые критики сочинения С.В. Пахмана, в частности, Н.В. Калачов, отметивший, что автор не коснулся внутренней стороны законодательного творчества, мотивов, которыми руководствовался законодатель, условий его деятельности [5, с. 124].

Следующее сочинение, целиком посвящённое истории кодификации гражданского права, принадлежащее Г.Ф. Шершеневичу, отделило от предыдущего почти два десятилетия. За это время наряду с доминировавшим юридическим позитивизмом, сторонником которого, в частности, был С.В. Пахман, на развитие правовой науки в России сильное влияние начали оказывать другие новейшие европейские течения в теории права, постепенно оформившиеся в реалистическую (Р. фон Иеринг) и социологическую школы права. В России в роли наиболее активных сторонников и интерпретаторов идей, лежащих в основании этих направлений европейской юридической мысли, выступили соответственно Ю.С. Гамбаров и С.А. Муромцев. Эти направления (при их внутренних различиях), объединяло критическое отношение к догматической юриспруденции и стремление установить взаимосвязь права с социальной действительностью.

Г.Ф. Шершеневич занял в развернувшейся среди правоведов дискуссии неоднозначную позицию. Не отрицая значимости формально-догматического подхода к праву, а в своих работах по общей теории права последовательно придерживаясь юридического позитивизма, он вместе с тем признавал необходимость учитывать, что общество и государство, как источник права, оказывают взаимное влияние друг на друга, следовательно, исследователь права должен учитывать и те социальные условия, в которых функционируют правовые установления. Поэтому при изучении развития права нельзя ограничиться чисто догматическим исследованием изменения самих правовых норм, следует учитывать и те общественные изменения, которые ведут к эволюции права. Такую исследовательскую методологию, которую можно считать в известной мере альтернативной методологии С.В. Пахмана, Г.Ф. Шершеневич реализовал в своих собственных исследованиях кодификационных процессов в Европе и в России.

Так, сопоставляя кодификационные процессы во Франции и Германии, он связал отличия Германского гражданского уложения от Кодекса Наполеона с теми социальными изменениями, которые происходили на протяжении XIX в. в Европе: «Французский кодекс, изданный в начале столетия, явился выразителем господствовавших в то время индивидуалистических начал. В течение XIX столетия произошли большие изменения в этом отношении, и германское уложение пыталось положить некоторые пределы индивидуалистическим тенденциям и удовлетворить требованиям общегития, солидарности» [6, с.178].

Проанализировав обстоятельства, при которых возникло Гражданское уложение 1896 г. в Германии, особенности этого законодательного свода, Г.Ф. Шершеневич сформулировал в этой связи свою трактовку сущности кодификации: «Кодификация имеет своей целью привести в стройное единство существующие юридические отношения, производя лишь те, сравнительно небольшие изменения, какие вызываются потребностью цельности, выдержанности начал, систематичности. Кодификация по существу должна быть чужда реформаторских наклонностей. Ее основная цель – внести определенность в правовой быт. Пересоздание этого порядка – дело отдельных законов, издаваемых по мере движения жизни и обнаруженных потребностей» [6, с. 178].

В монографическом исследовании эволюции российского гражданского права (от «Русской правды» до пореформенного периода) Г.Ф. Шершеневич постарался представить процесс кодификации как отражение в практической юридической деятельно-

сти власти и государственных учреждений тех изменений, которые претерпевало русское общество, и его потребности, входящие в сферу регулирования гражданско-правовыми нормами.

Поэтому, прослеживая формирование и развитие этих законодательных норм, автор лишь в самых общих чертах касался содержания правовых документов, сосредоточивая внимание, во-первых, на тех исторических обстоятельствах народного и государственного быта, с которыми он связывал появление этих документов; во-вторых, на источниках, которые легли в их основание. Например, создание Соборного уложения 1649 г. он объяснял социальными потрясениями первой половины XVII в., выявившими отсутствие твёрдого юридического порядка как необходимого условия восстановления внутренней прочности и целостности Московского государства [5, с. 35–37].

«Страшная законодательная путаница», подорвавшая в обществе доверие к законодательству и наложившая негативный отпечаток на последующие кодификационные предприятия XVIII в., с точки зрения учёного, проистекала из характера петровских преобразований, мало учитывавших исторические условия страны и руководствовавшихся «единственно принципом целесообразности» [5, с. 56]. Однако обращает на себя внимание то обстоятельство, что для объяснения неудач кодификационных проектов послепетровского времени Г.Ф. Шершеневич избег обращения к хотя бы краткому анализу тех изменений, которые претерпевало русское общество, ограничившись указаниями на нехватку в тогдашней России профессиональных юристов и организационные упущения в работе создававшихся императрицами комиссий [5, с. 62], то есть, по сути, просто воспроизвёл аргументацию М.М. Сперанского, повторённую С.В. Пахманом.

Кодификационные колебания, происходившие в годы правления Александра I, связывались им в основном с идеологическими переменами в настроениях русского общества в условиях войн с Францией, а также с интригами противников М.М. Сперанского: «Не содержание, не юридические недостатки проекта, не доказанная неприменимость его к русскому быту помешали осуществиться в то время предприятию Сперанского, исключительно неблагоприятные политические обстоятельства и личная вражда, нередко тормозящая у нас законодательную деятельность под каким-нибудь благовидным предлогом» [5, с. 74].

Что касается Свода законов Российской империи, то, достаточно подробно проследив перипетии его разработки и принятия, Г.Ф. Шершеневич в итоге дал ему весьма критическую оценку: «Наше Полное Собрание Законов и наш Свод Законов представляют совершенно своеобразное явление, какого нигде не встретишь. Но можно ли хвалиться таким изобретением – это большой вопрос ... На самом деле Свод Законов привел законодательство к такому хаотическому состоянию, которому подобного мы нигде не встретим, которое оставляет за собою и то, что было до его издания! При нынешнем положении вещей Свод не выражает собою действующего права и ни один добросовестный юрист не может утверждать, что он знает русское право» [5, с. 87].

Эта общая оценка применительно к гражданской части Свода была усугублена указаниями на её заимствованный из западной теории и западного законодательства характер и на то обстоятельство, что «гражданские законы не определяют весьма многих отношений, выдвинутых жизнью, а то, что определено, очерчено весьма немногочисленными и несложными чертами». Эти и другие критические замечания о структуре и содержании Свода, сделанные Г.Ф. Шершеневичем, нашли выражение в тезисе: «Свод гражданских законов не имеет никаких достоинств и массу недостатков» [5, с. 88–89].

Признавая, что эти претензии трудно ставить в вину составителям Свода, учитывая условия, в которых шла их работа, Г.Ф. Шершеневич в итоге приходил к выводу, что решающая ошибка заключалась в выборе в качестве кодификационной формы свода, а не уложения [5, с. 97], т.е. вновь никак не связывая сложности кодификационного

процесса с социальной действительностью Российской империи времени Николая I. Можно предположить, подобная непоследовательность Г.Ф. Шершеневича в анализе связи правовых и социальных процессов, может быть объяснена и тем промежуточным положением, которое он занимал в общетеоретических вопросах: он не разделял позиций ни юридического позитивизма, ни реалистической и социологической школ права.

Крайне негативные оценки Свода законов, в свою очередь, отразили его пристрастность в отношении проблем, которые стояли перед Российской империей в конце XIX в. Решению этих проблем препятствовали, среди прочего, и несовершенство гражданского законодательства. Поэтому для него было принципиально важно особо выделить исходные слабости Свода законов как существеннейший аргумент в пользу нового Гражданского уложения (к практической разработке которого власть после 1861 г. так и не приступила).

Таким образом, анализируя труды С.В. Пахмана и Г.Ф. Шершеневича, можно констатировать, что они представляли два исследования истории кодификации российского гражданского права, различавшихся по своим исходным методологическим установкам и оказавшихся в этом отношении репрезентативными по отношению к тем тенденциям, которые были в целом характерны для теоретических поисков отечественной цивилистики. Этим обстоятельством, а также качественным и содержательным уровнем работ С.В. Пахмана и Г.Ф. Шершеневича, наверное, объясняется отсутствие в российской дореволюционной юридической науке каких-либо ещё попыток создания аналогичных по теме исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Неволин, К.А. История российских гражданских законов / К.А. Неволин // Полное собрание сочинений. – СПб., 1857–1858. – Т. III–V.
2. Обзорение исторических сведений о своде законов. – 2-е изд. – СПб., 1837.
3. Пахман, С.В. История кодификации гражданского права : в 2 т. / С.В. Пахман. – СПб., 1876.
4. Шершеневич, Г.Ф. История кодификации гражданского права в России / Г.Ф. Шершеневич. – Казань, 1898.
5. Шершеневич, Г.Ф. Наука гражданского права в России / Г.Ф. Шершеневич. – Казань, 1893.
6. Шершеневич, Г.Ф. Очерки по истории кодификации гражданского права / Г.Ф. Шершеневич // Ученые записки Императорского Казанского ун-та. – 1899. – Кн. 7.

Taraborin R.S. Systematization of Civil Legislation of the Russian Empire in XVIII-XIX c. in the Works of S.V. Pakhman and G.Ph. Shershenevitch

In the article the author analyzes the works of Russian legislators S.V. Pakhman and G.Ph. Shershenevitch, devoted to the history of Russian civil law codification. The research allows concluding that the works of both authors on the investigated problem differ by their initial methodological orientation and in this regard they are representative with respect to the general trends of theoretical searches of national civil law. The works of S.V. Pakhman and G.Ph. Shershenevitch are informative and of high quality, it explains the absence of other attempts to create any similar researches on the topic in the pre-revolutionary Russian law science.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 15.05.2013

УДК 347.961(476)(091)+94(476)"1917/1991

*У.М. Ангельскі***РАЗВІЦЦЁ ІНСТЫТУТА НАТАРЫЯТА Ў ЗАКОНЕ БССР
«АБ ДЗЯРЖАЎНЫМ НАТАРЫЯЦЕ» АД 30 КРАСАВІКА 1974 ГОДА**

Артыкул прысвечаны характарыстыцы Закона БССР «Аб дзяржаўным натарыяце» ад 30 красавіка 1974 г., выяўленню агульнага і асаблівага ў параўнанні з Законам СССР «Аб дзяржаўным натарыяце» ад 19 ліпеня 1973 г. і Указам Прэзідыума Вярхоўнага Савета БССР «Аб дзяржаўным натарыяце» ад 12 студзеня 1967 г. Аналізуецца прававы і сацыяльны статус дзяржаўных натарыусаў, колькасць, структура і якасць выкананых натарыяльных дзеянняў як напярэдадні прыняцця Закона БССР «Аб дзяржаўным натарыяце», так і праз шаснаццаць гадоў дзеяння адзначанага акта заканадаўства.

Канстытуцыя Рэспублікі Беларусь у арт. 2 замацавала, што «чалавек, яго правы, свабоды і гарантыі іх рэалізацыі з'яўляюцца вышэйшай каштоўнасцю і мэтай грамадства і дзяржавы» [1]. У прававой сістэме беларускай дзяржавы асаблівае месца ў абароне правоў і законных інтарэсаў грамадзян і юрыдычных асоб, дзяржаўных інтарэсаў належыць натарыяту. У Рэспубліцы Беларусь у 2011 г. паслугі насельніцтву аказвала 815 дзяржаўных натарыусаў у складзе 208 дзяржаўных натарыяльных кантор і 47 прыватных натарыусаў. Колькасць выкананых натарыяльных дзеянняў у 2011 г. складала больш за 1,2 млрд. У дзяржаўны бюджэт паступіла звыш 37 млрд беларускіх рублёў дзяржаўнай пошліны [2, с. 8].

Натарыят Рэспублікі Беларусь прайшоў складаны і супярэчлівы гістарычны шлях да набыцця сучаснага вобліку. Гісторыка-прававыя аспекты развіцця інстытута натарыята неабходна вывучаць для таго, каб атрыманыя веды прымяняць для ўдасканалення дзеючага заканадаўства аб натарыяце і натарыяльнай дзейнасці. Дзяржаўны натарыят БССР выконваў ролю праваахоўнага інстытута, прызванага забяспечваць правы і законныя інтарэсы фізічных і юрыдычных асоб, дзяржаўныя інтарэсы, умацоўваць правапарадак і законнасць шляхам правільнага, аднастайнага і своєчасовага выканання натарыяльных дзеянняў, накіраваных на юрыдычнае замацаванне правоў і абавязкаў, папярэджваць магчымыя парушэнні правоў у будучым, прыдаваць дакументам даказальную сілу і публічнасць.

Напярэдадні прыняцця Закона БССР «Аб дзяржаўным натарыяце» ў складзе 76 дзяржаўных натарыяльных кантор працавала 89 дзяржаўных натарыусаў: 13 мужчын і 76 жанчын. 65 (73%) дзяржаўных натарыусаў мелі вышэйшую юрыдычную адукацыю, 10 (11%) – сярэдняю спецыяльную юрыдычную адукацыю, 3 мелі курсавую падрыхтоўку, 2 не мелі юрыдычнай адукацыі (вучыліся завочна на юрыдычным факультэце Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта імя У.І. Леніна і ў Вышэйшым юрыдычным завочным інстытуце). 48 натарыусаў мелі стаж працы ў органах юстыцыі звыш 10 гадоў. Па партыйна-грамадскай прыналежнасці: 31 – члены Камуністычнай партыі Савецкага Саюза і кандыдаты ў члены Камуністычнай партыі Савецкага Саюза, 9 – члены Усесаюзнага Ленінскага камуністычнага саюза моладзі. Дзяржаўнымі натарыусамі БССР у 1974 г. было выканана 468 849 натарыяльных дзеянняў, у тым ліку засведчана дакументаў для дзеяння за мяжой – 311. Структура выкананых натарыяльных дзеянняў наступная: засведчана дагавораў аб прадастаўленні ў бестэрміновае карыстанне зямельных участкаў для жыллёвага будаўніцтва – 5 919; засведчана дагавораў аб адчу-жэнні пабудовы – 5 208; накладзена забарон на пабудовы па паведамленнях і дагавораў

Навуковы кіраўнік – Т.І. Доўнар, доктар юрыдычных навук, прафесар кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

закладу – 1 564; выдадзена выканаўчых надпісаў – 33 509; засведчана завяшчанняў – 5 055; выдадзена пасведчанняў аб праве на спадчыну – 13 447; засведчана вернасці копій дакументаў – 340 161; выканана іншых натарыяльных дзеянняў – 63 991. За выкананне натарыяльных дзеянняў у бюджэт рэспублікі паступіла 937 422 рублёў; за аказанне паслуг пры выкананні натарыяльных дзеянняў атрымана 31 605 рублёў [3, л. 23].

У сярэдзіне 1970-х гг. уладамі БССР была зроблена спроба змяніць падыход да дзяржаўнага натарыята шляхам пераўтварэння яго з «тэхнічнага» органа ў дзяржаўны орган, здольны абараніць правы грамадзян і арганізацый. Такую мэту прапаноўвалася дасягнуць шляхам павышэння патрабаванняў да дзяржаўных натарыусаў і адпаведна памера заробтнай платы, павелічэння колькасці дзяржаўных натарыяльных кантор і паляпшэння іх матэрыяльна-тэхнічнага забеспячэння, удасканалення рэжыму працы. У выніку натарыяльныя паслугі павінны былі стаць больш даступнымі і якаснымі, а прэстыж прафесіі натарыуса ўзрасці.

Вырашальную ролю ў гэтым працэсе адыграў Закон БССР «Аб дзяржаўным натарыяце», які быў прыняты Вярхоўным Саветам БССР 30 красавіка 1974 г. – першы закон ў гісторыі натарыята БССР [4]. Да гэтага часу грамадскія адносіны ў натарыяльнай сферы рэгулявалі палажэнні, якія зацвярджаліся ўказами Вярхоўнага Савета. Закон БССР «Аб дзяржаўным натарыяце» са змяненнямі і дапаўненнямі дзейнічаў да 2000 г.

Прычынамі распрацоўкі і прыняцця закона БССР «Аб дзяржаўным натарыяце» сталі прыняцце закона СССР «Аб дзяржаўным натарыяце» і неабходнасць прывесці заканадаўства аб дзяржаўным натарыяце ў адпаведнасць з грамадскімі адносінамі. Тагачасны міністр юстыцыі БССР А.А. Здановіч ў сваім дакладзе на пасяджэнні Вярхоўнага Савета БССР падкрэсліваў, што «неабходнасць прыняцця закона аб дзяржаўным натарыяце вызвана тым, што ў нас зроблена вялікая праца па ўмацаванні эканомікі, развіцці грамадскіх адносін, пашырыўся аб'ём і характар прававых адносін, якія патрабуюць дзяржаўнага рэгулявання. Узнік шэраг новых грамадскіх праваадносін, і дзейнасць натарыята павінна адказваць сучасным умовам жыцця нашага грамадства» [5, л. 316].

Закон СССР «Аб дзяржаўным натарыяце», які абумовіў прыняцце Закона БССР «Аб дзяржаўным натарыяце», быў прыняты 19 ліпеня 1973 г. [6]. Гэта быў першы ў гісторыі заканадаўства СССР закон, прысвечаны дзяржаўнаму натарыяту. Гэты закон утрымліваў, па-першае, імператыўныя нормы, што дазволіла вызначыць абавязковыя патрабаванні да дзяржаўнага натарыята на саюзным узроўні; па-другое – дыспазітыўныя нормы, дзякуючы якім саюзныя рэспублікі пры распрацоўцы рэспубліканскіх законаў маглі самастойна вырашаць шэраг пытанняў, улічваючы пры гэтым мясцовыя традыцыі і асаблівасці.

Закон СССР «Аб дзяржаўным натарыяце» складаўся з 32 артыкулаў, у той час як Закон БССР «Аб дзяржаўным натарыяце» – з 88 артыкулаў. У тым выпадку, калі нормы Закона СССР «Аб дзяржаўным натарыяце» мелі канструкцыю накшталт «усталяваецца заканадаўствам саюзнай рэспублікі», то Законам БССР «Аб дзяржаўным натарыяце» такія нормы замацоўваліся. Напрыклад, згодна арт. 5 Закона СССР «Аб дзяржаўным натарыяце», на пасады дзяржаўных натарыусаў прызначаюцца грамадзяне СССР, якія маюць вышэйшую юрыдычную адукацыю. У асобных выпадках, прадугледжаных заканадаўствам саюзных рэспублік, пасады дзяржаўных натарыусаў маглі займаць асобы, якія не мелі вышэйшай юрыдычнай адукацыі. Менавіта такі выпадак быў прадугледжаны Законам БССР «Аб дзяржаўным натарыяце». Так, згодна арт. 5 адназначанага закона, на пасады дзяржаўных натарыусаў маглі прызначацца грамадзяне СССР, якія мелі вышэйшую юрыдычную адукацыю. У асобных выпадках на пасады дзяржаўных натарыусаў маглі прызначацца асобы, якія не мелі вышэйшай юрыдычнай адукацыі, пры ўмове, што яны не менш трох гадоў працавалі па спецыяльнасці юрыста.

Закон БССР «Аб дзяржаўным натарыяце» ўтрымліваў шэраг артыкулаў і нават цэлы раздзел – «Правілы выканання асобных відаў натарыяльных дзеянняў», якіх у Законе СССР «Аб дзяржаўным натарыяце» не было. Гэта звязана з тым, што ў кожнай саюзнай рэспубліцы, у тым ліку і БССР, былі выпрацаваны свае правілы выканання натарыяльных дзеянняў, а перад саюзным заканадаўцам пры прыняцці саюзнага закона не было пастаўлена мэты ўніфікаваць адзначаныя правілы. Такім чынам, Закон БССР «Аб дзяржаўным натарыяце» не толькі паўтараў нормы саюзнага закона «Аб дзяржаўным натарыяце», але і дэталізаваў, дапаўняў іх.

Распрацоўшчыкі Закона БССР «Аб дзяржаўным натарыяце» ў першую чаргу абапіраліся не на Закон СССР «Аб дзяржаўным натарыяце», а на Палажэнне аб дзяржаўным натарыяце БССР, якое было зацверджана ўказам Прэзідыума Вярхоўнага Савета БССР ад 12 студзеня 1967 г., і на вопыт яго прымянення [7]. Закон БССР «Аб дзяржаўным натарыяце» ў адрозненне ад Палажэння аб дзяржаўным натарыяце БССР удакладніў задачы дзяржаўнага натарыята. Так, згодна арт. 1 Закона БССР «Аб дзяржаўным натарыяце» задачамі дзяржаўнага натарыята з'яўляліся ахова сацыялістычнай маёмасці, правоў і законных інтарэсаў грамадзян, дзяржаўных устаноў, прадпрыемстваў і арганізацый, калгасаў і іншых кааператывных і грамадскіх арганізацый, умацаванне сацыялістычнай законнасці і правапарадку, папярэджанне правапарушэнняў шляхам правільнага і своєчасовага засведчання дагавораў і іншых здзелак, афармлення спадчынных правоў, здзяйсненне выканаўчых надпісаў і іншых натарыяльных дзеянняў.

Закон БССР «Аб дзяржаўным натарыяце» ўпершыню надзяліў правам выконваць натарыяльныя дзеянні дзяржаўныя натарыяльныя канторы, выканаўчыя камітэты гарадскіх, пасялковых, сельскіх Саветаў народных дэпутатаў і пэўнае кола службовых асоб. Пры гэтым адзначаны закон замацаваў такія ж патрабаванні да жадаючых стаць дзяржаўнымі натарыюсамі, як і Палажэнне аб дзяржаўным натарыяце БССР. Больш таго, Закон БССР «Аб дзяржаўным натарыяце» (ў адрозненне ад папярэдняга акта заканадаўства аб дзяржаўным натарыяце) не ўтрымліваў нормы, згодна якой назначэнне на пасаду дзяржаўнага натарыюса адбывалася, як правіла, пасля праходжання стажыроўкі. Гэта не азначае, што праходжанне стажыроўкі не з'яўлялася абавязковай працэдурай для жадаючых стаць дзяржаўнымі натарыюсамі.

У Законе БССР «Аб дзяржаўным натарыяце», як і ў Палажэнні аб дзяржаўным натарыяце БССР, знайшлі замацаванне прынцыпы натарыяльнай дзейнасці: незалежнасць, тайна натарыяльнага дзеяння, законнасць, бесстароннасць, садзейнічанне грамадзянам і арганізацыям у рэалізацыі іх правоў і абароне законных інтарэсаў. Закон БССР «Аб дзяржаўным натарыяце» замацаваў такія ж віды натарыяльных дзеянняў, як і папярэдняе Палажэнне аб дзяржаўным натарыяце БССР, а кампетэнцыю выканаўчых камітэтаў Саветаў дэпутатаў працоўных значна пашырыў.

Адзначаны закон удакладніў, што дзяржаўныя натарыюсы і іншыя службовыя асобы, якія выконваюць натарыяльныя дзеянні, у выпадку выяўлення пры выкананні натарыяльных дзеянняў парушэнняў законнасці грамадзянамі ці асобнымі службовымі асобамі, абавязаны паведаміць аб гэтым установам, прадпрыемствам, арганізацыям альбо пракурору. Палажэнне аб дзяржаўным натарыяце БССР не замацоўвала магчымасці звярнуцца пры адзначаных абставінах да пракурора. Такая норма акта заканадаўства дазволіла ўстанавіць сувязь паміж дзяржаўным натарыятам і пракуратурай, што павінна было садзейнічаць ўмацаванню сацыялістычнай законнасці.

Як Палажэнне аб дзяржаўным натарыяце БССР, так і Закон БССР «Аб дзяржаўным натарыяце» ўтрымлівалі норму, згодна якой натарыяльныя дзеянні павінны быць выкананы ў дзень прад'яўлення ўсіх неабходных для гэтага дакументаў і ўплаты дзяржаўнай пошліны. Палажэнне аб дзяржаўным натарыяце БССР замацавала толькі дзве падставы для адкладання выканання натарыяльнага дзеяння: 1) у выпадку выпатраба-

вання дадатковых звестак ці дакументаў ад службовых асоб дзяржаўных устаноў, прадпрыемстваў і арганізацый; 2) пры неабходнасці накіравання дакументаў на экспертызу. Акрамя вышэйадзначаных падстаў, Закон БССР «Аб дзяржаўным натарыяце» утрымліваў новыя. Першая – у выпадку атрымання ад суда паведамлення аб паступленні заявы зацікаўленай асобы, якая аспрэчвае права ці факт, аб засведчанні якога просіць іншая зацікаўленая асоба; другая – у выпадку атрымання дзяржаўным натарыусам ці службовай асобай, якая выконвае натарыяльныя дзеянні, заявы ад зацікаўленай асобы, якая жадае звярнуцца ў суд для аспрэчвання права ці факта, аб засведчанні якога просіць іншая зацікаўленая асоба.

Як Закон БССР «Аб дзяржаўным натарыяце», так і Палажэнне аб дзяржаўным натарыяце БССР утрымлівалі норму, згодна якой дзяржаўны натарыус ці службовая асоба, якая выконвае натарыяльныя дзеянні, па просьбе асобы, якой адказана ў выкананні натарыяльнага дзеяння, павінна выкласці прычыны адказа ў пісьмовай форме і растлумачыць парадак яго абскарджання. У Законе БССР «Аб дзяржаўным натарыяце» ўпершыню былі замацаваны падставы для адказу ў выкананні натарыяльных дзеянняў, прычым іх спіс не быў вычарпальным. Патрэбна адзначыць, што такі падыход не садейнічаў належнай ахове правоў грамадзян і арганізацый пры выкананні натарыяльных дзеянняў.

Адзначаны закон упершыню замацаваў два віды скаргаў. Першы від – скаргі, звязаныя з неправильным выкананнем натарыяльных дзеянняў альбо з адказам у выкананні натарыяльнага дзеяння. Такія скаргі разглядаліся судом па месцы знаходжання дзяржаўнай натарыяльнай канторы, выканаўчага камітэта гарадскога, пасялковага, сельскага Савета дэпутатаў працоўных. Другі від – скаргі, не звязаныя з выкананнем натарыяльных дзеянняў (напрыклад, парушэнне тэрмінаў выканання натарыяльных дзеянняў ці непрытрымліванне ўстаноўленых гадзін прыёма). Такія скаргі разглядаліся аддзелаў юстыцыі выканаўчых камітэтаў абласных Саветаў дэпутатаў працоўных, Міністэрствам юстыцыі БССР, Міністэрствам юстыцыі СССР.

У Законе БССР «Аб дзяржаўным натарыяце» былі замацаваны новыя нормы, якія рэгулявалі правілы выканання асобных відаў натарыяльных дзеянняў. Так, упершыню быў устаноўлены парадак натарыяльнага засведчання такіх здзелак, як здзелкі аб адчужэнні маёмасці, якая падлягала рэгістрацыі; дагавораў аб прадастаўленні зямельных участкаў для будаўніцтва жылых дамоў на праве асабістай уласнасці.

Закон БССР «Аб дзяржаўным натарыяце» адыграў значную ролю ва ўдасканаленні прававога рэгулявання грамадскіх адносін у натарыяльнай сферы. Менавіта гэты акт заканадаўства быў узяты за аснову пры распрацоўцы Закона Рэспублікі Беларусь «Аб натарыяце і натарыяльнай дзейнасці». Больш таго, многія нормы прававога акта аб дзяржаўным натарыяце, дзейнасць якіх была праверана часам, былі перанесены ў дзеючы натарыяльны закон Рэспублікі Беларусь без перапрацоўкі.

Праз шаснаццаць год дзеяння Закона БССР «Аб дзяржаўным натарыяце» ў складзе 179 дзяржаўных натарыяльных кантор працавала 247 дзяржаўных натарыусаў: 221 (89,5%) дзяржаўны натарыус меў вышэйшую юрыдычную адукацыю, 10 (4%) – сярэдняю спецыяльную юрыдычную адукацыю, 16 (6,5%) мелі незакончаную вышэйшую юрыдычную адукацыю. 43 дзяржаўныя натарыусы мелі стаж працы ў органах юстыцыі менш за 3 гады, 48 – звыш 10 гадоў. 23 дзяржаўныя натарыусы мелі ўзрост звыш 50 гадоў, з якіх 15 дасягнулі пенсійнага ўзросту [8, л. 1]. Такім чынам, павялічылася колькасць дзяржаўных натарыяльных кантор, дзяржаўных натарыусаў і значна павысіўся ўзровень іх юрыдычнай адукаванасці.

Дзяржаўнымі натарыусамі БССР у 1990 г. было выканана 1 108 455 натарыяльных дзеянняў, у тым ліку засведчана дакументаў для дзеяння за мяжой – 1 666. Структура выкананых натарыяльных дзеянняў наступная: засведчана дагавораў аб прадас-

таўленні ў бестэрміновае карыстанне зямельных участкаў для жыллёвага будаўніцтва – 5 202; засведчана дагавораў аб адчужэнні пабудовы – 17 594; засведчана завяшчанняў – 17 739; выдадзена пасведчанняў аб праве на спадчыну – 61 222; засведчана вернасці копій дакументаў – 669 488; выканана іншых натарыяльных дзеянняў – 309 810. За выкананне натарыяльных дзеянняў у бюджэт сыскана – 23 871 516 рублёў [8, л. 1].

Дзякуючы прыняццю Закона БССР «Аб дзяржаўным натарыяце» за шаснаццацігадовы перыяд яго дзеяння адбыліся істотныя змены. Так, павялічыўся працэнт дзяржаўных натарыусаў, якія мелі вышэйшую юрыдычную адукацыю (з 73 да 89,5). Павысіўся прафесійны ўзровень дзяржаўных натарыусаў і адначасова ўзрос прэстыж іх прафесіі. Пасада дзяржаўнага натарыуса стала больш прывабнай для маладога спецыяліста з вышэйшай юрыдычнай адукацыяй. Акрамя таго, больш чым у два разы павялічылася колькасць дзяржаўных натарыяльных кантор (з 76 да 179) і амаль у тры разы колькасць дзяржаўных натарыусаў (з 89 да 247), а таксама іншых работнікаў дзяржаўных натарыяльных кантор, што дазволіла зрабіць натарыяльныя паслугі больш даступнымі для грамадзян і арганізацый. У сувязі з гэтым больш чым у два разы ўзрасла колькасць натарыяльных дзеянняў (з 468 849 да 1 108 455).

У агульнай структуры натарыяльных дзеянняў зменшыўся працэнт такога «простага» натарыяльнага дзеяння, як сведчанне вернасці копій дакументаў: з 72,5 да 60,3. Павялічылася колькасць «складаных» натарыяльных дзеянняў, напрыклад, выдача пасведчанняў аб праве на спадчыну (з 13 447 да 61 222). Павялічылася колькасць менш запатрабаваных натарыяльных дзеянняў, напрыклад, выкананне перакладаў і сведчанне вернасці перакладаў і копій дакументаў; сведчанне знаходжання грамадзяніна ў жывых; прыняцце ў дэпазіт для перадачы па прыналежнасці грашовых сум і каштоўных папер; здзяйсненне пратэстаў вэксяляў; пасведчанне неаплаты чэкаў; прыняцце на захаванне дакументаў; выдача пасведчанняў аб праве ўласнасці на долю агульнай маёмасці мужа і жонкі, набытай на працягу шлюбу.

Такім чынам, прыняцце Закона БССР «Аб дзяржаўным натарыяце» ад 30 красавіка 1974 г. і яго практычная дзейнасць спрыялі ўмацаванню аўтарытэта дзяржаўнага натарыята і росту даверу да яго як з боку насельніцтва, так і арганізацый. Дзяржаўны натарыят БССР заняў належнае месца сярод дзяржаўных органаў, якія абаранялі правы грамадзян і арганізацый, і выканаў задачы, пастаўленыя перад ім дзяржавай і грамадствам.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

1. Конституция Респ. Беларусь 1994 г. (с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г.). – Минск : Амалфея, 2005. – 48 с.
2. Работа органов юстиции в 2011 г. // Юстиция Беларуси. – 2012. – № 2. – С. 3–5.
3. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 99. Министерство юстиции Белорусской ССР. – Описание 8, 1983–1990. – Дело 322. Объяснительные записки Минюста БССР, облустов к полугодовым статотчетам о работе нотариальных контор, работе органов загса и отдела за 1974 год на 118 л.
4. О государственном нотариате : Закон Белорусской ССР, 30 апр. 1974 г. // Собр. законов, указов Президиума Верховного Совета Белорусской ССР, постановлений и распоряжений Совета Министров Белорусской ССР. – 1974. – № 13. – с. 224.
5. НАРБ. – Фонд. 968. Верховный Совет Респ. Беларусь. – Оп. 1, 1938–1996. – Д. 983. Стенограмма 7-ой сессии Верховного Совета БССР восьмого созыва от 30 апр. 1974 г. о проекте Закона Белорусской ССР «О государственном нотариате»; утверждении указов Президиума Верховного Совета БССР на 105 л.
6. О государственном нотариате : Закон СССР, 19 июля 1973 г. // Ведамасці Вярхоўнага Савета СССР. – 1973. – № 30. – Арт. 393.

7. Об утверждении Положения о Государственном нотариате Белорусской ССР : Указ Президиума Верховного Совета Белорусской ССР, 12 янв. 1967 г. // Собр. законов, указов Президиума Верховного Совета Белорусской ССР, постановлений и распоряжений Совета Министров Белорусской ССР. – 1967. – № 2. – Арт. 11.

8. НАРБ. – Фонд 99. – Оп. 8. – Д. 1516. Сводный статотчет министерства, отчеты областных и Минского городского управлений юстиции о работе нотариальных контор за 1990 г. и объяснительные записки к ним на 73 л.

Anhelski U.M. Development of Institute of Notary in Law of BSSR «About State Notary» dated from April 30, 1974

This article is devoted to development of institute of notary in Law «About State Notary» dated from April 30, 1974, identifying the general and particular in comparison with the Law of USSR «About State Notary» dated from July 19, 1973, and the Statute of BSSR «About State Notary», dated from 12 January 1967. Legal and social status of state notaries is analyzed. It is paid attention to number of state notarial bureau, structure and quality of notarial acts before the enactment of the Law of BSSR «About State Notary» and after sixteen years action of this act of legislation.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 22.03.2013

УДК 349.6

Е.В. Зданович**ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ТЕРРИТОРИЙ, ПОДВЕРГШИХСЯ ЗАГРЯЗНЕНИЮ В РЕЗУЛЬТАТЕ ТЕХНОГЕННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ»**

В статье рассматриваются вопросы правового определения терминов «экологическая безопасность», «обеспечение экологической безопасности», «обеспечение экологической безопасности территорий, подвергшихся загрязнению в результате техногенного воздействия». Проводится анализ нормативных правовых актов Республики Беларусь и стран СНГ, а также теоретических научных исследований, проводимых белорусскими, российскими, украинскими учеными. Автором сделан вывод о необходимости совершенствования законодательства по указанным проблемам и предложены определения следующих терминов: «экологическая безопасность территорий, подвергшихся загрязнению в результате техногенного воздействия», «обеспечение экологической безопасности», «обеспечение экологической безопасности территорий, подвергшихся загрязнению в результате техногенного воздействия».

Введение

На сегодняшний день человечество переживает серьезные экологические проблемы, о чем свидетельствует ряд международных документов, направленных на борьбу с различного рода катаклизмами. Основным фактором негативного воздействия на состояние природных объектов и здоровье населения в связи с хозяйственной деятельностью человека является загрязнение окружающей среды [1]. В связи с увеличением числа промышленных предприятий, усиления интенсивности хозяйственной деятельности в целом требуется законодательное закрепление самых решительных мер, направленных на восстановление экологического равновесия.

В соответствии с результатами наблюдений Национальной системы мониторинга окружающей среды в Республике Беларусь сформировался ряд основных проблем в экологической сфере. Так, несмотря на то, что после катастрофы на Чернобыльской АЭС прошло уже более 25 лет, по-прежнему актуальной остается проблема загрязнения территорий радионуклидами. По состоянию на 1 января 2012 г. зона загрязнения составила 30,1 тыс. км², или 14,5% территории страны [2]. Остается актуальной проблема загрязнения атмосферного воздуха от стационарных источников обрабатывающей промышленности, энергетики, сельского хозяйства. В подземных водах наблюдается повышенное содержание железа и марганца. Одной из наиболее острых экологических проблем в Беларуси является деградация земель, обусловленная эрозией, радиоактивным и химическим загрязнением, строительными работами, лесными и торфяными пожарами, чрезмерными рекреационными, техногенными и иными нагрузками. Общая площадь нарушенных земель в Беларуси в 2011 г. достигла 25,5 тыс. га [2]. В результате функционирования промышленных предприятий образуется более 800 наименований отходов производства с широким спектром физико-химических свойств [2]. В Республике Беларусь произошло 46 крупных чрезвычайных происшествий, из них 7 природного и 39 техногенного характера, в том числе 22 крупных пожара (11 пожаров на объектах агропромышленного комплекса, 7 – на промышленных предприятиях и 4 – на других объектах экономики). Перечисленные экологические проблемы свидетельствуют: основным источником нарушения природного равновесия является хозяйственная и иная деятельность. Кроме непосредственного воздействия на окружающую среду предприя-

Научный руководитель – Н.А. Карпович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры экологического и аграрного права Белорусского государственного университета

тий и объектов промышленности, ряд природных чрезвычайных ситуаций также спровоцирован антропогенной деятельностью. Важной проблемой выступает законодательное закрепление системных мер по обеспечению экологической безопасности территорий, подвергшихся загрязнению в результате техногенного воздействия, по восстановлению их экологического равновесия. Поэтому актуально правовое определение сущности соответствующих отношений и понятия «экологическая безопасность территорий, подвергшихся загрязнению в результате техногенного воздействия». Надо отметить: даже по вопросу определения базового термина «экологическая безопасность» мнения ученых кардинально расходятся. Так, одни считают, что содержание экологической безопасности состоит в исключении экологического вреда природной среде и человечеству [3], другие включают в это понятие «сохранение, рациональное использование, воспроизводство и повышение качества окружающей среды» [4]. Украинские исследователи понимают под экологической безопасностью такое состояние системы «природа – техника – человек», которое обеспечивает сбалансированное взаимодействие природных, технических и социальных систем [5].

Белорусские ученые под экологической безопасностью понимают состояние защищенности окружающей среды, жизни и здоровья граждан от возможного вредного воздействия хозяйственной и иной деятельности, а также чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, что отражает такое состояние окружающей среды, которое объективно благоприятно для человека как биологического вида и социального индивида [6]. В своей диссертационной работе Голованов С.В. предложил следующее определение экологической безопасности: «Экологическая безопасность – это состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государств в процессе взаимодействия общества и природы от угроз со стороны объектов природы, естественные свойства которых загрязнены в результате аварий, катастроф, хозяйственной, оборонной либо иной деятельности человека, либо кем-либо преднамеренно (экодиверсии, экотерроризм), либо в силу природных или стихийных бедствий, повлекших угрозу природным объектам» [7, с. 17].

Анализ белорусского и зарубежного законодательства свидетельствует об относительной идентичности подходов в правовом определении указанного термина. Например, Закон Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. № 1982-XII «Об охране окружающей среды» определяет экологическую безопасность как «состояние защищенности окружающей среды, жизни и здоровья граждан от возможного вредного воздействия хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» [8, ст. 1]. Практически аналогичное определение содержится в Концепции национальной безопасности, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь [9, п. 4]. С учетом того, что загрязнение территорий радионуклидами является одной из основных проблем в экологической сфере Республики Беларусь, особого внимания заслуживает определение радиационной безопасности как составной части экологической безопасности территорий, подвергшихся загрязнению в результате техногенного воздействия. Закон Республики Беларусь от 5 января 1998 г. № 122-3 «О радиационной безопасности населения» трактует радиационную безопасность населения как «состояние защищенности настоящего и будущего поколений людей от вредного воздействия ионизирующего излучения» [10, ст. 1].

Подробные рекомендации по регулированию соответствующих вопросов содержатся в актах модельного законодательства. Так, модельный Экологический кодекс для государств – участников СНГ и Модельный закон об экологической безопасности СНГ под экологической безопасностью понимают «систему политических, правовых, экономических, технологических и иных мер, направленных на обеспечение гарантий защищенности окружающей среды и жизненно важных интересов человека и гражда-

нина от возможного негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности и угроз возникновения чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в настоящем и будущем времени» [11; 12].

Достаточно показательной является практика законодательного регулирования соответствующих вопросов зарубежных государств. Федеральный закон Российской Федерации от 10 января 2002 г. «Об охране окружающей среды» содержит следующее определение: «Экологическая безопасность – состояние защищенности природной среды и жизненно важных интересов человека от возможного негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, их последствий» [13]. В ст. 1 Закона Кыргызской Республики «Об охране окружающей среды» экологическая безопасность определяется как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества, защищенности окружающей среды как условия и средства существования человека и общества от угроз, возникающих в результате антропогенных и природных воздействий на них [14]. В соответствии со ст. 1 Закона Азербайджанской республики от 8 июня 1999 г. № 677-ІГ «Об экологической безопасности», экологическая безопасность – это обеспечение жизненно важных интересов человека и общества, защиты окружающей среды от опасности, возникающей в результате антропогенного и природного воздействия на нее [15]. В национальном законодательстве Республики Казахстан понятие «экологическая безопасность» закрепляется в нескольких законодательных актах, но расхождений в определении данного понятия не возникает: «Экологическая безопасность – состояние защищенности жизненно важных интересов и прав личности, общества и государства от угроз, возникающих в результате антропогенных и природных воздействий на окружающую среду» [16]. Закон Украины от 25 июня 1991 г., № 1264-ХІІ «Об охране окружающей среды» в ст. 50 определяет экологическую безопасность как «такое состояние окружающей природной среды, при котором обеспечивается предупреждение ухудшения экологической обстановки и возникновения опасности для здоровья людей» [17]. Однако в Государственном стандарте ДСТ Украины 2156-93 «Безпечність промислових підприємств: терміни та визначення» [18] дается другое определение понятия экологическая безопасность. Согласно Госстандарту, экологическая безопасность – это отсутствие действий, состояний и процессов, прямо или косвенно приводящих к существенному ущербу для окружающей природной среды, населения и материальных объектов. Но экологическая безопасность как элемент национальной безопасности Украины является понятием более широким и представляет собой состояние окружающей природной среды, при котором организационно-правовыми, научно-техническими, экономико-политическими и другими мерами обеспечивается такое качество окружающей среды, при котором сохраняется анатомическая целостность организма, и при нахождении его в этой среде физиологические процессы протекают нормально; отсутствуют угрозы для окружающей среды и для человека; сохраняются природные объекты в надлежащем состоянии; предупреждено ухудшение качества окружающей природной среды; ведется работа по охране, воспроизводству и улучшению природных объектов до надлежащего качества; устраняется существующее отрицательное воздействие на природные объекты [19, с. 4].

Таким образом, в законодательных актах государств – участников СНГ экологическая безопасность определяется как состояние защищенности от угроз. Однако четкого понимания, что такое «состояние защищенности», нормативные правовые акты не содержат. Нормативные правовые акты не раскрывают и не уточняют, каким должно быть состояние защищенности, какого уровня. В этом аспекте показателен опыт Украины, где более конкретно и определенно указывается, какое состояние окружающей среды является защищенным и безопасным.

Основные национальные интересы в экологической сфере определены Концепцией национальной безопасности Республики Беларусь. Это обеспечение экологически благоприятных условий жизнедеятельности граждан; преодоление негативных последствий радиоактивного загрязнения территории страны и иных чрезвычайных ситуаций, реабилитация экологически нарушенных территорий; устойчивое природно-ресурсное обеспечение социально-экономического развития страны; рациональное использование природно-ресурсного потенциала, сохранение биологического и ландшафтного разнообразия, экологического равновесия природных систем; содействие поддержанию глобального и регионального экологического равновесия. Применительно к территориям, подвергшимся загрязнению в результате техногенного воздействия, исходя из анализа перечисленных нормативных источников, теоретических исследований, посвященных данному вопросу, видится следующая формулировка термина «экологическая безопасность»: «Экологическая безопасность территорий, подвергшихся загрязнению в результате техногенного воздействия – это состояние защищенности окружающей среды, жизни и здоровья граждан от возможного и существующего вредного воздействия хозяйственной и иной деятельности и природных явлений, вызванных антропогенной деятельностью, при котором достигаются благоприятные условия жизнедеятельности человека, рациональное использование природных ресурсов и устойчивое социально-экономическое развитие страны».

Определение термина «обеспечение экологической безопасности» также вызывает много дискуссий. Так, российские ученые достаточно часто рассматривают понятие «экологическая безопасность» как тождественное понятию «охрана окружающей среды», хотя позиции на этот счет могут несколько расходиться [20]. В определенном смысле «обеспечение экологической безопасности» порой употребляется как синоним охраны окружающей среды, причем имеется в виду, что соответствующая деятельность направлена на сохранение или восстановление благоприятного состояния окружающей среды. М.М. Бринчук рассматривает экологическую безопасность как «основной принцип охраны окружающей среды, в соответствии с которым любая деятельность, связанная с вредным воздействием на окружающую среду, а также предусматриваемые в законодательстве и осуществляемые на практике правовые и иные природоохранные меры должны оцениваться с позиций экологической безопасности» [21]. Обеспечение экологической безопасности определяется также как комплексная деятельность, включающая совокупность мер, где охрана окружающей среды является лишь одной из них. М.Н. Копылов полагает, что условно ее «можно назвать экологической мерой, что не должно приводить к отрицанию существования иных видов мер – политических, правовых и др.» [22, с. 25]. Д.В. Велиева включает в понятие «экологическая безопасность» и охрану окружающей среды, и рациональное природопользование [23, с. 30]. Констатируя справедливость перечисленных точек зрения, мы склоняемся к мнению, что понятие «экологическая безопасность» шире, чем понятие «охрана окружающей среды». А.С. Тимошенко видит в обеспечении экологической безопасности качественно новый уровень охраны окружающей среды [4, с. 89], что видится нам достаточно адекватной, отвечающей настоящему положению дел в рассматриваемой сфере.

А.К. Голиченков видит обеспечение экологической безопасности (человека и других объектов) как форму экологической деятельности, содержание которой составляют достижение и поддержание такого качества окружающей природной среды, при котором воздействие ее факторов обеспечивает здоровье человека и его плодотворную деятельность в гармонии с природой, а в практическом смысле – сведение (снижение) до возможно малой вероятности опасности вредного воздействия неблагоприятных факторов окружающей природной среды или вероятности экологических аварий и катастроф с по-

мощью системы адекватных мер экономического, политического, организационного, правового и иного характера и другие объекты экологической безопасности [24, с. 42].

А.И. Лагунова определяет содержание термина «обеспечение экологической безопасности» как одну из форм деятельности, преследующей цель достижения такого качества окружающей среды (и поддержания его), при котором воздействие внутренних и внешних факторов окружающей среды обеспечивало бы здоровье человека, его плодотворную жизнедеятельность на биологически предопределенный ему период времени; это деятельность по доведению до биологически безопасного состояния реальных и потенциальных угроз природных и техногенных факторов с применением системы адекватных угрозам мер экономического, политического, организационного, правового и иного характера, способных обеспечить безопасность человека и основ его жизнедеятельности [25, с. 22].

Попытка установления критерия, показателя «обеспечения экологической безопасности» была предпринята Н.А. Чертовой. С ее точки зрения, «отношения по обеспечению экологической безопасности – общественные отношения по охране окружающей среды и природопользованию, которые возникают при осуществлении хозяйственной и иной деятельности, оказывающей вредное воздействие на окружающую среду и представляющей опасность для жизни и здоровья людей вследствие возможных или наступивших нарушений нормативов качества окружающей среды» [26, с. 33].

Наиболее правильным представляется подход белорусских авторов, которые отмечают, что охрана окружающей среды и обеспечение экологической безопасности – взаимодополняемые и взаимосвязанные направления деятельности, которые государственные органы проводят наряду также с рациональным природопользованием [7]. Т.И. Макарова считает, что целью охраны окружающей среды является обеспечение экологической безопасности [27].

В докторской диссертации Н.А. Карпович обеспечение экологической безопасности определяется как деятельность государства по созданию условий для состояния защищенности жизни и здоровья граждан, а также защищенности условий и факторов жизнедеятельности общества и интересов государства от угроз, возникающих в результате экологически значимых антропогенных воздействий, а равно от факторов, процессов и явлений природного характера. При этом решение задач по обеспечению экологической безопасности, по мнению Н.А. Карпович, предполагает: 1) выделение реальных, а не гипотетических, в том числе выдвигаемых как возможные в отдаленной перспективе, угроз безопасности; 2) выработку консолидированного перечня угроз экологической безопасности с определением наиболее опасных и первоочередных; 3) разграничение угроз экологической безопасности на виды (классы) по основанию возможности их предупреждения, ликвидации или частичной нейтрализации; 4) определение специфических форм и методов осуществления экологической функции государства в контексте обеспечения экологической безопасности в рассматриваемом ее измерении [28, с. 32].

Отметим, что если понятие «экологическая безопасность» содержится во многих законодательных актах Республики Беларусь и ей дается соответствующее определение, то понятие «обеспечение экологической безопасности» является не столь широко используемым в актах законодательства. Нет также единого понимания и четкого закрепления конкретных мер обеспечения экологической безопасности. Так, Закон Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» в ст. 18 содержит указание на то, что обеспечение экологической безопасности и сохранение благоприятной окружающей среды гарантируется нормированием в области охраны окружающей среды. Закон «О радиационной безопасности населения» содержит перечень мер и мероприятий, направленных на обеспечение радиационной безопасности. Закон Республики Беларусь «О пожарной безопасности» гласит, что «пожарная безопасность обеспечивается при-

ведением объектов и населенных пунктов в такое состояние, при котором исключается возможность возникновения пожара либо обеспечивается защита людей и материальных ценностей от пожара» [29, ст. 14]. Таким образом, нормативные правовые акты Республики Беларусь не содержат четкого определения «обеспечение экологической безопасности», но отдельные законодательные акты содержат указания на меры и уровень защищенности населения, в первую очередь, от различных техногенных воздействий.

На основе анализа имеющихся доктринальных определений термина «обеспечение экологической безопасности» и законодательного регулирования различных аспектов соответствующей деятельности сущность обеспечения экологической безопасности территорий, подвергшихся загрязнению в результате техногенного воздействия, видится в следующем определении: «Обеспечение экологической безопасности территорий, подвергшихся загрязнению в результате техногенного воздействия, – это деятельность государственных органов и должностных лиц, общественных организаций, физических и юридических лиц, направленная на достижение состояния окружающей среды, соответствующего нормативам качества окружающей среды, санитарно-гигиеническим нормативам, а также недопущение в будущем нарушений указанных нормативов вследствие антропогенной деятельности и природных явлений, вызванных антропогенной деятельностью».

Заключение

Таким образом, анализ нормативных источников, научных теоретических исследований по данному вопросу позволяет сделать вывод, что под термином «экологическая безопасность территорий, подвергшихся загрязнению в результате техногенного воздействия» следует понимать «состояние защищенности окружающей среды, жизни и здоровья граждан от возможного и существующего вредного воздействия хозяйственной и иной деятельности и природных явлений, вызванных антропогенной деятельностью, при котором достигаются благоприятные условия жизнедеятельности человека, рациональное использование природных ресурсов и устойчивое социально-экономическое развитие страны». Исходя из предложенного определения, под термином «обеспечение экологической безопасности территорий, подвергшихся загрязнению в результате техногенного воздействия», следует понимать «деятельность государственных органов и должностных лиц, общественных организаций, физических и юридических лиц, направленную на достижение состояния окружающей среды, соответствующего нормативам качества окружающей среды, санитарно-гигиеническим нормативам, а также недопущение в будущем нарушений указанных нормативов вследствие антропогенной деятельности и природных явлений, вызванных антропогенной деятельностью».

Эти определения могут быть использованы при разработке системных правовых мер по обеспечению экологической безопасности территорий, подвергшихся загрязнению в результате техногенного воздействия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шудегов, В.Е. За экологическую безопасность Российской Федерации / В.Е. Шудегов // Проблемы окружающей природной среды. – 2003. – № 3. – С. 2–6.
2. Состояние природной среды Беларуси : ежегод. экол. бюл. 2011 г. / под общ. ред. В.Ф. Логинова. – Минск : Минсктиппроект, 2012. – 363 с.
3. Колбасов, О.С. Концепция экологической безопасности (юридический аспект) // Сов. гос-во и право. – 1988. – № 12; Реймерс, Н.Ф. Природопользование : словарь-справочник / Н.Ф. Реймерс. – М. : Мысль, 1990. – 637 с.
4. Тимошенко, А.С. Глобальная экологическая безопасность – международно-правовой аспект / А.С. Тимошенко // Сов. гос-во и право. – 1989. – № 1. – С. 84–93.

5. Железна, С. Екологічна та демографічна безпека – важливі складові національної безпеки та державної політики України в галузі охорони здоров'я / С. Железна, Я. Радиш // Вісн. Укр. акад. держ. управління при Президентові України. – 2003. – № 2. – С. 109–115.

6. Экологическое право : учеб. пособие / С.А. Балашенко [и др.]; под ред. Т.И. Макаровой, В.Е. Лизгаро. – Минск : Изд. центр БГУ, 2008. – 495 с.

7. Голованов, С.В. Правовое обеспечение экологической безопасности в процессе обращения с отходами производства (сравнительно-правовой аспект) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.06 / С.В. Голованов; БГУ. – Минск, 2010. – 134 с.

8. Об охране окружающей среды : Закон Респ. Беларусь, 26 нояб. 1992 г., № 1982–XII : в ред. Закона Респ. Беларусь от 26.10.2012 г. // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.

9. Об утверждении Концепции национальной безопасности : Указ Президента Респ. Беларусь, 08 нояб. 2010 г., № 575 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 30.12.2011 г. // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.

10. О радиационной безопасности населения : Закон Респ. Беларусь, 5 янв. 1998 г., № 122-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 06.11.2008 г. // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.

11. О модельном экологическом кодексе для государств – участников СНГ : Постановление Межпарламент. ассамблеи государств – участников СНГ, 16 янв. 2006 г. № 27-8 // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.

12. О новой редакции модельного закона «Об экологической безопасности» : Постановление Межпарламент. ассамблеи государств – участников СНГ, 15 нояб. 2003 г., № 22-18 // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.

13. Об охране окружающей среды : Федеральный закон Российской Федерации, 10 янв. 2002 г., № 7-ФЗ : в ред. Закона Российской Федерации от 25.06.2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=131664>. – Дата доступа : 06.03.2013.

14. Об охране окружающей среды : Закон Кыргызской Республики, 16 июня 1999 г., № 53 : в ред. Закона Кыргызской Республики от 6.08.2005 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.wwf.ru/about/where_we_work/asia/closed/econet/legislation/kyrgyzstan/envprotection/htm. – Дата доступа : 06.03.2013.

15. Об экологической безопасности : Закон Азербайджанской Республики, 8 июня 1999 г., № 677-ІІ : в ред. Закона Азербайджанской Республики от 07.12.2007 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.base.sprinform.ru/show_doc/fwх?rgn=2682. – Дата доступа : 06.03.2013.

16. Экологический кодекс Респ. Казахстан : принят 9 янв. 2007 г., № 212-ІІІ-ЗРК : по сост. на 24.12.2012 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.zakon.kz/141149ekologicheskijkodeks.html>. – Дата доступа : 06.03.2013; О национальной безопасности Респ. Казахстан : Закон Респ. Казахстан, 6 янв. 2012 г., № 527-ІV [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://ru.government.kz/docs/z1200000527201206-21.htm>. – Дата доступа : 06.03.2013.

17. Про охорону навколишнього природного середовища : Закон України, 26 июня 1991 г., № 1268-ХІІ : в ред. Закона Украины от 18.11.2012 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [zakon2/rada.gov.ua/laws/show/1264_12](http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/1264_12). – Дата доступа : 06.03.2013.

18. Безпечність промислових підприємств: терміни та визначення : ГОСТ ДСТУ 2156-93. – введ. 19.12.1995. – Київ : НВК «Київський інститут автоматики»; НТЦ з ядерної та радіаційної безпеки при Держкомітеті України з ядерної і радіаційної безпеки; НВП «Топаз-Інформ»; РВПС України АН України, 1995. – 19 с.

19. Хребтова, Т.В. Экологическая безопасность : конспект лекций / Т.В. Хребтова – Керчь : Керч. гос. морской технолог. ун-т, 2010. – 101 с.

20. Злотникова, Т.В. Законодательные основы экологической безопасности в Российской Федерации (теоретико-правовые аспекты) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Т.В. Злотникова; Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ. – М., 1995. – 22 с.

21. Бринчук, М.М. Обеспечение экологической безопасности как правовая категория / М.М. Бринчук // Гос-во и право. – 2008. – № 9. – С. 30–42.

22. Копылов, М.Н. Введение в экологическое право : учеб. пособие / М.Н. Копылов. – М., 2007. – С. 25.

23. Велиева, Д.С. К вопросу о формировании концептуальных основ экологической безопасности Российской Федерации / Д.С. Велиева // Современное право. – 2008. – № 12. – С. 29–32.

24. Голиченков, А.К. Охрана окружающей природной среды, обеспечение экологической безопасности, обеспечение рационального использования природных ресурсов: термины, содержание, соотношение / А.К. Голиченков // Сб. материалов всерос. науч.-практ. конф. Юбилейный вып. 1995–2004 гг. : в 3 т. / сост.: А.К. Голиченков, И.А. Игнатьева, А.О. Миняев; под ред. А.К. Голиченкова. – М. : ТИССО, 2004. – Т. 2. – С. 37–43.

25. Лагунова, А.И. Региональные особенности правового обеспечения экологической безопасности Российской Федерации : автореф. дис. ... докт. юрид. наук : 12.00.06 / А.И. Лагунова; Саратов. гос. акад. права. – Саратов, 2004. – 54 с.

26. Чертова, Н.А. Конституционно-правовые основы обеспечения экологической безопасности Российской Федерации (на опыте северных регионов) : дис. ... докт. юрид. наук : 12.00.02 / Н.А. Чертова; Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ. – М., 2007. – 409 с.

27. Макарова, Т.И. Эколого-правовая концепция как научная основа юридического закрепления отношений в сфере взаимодействия общества с окружающей средой / Т.И. Макарова // Право и демократия : сб. науч. тр.; редкол.: В.Н. Бибило (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2006. – С. 45–62.

28. Карпович, Н.А. Теоретические проблемы реализации экологической функции государства : автореф. дис. ... докт. юрид. наук : 12.00.06 / Н.А. Карпович; Нац. центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь. – Минск, 2012. – 47 с.

29. О пожарной безопасности : Закон Респ. Беларусь, 15 июня 1993 г., № 2403-ХП : в ред. Закона Респ. Беларусь от 30.11.2010 г. // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.

Zdanovich E.V. Problems of Legal Definition «Software Environmental Security Areas Exposed Pollution Caused by Exposure»

This article deals with the legal definition of the term «environmental security», «environmental security provision», in particular, «the ensure of environmental safety of territories contaminated as a result of anthropogenic impact». The analysis of legal acts of the Republic of Belarus and the CIS countries, as well as theoretical research conducted by the Belarusian, Russian, Ukrainian scientists is given. Based on this analysis, the author comes to the conclusion that there is the need to improve legislation on these issues and proposes the definition of the following terms: «environmental security of territories contaminated as a result of anthropogenic impact», «environmental security», «environmental security areas contaminated as a result of man-made impact».

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 01.06.2013

УДК 349.6

*Е.С. Станчик***РАЗГРАНИЧЕНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
И СМЕЖНЫХ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ**

В статье рассмотрен вопрос соотношения уголовной и административной ответственности за совершение правонарушений в области природопользования и охраны окружающей среды. Раскрыта сущность таких категорий, как общественная опасность, противоправность, виновность, наказуемость. Исследование опирается на действующее законодательство Республики Беларусь, а его результаты могут быть использованы в учебном процессе, а также для продолжения научных дискуссий в данной сфере.

Введение

Проблема разграничения преступлений и смежных административных правонарушений имеет важное теоретическое и особенно практическое значение. Значительная часть уголовно-правовых норм в сфере экологии сходна с нормами административными, что мотивирует актуальность проблемы четкого разграничения административной и уголовной ответственности в сфере природопользования и охраны окружающей среды. Выявление научно обоснованных критериев разграничения преступных и неправомерных видов экологических правонарушений имеет большое значение для квалификации нарушения. Правильная квалификация совершенных правонарушений является необходимым условием успешной борьбы с преступностью и гарантией законного и обоснованного применения мер правового воздействия.

Разграничение экологических преступлений и проступков по общим признакам, присущим экологическому правонарушению

В юридической литературе и законодательстве уделялось мало внимания вопросу выделения существующих критериев разграничения уголовно наказуемых деяний и аналогичных административных правонарушений.

Сначала необходимо уточнить, на чем базируется (в связи с чем применяется) тот или иной вид юридической ответственности. С одной стороны, в основании каждого вида ответственности лежит определенный вид правонарушения, с другой – каждому виду правонарушения должен соответствовать одноименный вид ответственности [1, с. 135]. Основанием уголовной ответственности служат преступные нарушения уголовного законодательства, установленные в Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь), в то время как основанием привлечения к административной ответственности является совершение административного правонарушения.

В УК Республики Беларусь и Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП Республики Беларусь) содержится немало норм, устанавливающих ответственность за смежные правонарушения. Так, в главе 26 УК Республики Беларусь «Преступления против экологической безопасности и природной среды» около половины перечисленных преступлений аналогичны с административными правонарушениями.

Эффективное противодействие любому правонарушению возможно только в том случае, если точно определено его понятие, социальная сущность. Традиционно право-

Научный руководитель – Л.Я. Абрамчик, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного права Гродненского государственного университета имени Я. Купалы

нарушение определяется как юридический факт, представляющий виновное, противоправное деяние деликтоспособного лица [2, с. 256]. Административным правонарушением признается противоправное виновное, а также характеризующееся иными признаками, предусмотренными КоАП Республики Беларусь, деяние (действие или бездействие), за которое установлена административная ответственность [3]. Преступление – это совершенное виновно общественно опасное деяние (действие или бездействие), характеризующееся признаками, предусмотренными УК Республики Беларусь, и запрещенное им под угрозой наказания [4].

В качестве общих признаков, присущих любому противоправному посягательству (как преступлению, так и административному правонарушению), в юридической литературе выделяют общественную опасность, противоправность, виновность, наказуемость. В теории преобладает позиция, согласно которой преступления и проступки разграничиваются по степени общественной опасности, или «вредности». Представляется, что общественная опасность – это совокупное свойство объективных и субъективных признаков правонарушения, которые все вместе определяют характеристику деяния и оцениваться могут только во взаимосвязи с другими признаками.

Причиненный преступлением вред более значителен, мотивация низменней, способы совершения деяния более дерзкие. Признак «общественная опасность» законодатель закрепляет только в уголовном законодательстве, определяя преступление [5, с. 58]. Анализ и учет всех обстоятельств, повышающих общественную опасность деяния или, напротив, понижающих ее, позволяют разграничивать административные правонарушения и преступления, правильно квалифицировать противоправные посягательства, определять необходимую меру принуждения [6, с. 267].

Любое правонарушение противоправно и представляет собой нарушение запретов, ясно и недвусмысленно указанных в законе, в подзаконных актах, либо невыполнение обязанности, вытекающей из нарушения нормативно-правового акта, акта применения права, или заключенного на основе закона трудового или иного договора. Законом определены отдельные ситуации, когда деяние формально подпадает под признаки противоправного, но по существу не опасно и не вредно для общества и потому считается правомерным. В уголовном и административном праве указаны такие исключаяющие противоправность обстоятельства, как «необходимая оборона» (соразмерная защита от противоправных посягательств) и «крайняя необходимость» (действия для устранения опасности, которая не могла быть устранена другими средствами, если причиненный при этом вред является менее значительным, чем предотвращенный) [7, с. 305].

Отличительным признаком преступлений от других видов правонарушений (административных правонарушений) является характер противоправности. Только преступления могут повлечь за собой уголовное наказание по приговору суда с последующей судимостью. Правовые санкции иных правонарушений судимости не порождают, а само правовое воздействие может быть осуществлено и внесудебным органом [8, с. 61].

Обязательным признаком преступления и административного правонарушения является виновность. Вина – это определенное психическое отношение лица к совершенному им деянию. Вина может существовать в форме умысла либо в форме неосторожности [9, с. 18]. Наличие данного признака нашло свое закрепление в ст. 11 УК Республики Беларусь и ст. 2.1 КоАП Республики Беларусь. Отличие между виновностью как признаком экологического преступления и аналогичного экологического административного проступка заключается в том, что виновность касательно преступления означает, что таковым будет признаваться совершенное умышленно или по неосторожности деяние, предусмотренное УК Республики Беларусь, а относительно административного проступка – совершенное умышленно или по неосторожности деяние, предусмотренное КоАП Республики Беларусь.

Еще одним признаком экологических преступлений и экологических административных проступков является наказуемость. Совершение административного проступка влечет за собой применение со стороны государства к правонарушителю мер воздействия в виде лишений материального, морального или организационного характера [10, с. 43]. За каждое общественно опасное деяние, запрещенное уголовным законом, должна наступать уголовная ответственность в виде строго определенных лишений или ограничений. Объявляя то или иное деяние в качестве преступления, государство устанавливает те или иные меры уголовного наказания за их совершение. Уголовная наказуемость является признаком, отличающим преступление от иных видов правонарушения [11, с. 19].

Другие обстоятельства, используемые для разграничения преступлений и административных правонарушений в области природопользования и охраны окружающей среды

Для разграничения уголовно наказуемого деяния и административного проступка используются и иные обстоятельства, характеризующие состав экологического правонарушения, последствия противоправного деяния, размер нанесенного вреда и причиненного ущерба [12, с. 134]. Состав правонарушения – это то, из чего складывается само правонарушение, совокупность образующих его частей или элементов его структуры, результат его структурного анализа [13, с. 4].

«Состав правонарушения» – это совокупность таких элементов, как объект, объективная сторона, субъективная сторона и субъект. Объект – это то, на что направлено противоправное деяние [14, с. 315]. Непосредственным объектом экологических преступлений являются охраняемые уголовным законом общественные отношения по использованию отдельных видов природных ресурсов и объектов, обеспечению правопорядка при осуществлении конкретных видов воздействия на окружающую среду, экологической безопасности населения и территорий, по сохранению состояния и качества окружающей среды и ее компонентов [15, с. 289]. Объектом административного правонарушения являются специфические общественные отношения, урегулированные нормами права и охраняемые мерами административной ответственности [16, с. 236]. Объект же экологических проступков значительно шире объекта экологических преступлений, так как включает в себя наряду с экологической безопасностью отношения по природопользованию [17, с. 65].

Объективная сторона правонарушения – это противоправное деяние (действие или бездействие), его юридически вредные результаты и юридически значимая причинная связь между ними [18, с. 518–519]. В качестве элементов, составляющих объективную сторону, также рассматривают время, место и иные обстоятельства, при которых было совершено противоправное деяние, приемы и средства совершения правонарушения [19, с. 627].

Для определения объективной стороны того или иного противоправного деяния необходимо обращение к различным актам законодательства Республики Беларусь (например, к Законам Республики Беларусь «Об охране окружающей среды», «О животном мире», «О растительном мире», Кодексу Республики Беларусь о земле и др.). Установление объективной стороны противоправных деяний – процесс достаточно сложный и трудоемкий. Представляется, что решение проблемы определения объективной стороны заключается в систематизации экологического законодательства на основе уголовно-правовых и административных норм в сфере природопользования и охраны окружающей среды. Противоправное деяние может выражаться как в активных действиях, так и в бездействии. По конструкции объективной стороны составы экологических правонарушений подразделяются на формальные и материальные.

В ходе выявления экологических противоправных деяний особое значение имеет выявление причинной связи между деянием и наступившими вредными последствиями или возникновением угрозы причинения вреда окружающей среде, здоровью людей. Судам необходимо устанавливать причинную связь между совершенными действиями (бездействием) и наступившими вредными последствиями либо между деянием и возникновением угрозы причинения физического или экологического вреда и выяснять, не вызваны ли эти последствия иными факторами и не наступили ли они вне зависимости от установленного нарушения, а равно и то, не совершены ли действия в состоянии крайней необходимости [20].

К числу основополагающих признаков объективной стороны экологического правонарушения относится причинение вреда окружающей среде, здоровью человека или реальная угроза такого причинения [21, с. 141]. Применительно к окружающей среде причиненный вред может быть представлен в виде реальных и предполагаемых потерь в природной среде. Потери выражаются в форме ущерба (реальные потери, уменьшения в природной среде: уничтожение животных, лесных массивов, истощение вод, почв как снижение плодородия) и убытков (расходы, связанные с восстановлением нарушенного состояния в природе, недополученные доходы, упущенная выгода, экологические потери) [22, с. 136]. Совершение экологических преступлений в отличие от аналогичных административных проступков может причинить вред либо создать угрозу причинения такого вреда не только окружающей среде, но и здоровью человека, в том числе их совершение может повлечь и смерть человека. Причинение ущерба в крупном или особо крупном размере – последствие, которое также отличает экологические преступления и проступки.

Субъективная сторона экологического правонарушения характеризуется виной правонарушителя. Как уже отмечалось выше, вина может существовать в форме умысла либо в форме неосторожности. Отличие в данном случае состоит в том, что ответственность за совершение экологических преступлений, совершенных умышленно или по неосторожности, наступает в соответствии с УК Республики Беларусь, а за совершение экологических проступков – в соответствии с КоАП Республики Беларусь.

Согласно постановлению Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 18 декабря 2003 г. № 13, судам надлежит иметь в виду, что основанием уголовной ответственности за преступления с признаками административной преюдиции является умышленное совершение виновным запрещенного уголовным законом деяния. Совершение в таких случаях деяния по неосторожности в течение года после наложения административного взыскания за такое же нарушение при отсутствии последствий в виде заболевания людей, смерти или причинения ущерба в крупном размере влечет административную ответственность.

Субъектами экологического правонарушения могут быть юридические, должностные и физические лица, иностранные юридические лица и граждане, совершившие правонарушения, связанные с природопользованием и охраной окружающей среды [23, с. 160]. Однако не все указанные субъекты могут быть, например, субъектами экологического преступления. Так, ими могут быть только граждане, включая и иностранных. Но вопрос об уголовной ответственности дипломатических представителей иностранных государств и иных граждан, которые пользуются иммунитетом, при совершении этими лицами экологического преступления разрешается в соответствии с нормами международного права. В некоторых случаях эти субъекты могут и не привлекаться к уголовной ответственности [24, с. 69]. Юридические лица, согласно законодательству Республики Беларусь, не могут быть субъектами уголовного преступления.

Административной ответственности подлежит физическое лицо, к моменту совершения правонарушения достигшее шестнадцатилетнего возраста, за исключением

случаев, когда лицо за совершенное противоправное деяние подлежит административной ответственности в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет (например, за совершение правонарушения, предусмотренного ст. 15.58 КоАП Республики Беларусь «Разжигание костров в запрещенных местах»).

Субъекты экологических преступлений – это физические лица, достигшие шестнадцатилетнего возраста [25, с. 154]. За совершение экологических преступлений законодательство Республики Беларусь устанавливает более суровое наказание, чем за совершение административных проступков. Административные правонарушения относительно неопасны в сравнении с уголовными преступлениями, а поэтому административные взыскания носят более мягкий характер.

Граница между преступлениями и административными проступками достаточно условна и подвижна. В различные периоды развития общества уголовные преступления могут становиться административными, и, наоборот, административное правонарушение в силу определенных обстоятельств может стать уголовно-наказуемым деянием.

Заключение

Анализируя вышеизложенное, опираясь на законодательство Республики Беларусь, научные исследования в сфере природопользования и охраны окружающей среды, можно сделать следующие выводы:

1. Вопрос о месте каждой нормы в системе отраслей права необходимо решать с учетом результатов научных исследований, социально-политической обстановки в государстве. В противном случае возможно, например, необоснованное отнесение нормы к уголовному кодексу или кодексу об административных правонарушениях, что искажит действительную картину социальной жизни.

2. УК Республики Беларусь и КоАП Республики Беларусь содержат немало норм, устанавливающих ответственность за смежные правонарушения.

3. Разграничить уголовные и административные противоправные деяния можно по следующим основаниям:

а) степень общественной опасности и характер противоправности совершенного деяния;

б) виновность лица, совершившего противоправное деяние в сфере природопользования и охраны окружающей среды;

в) характер наказания за совершенное деяние;

г) иные обстоятельства, характеризующие состав экологического правонарушения (объект и субъект преступления или административного проступка, характер совершенного деяния, юридические последствия деяния и т.п.).

4. Проблема разграничения преступлений и смежных административных правонарушений имеет важное теоретическое и особенно практическое значение. Результаты исследования могут послужить основой для продолжения научных дискуссий в данной сфере, могут быть использованы в учебном процессе. Выявление научно обоснованных критериев разграничения преступных и не преступных видов экологических правонарушений имеет важное значение для квалификации нарушения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Скворцова, А.В. Отграничение уголовно наказуемой порубки леса от аналогичного административного деликта / А.В. Скворцова // Уч. записки Таврич. ун-та имени В.И. Вернадского. – 2006. – № 2. – С. 135.

2. Шавырина, А.С. Вопросы соотношения преступлений и смежных административных правонарушений / А.С. Шавырина // Пробелы в российском законодательстве. – 2010. – № 1. – С. 256.

3. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях : принят Палатой представителей 17 дек. 2002 г. : одобр. Советом Респ. 02 апр. 2003 г. : текст по состоянию на 28 авг. 2012 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2012. – № 2/1980.

4. Уголовный кодекс Республики Беларусь : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : текст по состоянию на 26 дек. 2012 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2012. – № 2/1987.

5. Сверчков, В.В. Уголовное право. Общая часть : краткий курс лекций / В.В. Сверчков. – М., 2004. – 256 с.

6. Гавриленко, Д.А. Административное право : учеб. пособие / Д.А. Гавриленко, С.Д. Гавриленко; под ред. Д.А. Гавриленко. – Минск : Амалфея, 2002. – 416 с.

7. Общая теория права : учебник для юрид. вузов / Ю.А. Дмитриев [и др.] ; под общ. ред. А.С. Пиголкина. – М. : Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 1998. – 384 с.

8. Кадников, Н.Г. Уголовное право. Общая и Особенная части / Н.Г. Кадников [и др.]; под ред. Н.Г. Кадникова. – Городец, 2006. – 944 с.

9. Смирнов, М.М. Уголовное право. Общая часть / М.М. Смирнов. – М. : А-Приор, 2007. – 112 с.

10. Миколенко, А.И. Административный процесс и административная ответственность в Украине : учеб. пособие / А.И. Миколенко. – Харьков : Одиссей, 2004. – 272 с.

11. Батычко, В.Т. Уголовное право. Общая и особенная части / В.Т. Батычко. – Таганрог : ТГРУ, 2006. – 325 с.

12. Трунцевский, Ю.В. Экологическое право : учеб. пособие / Ю.В. Трунцевский, Н.Е. Саввич. – М. : Центр ЮрИнфоР, 2001. – 301 с.

13. Грызунова, Е.В. Правонарушение: юридический состав и его особенности (применительно к различным видам правонарушений) / Е.В. Грызунова; под ред. М.И. Байтина. – Саратов, 2002. – 36 с.

14. Абдулаев, М.И. Теория государства и права / М.И. Абдулаев. – М. : Финансовый контроль, 2004. – 410 с.

15. Дубовик, О.Л. Экологическое право / О.Л. Дубовик. – М. : Проспект, 2003. – 584 с.

16. Четвериков, В.С. Административное право / В.С. Четвериков. – Ростов н/Д : Феникс, 2004. – 512 с.

17. Артамонова, М.А. О некоторых проблемах разграничения экологических преступлений и проступков / М.А. Артамонова // Вест. Самар. гуманитар. академ. Сер. Право. – 2009. – № 1 (5). – С. 65.

18. Нерсисянц, В.С. Общая теория права и государства : / В.С. Нерсисянц. – М. : НОРМА-ИНФРА М, 1999. – 552 с.

19. Марченко, М.Н. Теория государства и права : учебник / М.Н. Марченко. – М. : Проспект, 2004. – 640 с.

20. О применении судами законодательства об ответственности за правонарушения против экологической безопасности и природной среды : постановление Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь, 18 дек. 2003 г., № 13 : в ред. постановления Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь от 2 июня 2011 г. № 3 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2011. – 6/1038.

21. Экологическое право : учеб. пособие / С.А. Балашенко [и др.] ; под ред. С.А. Балашенко, Т.И. Макаровой, В.Е. Лизгаро. – Минск : Вышэйшая школа, 2009. – 137 с.

22. Цыпарков, Н.Г. Экологическое право : учеб.-метод. комплекс / Н.Г. Цыпарков. – Минск : Изд-во МИУ, 2009. – 219 с.
23. Нецветаев, А.Г. Экологическое право : учеб.-практ. пособие / А.Г. Нецветаев. – М. : МГУ экономики, статистики и информатики, 2006. – 223 с.
24. Ивакин, В.И. Теория юридической ответственности за экологические правонарушения и практика ее осуществления / В.И. Ивакин. – М. : Право и государство, 2004. – 257 с.
25. Тангиев, Б.Б. Проблемы правового регулирования экологических преступлений в современном законодательстве / Б.Б. Тангиев, И.Л. Третьяков // Вест. С.-Петербург. у-та МВД России. – 2005. – № 3 (27). – С. 154.

Stanchyk E.S. Differentiation of Environmental Crimes and Related Administrative Offences

The article discusses the issue of the relationship of criminal and administrative liability for offences in the sphere of nature management and environmental protection. The essence of such categories as public danger, the wrongfulness and culpability punishability is revealed. The research is based on current legislation of the Republic of Belarus. The article may have theoretical and practical importance for the solution of problems of the issue. The results of the research could serve as a basis for the continuation of the scientific debate in this field, and be used in the educational process.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 11.04.2013

УДК 343.915

*Е.А. Шаркова***К ВОПРОСУ О ФАКТОРАХ КРИМИНАЛИЗАЦИИ
ЛИЧНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПРЕСТУПНИКА**

В статье рассматриваются результаты социологического опроса несовершеннолетних правонарушителей отдельных категорий, а также последние данные уголовной и судебной статистики. Определены доминирующие факторы криминализации личности несовершеннолетнего преступника, такие как семейное неблагополучие, асоциальное окружение, алкоголизм и наркомания. Указан ряд мер по предупреждению формирования и криминализации личности несовершеннолетнего преступника.

На рост правонарушений несовершеннолетних доминирующее влияние оказывают криминогенные факторы микросоциального уровня. К таким факторам относятся: семейное неблагополучие (неграмотное и недостаточное семейное воспитание); асоциальное окружение подростка вне дома (недоработка организации досуга детей и подростков по месту жительства); распространенность среди молодежи пьянства и наркомании (безнаказанность правонарушителей, низкий уровень работы по предупреждению правонарушений). На втором месте находятся криминогенные факторы, связанные с особенностями личности и образа жизни несовершеннолетних правонарушителей: поведение, нравственно-психологические качества, возраст, врожденные качества личности, правовая неграмотность. На третье место криминологи ставят социально-ситуативные криминогенные факторы, связанные с обстоятельствами проблемных и конфликтных жизненных ситуаций. На четвертом месте – криминогенные факторы общего социального характера: СМИ, кино- и видеопродукция, несовершенство законодательства, практики применения ответственности и наказания, кризис и противоречивость системы духовных ценностей в обществе, социально-экономическая ситуация в стране и регионе, определенное материальное расслоение в обществе и социальная несправедливость, безработица и другие.

В современном обществе стремительно утрачивается вековая стабильность нормальных здоровых семейных отношений, поэтому первым, на наш взгляд, доминирующим фактором криминализации личности несовершеннолетнего является семейное неблагополучие. Семья представляет собой малую социальную группу, основанную на брачном союзе и кровном родстве, члены которой связаны общностью быта, взаимопомощью и взаимной моральной ответственностью [1, с. 79]. Семье принадлежит ведущая роль в процессе формирования личности несовершеннолетнего, именно в ней человек получает опыт социального взаимодействия, семья – первый коллектив, который дает человеку представление о жизненных ценностях.

Такой доминирующий фактор, как семейное неблагополучие, представляет собой комплекс негативных процессов, оказывающих отрицательное воздействие на личность подростка при ее формировании и способных в сочетании с конкретной жизненной ситуацией детерминировать у нее преступное поведение.

Физические и эмоциональные сдвиги, происходящие в подростковом периоде, пробуждают у лиц данного возраста новые мироощущения, влияющие на их поведение

Научный руководитель – В.А. Ананич, доктор исторических наук, профессор, кандидат юридических наук, профессор кафедры уголовно-исполнительного права Академии МВД Республики Беларусь

как между собой, так и с окружающими их людьми. Изменения, происходящие в формирующемся организме подростка, могут вызвать стрессовую ситуацию. Подросток становится непослушным, агрессивным, болезненно реагирует на малейшую обиду, критически оценивает поведение собственных родителей. У него появляются другие авторитеты, родительский пример уже не воспринимается им беспрекословно, как в детстве. Недостатки и противоречия в поведении близких подростки воспринимают очень болезненно, особенно если у родителей слова расходятся с делами [2, с. 283].

Любая деформация семьи, а также нарушение ее структурной целостности приводят к отрицательным последствиям в развитии личности несовершеннолетнего. Согласно данным социологического опроса, проведенного Министерством юстиции Республики Беларусь в 2012 г., среди несовершеннолетних правонарушителей 42,6% воспитывались в семьях с отцом и матерью, а остальные проживали либо с одним родителем (33,1%) (с матерью – 29,9%, с отцом – 3,2%) либо с другими родственниками (3,6%) или опекунами (2,3%). В детском доме (интернате) воспитывались 4,5% опрошенных подростков. При этом среди подростков, проживающих в деревне, доля воспитывающихся в полной семье значительно выше и составляет 51,5%, а в городе Минске, наоборот, ниже – 39,0% [3, с. 30].

Также наряду с указанными выделяются и другие внутрисемейные причины, влияющие на психологическую и нравственную деформацию личности несовершеннолетних правонарушителей:

- развод родителей (46,9% опрошенных);
- появление в семье отчима (мачехи) (33,5% подростков);
- смерть одного из родителей (25,4%);
- лишение родительских прав (14,6%);
- употребление родителями наркотиков (2,4%) или токсических веществ (1,5%);
- неполная (33,1%) и материально недостаточно обеспеченная семья (13,7%);
- дефекты семейного воспитания, грубое воспитание мальчика отцом, недостаточный надзор и безразличное отношение родителей, атмосфера холодности и отчужденности, отсутствие согласия и конфликтность в семье (у 13,1% в детстве и у 17,6% непосредственно до совершения правонарушения);
- аморальный образ жизни родителей (у 17,6% отец и у 10,5% мать злоупотребляли спиртными напитками);
- невысокий культурно-образовательный уровень родителей (6%), их антиобщественный образ жизни (у 5,5% отец, у 6,3% мать не работали; у 4,2% отец, у 2,2% мать состояли на учете в милиции; у 5,3% отец, у 1,8% мать совершили преступление; у 6,7% отец, у 1,9% мать отбывали наказание в колонии).

При внимательном изучении проблемных подростков и условий, в которых они живут, можно выделить три основных типа семей, где атмосфера способствует криминализации личности несовершеннолетнего:

1. «Конфликтная семья». В ней по психологическим причинам личные взаимоотношения между супругами строятся в напряженном взаимодействии. Один из родителей может занимать главенствующее положение, подавляя своей властью остальных. Здесь на первый план выходят не экономические, а эмоциональные проблемы. Взаимоотношения в такой семье далеки от равновесия, часто провоцируются скандалы. Авторитарный стиль вызывает у детей отчуждение от родителей, чувство своей незначительности в семье. А родительские требования, которые кажутся ребенку необоснованными, вызывают у него протест и агрессию.

В ходе исследования установлено, что у четверти опрошенных подростков-правонарушителей между родителями в семье имели место негативные проявления, такие как частые ссоры, скандалы (13,8%), отсутствие взаимопонимания и прохладные отно-

шения (8,4%), драки, насилие (1,9%). Применение физических наказаний, издевательств, побоев со стороны матери отметили 3,8% опрошенных, со стороны отца – 7,9%; постоянный строгий контроль, недовольство, ругань со стороны матери – 11,8%, со стороны отца – 17,2%. Поводами такого отношения к подросткам чаще всего были плохая учеба (45,7%), прогулы уроков в школе (30,1%) и плохое поведение в школе (27%), а также дружба с компанией, которая не нравилась родителям (28,1%), употребление алкоголя (22,3%), хулиганство во дворе (16,5%), уход из дома без спроса (16,1%) [3, с. 31].

Спасаясь от жестокого обращения, дети уходят от родителей и оказываются в ситуациях, опасных для жизни и здоровья. Подростки сбегает из дома, стремясь, как им кажется, наиболее легким путем разрешить жизненные трудности, связанные с нарушением эмоциональных связей с родителями, конфликтными ситуациями в семье.

2. «Асоциальная семья». Ее особенностью является негативная позиция родителей, выражающаяся в передаче детям таких отношений к общественным ценностям, нормам и требованиям, под воздействием которых происходит формирование представлений и установок, не соответствующих общепринятым. Несовершеннолетние из таких семей, как правило, воспитываются в условиях высокой криминализации межличностных отношений. В результате антиобщественное поведение родителей пагубно влияет на физическое и нравственно-психологическое развитие детей, способствует их алкоголизации, аморальному и противоправному поведению.

Основными причинами скандалов в семье, по мнению опрошиваемых подростков, являлись их плохое поведение (33,5%), употребление алкоголя отцом (21,1%), плохие взаимоотношения между родителями (11,2%), употребление алкоголя матерью (9,9%), братьями, сестрами (2,9%). Наркотики употребляют родители у 2,4% респондентов, токсические вещества – у 1,5%. Таким образом, около 20–25% несовершеннолетних правонарушителей воспитывалось в семьях, имеющих вредные социальные привычки и неблагоприятный нравственно-психологический климат.

3. «Педагогически несостоятельная семья». В результате попустительства и предоставления детям чрезмерной свободы действий порождается безнадзорность. В этом типе семьи родители не оказывают на детей непосредственного антиобщественного воздействия, но из-за недостатка времени, нехватки педагогических знаний они не уделяют детям должного внимания. В итоге теряется контроль над детьми и, предоставленные сами себе, они попадают под влияние криминальных элементов. В основном к опрошенным детям в таких семьях относились с любовью и заботой, однако недостаток внимания со стороны матери испытывали 7,1% респондентов, со стороны отца – 13,8%.

Неправильное воспитание детей, которое влечет за собой пренебрежение к труду, неумение преодолевать возникающие трудности, привычку удовлетворять абсолютно все желания, неуважение к другим, жадность, грубость, жестокость, лень, отсутствие критического отношения к своему поведению и чувства ответственности за собственные поступки формирует антиобщественную установку и может быть прямым источником преступления [4, с. 79].

Факторы семейного неблагополучия всегда влияют на формирование личности несовершеннолетнего. Безотчетная немотивированная жестокость, проявляемая некоторыми подростками по отношению к посторонним людям, не сделавшим им ничего плохого, нередко оказывается следствием просчетов в воспитательном процессе. Если же подобная агрессия направляется внутрь, она способна порождать заниженную самооценку, чувство вины, тревоги, а иногда толкать подростка к попыткам самоубийства. Результаты опроса подростков-правонарушителей свидетельствуют о серьезных психологических травмах, пережитых ими в семье, и высокой предрасположенности к суицидному поведению. По данным опроса, каждый десятый подросток пытался совер-

шить самоубийство (11,2%) (в г. Минске – 14,1%); среди подростков, осужденных к лишению свободы, этот показатель еще выше – 27,1%.

Семье принадлежит важная роль в ускорении экономического и социального развития общества, в воспитании подрастающего поколения. Как общество влияет на семью, создавая определенный ее тип, так и семья оказывает немалое влияние на развитие и образ жизни общества. Вся внутрисемейная атмосфера воздействует на подростка, формируя его как законопослушную личность, он нормально развивается только в атмосфере родительской любви, заботы и внимания. Если же эти условия не соблюдаются, получается отрицательный результат.

Следующим важным доминирующим фактором криминализации личности несовершеннолетнего правонарушителя является его ближайшее асоциальное окружение, которое часто деструктивно, конфликтно, аморально и противоправно. Исследование, проведенное Министерством юстиции Республики Беларусь, установило, что мотивом объединения подростков в группы неформального общения чаще всего является желание совместно проводить свободное время, употреблять алкоголь, сглаживать последствия плохих отношений в семье. В компании сверстников и знакомых, с которыми опрашиваемые подростки проводят досуг, преобладают теплые дружеские отношения (69,6%), но довольно часто случаются ссоры (34,6%). С друзьями подростки чаще всего встречаются во дворе дома (42,3%) или где придется (32,6%), в квартире одного из друзей – 27,3%; дома – 25,7%; в центре города, поселка – 23,8%; в подъезде дома – 13,9%.

Более чем у трети подростков-правонарушителей (32,8%) приятели, друзья нигде не работают и не учатся, злоупотребляют алкоголем (32,8%); 10,9% употребляют наркотики; 16,1% употребляют токсические вещества. Более чем у половины опрошенных друзья состоят на учете в органах внутренних дел, у 33,4% друзья совершили преступление, а у 20,3% отбывают наказание в колонии. Причем среди тех, кто был осужден к лишению свободы, друзей и приятелей, совершивших преступление и отбывающих наказание в колонии, значительно больше: 50,3% и 36,9% соответственно [3, с. 33].

Одним из факторов, толкующих подростков к совершению правонарушений, являются ограниченные возможности проведения досуга. По данным опроса, самыми распространенными формами проведения подростками свободного времени являются встречи с приятелями (62,3%), времяпрепровождение за компьютером (49,5%) и посещение дискотек, кафе (38,3%). Многие из опрошенных свободное время проводят за просмотром телевизора (31,1%) или видео (21,2%). Чтение книг и посещение театров, выставок, концертов привлекает только 12,7% и 3,5% подростков соответственно. На отсутствие занятий указали 8,6% опрошенных подростков, в г. Минске – 10,2%.

Ответ на вопрос о влиянии улицы на подростков не может быть однозначным. Общая закономерность заключается в том, что чем хуже у подростка отношения со взрослыми, тем большее влияние на него будут оказывать сверстники. И хорошо, если это влияние будет положительным, а не криминализирующим. В период, когда общество сверстников для подростка становится важнее общества взрослых, родители должны уметь тактично контролировать использование ребенком своего свободного времени, здесь может произойти прямое обучение преступному или аморальному поведению, обмен негативными взглядами и навыками.

Нормы и критерии, принятые в кругу неформального общения, становятся обязательными и настолько значимыми для индивида, что он принимает их некритично даже вопреки собственным представлениям и установкам. За право оставаться в группе он готов платить отказом от собственного «Я», причем не столько по убеждению, сколько из опасения стать изгоем среди своих ближайших друзей. Поэтому часто в преступлениях участвуют субъекты, которые в одиночку не совершили бы их [5, с. 26]. Неслучайно в структуре мотивации насильственных преступлений несовершеннолетних

доминирует мотив, связанный с подражанием своим кумирам, солидарностью с товарищами из ближайшего окружения. А все это дает основание сделать вывод, что отсутствие негативных источников воздействия на ребенка в семье еще не гарантирует его законопослушного поведения.

Представители преступного мира оказывают усиленное влияние на несовершеннолетних из внешней среды через хорошо организованную группу для проведения досуга. Кроме того в подобных группах удовлетворяется свойственная подросткам потребность в общении. Войдя в преступную группу, подросток нередко просто «мстит» обществу за свое унижительное положение в нем (материальное неблагополучие, пьянство родителей, отсутствие способностей). По мнению 25,2% подростков, причиной совершения ими правонарушения была реакция на сложившуюся ситуацию; 22% считают, что совершили правонарушение за компанию, не смогли отказаться; 18,5% – в состоянии алкогольного опьянения; 16,2% – по причине нехватки денег; 12,1 % – от незнания законов; 11,3% – хотели быстро обогатиться; 10,4% решили отомстить обидчику. Почти каждый десятый подросток (9,8%) считает, что причиной совершения правонарушения явилось то, что нечем было заняться в свободное время.

Анализ проведения подростками свободного времени показал: приобщение к культуре через художественную литературу, театр, самостоятельное творчество носит ситуативный, фрагментарный характер, что порождает дефицит духовности у многих молодых людей. Подростки, не способные самостоятельно сформировать личные культурные интересы, попадают под влияние антиобщественной молодежной субкультуры. Неорганизованность досуга, его бесконтрольность и бессодержательное проведение являются важным фактором, влияющим на совершение правонарушений несовершеннолетними. Эти проблемы сейчас характерны как для сельской местности, так и для городов, в особенности в тех случаях, когда молодежь проживает вне семей, в общежитиях, где ограничены возможности для культурного проведения досуга, занятия спортом, повышения уровня самообразования.

Для несовершеннолетних правонарушителей огромное значение имеет мнение товарищей, поэтому и представления о жизненной перспективе, возможном профессиональном росте формируются под влиянием дружественного окружения. В сущности, и родители, и школа не в полной мере занимаются этой стороной их воспитания. Чем меньше подросток сориентирован на профессиональную занятость, чем более очевиден его несерьезный подход к жизни, тем более вероятна его криминализация. У несовершеннолетних правонарушителей особую ценность имеют такие личные качества, как умение легко, не напрягаясь, зарабатывать деньги, бесцеремонность, физическая сила, изворотливость, также отмечается девальвация значимости труда для достижения материального благополучия.

Самым тяжелым доминирующим фактором криминализации несовершеннолетних является употребление спиртных напитков и наркотических средств. Деграция личности несовершеннолетних, злоупотребляющих алкоголем и наркотиками, происходит, как правило, гораздо интенсивнее, чем у взрослых. В настоящее время проблема употребления наркотиков и токсических веществ несовершеннолетними становится катастрофически угрожающей.

Как показывают результаты исследования, почти треть осужденных подростков (32,6%) совершили преступления в состоянии алкогольного опьянения. Из числа осужденных за убийство 80,0% совершили преступления в пьяном виде, за изнасилование – 61,5%, за хулиганство – 55,3%, за грабеж – 54,9%, за разбой – 53,1%, за нанесение тяжкого телесного повреждения – 51,4%. Эти цифры свидетельствуют о связи агрессивности в поведении подростков и употребления спиртных напитков. Более 25,0% несовершеннолетних правонарушителей состоят на учете в наркологическом диспансере

в связи с употреблением алкоголя; 2,4% – в связи с употреблением наркотиков; 3,6% – в связи с токсикоманией. Среди общего количества подростков 10,4% в той или иной степени имели отношение к употреблению наркотиков. Так, 9,3% из них пробовали, но в данный момент не употребляют наркотики, 0,9% пробовали и употребляют иногда в настоящее время и 0,2% пробовали и употребляют регулярно. У подростков, проживающих в г. Минске, эта цифра выше – 14,1%. Впервые попробовали наркотики 42% респондентов в 15–16 лет; 34,0% – в возрасте 13–14 лет; 19,7% – в возрасте 9–12 лет.

Употребление алкоголя среди подростков-правонарушителей имеет широкое распространение. На вопрос «Употребляете ли Вы алкогольные напитки?» положительно ответили 63,5% всех респондентов, а среди подростков, проживающих в районных городах или городских поселках, – 66,2%; в сельской местности – 60,5%. Среди осужденных к лишению свободы спиртные напитки употребляли почти все – 90,8%, а среди такой же категории несовершеннолетних, проживающих в районном городе (городском поселке), – 93,6%. Исследование показало, что употребление алкогольных напитков подростками в основном происходит по праздникам и другим значимым событиям (45,0%); 1–2 раза в месяц – 24,1% опрошенных; 1 раз в неделю – 15,0%; 3–4 раза в неделю – 8,8%; практически ежедневно – 7,4%. Таким образом, более трети респондентов употребляют алкоголь регулярно.

Устойчивая тенденция к омоложению потребителей спиртного и распространению алкоголизма среди несовершеннолетних представляет угрозу здоровью подрастающего поколения, обуславливает увеличение смертности среди подростков, в том числе от отравления алкоголем. По данным исследования, возраст первого употребления алкоголя у большинства респондентов колеблется от 12 до 14 лет, но не единичны случаи употребления алкоголя и в возрасте 9–10 лет (6,0%).

Рейтинг жизненных ценностей, характерный для всех респондентов, практически не отличается от рейтинга отдельных категорий опрошенных подростков. При беседах выяснилось, что у большинства подростков-правонарушителей, как и у законопослушной молодежи, наиболее значимую ценность имеют семья, работа и собственное здоровье. У подростков, осужденных к лишению свободы, градация причин совершения правонарушений отличается от других правонарушителей: потребность в деньгах (кражи), злоупотребление алкоголем, влияние компании. Это говорит о том, что в системе взглядов, привычек, особенностей личности и образа жизни несовершеннолетних правонарушителей сочетаются позитивные и негативные ценности, социальные стереотипы и привычки. По данным опроса, реальную вероятность совершения правонарушения в будущем допускают 7,5% опрошенных подростков; 6,4% считают, что существует большая вероятность такого развития событий, а 62,7% отрицают эту возможность. Категорически отрицают возможность совершения преступления 31,6% подростков-правонарушителей, остальные допускают, что преступление могут совершить, если так сложатся жизненные обстоятельства (30,1%): когда по-другому поступить нельзя (28,8%), с целью оказания помощи другу или приятелю (26,8%), если можно избежать ответственности и наказания (16,4%), если никто об этом не узнает (14,2%), когда это лично выгодно (13,1%).

Потребность подростка в общении и самоутверждении должна быть удовлетворена в благоприятных условиях на основе социально значимой, полезной деятельности. Если этого по каким-то причинам не происходит, самоутверждение осуществляется в ассоциальном окружении, в неформальных подростковых группах, уличных, дворовых компаниях в форме антиобщественных проявлений (распитие спиртных напитков, курение, хулиганство) и может стать опасным криминализирующим фактором. Удерживать от совершения правонарушений в будущем, по мнению подростков, в наибольшей степени сможет чувство страха перед уголовным наказанием (44,5%) и попаданием

в спецучреждение (29,7%). Сдерживающими факторами являются также стыд перед своей семьей и близкими (43,3%), сила воли (34,6%), желание нормальной жизни в обществе (30,3%), нежелание стать преступником (21,7%), забота и внимание родителей и родственников (19,9%). Только 10,6% подростков считают, что их может удержать от совершения правонарушений профилактический контроль со стороны милиции.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что у каждого седьмого подростка-правонарушителя после проведенной с ним воспитательно-профилактической работы не сформировалось внутреннего устойчивого неприятия возможности противоправного поведения. Каждый десятый подросток-правонарушитель нуждается в психологической и социальной помощи. К моменту, когда государственные и общественные институты, занимающиеся профилактической работой, подключаются к воспитанию ребенка из проблемных семей, он уже обладает достаточно сложным и устойчивым комплексом деформаций в нравственном и правовом воспитании.

Таким образом, для предупреждения формирования криминализации личности несовершеннолетнего рекомендуется:

1) формирование специализированного, профессионального и эффективно действующего органа управления и координации профилактики правонарушений несовершеннолетних в администрациях районов с учетом особенностей данного района;

2) исключение трудности понимания правоприменителями установленных в законодательстве сущностных аспектов и комплексного содержания профилактики, определения всего спектра собственных профилактических полномочий, которые порождают объективные сложности нормотворчества, связанные с оценкой законодателем уже реализованных правовых механизмов предупредительной деятельности, что обуславливает дублирование и декларативность ряда положений, пробелы правового регулирования;

3) более точное определение формы взаимодействия государственных и общественных структур системы профилактики, критериев эффективности профилактической деятельности и ответственность должностных лиц, осуществляющих профилактику;

4) создание специальных институтов судебного контроля за исполнением принимаемых в отношении несовершеннолетних мер воздействий;

5) исключение формализма при работе с несовершеннолетними, т.к. планирование работы с детьми слишком стандартизировано и происходит в основном без их участия, а в ряде случаев даже и без ознакомления их с такими планами;

6) поднятие уровня специальной (криминологической) подготовки работников субъектов профилактики, снабжение их грамотными методическими материалами, объясняющими механизмы формирования девиации, методов и форм предупредительной работы с несовершеннолетними правонарушителями.

Деятельность по предупреждению правонарушений несовершеннолетних должна быть составной частью социальной политики белорусского государства, одним из приоритетных направлений социального управления, и ее обязаны осуществлять в тесном взаимодействии органы государственной власти, управления, правопорядка и правосудия, учреждения образования, культуры, спорта и здравоохранения, молодежные и иные общественные организации, средства массовой информации, семья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Процесс воспитания: теория, методика, практика : учеб.-метод. пособие / В.А. Капранова [и др.] ; под ред. В.А. Капрановой. – Минск : БГПУ, 2009. – 138 с.
2. Кацубо, С.П. Молодежь и закон : пособие / С.П. Кацубо. – Минск : Тесей, 2011. – 352 с.

3. Барановский, Н.А. Отчет национального исследования эффективности профилактической работы с несовершеннолетними правонарушителями в Республике Беларусь / Н.А. Барановский [и др.] ; / Ген. прокуратура Респ. Беларусь, ГУ «Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Ген. прокуратуры Респ. Беларусь», Представительство Детского Фонда ООН (ЮНИСЕФ) в Респ. Беларусь. – Минск, 2012. – 246 с.

4. Колченогова, О.П. Состояние и причины преступности несовершеннолетних / О.П. Колченогова // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2003. – № 2. – С. 78–80.

5. Максименя, С.А. Преступность несовершеннолетних в Республике Беларусь. Криминологическая характеристика и оценка эффективности системы профилактики : монография / С.А. Максименя ; Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь. – Минск : БГУФК, 2008. – 117 с.

Sharkova E.A. On the Factors of Criminalization of the Personality of Juvenile Offender

This article is devoted to the results of the opinion poll of separate categories of juvenile offenders, as well as recent criminal and judicial statistics. The dominant factors of criminalization of the personality of juvenile offender, such as family disadvantages, asocial environment, alcoholism and drug addiction are determined. A number of preventive measures to the formation and criminalization of the personality of juvenile offender is set.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 26.03.2013

УДК 343

*Е.В. Соловей***ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОБМАНА И ПРОВОКАЦИИ ПРИ ДОПРОСЕ:
ВЗГЛЯДЫ ТЕОРЕТИКОВ И ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ**

В статье рассматривается проблема использования обмана и провокации при допросе, анализируются мнения ученых по этому спорному вопросу. Автор приходит к выводу, что определяющим критерием правомерности психического воздействия при допросе признается сохранение допрашиваемым свободы выбора своей позиции, в связи с чем предлагаются практические рекомендации по тактике допроса в уголовном процессе.

Введение

В юридической литературе высказываются различные мнения по поводу допустимости использования обмана со стороны должностных лиц, уполномоченных на проведение процессуальных действий, в процессе расследования (в частности, при допросе). Уголовно-процессуальным кодексом Республики Беларусь (далее – УПК) данный вопрос не урегулирован, в уголовном праве обман не является способом принуждения к даче показаний в смысле ст. 394 Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК).

В специальной криминалистической литературе часто встречаются такие выражения, как «следственная хитрость» и «психологическая ловушка». Они направлены на создание условий для формирования у лица, противодействующего расследованию (дающему ложные показания или отказывающемуся от дачи показаний), ошибочных представлений о тех или иных обстоятельствах дела, целях и осведомленности допрашиваемого и его действиях.

Некоторые ученые-юристы высказываются против использования терминов «хитрость» и «ловушка», обосновывая это тем, что «у допрашиваемого всегда остается свобода выбора и имеются условия для реализации этого выбора». К.В. Пронин не соглашается с такой точкой зрения и сравнивает применение следственных «хитростей» и «ловушек» с действиями «наперсточника». Получается, что его («наперсточника») действия не являются ни «хитростью», ни «ловушкой», поскольку у клиента остаются и свобода выбора, и условия для его реализации: он сам добровольно соглашается рискнуть своими деньгами в надежде на крупный выигрыш и имеет возможность наблюдать за действиями «партнера». Другое дело, что профессионализм «наперсточника» почти не оставляет любителю легкой добычи ни единого шанса на выигрыш. Названный автор считает, что в целях устранения противоречивых суждений необходимо называть вещи своими именами, тем более что семантически «целенаправленное формирование ошибочных представлений» и «сознательное введение в заблуждение» (или, проще говоря, обман) имеют одинаковую смысловую нагрузку [1].

При расследовании преступлений средством формирования ошибочных представлений служит тактическая комбинация, реализуемая в процессе допроса. Она включает формирование у допрашиваемого ошибочного представления об обстоятельствах, которые в действительности могли бы привести к нежелательным решениям и действиям, формирование у допрашиваемого ошибочного представления об осведомленности лица, проводящего расследование. Спорным является вопрос о возможности приме-

Научный руководитель – В.В. Лосев, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина

нения в ходе допроса т.н. инсценировки предъявления доказательств, когда как бы случайно предъявляются не доказательства, имеющиеся в наличии у следователя, а предметы, похожие на доказательства. Инсценировки обычно применяются, когда в деле нет реальных доказательств [1].

Рассмотрим классические примеры.

1. Подозреваемый в совершении кражи упорно отрицал на допросе свою причастность к преступлению. К следующему допросу следователь нашел один из предметов, аналогичный похищенному, и поместил его на сейф, накрыв газетой, но так, чтобы его можно было рассмотреть с места, на котором будет сидеть допрашиваемый. Пригласив подозреваемого, следователь стал детально расспрашивать его о предыдущей судимости, занятиях после освобождения из колонии, не затрагивая вопроса о краже. Подозреваемый все время бросал взгляд в сторону сейфа, отвечал на вопросы с промедлением, односложно, а затем, сказав: «Хватит об этом», – подробно рассказал о совершении кражи, о месте нахождения похищенного, где оно было обнаружено. Мог ли подозреваемый, не будучи причастным к краже, узнать этот предмет и таким образом прореагировать на него? Но правомерным подобный обман будет только тогда, когда подозреваемый без прямого давления со стороны следователя сам примет решение: реагировать на представленную информацию или сделать вид, что ничего не произошло [2].

2. При обыске в квартире А., проводившемся в его присутствии, было изъято сравнительно немного ценностей. Из оперативных источников следователю было известно, что у А. должно находиться значительно больше ювелирных изделий, украденных из ломбарда. Однако на допросах А. утверждал, что у него ничего больше нет. Тогда следователь решил прибегнуть к инсценировке. Перед вызовом А. на очередной допрос он разложил на своем столе золотые изделия и бриллианты, изъятые у других обвиняемых. Когда А. ввели в кабинет, он в течение нескольких секунд с отдаленного расстояния, исключающего возможность детального рассмотрения, смотрел на разложенные на столе ценности, которые следователь тут же начал убирать в пакет, бросив конвоиру фразу: «Подождите минуточку». Конвоир вывел А. в коридор, а когда вновь ввел его в кабинет, ценностей на столе у следователя уже не было. В ходе допроса следователь задавал вопросы, касавшиеся малозначительных деталей преступной деятельности А. Допрашиваемый был в подавленном состоянии, хотя и старался выглядеть равнодушным и не выдавать своего волнения. Возвратившись в камеру, он попросил бумагу и написал заявление, в котором указал места хранения всех ценностей, добытых преступным путем [1].

Прием «формирование ошибочного представления» достигается созданием условий для формирования у допрашиваемого ошибочного представления. Лицо, выстраивающее тактическую комбинацию, не формирует такого представления, не воздействует в этом направлении непосредственно на подсудимого, а только создает такие условия, при которых это формирование становится возможным. Случится это или нет – зависит и от мастерства допрашивающего, и от психологических качеств допрашиваемого. Прием «создание впечатления осведомленности следователя об обстоятельствах события» – это тоже формально обман, а, точнее, создание видимости знания, на которое допрашиваемый реагирует (или не реагирует) сам. В.П. Бахин приводит такой пример. При допросе подозреваемых в совершении краж из железнодорожных составов следователь широко использовал информацию специалистов о технологии обработки рефрижераторных поездов, режиме их работы, расположении и использовании в качестве тайников для перевозки похищенного секций, ниш и других мест поездов, применяемой железнодорожниками терминологии и т.п. Все это подозреваемые оценили как знание следователем конкретных фактов и обстоятельств совершенных ими преступлений и дали признательные показания [2].

По вопросу подобных действий мнения специалистов в области уголовного процесса и криминалистики кардинально расходятся. Некоторые ученые считают действия следователя эффективными, но противозаконными. Согласимся с мнением С.Ю. Якушина, который считает, что применение подобных тактических приемов допустимо. В данном случае следователь, ничего не сообщая допрашиваемому, демонстрирует ему определенную обстановку. Допрашиваемый воспринимает эту обстановку и истолковывает ее как свидетельствующую о том, что на допросе нет смысла лгать и следует говорить правду. От следователя не исходит никакой ложной информации, и то, что допрашиваемый ошибается в оценке ситуации, нельзя трактовать как обман со стороны следователя [3, с. 76]. С.Ю. Якушин, комментируя случаи применения подобных «психологических приемов», приводит мнения других ученых. Л.М. Карнеева, А.Б. Соловьев и А.А. Чувилов пишут, что «в ходе допроса можно использовать какие-либо предметы, документы, фотографии, не являющиеся доказательствами, но которые заведомо должны приковать к себе внимание подозреваемого, действительно совершившего преступление, и создать впечатление, что следователь располагает важной, если не решающей уликой» [3, с. 76].

С другой стороны, В.Н. Цомартов полагает, что «такая рекомендация по существу направлена на обман допрашиваемого», что «проведение инсценировок при допросе связано с выполнением таких действий, которые законом не предусмотрены» [3, с. 76]. А.Н. Васильев считает, что «следователь, создавая искусственно преувеличенное представление у допрашиваемого об объеме доказательств в подтверждение его вины, фактически становится на путь обмана» [3, с. 76].

В криминалистической литературе существует понятие «психологические реагенты», т.е. субъективно, личностно значимые элементы окружающей микросреды, которые связаны с расследуемым делом. Выступая в роли психологического реагента (раздражителя), эти объекты могут оказать значительное психологическое воздействие на носителя информации, его мысли, чувства, решения, поступки. В узком смысле это понятие включает в себя самые различные материальные объекты природы, тем или иным образом связанные с исследуемым криминальным или некриминальным поведением (следы-отпечатки, орудия преступления, документы, предметы посягательства и средства их транспортировки, аналоги последних и т.д.). Восприятие этих объектов допрашиваемым инициируется лицами, осуществляющими расследование, и может осуществляться по месту их обнаружения, т.е. в естественной для них материальной среде, либо в ином месте производства оперативно-розыскного, следственного действия, куда они ранее были перемещены из предшествующей среды их нахождения, например, в кабинете у следователя. Лицо, являющееся объектом тактического воздействия, восприняв указанный личностно значимый для него предмет, не останется безучастным наблюдателем, адекватноотреагирует вербальным или иным способом на полученную информацию и внесет коррективы в демонстрируемую ранее психологическую установку и предыдущее поведение. Это действие нередко приводит к разрушению ранее выработанной установки на отрицание вины и кардинальному изменению позиции в лучшую, с точки зрения установления истины, сторону [4].

Еще одной спорной тактической комбинацией, используемой при допросе, служит формирование у подозреваемого или обвиняемого ошибочного представления о целях тех или иных действий лица, проводящего расследование. Скажем, маскировка целей допроса – по форме обман, а по существу лишь средство получения информации. В.П. Бахин приводит следующий пример: преступники похитили значительные ценности у жителей Киева, Харькова и Москвы. Подозрение в причастности к данной группе пало на жителя Днепропетровска, который в период совершения этих преступлений выезжал из города на своей автомашине. Следователь пригласил его на допрос в помеще-

ние ГАИ и спросил, не проходил ли маршрут его поездки в указанный период через Вологду, где имело место дорожное происшествие с автомобилем сходных характеристик. Не зная истинного интереса следователя и стремясь защититься от подозрения в причастности к ДТП, допрашиваемый показал, что в Вологде он не был, а находился в этот период в Харькове, Киеве, Москве. При этом он сослался на данные, подтверждающие факт пребывания там [2].

В.П. Бахин пишет, что американцы в этом плане идут значительно дальше: чтобы добиться признания подозреваемого в совершенном преступлении, его обвиняют в несовершенном более тяжком, т.е. ставят перед выбором: сознаться в своем или подвергнуться возможной угрозе привлечения за чужое преступление. В этом приеме явно видны угроза и давление. Этот пример является свидетельством уже отмечавшейся необходимости разграничения правомерного и недопустимого [2]. Из сказанного можно сделать вывод: тактическая комбинация предполагает, что проводящее ее лицо маневрирует имеющейся у него информацией о следственной ситуации.

С.Ю. Якушин приводит слова А.М. Ларина: «следственная хитрость», «психологический прием» должны трактоваться как такой тактический прием или совокупность приемов, которые рассчитаны на то, что лица, желающие противодействовать расследованию, могут вопреки своим намерениям выдать существенную для дела информацию, что сущность «психологических приемов» состоит в умелом маневрировании информацией, и следователю не может быть поставлено в упрек как обман или ложь то обстоятельство, что заинтересованные в сокрытии истины лица при применении этих приемов ошибаются [3, с. 77].

Ценность подобных приемов заключается в том, что их применение способствует установлению истины по делу даже тогда, когда следствие не располагает достаточными доказательствами, и тем не менее лицо при отсутствии желания дать правдивые показания так или иначе добровольно их дает. Известно, что обман состоит в сообщении ложных сведений о положении дел или в извращении истинных фактов. Обмануть – значит намеренно ввести в заблуждение, сказав неправду. Конечно, обман можно толковать не только как сообщение ложных сведений, но и как действие или ряд действий, которые имеют целью склонить лицо, на которое они направлены, к ошибке, намеренно вызвать его заблуждение [3, с. 77].

Именно на это толкование обмана главным образом ссылаются авторы, полагающие, что психологические приемы при допросе – так или иначе обман, а поэтому они не должны использоваться. Очевидно, решая вопрос о допустимости использования подобных тактических приемов, эти авторы исходят лишь из общих положений морали.

Согласимся с авторами, которые считают, что решать вопрос о возможности использования подобных психологических приемов следует положительно с учетом принципа допустимости моральных компромиссов при расследовании преступлений. Однако надо помнить, что применять такие приемы можно только в том случае, когда это с необходимостью вызывается объективными особенностями сложившейся следственной ситуации и в конечном счете положительно влияет на решение задач предварительного расследования [3, с. 78].

Толковый словарь русского языка Д.Н. Ушакова дает несколько определений слова обман. И одним из них является такое: «Ошибочное, мнимое представление, иллюзия». Провокация (от лат. *provocatio* – вызов) – это подстрекательство, побуждение отдельных лиц, групп, организаций и т.д. к действиям, которые могут повлечь за собой тяжелые последствия.

В.П. Бахин приводит слова Р.С. Белкина о том, что реальный обман использовался и будет использоваться в рамках тактических аспектов деятельности следователя,

и нужно лишь выделить и запретить тот обман, который противоречит принципам и целям этой деятельности, угрожает нарушением прав и интересов личности [2].

Р.С. Белкин пишет, что в основе многих тактических комбинаций при допросе лежит такой прием, как создание условий для неправильной оценки недобросовестным допрашиваемым переживаемой ситуации. Как элемент рефлексивного управления этот прием рассчитан на возможную ошибочную оценку того или иного обстоятельства допроса лицом, действительно причастным к этому обстоятельству. Здесь нет ни обмана, ни принуждения допрашиваемого к выбору одной (ошибочной) позиции, ни воздействия, носящего наводящий характер. Дезинформация допрашиваемого, которая может явиться следствием применения этого приема – «дело рук» самого допрашиваемого [5, с. 618].

Р.С. Белкин приводит слова А.Р. Ратинова и Ю. П. Адамова: «Следователю нет нужды прибегать к ложным утверждениям, в его распоряжении имеется неограниченный запас таких средств, как прямой отказ в сообщении данных, которые хотят вывести заинтересованные лица, умолчание, реплики и заявления, допускающие многозначное толкование, создание ситуаций, скрывающих действительное положение дела, разнообразные вопросы, которые способны породить те или иные догадки у допрашиваемого. Такой образ действий, на наш взгляд, не противоречит критериям допустимости тактических приемов» [5, с. 618–619]. Таким образом, должен ставиться вопрос не о том, допустимы или нет обман, дезинформация, провокация и иные подобные средства, а когда и при каких обстоятельствах они могут выступать средствами деятельности, когда и при каких четко определенных условиях они могут использоваться и, соответственно, когда их применение недопустимо.

Р.С. Белкин первым открыто высказался о допустимости обмана и перечислил те случаи, когда обман принципиально недопустим: если обман основан на правовой неосведомленности допрашиваемого, незнании им своих прав и обязанностей, неправильном представлении о правовых последствиях своих действий; на заведомо невыполнимых обещаниях этому лицу; на фальсифицированных доказательствах; на дефектах психики допрашиваемого и иных его болезненных состояниях; на мистических и религиозных предрассудках допрашиваемого лица [2].

Заключение

Определяющими признаками правомерности психического воздействия признаются сохранение допрашиваемым свободы выбора своей позиции, наличие условий для ее выбора и изложения и непротиворечие воздействия принципам законности и нравственности. Т.е. у лица, в отношении которого используются эти средства, всегда должна оставаться возможность свободного выбора поведения. В качестве безальтернативного давления эти средства никогда использоваться не должны. При применении этих средств не должны допускаться нарушения прав личности [1].

Грань между допустимым тактическим приемом и грубой провокацией и обманом весьма прозрачна. Процессуальный закон не всегда может дать однозначный ответ на вопрос о допустимости того или иного приема, ведь каждый допрашиваемый обладает индивидуальными психофизиологическими характеристиками, и то, что может быть вполне допустимо для одного допрашиваемого, для другого может оказаться грубым давлением и психическим насилием. В идеале этот вопрос должен решаться в каждом конкретном случае индивидуально и с учетом не только процессуального закона, но и норм морали и нравственности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пронин, К.В. Тактика допроса в суде. Процессуальные и криминалистические аспекты : учебн. пособие для ВУЗов / К.В. Пронин // [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://fictionbook.ru/author/konstantin_vladimirovich_pronin/taktika_doprosa_v_sude_processualnyie_i_/read_online.html?page=1. – Дата доступа : 23.04.2013.
2. Бахин, В.П. Дезинформация и провокация как средство противодействия преступной деятельности / В.П. Бахин / Междунар. Славян. акад. наук // [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.agentura.ru/library/deza/>. – Дата доступа : 23.04.2013.
3. Якушин, С.Ю. Тактические приемы при расследовании преступлений / С.Ю. Якушин. – Казань : Издат. Казан. ун-та, 1983. – 104 с.
4. Образцов, В.А. Криминалистическая психология : учеб. пособие для вузов / В.А. Образцов, С.Н. Богомолова. – М. : Изд-тво Юнити-Дана, Закон и право, 2002г. – 448 с. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://books.vmg.pp.ua/Гуманитарное/Пси/Психология/Образцов%20В.А.,%20Богомолова%20С.Н.%20%20Криминалистическая%20психология.pdf>. – Дата доступа : 23.04.2013.
5. Криминалистика : учебник для ВУЗов / Р.С. Белкин [и др.] ; под общ. ред. Р.С. Белкина. – 2-е изд. – М. : Норма, 2004. – 992 с.

Solovei E.V. The Use of Artifice and Provocation during the Interrogation: Theorists' Views and Practical Recommendations

The article considers the problem of using artifice and provocation during the interrogation, analyses scientists' opinions on this question at issue. The author comes to the conclusion that the determining criterion of the validity of psychological impact during the interrogation is to keep by the interrogated person the freedom of choice of his/her position and in this connection practical recommendations on the interrogation tactics in criminal procedure are offered.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 12.09.2013

УДК 658.5001.76

Н.Д. Василенко

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ХОЗЯЙСТВЕННО-ПРАВОВЫХ РЕЖИМОВ ТЕХНОПАРКОВ И ТЕХНОПОЛИСОВ В КОНТЕКСТЕ ИЗМЕНЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ПАРАДИГМЫ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ В УКРАИНЕ

Представлен критический анализ неолиберальной экономической политики, господствующей в современном мировом хозяйстве. Обоснована закономерная необходимость смены парадигмы инновационного развития в современном мире и в Украине, в частности. Раскрыты методологические подходы и принципы в исследованиях специальных хозяйственно-правовых режимов технопарков и технополисов.

Введение

Современное мировое хозяйство характеризуется доминированием неолиберального экономического направления. При этом нельзя не учитывать влияние неолиберализма и на инновационную составляющую мирового хозяйства. Хозяйственные правоотношения зависят как от самой неолиберальной политики, так и норм права, порожденных ею. На практике сторонником либерализации рынка становится страна с сильной экономикой, для которой другие страны с ограничениями рынка являются препятствием в реализации собственной экономической экспансии.

При определении функций государства в современном рыночном хозяйстве все неолибералы практически единодушны в поддержке неограниченной конкуренции и свободных рыночных цен без участия государственного регулирования в соответствующих процессах. Государство в неолиберальной экономике должно играть активную роль только для поддержания функциональных возможностей рыночного хозяйства, обеспечения условий свободной конкуренции [1].

В Украине еще не сложилась стабильная система взаимозависимости олигархии и государственной власти, ее институтов. Из двух существующих в мире на время провозглашения независимости Украины моделей перехода к рыночным отношениям была принята не модель украинского экономиста М. Туган-Барановского [2, с. 53–77], основанная на инновационной теории и предусматривающая осуществление постепенной, эволюционной трансформации общества в направлении концентрации инвестиций в приоритетные отрасли экономики государства, а монетаристская англо-американская теория М. Фридмана [3] по программе «шоковой терапии». Все это нанесло огромный ущерб социально-экономическому развитию страны, в результате чего она была отброшена на 30–50 лет назад [4].

Мировой кризис, который затронул все страны, свидетельствует все же о разрушении неолиберальной доктрины организации экономической жизни. Сформированная в современных условиях новая социогуманитарная парадигма инновационного развития также продолжает базироваться на рыночной основе, но при этом сохраняет традиции ответственного государственного сектора в сфере образования, фундаментальной науки, экологической безопасности и защиты окружающей среды, в инфраструктуре и сфере социальных услуг [5, с. 35]. К аналогичной модели пришли и разработчики Стратегии инновационного развития Украины на 2010–2020 гг. в условиях глобализационных вызовов [6].

Провозглашенный Украинским государством инновационный путь развития предполагает создание различных инновационных структур, среди которых ведущее место занимают технопарки и технополисы. Сегодня неразвитость инновационной инфраструктуры в стране тормозит развитие других, связанных с ней систем, в частно-

сти, образования, новых знаний и технологий, производства. Предпринимаются попытки реанимировать инновационные процессы: распоряжением Кабинета Министров Украины от 10 сентября 2012 г. № 691-р одобрена Концепция реформирования государственной политики в инновационной сфере [7]. В этом смысле совершенствование специальных режимов хозяйствования, в том числе технопарков и технополисов, их правовое сопровождение, должны стать важными составляющими как для развития хозяйственного права Украины, так и для инновационного становления государства.

Обзор отечественной и мировой литературы, анализ нормативно-правовых актов, которые составляют нормативную и теоретико-методологическую базу хозяйственно-правовых основ функционирования технопарков и технополисов в Украине с учетом изменения парадигмы инновационного развития, дают основание утверждать, что научная задача обоснования методологического фундамента, принципов правового регулирования хозяйственной деятельности технопарков и технополисов, их специального правового режима не была предметом комплексного исследования. Фрагментарное раскрытие обозначенной проблематики содержится в работах автора статьи, а также в трудах В.К. Макутова, А.С. Гальчинского, В.М. Гейца, Ю.Е. Атамановой, А.Э. Симсон и др. Исследуя методологические основы системного хозяйственно-правового регулирования отношений в инновационной сфере, Ю.Е. Атаманова отмечает, что, несмотря на общие цели создания и ведущие принципы функционирования технопарков во всем мире, не произошло международной унификации правового регулирования их деятельности и организационных форм – для каждой страны характерны национальные подходы относительно условий создания и деятельности, а также организационной структуры технопарков. В работе ученого были проанализированы достижения и недостатки украинской практики создания и функционирования технопарков, которая характеризуется достаточно отличным от общей модели путем развития [8, с. 238–260]. Анализ концептуальных подходов к правовой модели инновационного развития, проведенный О.Э. Симсон, также в определенной степени частично раскрывает основные, общие принципы деятельности технопарков и технополисов [5]. В монографии [9], посвященной хозяйственно-правовым режимам деятельности технопарков и технополисов, автор показал главенствующую роль государства в инновационном процессе.

Изменение парадигмы инновационного развития на современном этапе

Исследование специальных хозяйственно-правовых режимов технопарков и технополисов следует проводить в рамках современного типа правопонимания, выступающего парадигмой методологии юридической науки.

Современное развитие правопонимания происходит в конкретно-историческом контексте, который многие представители юридических и гуманитарных наук называют «постмодерн». Главным фактором реальности постмодерна является постиндустриальное (информационное) общество, основанное на знаниях, с его особым типом производства информации, а также беспрецедентной глобализацией, фактически стирающей границы между различными государствами. Постмодерн – это определенная исследовательская парадигма. Для него характерен перенос интересов исследователя с анализа объективных явлений на исследование субъективности в связи с осознанием человека как активного социального субъекта, под влиянием которого осуществляются основные преобразования как в макро-, так и в микромире. Французский философ Ж.Ф. Лиотар, размышляя об измененных условиях познания общественных явлений, сформулировал такую гипотезу: статус знания меняется в зависимости от вступления общества в «эпо-

ху постмодернизма». Эта философско-правовая идея базируется на особых подходах к определению понятий «система», «правовая норма», «субъект» и др.

Определяющим для постнеклассической методологии юриспруденции является постулирование зависимости истины от социокультурного контекста, размытие категориального мышления, присущего классической и неклассической парадигме.

Понятие «парадигма» было введено в научный дискурс в неклассический и постнеклассический этап развития методологии познания. Впервые его употребил, как известно, Г. Бергман, но равнозначный смысл в его использовании и распространении принадлежит Т. Куну. В своем труде «Структура научных революций» (1962 г.) Т. Кун вводит возможность выявления двух основных аспектов парадигмы: эпистемологического и социального [10, с. 105]. В эпистемологическом аспекте парадигма манифестирует совокупность фундаментальных знаний, ценностей, убеждений, технических приемов и стратегий исследования, которые позиционируются как научная деятельность. В социальном – определенные научные взгляды, которые имеют большую экстраполяцию в дифференцированных гуманитарно-естественных науках, под которыми рассматриваются модусы ментальности в их аддитивности с философскими, эстетическими, нравственными, онтологическими, теологическими, социальными, политическими, экономическими идеями/принципами/категориями/максимами. Существование парадигмы, согласно Т. Куну, связано с периодом эволюционного формирования науки, в рамках которой ученые выполняют проектно-программную функцию своей парадигмы. Изменение парадигмы осуществляется через научные революции, которые связаны с особым переключением научного сообщества на новую систему мировоззрения и ценностей.

Как отмечает А.Э. Симсон, развитие инновационного предпринимательства и привлечение субъектов частного права в инновационную сферу должны стать основой политико-правовой модели, которая способна обеспечить стратегические задачи развития экономики знаний и инновационного прорыва Украины. По мнению ученого, на данном этапе необходимо изменение парадигмы инновационного развития в сторону рыночных процессов, ориентация науки на прикладные конкурентоспособные исследования и коммерциализацию разработок, активное привлечение бизнеса в сферу инноваций с определением в ней адекватной роли государства.

Руководство Осло указывает на серьезное препятствие для развития инновационной деятельности, связанное с внедрением устаревших технико-экономических парадигм [11, с. 160–163]. Масштабные мероприятия и программы государственной научно-технической политики влияют на инновационную активность сильнее, чем инициатива и стратегии частных предприятий. К проблемам инновационного развития Руководство относит слабость рынка в сфере инноваций, преобладание государственных научных учреждений и организаций, недостаточный уровень конкуренции в таких высокотехнологичных отраслях, как энергетика, аэрокосмическая отрасль, телекоммуникации. Руководство также указывает на опасность «неформальности», «неформальной практики» в инновационной деятельности, когда проблемы инновационной сферы не имеют системного решения в законодательстве и не дают возможности экономике встать на путь инновационного развития.

Борьба с негативными последствиями неуправляемого технологического процесса, который имеет место в современном мире, усиливает публичные начала в традиционно частной инновационной сфере. Формирование т.н. социального (социально ответственного) государства становится общемировой тенденцией. Государство в новых условиях должно выступать эффективным капиталистом в инновационной сфере, партнером бизнеса, который направляет частного партнера к сферам, более интересным с точки зрения государственных и социальных потребностей. Оно должно получать выгоду от развития инновационного рынка конкурентноспособной продукции, техноло-

гий и услуг в виде налогов, увеличения частных расходов на инновации во внутренний национальный продукт, повышения рейтинга экономики страны на международном рынке. Функция государства должна заключаться в сдерживании хаотичного рынка путем создания правовых условий его функционирования.

Основные методологические подходы и принципы в исследовании специальных хозяйственно-правовых режимов технопарков и технополисов

Новая социальная реальность порождает новые механизмы человеческого взаимодействия и вызывает к жизни новую методологию социального познания, а также новые способы применения его результатов. Новому видению реальности должно соответствовать становление новой – многомерной, полифундаментальной – методологии. Структурно методология включает ряд компонентов, среди которых следует выделить систему методов и учения о них, определенную мировоззренческую позицию исследователя и общетеоретические принципы.

По определению П.М. Рабиновича, концептуальный подход – это построенная на общих мировоззренческих категориях аксиоматическая идея, которая является постулатом общей стратегии исследования, отбором изучаемых фактов и интерпретацией результатов исследования [12, с. 86].

Диалектика как метод познания природы, общества и мышления рассматривается в единстве с логикой и теорией познания, является фундаментальным научным принципом исследования действительности во всех ее проявлениях. Диалектический подход в исследовании специальных хозяйственно-правовых режимов технопарков и технополисов позволяет обосновать причинно-следственные связи, процессы дифференциации и интеграции, постоянное противоречие между сущностью и явлением, содержанием и формой, объективность в оценке действительности.

Необходимыми методологическими условиями изучения системы основных понятий является системность исследования как элемент диалектического метода познания и метод исследования систем как специфический метод.

Принципиальным подходом в исследовании технопарков и технополисов, других инновационных структур как достаточно сложных социально-экономических образований стал системный подход. Системный подход опирается на базовое понятие «система». По общепринятому определению, под системой понимается совокупность взаимосвязанных и расположенных в определенном порядке элементов, составляющих целостное образование, направленное на достижение конкретной цели. Общая теория систем должна выступать как общая наука о системах любых типов, а системный подход – как одно из общенаучных методологических направлений [13, с. 23]. В нашем исследовании и технопарки, и технополисы следует рассматривать как отдельные сложные системы, которые состоят из соответствующих подсистем.

В целом системный подход в хозяйственном праве был заложен представителем украинской школы права Г.Л. Знаменским [14, с. 22–25]. Ранее, во времена СССР, в общем виде он был сформулирован при рассмотрении повышения качества продукции известным юристом академиком В.К. Мамутовым, также представляющим сегодня украинскую правовую школу [15]. Системный подход в хозяйственном праве фактически должен опираться на системный подход в анализе правовых отношений вообще. Он предусматривает рассмотрение любого объекта как системы, а системность – как общее свойство материи и включает методы, с помощью которых реальный объект исследуется и описывается как совокупность взаимодействующих элементов системы. Особенностью рационального сознания является способность просчитывать состояние и поведение систем в динамике, а также конструирование механизмов управления ими.

Очень важную роль в функционировании и моделировании систем играет понятие обратной связи. Обратная связь может быть положительной, когда сохраняется тенденция изменений в системе, т.е. выходного параметра, и отрицательной, когда она противодействует тенденции изменения выходного параметра, т.е. когда связь направлена на сохранение требуемого значения этого параметра.

Достаточно наглядной для функционирования технопарков и технополисов является связь «технопарк – центральные органы исполнительной власти», или «технополис – центральные органы исполнительной власти», где связью выступает инновационный проект. Обратная связь является основой саморегулирования, развития систем, приспособления их к условиям существования, которые меняются.

Разнообразие точек зрения, безусловно, развивает и обогащает науку, однако чрезвычайно сложным усматривается проведение законодательных изменений в условиях существования диаметрально противоположных взглядов не только на порядок их осуществления, но и на сущность предмета преобразований. Причина разногласий в большинстве случаев заключается в различии методов, которые применяют авторы. Проведение же эффективных исследований хозяйственно-правового регулирования деятельности технопарков и технополисов, возможно только на базе единых методологических предпосылок.

В структуре методологии исследований специального режима технопарков и технополисов можно выделить кроме системного и другие концептуальные подходы: герменевтический, аксиологический, цивилизационный, синергетический и др.

Методологические принципы выступают основополагающими познавательными установками в функционировании специального режима технопарков и технополисов, в рамках которых проводятся исследования. К основным можно отнести: принцип объективности; принцип функционализма; принцип сравнимости; принцип терминологичности; принцип всестороннего учета исторических, национальных, экономических, социально-политических условий; принцип опоры на эмпирические факты.

С учетом особенностей философии постмодернизма важным становится применение принципа плюрализма. П. Рабинович подчеркивает, что методологический плюрализм не должен превращаться в методологический анархизм. Предотвратить подобные явления можно, соблюдая следующие общеметодологические постулаты: объективная обусловленность выбранных методов исследования его предметом, необходимость установления единой истины, вероятность которой можно доказать и проверить с помощью определенного объективного критерия; неизменным показателем приемлемости эвристичности определенного исследовательского подхода, метода является его способность приближать, приводить к раскрытию социальной сущности изучаемых явлений.

Сведения, приобретаемые в результате эмпирического исследования, постоянно определяют научно-теоретические задачи, формируют научную мысль. Эмпиризм как гносеологическое учение признает существование в знании «чистого» эмпирического содержания, которое создает своего рода твердую почву, которая является гарантией истинности знания. Следовательно, научно-познавательная деятельность, связанная с исследованием специальных хозяйственно-правовых режимов технопарков и технополисов, включает эмпирическое исследование, которое предполагает как реальные действия с реальными объектами, так и понятийную деятельность. Действия, связанные с эмпирическим исследованием, являются предпосылкой и условием совершенствования и развития категориального аппарата науки.

Следует указать на существование различных подходов к определению категорий «инновации», «технопарки» и «технополисы», их правовой природы и регулирования. Они сложились в разное время и под влиянием различных политических условий. В развитых странах Западной Европы и США инновационные отношения формирова-

лись естественно и на протяжении веков существования рыночной экономики, но взгляды на происхождение инноваций менялись вслед за изменением концептуального видения связи науки и экономики в целом. Советская наука вообще такого понятия не знала, а оперировала категорией научно-технического прогресса, которым руководило государство. Украина, будучи потомком советской системы, не имеет развитых инновационных отношений, а потому и устоявшейся теории инноваций, поэтому так важно всесторонне исследовать ее при формировании правовой модели инновационного развития. Показательно, что в принятом в 2010 г. Налоговом кодексе Украины [16] вообще отсутствует специальная терминология: «инновации», «инновационная деятельность», «субъект инновационной деятельности», «инновационное предприятие», «инновационный проект» и т.п. Вместо поддержки приоритетных направлений развития науки и техники и приоритетных направлений инновационной деятельности Налоговый кодекс Украины внедряет поддержку отдельных отраслей, что, безусловно, является подменой понятий и никак не может рассматриваться как системная поддержка развития инноваций. Налоговый кодекс Украины не предусматривает ни одной нормы по адресной поддержке и стимулированию инновационной сферы с помощью налоговых регуляторов. Более того, Закон Украины «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины в связи с принятием Налогового кодекса Украины» [17] (п. 26) путем изъятия ст. 10, а также изменения стст. 7, 12 Закона Украины «О специальном режиме инновационной деятельности технологических парков» в редакции Закона № 3333-IV от 12.01.2006 г. практически отменяет режим целевого субсидирования (а по сути основные статьи льготного налогообложения) проектов технологических парков.

В отличие от иностранных технопарков, которые были рассчитаны на создание и привлечение к реализации инновационных проектов новых фирм и компаний, венчурных фондов под общим руководством ведущего научного учреждения, в Украине образование первых технопарков осуществлялось на базе ведущих научных центров, которые пользовались широким авторитетом в научном мире, с привлечением к реализации их проектов уже известных предприятий, которые были долгое время надежными партнерами. Позже такой статус получили и отдельные предпринимательские структуры с целью доступа к предусмотренным для технопарков льготным условиям деятельности.

Как правило, при создании технопарков применяется территориальный подход. Специальный режим хозяйствования в особых экономических зонах нашел свое отражение в соответствующем режиме деятельности технологических парков как на законодательном уровне, так и на организационном в виде технологических зон, которые предусматривали существование на их территории и технологических парков, и других инновационных структур: агропромышленных парков, технополисов, зон развития новых и высоких технологий. Такая специальная концентрация участников облегчает целенаправленное оказание им поддержки со стороны государства: и непосредственной (путем бюджетного финансирования, введения налоговых льгот и т.д.), и опосредованной (через стимулирование участия банков, корпораций и других представителей бизнеса). Кроме того, локализация облегчает государственным органам контроль за соблюдением субъектами такой зоны установленного режима, препятствует использованию льгот фирмами, имеющими связи с зонами, но не входящими в число их резидентов. Однако в Украине территориальный принцип применения технопарков не получил развития. Большинство из них функционируют как виртуальные, «технопарки без стен».

Такое положение в свое время вызвало обеспокоенность со стороны государства о целесообразности использования в стране технопарковой модели, что привело сначала к отмене, а позже к пересмотру условий деятельности технопарков. Однако фактически и в новой редакции Закона Украины «О специальном режиме инновационной деятельности технологических парков» мало что изменилось в подходах законодателя

к решению этого вопроса. Следует указать, что на сегодняшний день в Украине специальный режим деятельности в технопарке распространяется на конкретные инновационные проекты, прошедшие соответствующую государственную регистрацию, как это предусмотрено действующим законом (ст. 4). Таким образом, на сегодняшний день не отпала необходимость в проведении правового анализа введенной в Украине модели технопарков и ее совершенствования с учетом состояния социальных и экономических показателей, в которых функционирует инновационная система Украины.

В условиях постиндустриальной экономики инерционная модель развития не работает. Наиболее перспективным стал путь, по которому пошли ведущие промышленно развитые страны, – территориальная интеграция в рамках так называемых «технополисов». Функционирование технополиса предусматривает различные попытки планирования и продвижения в одной концентрированной зоне инновационной, высокотехнологично-ориентированной продукции. Следует указать, что правовое оформление технополисов находится в Украине еще в стадии становления. В отличие от научных парков понятие «технополис» законодательно не определено, специальные режимы не установлены, и специальные законы по ним отсутствуют.

Согласно действующему законодательству, технополис является типом специальной экономической зоны. Существование таких структур предусматривает базовый Закон Украины «Об общих принципах создания и функционирования специальных (свободных) экономических зон» (ст. 3), а также Гражданский кодекс Украины (ст. 403). Ст. 1 Закона Украины «Об инновационной деятельности» определяет технополис как инновационное предприятие. В ст. 4 Закона Украины «Об общих принципах создания и функционирования специальных (свободных) экономических зон» подчеркнуто, что Закон о создании конкретной специальной (свободной) экономической зоны не может противоречить Настоящему закону. Таким образом, все правовые, организационные и экономические аспекты функционирования «Технополиса» должны базироваться на нормах действующего законодательства.

Сейчас в Харькове завершается разработка законодательного обоснования создания технополиса «Пятихатки». В частности, предполагается не только юридически закрепить существование технополиса, но и предоставить ему определенные налоговые льготы. Целью этого проекта Закона является создание технополиса «Пятихатки» и внедрение в пределах его территории специального режима инновационно-инвестиционной деятельности с целью активизации научной, научно-технической и инновационной деятельности с последующей передачей их результатов в реальный сектор экономики и производства на их основе высокотехнологичной конкурентоспособной отечественной продукции, а также стимулирования социально-экономического развития региона.

Согласно указанному подходу сформулировано и определение технополиса «Пятихатки» как «специальной экономической зоны научно-технического и инновационно-внедренческого типа, которая устанавливается в пределах границ территории Харьковской области и на которой вводится и действует специальный режим для реализации национальными и иностранными юридическими и физическими лицами инновационных и инвестиционных проектов, зарегистрированных в установленном Настоящим законом порядке». Такая формулировка подчеркивает сочетание при определении технополиса двух критериев: территориального и проектного, – которые должны применяться одновременно.

Заключение

Исходя из анализа результатов собственных исследований, в том числе в области естественных и технических наук, справедливым будет утверждать, что неолиберальный конкурентнорыночный механизм становится серьезным препятствием для иннова-

ционного развития в целом, когда в условиях экономики, которая построена на знаниях, стоимость получения новых знаний стремительно растет, и, соответственно, рыночноконкурентная модель быстро теряет свою актуальность из-за дублирования затрат на инновационные разработки. Хозяйственные правоотношения в современных условиях в основном не направлены на содействие развитию производственного сектора и еще в большей мере не способствуют инновационному производству. Государственно-правовое воздействие на такой тип отношений не создает благоприятных условий для разработки и внедрения новых технологически совершенных продуктов производства. Кроме того, неолиберализм оказался также весьма эффективной социальной технологией, которая успешно формирует у людей зависимость от иллюзорной идеи сказочного обогащения, подрывает деловую активность. Неолиберализм способствовал созданию системы управления потребительским спросом, которая в значительно большей степени опирается на финансовые факторы, чем на инновационные. В результате вместо экономики созидания в Украине сформировалась новая экономика – экономика потребления. В таких условиях трудно разработать соответствующее нормативно-правовое законодательство относительно хозяйствования, которое реально соответствовало бы потребностям инновационного развития экономики государства.

В нынешних условиях государство как никогда раньше обязано регулировать развитие рыночных институтов/организаций (в первую очередь инновационных) всеми возможными экономическими, правовыми и политическими средствами. При этом инновационная способность должна играть доминирующую, а возможно, и решающую роль в формировании круга участников конкуренции в будущем. В правовом смысле это означает, что государственная инновационная политика в аксиологии права должна занимать ведущее место.

Системный подход можно считать основным концептуальным подходом в методологии исследования специальных хозяйственно-правовых режимов технопарков и технополисов, учитывая тот факт, что эти инфраструктуры ориентируются на ускоренную реализацию сложных (инновационных) программ и проектов в рамках крупных организаций, объединений, целых отраслей и регионов и даже всей страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Економічна енциклопедія : у 3-х т. / Ред. кол.: С.В. Мочерний (відп. ред.) [та ін.]. – Київ : Видав. центр «Академія», 2001. – Т. 2. – 848 с.
2. Nenovsky, N. Place of Labor & Labor Theory in Tugan Baranovsky's Theoretical System / N. Nenovsky // Kyoto Economic Review. – 2009. – V. 78, № 1. – P. 53–77.
3. Фридман, М. Капитализм и свобода / М. Фридман; пер. с англ. В. Козловского. – М. : Новое издательство, 2006. – 240 с.
4. Беляєв, О.О. Держава і перехідна економіка: механізм взаємодії : монографія / О.О. Беляєв, А.С. Бебело, О.М. Комяков. – Київ : КНЕУ, 2003. – 190 с.
5. Сімсон, О.Е. Правова модель приватно-публічного партнерства в інноваційній сфері : монографія / О.Е. Сімсон ; Нац. ун-т «Юрид. акад. імені Ярослава Мудрого». – Харків : Право, 2013. – 446 с.
6. Стратегія інноваційного розвитку України на 2010–2020 роки в умовах глобалізаційних викликів / авт.-упоряд. Г.О. Андросчук [та ін.]. – Київ : Парламент, 2009. – 632 с.
7. Розпорядження Кабінету Міністрів України «Про схвалення Концепції реформування державної політики в інноваційній сфері» від 10.09.2012 № 691-р // Офіційний вісник України. – 2012. – № 71. – Стор. 199, стаття 2883, код акту 63468/2012.

8. Атаманова, Ю.Є. Основні проблеми системного господарсько-правового регулювання відносин в інноваційній сфері : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.04 / Ю.Є. Атаманова; Нац. юрид. акад. України імені Я. Мудрого. – Харків, 2009. – 458 с.
9. Василенко, М.Д. Спеціальні господарсько-правові режими технопарків і технополісів: досвід України та зарубіжних країн : монографія / М.Д. Василенко. – Одеса : Сімекс-прінт, 2012. – 225 с.
10. Кун, Т. Структура научных революций / Т. Кун; пер. с англ. И.З. Налетова. – М. : АСТ, 2002. – 608 с.
11. Руководство Осло. Рекомендации по сбору и анализу данных по инновациям. – 3-е изд. – М. : ГУ «Центр исследований и статистики науки», 2006. – 192 с.
12. Філософія права: проблеми та підходи : навч. посіб. / за заг. ред. П.М. Рабінювича. – Львів : Юрид. фак. Львівського нац. ун-ту імені І. Франка, 2005. – С. 86.
13. Дружинин, В.В. Проблемы системологии: проблемы теории сложных систем / В.В. Дружинин, Д.С. Конторов. – М. : Советское радио, 1976. – С. 23.
14. Знаменський, Г.Л. Співвідношення загального і спеціального законодавства: методологічний аспект / Г.Л. Знаменський // Вісник Академії правових наук України. – 2003. – № 1. – С. 22–25.
15. Мамутов, В.К. Экономика и право : сб. науч. тр. / В.К. Мамутов. – Киев : Юринком Интер, 2003. – 544 с. – (Препринт доклада «Системный подход к стимулированию повышения качества эффективности промышленного производства» / ИЭП АН УССР; 1986).
16. Податковий кодекс України від 02.12.2010 [Текст] // Відомості Верхов. Ради України. – 2011. – № 13–14, № 15–16, № 17. – Ст. 112.
17. Про внесення змін до деяких законодавчих актів України у зв'язку з прийняттям Податкового кодексу України [Текст] : Закон України від 02.12.10 р. // Відомості Верхов. Ради України. – 2011. – № 23. – Ст. 160.

Vasilenko N. Methodological Fundamentals for the Research of Special Economic Legal Regimes to Technoparks and Technopolises in the Context of Changes in the Modern Paradigm for Innovation Development in Ukraine

A critical analysis of neo-liberal economic policy, dominating in the modern world economy has been adduced. How to change the legitimate necessity of a paradigm in the innovation development in the modern world, and in the Ukraine in particular, has been substantiated. The methodological principles and approaches for the research of special economic legal regimes to technoparks and technopolises have been exposed.

Рукапіс паступиў у редакцью 25.09.2013

УДК 34 (002) (476)

Т.З. Шалаева**ИНФОРМАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ: СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ КОНТЕНТ –
ОСНОВА ВИДОВОЙ КЛАССИФИКАЦИИ**

Проведен анализ современного состояния электронных информационных ресурсов Беларуси, их распределение по регионам страны, тематической направленности. Дана количественно-качественная характеристика государственных информационных ресурсов как основы формирования Единого портала электронных услуг на базе общегосударственной автоматизированной информационной системы. Представленный обзор и анализ действующего информационного законодательства в контексте установления видов информации стал основой авторской классификации информационных ресурсов по критерию содержательного контента. Видовая классификация информационных ресурсов имеет теоретическое и практическое значение в целях установления особых правовых режимов для различных видов организованной совокупности документированной информации, составляющей конкретный информационный ресурс.

Введение

Непосредственным предметом данной работы является категория «информационный ресурс» (ИР) в рамках инновационного развития государства и его правовая характеристика. Методология исследования направлена на выявление сущностной характеристики ИР в аспекте ресурса национального, как составной его части, в той мере, в какой он может быть выделен из ресурса планеты в целом; ресурса отдельных организационных структур, функционирующих в рамках информационного поля Республики Беларусь: физических и юридических лиц, органов государственной власти и самоуправления, иных организаций [1, с. 91]. Достаточно проблематично на данном этапе развития информационного общества провести качественный, отвечающий современным требованиям, правовой анализ ИР, зафиксированных на бумажных носителях, не входящих в процессы информатизации. Однако, имея в виду стремление практически всей планеты к новому, технологически обусловленному существованию информации на современных носителях, связанных с информационно-коммуникационными технологиями (ИКТ), ограничим рамки научного исследования отношений, складывающихся в информационной сфере по поводу ИР, имеющих электронное обращение и представленных в цифровой форме.

Объектом научного исследования служат общественные отношения, связанные с оборотом ИР в контексте их содержательного связанного (структурированного) наполнения, что обусловлено прежде всего основными задачами, установленными Концепцией совершенствования законодательства, которые необходимо решать в процессе правового регулирования: осуществлять поиск оптимальных вариантов регулирования возникших общественных отношений на основе определения тенденций развития общественных отношений; принципов права и принципов формирования законодательства; адекватного научно-практического анализа позитивных и негативных тенденций развития законодательства; оптимального сочетания индивидуальных, общественных и государственных интересов [2, п. 10, 12].

Общая характеристика информационных ресурсов Беларуси

Виднейший российский ученый И.Л. Бачило точно замечает: «Мы можем и должны в масштабах государств, их внутренних структур и институтов подсчитывать и осмысливать число и объемы обращающейся информации, ее различных форм (документов, знаний и их источников, биоформ сохранения и виртуального применения), форм потребления и практического использования информации, ее технологической основы и т.д. Это путь к пониманию влияния информационного ресурса на процесс не-

обратимости развития общества и путь к пониманию угроз, которые постоянно присутствуют в природе социума – угроз перерыва развития и его значимости для сохранения жизни на планете, для выбора путей ее устойчивого, безболезненного продвижения по восходящей» [3, с.17]. Активное насыщение рынка Беларуси средствами информатизации пока не дает представления о состоянии ИР и последствий включения информационных технологий в обработку, документирование, доступ, хранение, защиту и передачу информации. В то же время необходимо владеть информацией о самой информации государства и его структурных частей, знать и оценивать количество, объемы и качество обращаемой на территории страны информации, формировать и развивать научно-правовую основу государственного управления и защиты национального ИР и его важнейшей части государственных ИР (ГИР).

На самом деле в реальности возможна количественно-качественная интегрированная оценка ГИР, представленных как в цифровом электронном виде и зарегистрированных в установленном порядке, так и в иных формах обращения на их конкретной стадии жизненного цикла. Речь может идти и о вновь создаваемых информационных ресурсах в цифровой форме, и об уже существующих, но прошедших (проходящих) процедуру «оцифрования». В настоящей статье проведем анализ электронных ГИР, выделенных по такому важнейшему критерию, как цифровая форма представления.

В буквальном смысле все государственные органы и подчиненные им организации имеют в своем распоряжении ГИР в виде официальных электронных страниц в национальном сегменте .by (веб-сайты в Интернете), а также нормативно-правовое обеспечение их деятельности. На 1 сентября 2013 г. каталог ГИР состоит структурно из следующих порталов:

- 1) высшие органы государственной власти – 8 официальных сайтов (Президента, Совета Министров, Совета Республики, Палаты представителей, Верховного Суда, Высшего хозяйственного суда, Конституционного суда);
- 2) министерства – 34 официальных сайта;
- 3) государственные комитеты – 12 сайтов;
- 4) региональные органы управления – 149 официальных сайтов;
- 5) иные госорганы и организации – 17 сайтов.

Представляет практический интерес распределение электронных информационных ресурсов по регионам страны: г. Минск насчитывает максимальное количество зарегистрированных в национальном сегменте сети Интернет сайтов – 195; Минская область – 34 сайта; Брестская – 33; Витебская – 41; Гомельская – 40; Гродненская – 26; Могилевская – 30 [4].

В январе 2011 г. создана единая точка доступа к государственным электронным ресурсам – Единый портал электронных услуг (<http://portal.gov.by/>) на базе общегосударственной автоматизированной информационной системы (ОАИС). В настоящее время в реестре электронных услуг на Едином портале электронных услуг размещена информация о 118 электронных услугах, причем 43 услуги предоставляются на безвозмездной основе РУП «Национальный центр электронных услуг». Услуги структурированы в реестре по признакам (категории, ведомства, жизненные события); имеются вкладки для юридических и физических лиц. На главной странице портала представлен каталог из 37 государственных органов со ссылкой на их официальные государственные порталы (сайты), в разной степени наполненные тематическим информационным контентом, составляющим основу государственного электронного ресурса, к которым граждане либо организации могут обратиться за электронной услугой [5].

Интеграция ведомственных электронных ресурсов в ОАИС в принципе свидетельствует о формировании единого информационного пространства и начальном этапе создания интегрированного национального информационного ресурса в электронном

виде, что требует адекватного современного правового регулирования возникающих новых общественных отношений в сфере обращения различных по содержанию ИР.

В данном контексте следует отметить, что совокупный государственный электронный ресурс Беларуси и соответствующие ИКТ находятся на стыке первой и второй ступеней восходящего развития информационного общества в целом и электронного правительства в частности [6]. Немногие официальные государственные сайты имеют в своей структуре элементы третьей и даже четвертой ступени (из четырех на сегодня возможных). Данный посыл следует из анализа уровня доступности официальных сайтов государственных органов по методике, предложенной Департаментом по социальным и экономическим вопросам ООН. Первая ступень представляет собой начальные информационные услуги; вторая – расширенные информационные услуги; третья – услуги на основе электронного взаимодействия; четвертая – объединенные электронные услуги [7]. Наиболее развитыми в этом отношении являются ГИР: портал Президента Республики Беларусь; сайты Министерства связи и информатизации, Министерства культуры, Министерства образования, Министерства по налогам и сборам, Министерства по чрезвычайным ситуациям, Гостелерадиокомпаний и некоторые другие.

В рамках ежегодного республиканского конкурса «ТИБО – 2012», направленного на развитие веб-сайтов, в номинации «Органы государственного управления» первое место присуждено Интернет-порталу Министерства образования Республики Беларусь, разработчиком которого выступил Белорусский государственный университет. Второе и третье места досталось официальным сайтам Комитета государственного контроля Республики Беларусь и Министерства здравоохранения Республики Беларусь. Разработчиком этих Интернет-ресурсов выступило РУП «Белорусское телеграфное агентство». Среди Интернет-ресурсов городских, областных и районных исполнительных комитетов лучшим признали интернет-портал Минского городского исполнительного комитета. В тройку наиболее разработанных, по мнению членов жюри, вошли также официальный портал Гомельского областного исполнительного комитета и официальный сайт Гродненского областного исполнительного комитета. Разрабатывали эти сайты также специалисты БелТА [8].

Согласно Отчету Департамента информатизации Министерства связи и информатизации Республики Беларусь, в 2013 г. было зарегистрировано и включено в Государственный регистр ИР 313 наименований электронных ресурсов, среди которых преобладают Интернет-ресурсы. По состоянию на 1 сентября 2013 г. Государственный регистр включает 3 391 ИР. Количество информационных ресурсов, источниками финансирования которых является республиканский бюджет, – 1 343.

Анализ ИР в Государственном регистре по тематической направленности ресурсов показал, что в 2013 г. наиболее число электронных ресурсов представляет такое направление, как «Образование, культура, искусство». Наиболее широко представленными в 2013 г. оказались такие рубрики, как «Образование. Педагогика», «Стандартизация», «Медицина. Здравоохранение и социальные услуги. Ветеринария» и «Искусство. Искусствоведение». Из органов государственного управления наибольшую активность в текущем году проявили Министерство по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь, Министерство образования Республики Беларусь и Могилёвский областной исполнительный комитет. Анализ типов электронных ресурсов показал, что большую долю в зарегистрированных в текущем году ИР представляют электронные издания и мультимедийные системы. Анализ представительства регионов в государственном регистре показывает, что большинство электронных ресурсов в 2013 г. представлено г. Минском и Гомельской областью. Из 313 ИР, зарегистрированных в текущем году, 272 ИР разработаны за счет бюджетного финансирования. За собственные средства разработаны 41 ИР [9].

Проведенный анализ электронных ИР может косвенно свидетельствовать о низком вовлечении в процесс формирования информационных ресурсов институтов гражданского общества, частных бизнес-структур и населения. Финансируют создание и обращения ИР преимущественно республиканский и местные бюджеты [9].

Обзор и анализ информационного законодательства по вопросу установления видов информации как основы видовой классификации ИР

Республиканское законодательство в информационной сфере находится на начальной стадии становления, хотя за последние несколько лет количественно значительно возросло [10]. К системообразующим законодательным актам Республики Беларусь в сфере правового регулирования информационных отношений можно отнести следующие: Закон Республики Беларусь от 10.11.2008 № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации»; Закон Республики Беларусь от 05.05.1999 «О научно-технической информации»; Закон Республики Беларусь от 28.12.2009 № 113-З «Об электронном документе и электронной цифровой подписи»; Закон Республики Беларусь от 19.01.1993 № 2105-ХП «Об основах государственной научно-технической политики»; Закон Республики Беларусь от 19.07.2010 № 170-З «О государственных секретах»; Закон Республики Беларусь от 25.11.2011 № 323-З «Об архивном деле и делопроизводстве в Республике Беларусь»; Закон Республики Беларусь от 10.07.2012 № 425-З «О государственной инновационной политике и инновационной деятельности в Республике Беларусь» и др.; Указы: Указ Президента Республики Беларусь от 8.11.2011 № 515 «О некоторых вопросах развития информационного общества в Республике Беларусь»; Указ Президента Республики Беларусь от 16.12.2002 № 609 «О Национальном правовом Интернет-портале Республики Беларусь и о внесении изменений и дополнений в Указ Президента Республики Беларусь от 30 октября 1998 г. № 524»; Указ Президента Республики Беларусь от 30.10.1998 № 524 (ред. от 08.01.2009) «О мерах по совершенствованию государственной системы правовой информации»; Указ Президента Республики Беларусь от 01.02.2010 № 60 «О мерах по совершенствованию использования национального сегмента сети Интернет»; Указ Президента Республики Беларусь от 8.11. 2011 № 515 «О некоторых вопросах развития информационного общества в Республике Беларусь». Пакет законодательных документов Республики Беларусь дополняется некоторым числом актов Правительства и подведомственных ему органов и организаций, к примеру: Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 27.12.2002 № 1819 (ред. от 25.01.2010) «О Государственной программе информатизации Республики Беларусь на 2003 – 2005 гг. и на перспективу до 2010 г. “Электронная Беларусь”»; Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 28 марта 2011 г. № 384 «Об утверждении Национальной программы ускоренного развития услуг в сфере информационно-коммуникационных технологий на 2011 – 2015 гг.»; Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 9.08.2011 № 1074 «Об оказании электронных услуг и реализации государственных функций в электронном виде посредством общегосударственной автоматизированной информационной системы»; Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 10.02.2012 № 138 «О базовых электронных услугах»; Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 31.05.2012 № 509 «Об электронных услугах, оказываемых республиканским унитарным предприятием «Национальный центр электронных услуг» государственным органам, иным организациям и гражданам на безвозмездной основе, и некоторых мерах по организации предоставления электронных услуг».

Исследуя нормативные правовые акты в информационной сфере, включенные, по данным Национального правового Интернет-портала Республики Беларусь в течение

36 месяцев (август 2011 г. – август 2013 г.) в Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, отметим достаточно активную нормотворческую деятельность государственных органов в этой сфере. За данный период зарегистрировано более 130 актов законодательства различной юридической силы [11].

Легализация понятия «информация» как объекта правоотношений произошла не так давно – в марте 1999 г., когда впервые была введена новая глава «Объекты гражданских прав». Круг объектов весьма широк и многообразен. Ст. 128 Гражданского кодекса Республики Беларусь закрепляет в качестве объекта гражданских прав охраняемую информацию наряду с такими, как вещи, включая деньги и ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права; работы и услуги; результаты интеллектуальной деятельности, в том числе исключительные права на них (интеллектуальная собственность); нематериальные блага. Дальнейшие установления в связи с информацией законодатель связал со служебной и коммерческой тайной, посвятив этому специальную статью (ст. 140) Гражданского кодекса Республики Беларусь [12]. Но раскрытие самого термина «информация» как содержательной части системного понятия «информационный ресурс» не нашло своего выражения в Кодексе, а было закреплено законом «Об информатизации» в сентябре 1995 г. Смысловый объем термина незначительно изменился в действующем Законе Республики Беларусь от 10.11.2008 г. «Об информации, информатизации и защите информации».

В целях определения границ ИР различного содержания следует проанализировать его сущностную часть таким образом, чтобы максимально полно выявить основные виды информации, ее правовые признаки, позволяющие определить подходы к видовой классификации ИР. Это также позволит уточнить роль и место ГИР в инновационном развитии страны. Законодатель, определяя информацию в качестве объекта правоотношений, установил характерные юридические признаки для конкретных видов информации, в частности, таких:

1. Государственные секреты, согласно Закону Республики Беларусь «О государственных секретах», определяются как сведения, отнесенные в установленном порядке к государственным секретам, защищаемые государством в соответствии с Законом и другими актами законодательства Республики Беларусь. Государственные секреты подразделяются на две категории: государственная тайна (сведения, составляющие государственную тайну) и служебная тайна (сведения, составляющие служебную тайну) [13]. Государственная тайна – сведения, в результате разглашения или утраты которых могут наступить тяжкие последствия для национальной безопасности Республики Беларусь. Служебная тайна – сведения, в результате разглашения или утраты которых может быть причинен существенный вред национальной безопасности Республики Беларусь. Служебная тайна может являться составной частью государственной тайны, не раскрывая ее в целом [13].

2. Охраняемая информация (ст. 128 ГК Республики Беларусь) выражена законодателем как служебная и коммерческая тайна в соответствии со ст. 140 ГК Республики Беларусь. Данный вид информации имеет действительную или потенциальную коммерческую ценность в силу неизвестности ее третьим лицам; к ней нет свободного доступа на законном основании, и обладатель информации принимает меры к охране ее конфиденциальности. Сведения, которые не могут составлять служебную или коммерческую тайну, определяются законодательством [12].

Следует, безусловно, понимать различия служебной тайны, входящей категориально в государственные секреты, от служебной тайной, носящей коммерческий интерес. В законодательном определении стоило бы внести соответствующие корректировки по наименованию данных видов информации:

1. Научно-техническая информация – сведения о документах и фактах, получаемых в ходе научной, научно-технической, инновационной и общественной деятельности [14].

2. Массовая информация – газета, журнал, бюллетень, радио-, теле-, видео-, кинохроникальная программа, иная совокупность информационных сообщений и/или материалов (передач), носящих периодический характер и предназначенных для неопределенного круга лиц.

3. Рекламная информация – информация об объекте рекламирования, распространяемая в любой форме с помощью любых средств, предназначенная для неопределенного круга лиц (потребителей рекламы), направленная на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и/или его продвижение на рынке [15].

4. Персональные данные – это информация, данные о физических лицах, «это совокупность основных и дополнительных персональных данных, а также данных о реквизитах документов, подтверждающих основные и дополнительные персональные данные конкретных физических лиц» [16].

5. Информация об управлении правами – любая информация, которая идентифицирует объект авторского права или смежных прав, автора или иного правообладателя, либо информация об условиях использования этого объекта, которая содержится на материальном носителе, приложена к нему либо появляется в связи с сообщением для всеобщего сведения объекта авторского права или смежных прав. Такая информация может быть выражена в виде текста, а также любых цифр и кодов [17]. Нормативно установлены виды информации, требующие защиты и охраны авторских и смежных прав: аудиовизуальное произведение; база данных; произведение народного творчества, автор которого неизвестен; производное произведение; служебное произведение; сообщение для всеобщего сведения; составное произведение.

6. Информация, составляющая официальные документы установленной формы, к которой законодатель относит нормативные правовые акты и технические нормативные правовые акты, а также правовые акты, не являющиеся нормативными [18]. К официальным документам относятся также судебные решения, иные тексты административного, судебного и иного официального характера, а также их официальные переводы.

Нормативное понятие «информационный ресурс», представленное белорусским законодателем, обозначает организованную совокупность документированной информации, включающую базы данных, другие совокупности взаимосвязанной информации. В информационных системах есть определение ресурсов научно-технической информации как документированной научно-технической информации, организованной в справочно-информационные фонды и базы научно-технических данных [14]. Этот вопрос частично затронут в белорусском законодательстве в связи с рассмотрением проблемы интеллектуальной собственности и исключительных прав создателей продукта информационно-коммуникационных технологий.

Исходя из анализа нормативно закрепленных видов информации, логично утверждать, что в содержательном плане ИР, как совокупность документированной информации, может классифицироваться в зависимости от вида контентной информации, входящей в конкретный ИР. Видовая классификация позволяет, в свою очередь, установить особые правовые режимы ИР по доступу к его контенту – одному из важнейших критериев их формирования и использования, условий хранения, актуализации и защиты. Таким образом, ИР могут быть в виде организованной совокупности:

1) документированной информации, имеющей ограниченный доступ (информация о частной жизни физического лица и персональные данные; информация, содержащаяся в делах об административных правонарушениях, материалах и уголовных делах

органов уголовного преследования и суда до завершения производства по делу; государственные тайны; служебные тайны; коммерческие тайны; иные виды тайн; иная информация, доступ к которой ограничен законодательными актами Республики Беларусь);

2) документированной информации без ограничения к доступу или общедоступной информации (информация о правах, свободах и законных интересах физических лиц, правах и законных интересах юридических лиц и о порядке реализации прав, свобод и законных интересов; информация о деятельности государственных органов, общественных объединений; информация о правовом статусе государственных органов, за исключением информации, доступ к которой ограничен законодательными актами Республики Беларусь; информация о чрезвычайных ситуациях, экологической, санитарно-эпидемиологической обстановке, гидрометеорологической и иной информации, отражающей состояние общественной безопасности; информация о состоянии здравоохранения, демографии, образования, культуры, сельского хозяйства; о состоянии преступности, а также о фактах нарушения законности; информация о льготах и компенсациях, предоставляемых государством физическим и юридическим лицам; информация о размерах золотого запаса; информация об обобщенных показателях по внешней задолженности; информация о состоянии здоровья должностных лиц, занимающих должности, включенные в перечень высших государственных должностей Республики Беларусь; информация, накапливаемая в открытых фондах библиотек и архивов, информационных системах государственных органов, физических и юридических лиц, созданных (предназначенных) для информационного обслуживания физических лиц [19, ст. 16]).

Таким образом, ИР включают в себя организованную совокупность документированной информации с особыми правовыми режимами для отдельных видов информационного контента, что позволяет выработать и закрепить нормативно правовые режимы для различных ИР как более сложного по структуре, организации, обслуживанию и защите этого системообразующего объекта информационных правоотношений.

Заключение

Практическое значение классификации ИР по критерию содержания документированной информации позволит теоретически определить особенности правовых режимов различных ИР, что, в свою очередь, даст импульс нормотворческой деятельности, стандартизирует и повысит эффективность правоприменительной деятельности.

Система права и система законодательства, отражая и регулируя общественные отношения, вырабатывает связанные с терминами «информация», «информационные ресурсы» некоторые общие понятия. Тенденции терминологических поисков на данном этапе сводятся скорее к организационно-правовым формам представления информации и детерминации ее жизненного цикла в различных периодах с учетом необходимых сопутствующих информационных процессов: документ, документированная информация, информационные ресурсы, информационные системы, информационные технологии, информационные продукты, доступ к информации. В то же время в теории информационного права находят отражение и более емкие понятия, такие как информационные отношения, информационные технологические процессы, информационное пространство, сфера, среда и т.п.

Полнота правового регулирования информационной сферы может быть достигнута только в том случае, если совокупность информационно-правовых норм и иных юридических средств окажет свое регулятивное воздействие применительно ко всем возможным информационным отношениям, объектами которых будут в том числе и различные виды ИР [20, с. 168].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шалаева, Т.З. Правовой режим информационных ресурсов Республики Беларусь / Т.З. Шалаева // Ученые записки Брест. гос. ун-та. – Брест : Изд-во БрГУ имени А.С. Пушкина, 2005. – Ч. 1. – С. 91–101.
2. Концепция совершенствования законодательства : одобрена Указом Президента Респ. Беларусь, 10 апр. 2002 г., № 205 // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2009.
3. Бачило, И.Л. Информационный ресурс – важнейший фактор развития общества / И.Л. Бачило // Информационные ресурсы развития Российской Федерации: правовые проблемы / А.А. Антопольский [и др.]; отв. ред. И.Л. Бачило / Ин-т гос-ва и права. – М. : Наука, 2003. – 403 с.
4. Официальные Интернет-ресурсы Республики Беларусь / Портал Президента Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа : <http://catalog.gov.by/>. – Дата доступа : 25.02.2013.
5. Общегосударственная автоматизированная информационная система / Единый портал электронных услуг [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа : <http://portal.gov.by/Default.aspx?PageName=About>. – Дата доступа : 25.02.2013.
6. E-Government for the People / Survey 2012 // United Nations E-Government. – New York, [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа : www.unpan.org/e-government. – Дата доступа : 14.02.2013.
7. Руководство по обеспечению доступности Web-контента (WCAG) 2,0 / Рекомендация W3C от 11 дек. 2008 г. с исправл. 19.07.2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://accessibility.ru/docs/WCAG20Russian031109.html>. – Дата доступа : 25.02.2013.
8. Новости / Интернет портал TUT.BY [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.tut.by. – Дата доступа : 14.02.2013.
9. Отчет Департамента информатизации Министерства связи и информатизации Республики Беларусь за 2013 г. // Мин-во связи и информатизации Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://infores.mpt.gov.by/ir/database/stat/>. – Дата доступа : 10.09.2013.
10. Бачило, И.Л. Методология решения правовых проблем в области информационной безопасности / И.Л. Бачило // Информатика и вычислительная техника. – М., 1992. – № 2, 3.
11. Обзор законодательства Респ. Беларусь в сфере информатизации / Национальный Интернет-портал Республики Беларусь // Информационные технологии и право [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=129203>. – Дата доступа : 10.09.2013.
12. Гражданский кодекс Респ. Беларусь : Закон Респ. Беларусь, 7 дек. 1998 г., № 218–3 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2001. – № 2/744.
13. О государственных секретах : Закон Респ. Беларусь, 19 июля 2010 г., № 170–3 // Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа : <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=h10800170&p2={NRPA}>. – Дата доступа : 25.09.2012.
14. О научно-технической информации : Закон Респ. Беларусь, 5 мая 1999 г., № 250–3 // Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=h10800250&p2={NRPA}>. – Дата доступа : 25.09.2012.

15. О средствах массовой информации : Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2008 г., № 427-3 // Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=h10800427&p2={NRPA}>. – Дата доступа : 25.09.2012.

16. О регистре населения : Закон Респ. Беларусь, 21 июля 2008 г., № 418-3 // Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=h10800418&p2={NRPA}>. – Дата доступа : 25.09.2012.

17. Об авторских и смежных правах : Закон Респ. Беларусь, 17 мая 2011 г., № 262-3 // Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=H11100262&p2={NRPA}>. – Дата доступа : 25.09.2012.

18. О нормативных правовых актах : Закон Респ. Беларусь, 10 янв. 2000 г., № 361-3 // Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=h10000361&p2={NRPA}>. – Дата доступа : 25.09.2012.

19. Об информации, информатизации и защите информации : Закон Респ. Беларусь, 10 нояб. 2008 г., № 455-3 // Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=h10800455&p2={NRPA}>. – Дата доступа : 25.09.2013.

20. Шалаева, Т.З. Проблемы становления информационного права // Материалы науч.-практ. конф., Минск, 11–12 марта 2008 г. – Минск, Веды. – С. 167 – 170.

Shalaeva T.Z. Electronic information resources: Content Component – the Basis of Specific Classification

The author of the article carries out an analysis of the current state of Belarusian electronic information resources, their distribution among the country's regions and their thematic focus. The article provides quantitative and qualitative characteristics of state information resources as the principles of forming the Integrated Portal of Electronic services on the basis of a national automated information system. The review and analysis of existing information legislation in the context of establishing types of information, which is presented in the article, has become the basis for the author's classification of information resources according to their contents. The classification of information resources has theoretical and practical significance for establishing specific legal regimes for different types of organized set of documented information that constitutes a definite information resource.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 10.09.2013

НАВУКОВАЕ ЖЫЦЦЁ: РЭЦЭНЗІІ, АНАТАЦЫІ, ВОДГУКІ

ДАСЛЕДАВАННЕ ПА ГІСТОРЫІ ТУРАЎСКА-ПІНСКАЙ ЕПАРХІІ

Mironowicz, A. Biskupstwo turowsko-pińskie w XI–XVI wieku /

A. Mironowicz. – Białystok : Trans Humana, 2011. – 358 s.

Прафесар, доктар габілітаваны, загадчык кафедры гісторыі Цэнтральнай і Усходняй Еўропы Інстытута гісторыі Універсітэта ў Беластоку Антоній Мірановіч з'яўляецца аўтарытэтным вучоным па гісторыі Праваслаўнай царквы ва ўсходнееўрапейскім рэгіёне ў Польшчы і за яе мяжой. Яму належыць аўтарства 30 манаграфій і больш за 250 артыкулаў па гісторыі праваслаўя. Чарговая яго манаграфія на польскай мове прысвечана гісторыі Тураўска-Пінскай епархіі ў XI–XVI стст.

Кніга складаецца з уступа, сямі раздзелаў і бібліяграфіі. Сярод асаблівасцей выдання трэба адзначыць яго багатую базу крыніц, сярод якіх архіўныя і рукапісныя матэрыялы, друкаваныя выданні з архіваў, бібліятэк Беларусі, Расіі, Літвы, Польшчы. Аўтар спасылаецца на здабыткі як расійскай гістарычнай навукі (дарэвалюцыйнай, савецкай, сучаснай, эміграцыйнай), так і польскай, беларускай (савецкай, сучаснай, эміграцыйнай), украінскай, нямецкай, італьянскай гістарыяграфіі. Неабходна адзначыць: ў працы А. Мірановіча ўтрымліваецца цэлы шэраг новых высноў.

У першым раздзеле «Праваслаўная царква на рускіх землях у XI–XIII стст.» з'яўляецца пытанне аб прыняцці і распаўсюджванні хрысціянства. Паводле падлікаў А. Мірановіча, у XII ст. на старажытнарускіх землях функцыянавала больш за 6 тыс. праваслаўных прыходаў, у тым ліку ў гарадах каля 1 тыс. прыходаў і 700 манастырскіх цэркваў. Пры насельніцтве каля 6 млн. чалавек на 1 приход приходзілася прыкладна 1 тыс. чалавек (с. 43).

У другім раздзеле разглядаецца ўзнікненне і гісторыя Тураўскай (Тураўска-Пінскай) епархіі да канца XII ст. Аўтар приходзіць да смелых высноў. Паводле заключэння А. Мірановіча, пачаткам Тураўска-Пінскай епархіі трэба лічыць не 1005 г., як гэта запісана ва ўсіх цяперашніх выданнях (гэтую дату ўвялі ў навуковы зварот Я. Галубінскі, Я. Шчапаў, Ю. Лабынцаў і інш.), а 1088 г. Як лічыць А. Мірановіч, замацаваная раней у гістарыяграфіі дата (1005 г.) была ўзята з 10-й (апошняй) рэдакцыі Кіеўска-Пячэрскага пацерыка, якая перад 1656 г. была зроблена архімандрытам Кіева-Пячэрскай Лаўры Іосіфам Трызнай. Прааналізаваўшы папярэднія рэдакцыі пацерыка, А. Мірановіч устанавіў, што названай даты (1005 г.) там не было (с. 46–47).

Даследчык робіць выснову аб тым, што паданне аб заснаванні епархіі ў Тураве пры кіеўскім князі Уладзіміры была сфабрыкавана ў пачатку XIV ст. Першым цэнтрам Тураўска-Пінскага княства пры князі Святаполку Уладзіміравічу (Акаянным) быў Пінск («Сказанне аб Барысе і Глебе» пацвярджае яго знаходжанне там у 1015–1019 гг.), а пасля яго разарэння ў 1017–1018 гг. цэнтр быў перанесены ў Тураў. Ці не таму, паводле А. Мірановіча, наступнае згадванне Пінска ў пісьмовых крыніцах адносіцца толькі да 1097 г. (с. 51)? Значэнне Турава ўзмацнілася пры кіеўскім князі Усеваладзе Яраславічы, калі тураўскі ўдзел атрымаў Святаполк Ізяслававіч. Ускосна факт адсутнасці ўласнай епархіі пры княжанні Святаполка пацвярджаецца прыбыццём і дзейнасцю лацінскага біскупа Рэйнберна, які быў у абозе польскага караля Баляслава Харобрага. Палітычная самастойнасць садзейнічала выхаду тураўскага ўдзелу з-пад юрысдыкцыі ўладзімірскіх епіскапаў і станаўленню самастойнай епархіі.

А. Мірановіч не пагаджаецца з М. Шэлехам, аўтарам кнігі пра Давыд-Гарадок (Шэлехаў, М.У. Давыд-Гарадок. Час і людзі / М.У. Шэлехаў. – Брэст : Упр. па друку Брэсц. аблвыканкама, 2000. – 304 с.), што гэты населены пункт быў заснаваны Давы-

дам Ігаравічам, калі ён кіраваў у 1078–1081 гг., бо ў той час у Тураўскім княстве была даволі складаная палітычная сітуацыя (с. 63). Давыд-Гарадок быў заснаваны каля 1100 г.

На думку А. Мірановіча, пра самастойнае Пінскае княства можна гаварыць толькі з 1166 г. Менавіта тады Тураў страціў сваё палітычнае і эканамічнае значэнне і галоўную ролю на Палессі пачаў выконваць Пінск (с. 81). Нягледзячы на тэрытарыяльныя страты, у XII ст. Тураўская епархія перажывала развіццё ўнутранай структуры: закладаліся новыя манастыры і прыходы.

З-за адсутнасці крыніц імёны тураўскіх епіскапаў перыяду 1088–1114 гг. засталіся невядомымі. Першым епіскапам быў манах з Кіева-Пячэрскай Лаўры. Аўтар манаграфіі ўстанавіў імёны і прывёў пэўную інфармацыю пра, магчыма, першых епіскапаў. З 1114 да 1120 г. епіскапскую кафедру ўзначальваў Кірыла (с. 90). Паводле «Слова аб манаху Марціне», пасля Кірыла тураўскімі епіскапамі былі Сімяон і Ігнацій. Першая пацверджаная крыніцамі інфармацыя пра існаванне закладзенай у 1088 г. епархіі ў Тураве адносіцца толькі да 1144 г., калі епіскапам стаў Іаахім (1144–1156 гг.). Менавіта тураўскі епіскап Іаахім у 1147 г. удзельнічаў у саборы епіскапаў, на якім кіеўскім мітрапалітам быў выбраны «русін» Клімент Смалыціч (1147–1156 гг.).

Даволі змястоўная інфармацыя прыведзена пра славутага Кірылу Тураўскага. Згодна А. Мірановічу, выдатны асветнік нарадзіўся каля 1110 г., памёр перад 1190 г. Дзякуючы добрай хатняй адукацыі Кірыла пазнаёміўся з візантыйскай культурай, агіяграфічнай літаратурай. Вылучаўся сярод іншых сваім красамоўствам, талентам, ведамі і працавітасцю. Пры тураўскім князі Юрыі Яраславічы, прыхільніку аддалення ад Кіева, угаварылі манаха-«стоўпніка» Кірылу ў 1158 г. стаць тураўскім епіскапам. Праўда, у дадатку, ў асобнай табліцы, пачатак епіскапства К. Тураўскага памылкова пазначаны 1175 г. (с. 340). На епіскапскую кафедру Кірыла быў пасвечаны кіеўскім мітрапалітам Канстанцінам (грэкам). «Выбар Кірылы, што паходзіў з мясцовага манастыра, быў нечым выключным, бо большасць ранейшых епіскапаў паходзіла з Кіева-Пячэрскай Лаўры. На такое рашэнне паўплывала не толькі палітыка тураўскага князя, але і слава самога Кірылы як выдатнага тэолага і прамоўцы» (с. 92). Аднак пасля смерці яго пакраўіцеляў – мітрапаліта Канстанціна і тураўскага князя Юрыя у 1182 г. Кірыла пакінуў епіскапскую кафедру і перайшоў у мясцовы манастыр Св. Мікалая, а ў апошнія гады – у Барысаглебскі манастыр у Тураве. У манаграфіі таксама прыведзены аргументы на карысць адной з версій пахавання епіскапа Кірылы Тураўскага (памёр каля 1190 г.; у сваю чаргу даследчык А. Мельнікаў лічыць, што гэта адбылося пасля 1190 г.) каля капліцы на могілках Барысаглебскага манастыра ў Тураве.

Аўтарам манаграфіі зроблена спроба ўстанавіць час кананізацыі К. Тураўскага. Паводле меркавання А. Мірановіча, гэта здзейснілася пры пераемніку славутага асветніка на тураўскай епіскапскай кафедры – епіскапе Лаўрэнціі (1182–1194 гг.). Хоць у крыніцах пасля Лаўрэнція (г.зн. з 1194 г.) не пазначаны імёны тураўскіх епіскапаў да 1390 г., аднак даследчык усё-такі здолеў назваць імёны 25 епіскапаў (пераважна без указанняў гадоў іх кіравання).

Трэці раздзел працы прысвечаны стану Тураўска-Пінскай епархіі ў XIII–XV стст. Аўтар дапускае, што першым літоўскім мітрапалітам, імя якога не захавалася ў актах патрыяршага сіноду 1317 г., быў уладыка грэчаскага паходжання. Упершыню імя літоўскага мітрапаліта Феафіла згадана ў 1327 г. (с. 116). Тэрытарыяльная прыналежнасць Тураўска-Пінскага княства да ВКЛ прадвызначыла знаходжанне мясцовай епархіі пад юрысдыкцыяй літоўскіх мітрапалітаў.

У манаграфіі высвятляюцца прычыны арганізацыйнай блытаніны ў царкоўнай структуры XIV ст., на што паўплывалі як геапалітычныя інтарэсы ВКЛ, Польшчы, Рускай дзяржавы, так і імкненні галіцкіх, кіеўска-маскоўскіх, літоўскіх мітрапалітаў пашырыць свой уплыў. Гэта прывяло да змены не толькі статусу Тураўска-Пінскай епар-

xii, але і яе тэрыторыі. У другой палове XV ст. у яе ўваходзілі пераважна землі Тураўскага, Пінскага, Гарадзецкага і Дубровіцкага княстваў (с. 137).

У чацвёртым раздзеле разглядаюцца рэлігійнае і культурнае жыццё ў Тураўскай епархіі да канца XV ст. Аналізуючы шматлікія помнікі матэрыяльнай культуры Тураўскага княства, аўтар прыходзіць да высновы, што яго жыхары прынялі хрысціянскую рэлігію на працягу XI ст. (с. 156). У гэтай частцы манаграфіі прааналізаваны ход царкоўнага будаўніцтва ў Тураве і Пінску, расказваецца пра ікону Маці Боскай Купяціцкай, разглядаецца творчасць К. Тураўскага, «Слова аб манаху Марціне» і іншыя значныя творы, асобы. Разам з Туравам у XII ст. цэнтрам летапісання быў і Пінск. Таксама зроблена выснова аб тым, што менавіта старажытнаруская іканаграфія нарадзілася ў часы кіеўскіх мітрапалітаў Кіпрыяна і Грыгорыя Цамблакаў. Аўтар падкрэслівае значны ўклад выхадцаў Тураўска-Пінскай епархіі ў станаўленне Супрасльскага манастыра. Васіліса, сястра пінскага князя Фёдора Яраславіча, была жонкай берасцейскага старасты, новагародскага ваяводы, маршалка ВКЛ Аляксандра Хадкевіча, які аказваў матэрыяльную падтрымку пры ўзвядзенні Дабравешчанскай царквы Супрасльскага манастыра, апекавалася выхадцамі з Піншчыны. Паводле А. Мірановіча, Багдан Анісімавіч з Пінска рэдагаваў шэдэўр праваслаўнай музычнай культуры – «Супрасльскі ірмалагіён».

Пяты раздзел працы прысвечаны гісторыі Тураўска-Пінскай епархіі ў XVI ст. На падставе архіўных крыніц і апублікаваных матэрыялаў XIX–XX стст. праведзена рэканструкцыя арганізацыйнай структуры Тураўска-Пінскай епархіі – выдзелены 12 благачынняў: Пінскае, Драгічынскае (Давячоравічы), Бездзежскае, Лагішынскае, Любяшоўскае, Нобельскае, Пагостскае, Столінскае, Гарадзецкае (Давыд-Гарадок), Тураўскае, Петрыкаўскае, Дубровіцкае (с. 222). У самім Пінску ў сярэдзіне XVI ст. было 16 цэркваў, 2 манастыры: жаночы Варварынскі і мужчынскі Лешчанскі. Прасочваецца гісторыя ўсіх гэтых праваслаўных святынь (с. 224–239). Таксама асвятляецца гісторыя цэркваў па ўсіх благачыннях епархіі.

У шостым раздзеле зроблены аналіз дзейнасці манастыроў на тэрыторыі Тураўска-Пінскай епархіі. Даследчык паставіў пад сумненне сцвярджэнні некаторых гісторыкаў (у прыватнасці, А. Мілавідава), што ў 1420 г. на тэрыторыі епархіі, якая да таго часу значна зменшылася, было 49 манастыроў. А. Мірановічам прыведзены дакументальна пацверджаныя звесткі пра 14 манастыроў у Пінску, Тураве, Петрыкаве, Купяцічах, Здзітаве, Клецку і іншых населеных пунктах.

У заключным, сёмым раздзеле манаграфіі прааналізавана становішча Тураўска-Пінскай епархіі ў канцы XVI ст., раскрыта яе значэнне ў гісторыі Праваслаўнай царквы ў складзе Рэчы Паспалітай. У выніку аналізу канфесійнага становішча пасля Брэсцкай царкоўнай уніі 1596 г. аўтар прыходзіць да высновы аб тым, што ў першыя гады пасля яе заключэння большая частка епархіі заставалася праваслаўнай. Хоць тураўска-пінскі епіскап Іаан Гогаль далучыўся да уніі, але яго падтрымала толькі невялікая частка духавенства. Супраць уніяцтва выступіла большая частка духавенства, асабліва з праваслаўных манастыроў (Лешчанскага манастыра ў Пінску і іншых). Актыўную антыўніяцкую пазіцыю заняло духавенства тых прыходаў, якія знаходзіліся ва ўладаннях праваслаўных магнатаў Алелькавічаў, Астрожскіх ці кальвіністаў Радзівілаў. Падзелы ў асяроддзі ніжэйшага духавенства былі звязаны з канфесійнай прыхільнасцю землеўладальнікаў: супраць уніі выступіла палеская праваслаўная шляхта, мяшчанства, прадстаўнікі царкоўных брацтваў. Сялянства не мела акрэсленай пазіцыі адносна уніі. Аўтар манаграфіі падтрымлівае іншых даследчыкаў адносна таго, што кансерватызм і рэлігійная індэферэнтнасць сялянства была вынікам уплыву ладу і светапогляду шляхецкіх слаёў (с. 279).

Як справядліва лічыць А. Мірановіч, ацэнка ролі Тураўска-Пінскай епархіі неабходна для разумення канфесійнай і этнакультурнай тоеснасці беларускага народа.

«Ніяк нельга ўявіць гісторыю беларускай культуры без спадчыны Кірылы Тураўскага, культу Купяціцкай іконы, укладу ў культурна-рэлігійную спадчыну Лешчанскага манастыра, спевакоў і ікананісцаў з Пінска і Турава ці дзейнасці такіх фігур, як Фёдар Іванавіч Яраславіч, Сямён Алелькавіч і Канстанцін Астрожскі» (с. 284).

Практычную значнасць маюць дадаткі манаграфіі: табліцы са спісамі кіеўскіх мітрапалітаў з указаннем гадоў кіравання за перыяд з 988 да 1596 г., львоўскіх мітрапалітаў (1317–1347, 1350–1435 гг.), галіцкіх мітрапалітаў (1303–1331 і 1371–1391 гг.). Асабліва каштоўным падаецца прыведзены спіс тураўска-пінскіх епіскапаў (1088–1596 гг.), а таксама тураўскіх князёў X–XII стст. У табліцы «Прыходская структура Тураўска-Пінскай епархіі ў канцы XVI ст.» прыведзены звесткі па кожным благачынні. Каб чытачу было зручней знайсці ў тэксце згадкі пра пэўную асобу ці мястэчка, прыведзены асабовы і геаграфічны паказальнікі.

Трэба падкрэсліць важную рысу даследавання прафесара А. Мірановіча, аб чым узгадаў на вокладцы кнігі мітрапаліт Польскай Праваслаўнай царквы Сава: аб'ектыўнасць, нейтральнасць пры разглядзе праблем, спрэчных і далікатных з рэлігійнага пункту гледжання. Дарэчы, сам аўтар не лічыць сваю манаграфію поўным выкладам гісторыі Тураўска-Пінскай епархіі XI–XVI стст., але перакананы ў тым, што яна будзе спрыяць далейшым даследаванням (с. 14). Мяркуем, што дадзенае наватарскае навуковае даследаванне па гісторыі адной са старажытных праваслаўных епархій заслугоўвае пільнай увагі з боку як свецкіх даследчыкаў (гісторыкаў, культуролагаў), выкладчыкаў, студэнтаў, так і свяшчэннаслужыцеляў.

Вабішчэвіч А.М., доктар гістарычных навук,
загадчык кафедры гісторыі славянскіх народаў
Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

ЗВЕСТКІ АБ АЎТАРАХ

Абухоўская А.А. – старшы выкладчык кафедры замежных моў эканамічных спецыяльнасцей Брэсцкага дзяржаўнага тэхнічнага ўніверсітэта

Ангельскі У.М. – магістр гістарычных навук, аспірант 3 года навучання кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Багдасаран А.М. – кандыдат эканамічных навук, дацэнт кафедры фінансаў і крэдыта Нацыянальнага аграрнага ўніверсітэта Арменіі

Буракоў В.М. – кандыдат гістарычных навук, старшы выкладчык кафедры гісторыі і культуры Беларусі Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. Куляшова

Вабішчэвіч А.М. – доктар гістарычных навук, загадчык кафедры гісторыі славянскіх народаў Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Васіленка М.Д. – доктар фізіка-матэматычных навук, прафесар кафедры права Еўрапейскага саюза і параўнальнага правазнаўства Адэскай нацыянальнай юрыдычнай акадэміі (Украіна)

Гаўрылавец Л.У. – метадыст вышэйшай катэгорыі аддзела метадычнага забеспячэння гісторыка-грамадазнаўчай і сацыякультурнай адукацыі Нацыянальнага інстытута адукацыі Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь

Зайцава Н.І. – старшы выкладчык кафедры эканомікі і кіравання Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Захарчанка Л.А. – кандыдат эканамічных навук, дацэнт кафедры эканамічнай тэорыі Брэсцкага дзяржаўнага тэхнічнага ўніверсітэта

Здановіч К.У. – аспірант 1 года дзённай формы навучання кафедры экалагічнага і аграрнага права Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Казінец М.Ц. – кандыдат эканамічных навук, дацэнт кафедры эканомікі і кіравання Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Карповіч А.В. – асістэнт кафедры сацыяльна-палітычных і гістарычных навук Брэсцкага дзяржаўнага тэхнічнага ўніверсітэта

Касперовіч Ю.А. – аспірант 2 года навучання кафедры менеджмента Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, малодшы навуковы супрацоўнік Навукова-даследчага эканамічнага інстытута Міністэрства эканомікі Рэспублікі Беларусь (Рэгіянальны цэнтр па Брэсцкай вобласці)

Крывуць В.І. – кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры сацыяльна-гуманітарных дысцыплін Баранавіцкага дзяржаўнага ўніверсітэта

Лаўрэнка Л.В. – аспірант 3 года навучання кафедры гісторыі славянскіх народаў Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Маліноўская Э.Л. – магістр гуманітарных навук, дырэктар музея гісторыі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Мядзведзева Г.Б. – кандыдат эканамічных навук, дацэнт кафедры эканамічнай тэорыі Брэсцкага дзяржаўнага тэхнічнага ўніверсітэта

Нарыжная А.П. – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры правазнаўства Беларускага гандлёва-эканамічнага ўніверсітэта спажывецкай кааперацыі

Паўлаў У.П. – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры гісторыі права і гуманітарных дысцыплін Міжнароднага ўніверсітэта МПСА Федэрацыі прафсаюзаў Беларусі

Салавей А.В. – выкладчык кафедры крымінальна-прававых дысцыплін Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Станчык К.С. – аспірант кафедры канстытуцыйнага права Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы

Стралец М.В. – доктар гістарычных навук, прафесар кафедры сацыяльна-палітычных і гістарычных навук Брэсцкага дзяржаўнага тэхнічнага ўніверсітэта

Тараборын Р.С. – кандыдат юрыдычных навук, дацэнт, загадчык кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права Уральскага інстытута Расійскай акадэміі народнай гаспадаркі і дзяржаўнай службы пры Прэзідэнце Расійскай Федэрацыі (г. Екацерынбург)

Увараў І.Ю. – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры «Паліталогія і гісторыя» Гомельскага дзяржаўнага тэхнічнага ўніверсітэта імя П.В. Сухога

Уласюк Ю.А. – кандыдат эканамічных навук, дацэнт кафедры сусветнай эканамікі, маркетынга і інвестыцый Брэсцкага дзяржаўнага тэхнічнага ўніверсітэта

Шалаева Т.З. – кандыдат юрыдычных навук, дацэнт кафедры грамадзянска-прававых дысцыплін Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Шаркова А.А. – суіскальнік кафедры крымінальна-выхаваўчага права Акадэміі Міністэрства ўнутраных спраў Рэспублікі Беларусь, выкладчык Вучэбнага цэнтра Міністэрства ўнутраных спраў Рэспублікі Беларусь

Шонія І.І. – магістрант дзённай формы навучання Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Юрыс С.А. – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дэкан факультэта давузаўскай падрыхтоўкі Гомельскага дзяржаўнага тэхнічнага ўніверсітэта імя П.В. Сухога

Да ведама аўтараў

Рэдкалегія часопіса разглядае рукапісы толькі тых артыкулаў, якія адпавядаюць навуковаму профілю выдання, нідзе не апублікаваныя і не перададзеныя ў іншыя рэдакцыі.

Матэрыялы прадстаўляюцца на беларускай ці рускай мове ў двух экзэмплярах аб'ёмам ад 0,35 да 0,5 друкаванага аркуша, у электронным варыянце – у фармаце Microsoft Word for Windows (*.doc; *.rtf) і павінны быць аформлены ў адпаведнасці з наступнымі патрабаваннямі:

- папера фармата А4 (21×29,7 см);
- палі: зверху – 2,8 см, справа, знізу, злева – 2,5 см;
- шрыфт – гарнітура Times New Roman;
- кегль – 12 pt.;
- міжрадковы інтэрвал – адзінары;
- двукоссе парнае «...»;
- абзац: водступ першага радка 1,25 см;
- выраўноўванне тэксту па шырыні.

Максімальныя лінейныя памеры табліц і малюнкаў не павінны перавышаць 15×23 см або 23×15 см. Усе графічныя аб'екты, якія ўваходзяць у склад аднаго малюнка, павінны быць згрупаваны паміж сабой. Фатаграфіі ў друк не прымаюцца. Размернасць усіх велічынь, якія выкарыстоўваюцца ў тэксце, павінна адпавядаць Міжнароднай сістэме адзінак вымярэння (СВ). Пажадана пазбягаць скарачэнняў слоў, акрамя агульнапрынятых. Спіс літаратуры павінен быць аформлены паводле Інструкцыі па афармленні дысертацыі, аўтарэферата і публікацый па тэме дысертацыі, зацверджанай пастановай Прэзідыума Дзяржаўнага вышэйшага атэстацыйнага камітэта Рэспублікі Беларусь ад 24.12.1997 № 178 (у рэдакцыі пастановы Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 22.02.2006 № 2, ад 15.08.2007 № 4). Спасылкі на крыніцы ў артыкуле нумаруюцца адпаведна парадку цытавання. Парадкавыя нумары спасылак падаюцца ў квадратных дужках (напрыклад, [1, с. 32], [2, с. 52–54]). Не дапускаецца выкарыстанне канцавых зносак.

Матэрыял уключае наступныя элементы па парадку:

- індэкс УДК (выраўноўванне па левым краі);
- ініцыялы і прозвішча аўтара (аўтараў) (выдзяляюцца паўтлустым шрыфтам і курсівам;

выраўноўванне па левым краі);

- назва артыкула (друкуецца вялікімі літарамі без пераносаў; выраўноўванне па левым краі);
- анатацыя ў аб'ёме ад 100 да 150 слоў на мове артыкула (кегль – 10 pt.);

➤ звесткі аб навуковым кіраўніку (для аспірантаў і саіскальнікаў) указваюцца на першай старонцы артыкула ўнізе;

➤ асноўны тэкст, структураваны ў адпаведнасці з патрабаваннямі ВАК да навуковых артыкулаў, якія друкуюцца ў выданнях, уключаных у Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў (Уводзіны з пастаўленымі мэтай і задачамі; Асноўная частка, тэкст якой структуруецца падзагалоўкамі (назва раздзела «Асноўная частка» не друкуецца); Заключэнне, у якім сцісла сфармуляваны асноўныя вынікі даследавання, указана іх навізна);

➤ спіс літаратуры;

➤ рэзюмэ на англійскай мове (да 10 радкоў, кегль – 10 pt.): назва артыкула, прозвішча і ініцыялы аўтара/аўтараў, тэзісны пераказ зместу артыкула; у выпадку, калі аўтар падае матэрыял на англійскай мове, рэзюмэ – на рускай ці беларускай.

Да рукапісу артыкула абавязкова дадаюцца:

➤ звесткі пра аўтара на беларускай мове (прозвішча, імя, імя па бацьку поўнаасцю, вучоная ступень і званне, месца працы (вучобы) і пасада, паштовы і электронны адрасы для перапіскі і кантактныя тэлефоны);

➤ выпіска з пратакола пасяджэння кафедры, навуковай лабараторыі ці ўстановы адукацыі, дзе працуе/вучыцца аўтар, завераная пячаткаю, з рэкамендацыяй артыкула да друку;

➤ рэцэнзія знешняга ў адносінах да аўтара профільнага спецыяліста з вучонай ступенню, завераная пячаткаю;

➤ экспертнае заключэнне (для аспірантаў і дактарантаў).

Рукапісы, аформленыя не ў адпаведнасці з выкладзенымі правіламі, рэдкалегіяй не разглядаюцца.

Аўтары нясуць адказнасць за змест прадстаўленага матэрыялу.

Карэктары *А.В. Дзябёлая, Л.М. Калілец*

Камп'ютарнае макетаванне *С.М. Мініч, Г.Ю. Пархац*

Падпісана ў друк 01.11.2013. Фармат 60×84/8. Папера афсетная.

Гарнітура Таймс. Рызаграфія. Ум. друк. арк. 23,02. Ул.-выд. арк. 20,34.

Тыраж 100 экз. Заказ № 351.

Выдавец і паліграфічнае выкананне: УА «Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна».

Пасведчанне аб рэгістрацыі № 1/55 ад 14.10.2013.

224016, г. Брэст, вул. Міцкевіча, 28.